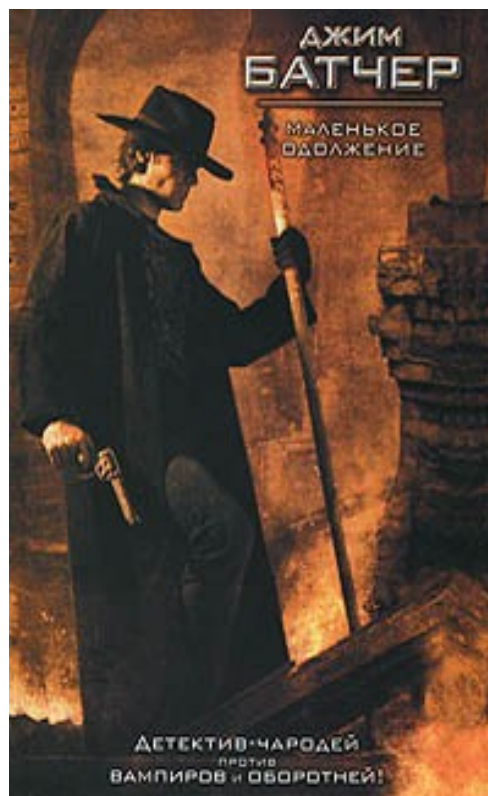

Джим Батчер

Маленькое одолжение

Аннотация

*На этот раз Гарри, похоже, ввязался в действительно опасную игру.
Кто-то убивает одну за другой ведьм города - даже самых слабых и неумелых.
Почему таинственный преступник щадит колдунов-мужчин, но планомерно уничтожает владеющих магическим даром женщин?
Возможно, потому, что колдовской дар передается по наследству только по материнской линии?
Логика подсказывает: за убийствами стоят вампиры.
Но истина и логика совпадают, увы, далеко не всегда.
Гарри уверен: все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд.*

Джим Батчер

Маленькое одолжение

Как водится, благодарности заслуживает целая уйма народа: в первую очередь, моя семья, которой приходится мириться с моим нарастающим по мере приближения срока сдачи безумием; мой агент, Дженн, которой приходится извиняться перед моим издателем, когда я опаздываю со сдачей; и мой издатель, Энн, которой в свою очередь приходится извиняться за это перед своими боссами. Ну, и еще Бета Асилум, которой то и дело пугают моих детей. Психи, в общем.

На этот раз я просто обязан добавить в список несколько новых лиц: местных и заходящих игроков в «НИРО-Центре», которым хватало терпения во время своих ролевых игр и прочего махалова огибать меня, добивавшего в углу последние главы «Маленького Одолжения».

Глава ПЕРВАЯ

Зима в том году наступила рано; я мог бы сообразить, что это неспроста.

Снежок, описав в воздухе дугу, угодил точнехонько в рот моей ученице. Поскольку она в описываемый момент нараспев читала нечто вроде мантры, у нее оказался полный рот мороженой благодати. Возможно, это потрясло ее немного сильнее, чем потрясло бы подавляющее большинство людей — с учетом обилия контактировавшего со снегом пирсинга. А может, и не больше.

Молли Карпентер пробормотала что-то, отплевывая снег, и окружавшая ее детвора разразилась веселым смехом. Высокая, светловолосая, крепко сложенная, в джинсах и теплой зимней куртке, Моли хорошо смотрелась на снегу, только нос и щеки покраснели чуть сильнее, чем обычно.

— Концентрация, Молли! — напомнил я, прилагая все усилия к тому, чтобы не засмеяться. — Не теряй концентрации! Еще раз!

Дети — ее младшие братья-сестры — немедленно принялись лепить новый боезапас. Задний двор Карпентеров уже лишился изрядной части снежного покрытия, а по обе стороны его выросли на расстоянии десятка футов друг от друга две невысокие крепостные стены. Молли, поживаясь, стояла аккуратно посередине и буравила меня недовольным взглядом.

— Не может быть таких уроков, — произнесла она, выплюнув остаток снега. — Вы это нарочно делаете, чтобы надо мной издеваться, Гарри.

Я улыбнулся ей и взял снежок у маленькой Хоуп, явно назначившей себя моим оруженосцем. Серьезно поблагодарив малышку, я несколько раз подбросил снежок на ладони.

— Ерунда, — отозвался я. — Очень полезное упражнение. Или ты хочешь перейти сразу к пулям?

Молли еще раз испепелила меня взглядом, потом сделала глубокий вдох, немного набычилась и подняла левую руку с растопыренными пальцами. Она снова забормотала что-то себе под нос, и я ощутил, как сгустились вокруг нее магические энергии, укрыв ее от надвигающегося града снежков невидимым барьером.

— Готовсь! — крикнул я. — Цельсья!

Все без исключения присутствующие (я тоже) открыли огонь, не успев договорить слово «цельсья», и на Молли обрушился новый залп. Кидали все — от старшего, семнадцатилетнего Дэниела, и до младшего, Гарри, который и метиться-то еще не умел толком, зато снежки лепил такие, что едва мог оторвать от земли.

Снежки ударили в Моллин щит, и первые два разлетелись в пыль. Зато остальные прорвали ее оборону, превратив ее на несколько секунд в небольшой, очень симпатичный сугроб. Маленький Гарри подбежал к ней, двумя руками сунул ей в живот свой снежок и торжествующе завизжал.

— Огонь! — запоздало крикнул я.

Молли плюхнулась попой в снег, отплеваясь еще немного и от души расхохоталась. Гарри и Хоуп полезли ей на голову, после чего занятие по оборонительной магии окончательно превратилось в обыкновенную кучу малу, причем все ее участники пытались запихать как можно больше снега всем без разбора за шиворот. Я стоял, с ухмылкой глядя на это побоище, а спустя минуту рядом со мной остановилась и их мать.

Молли во многом пошла в Черити Карпентер, в особенности цветом волос и сложением. Мы с Черити редко общаемся — вообще почти не общаемся — но в этот вечер она вместе со мной смеялась, глядя на своих детей.

— Добрый вечер, мистер Дрезден, — негромко произнесла она.

— Добрый вечер, Черити, — с улыбкой отозвался я. — Такое у вас часто?

— В первый снегопад — обязательно, — кивнула она. — Правда, обычно это случается

позже, ближе к Рождеству, а не на Хэллоуин.

Я еще немного посмотрел на детскую возню. Хотя Молли быстро выросла, при первой возможности она легко впадала в детство, и я относился к этому одобрительно.

Я ощутил на себе необычно пристальный взгляд Черити и оглянулся на нее, вопросительно изогнув бровь.

— Вы ведь не играли в снежки с родными, правда? — тихо спросила она.

Я мотнул головой и повернулся обратно к детям.

— У меня и семьи не было, — ответил я. — Ну, в школе затевали иногда, но учителя не разрешали. И потом, чаще всего остальные просто использовали это как повод поиздеваться надо мной. Есть все-таки разница.

Черити кивнула и тоже повернулась к детям.

— Дочь. Как у нее дела?

— Думаю, ничего, — сказал я. — Правда, она способнее в тех областях, где я так себе... и наоборот. Боевым чародеем, во всяком случае, ей не бывать.

Черити нахмурилась.

— Почему вы так думаете? Считаете, она недостаточно сильна?

— Сила не имеет к этому ни малейшего отношения. Просто ее способности не слишком этому способствуют.

— Не понимаю.

— Ну, она сильна по части всяких тонкостей. Всяких точных штучек. Ее умение управляться с точной, чувствительной магией уже вызывает у меня зависть и продолжает расти. Но эта же чувствительность означает, что в реальном бою у нее могут возникнуть проблемы психологического характера. Ну, и справляться с физическими объектами ей тоже непросто.

— Вроде этих снежков? — спросила Черити.

— Снежки — удачный материал, — сказал я. — Не наносят никакого ущерба... ну, не считая гордости.

Черити кивнула, хмурясь.

— Но вы ведь не на снежках учились, нет?

Не могу сказать, чтобы воспоминания о моем первом уроке оборонительной магии от Джастина ДюМорна относились к самым моим любимым.

— На бейсбольных мячах.

— Боже милосердный, — покачала головой Черити. — Сколько вам тогда было?

— Тринадцать, — я пожал плечами. — Боль хорошо стимулирует. Я быстро выучился.

— Но мою дочь вы этим способом учить не хотите, — заметила Черити.

— К чему спешить?

Восторженные визги детей смолкли, сменившись шепотом, и я подмигнул Черити. Она перевела взгляд с детей на меня и снова улыбнулась.

— Ну! — выкрикнула Молли, и град снежков обрушился на этот раз на меня.

Я поднял левую руку и выстроил щит в виде широкого, плоского диска. Пули таким не остановить, да и бейсбольные мячи не очень, но для снежков такой в самый раз. Один за другим разбивались они о защитное поле, оставляя на невидимом щите только бледно-голубые вспышки.

Если детей это и огорчило, смеялись они от этого не меньше.

— Ха! — вскричал я и торжествующе вскинул руку вверх.

И тут стоявшая за моей спиной Черити сунула мне за шиворот ветровки пригоршню снега.

Я взвыл, когда ледяной холод обжег мне позвоночник, и заплясал на месте, пытаюсь вытрясти его из-под одежды. Дети отозвались на это новым взрывом восторга, принялись швыряться снежками по чему попало, и во всем этом визге и возбуждении я не соображал, что на нас напали, пока не погасли огни.

Весь квартал погрузился в темноту: погасли лампы, освещавшие двор Карпентеров,

свет во всех окрестных домах и уличные фонари — все разом погасло. Только неверный призрачный свет отражался от снега, разом удлинив все тени в несколько раз. В нос ударила вонь — что-то среднее между скунсовой струей и бочкой тухлых яиц.

Я рывком выхватил из висевшего под плащом чехла свой жезл.

— В дом их, быстро! — бросил я Черити.

— Тревога! — объявила Черити гораздо более спокойным голосом, чем это удалось бы мне. — Все в убежище, как на тренировке.

Дети еще не успели тронуться с места, когда из снега вынырнуло трое тварей, каких я не видел еще ни разу. Впрыск адреналина в кровь словно замедлил время, и мне казалось, у меня есть целых полчаса на то, чтобы их разглядеть.

Роста они были не то, чтобы слишком уж высокого, футов пяти с полтиной, но мускулистые, с длинным белым мехом. Головы у них сошли бы за бараньи, только рога не круглились назад, а изгибались вперед на манер бычьих. Ноги с копытцами забавно топырились коленками назад, и перемещались они не бегом, а серией скачков. Но ускорение они набирали покруче «Чикаго Буллз», из чего следовало, что я имею дело с обладателями сверхъестественной силы.

Впрочем, если подумать, я не припомню, когда я в последний раз имел дело с кем-либо, у кого этой сверхъестественной силы не имелось бы — вот вам обратная сторона нашего чародейского ремесла. То есть, некоторые твари сильнее других, но моему многострадальному котелку, в общем-то, все равно, может ли какой-нибудь паранормальный мордоворот плющить локомотивы, или просто холодильниками швыряется.

Я нацелил свой жезл в скакавшего первым какеготам, и тут краем глаза увидел, как откуда-то сверху свалился и с мягким стуком разбился о землю у самых моих ног большой ком снега.

Я упал вперед, перекатился через плечо и вскочил на ноги уже в стороне от этого места — как раз вовремя, чтобы четвертый какеготам, ненароком стряхнувший с ветки снег, спрыгнул с домика на дереве, который построил для детей Майкл, не мне на спину. Тот хлопнулся в снег и испустил злобный, клокочущий рык.

Я не стал тратить на этого подлого гада лишнего времени. Я просто вскинул жезл и выкрикнул: — *Fuego!*

Огненная струя толщиной в руку сорвалась с конца моего жезла и хорошенько поджарила верхнюю часть туловища этой твари. Та часть огня, что промахнулась мимо цели, расплавила снег вокруг него — судя по виду причиндалов, болтавшихся у какеготам между ног, струя пара доставила ему не меньше острых ощущений, чем сам огонь.

Какеготам полетел на землю, и мне оставалось только надеяться на то, что он недостаточно хитер, чтобы притворяться: младшие Карпентеры визжали у меня за спиной.

Я резко развернулся, вскинул жезл, но выстрелить не смог из боязни задеть своих. Одна из этих белошерстных тварей гналась за Дэниелом, старшим из Моллиных братьев. Тот уже начал выдыхаться: бежал он, таща за шиворот маленького Гарри и Хоуп, двоих младших.

Он добежал до двери, когда от твари его отделяло меньше десяти футов. Какеготам опустил рогатую башку, готовясь к атаке. Дэниел ворвался в дом и пяткой, не сбавляя хода, захлопнул за собой дверь. Тварь с разбега врезалась в нее рогами.

Я как-то не обращал внимания прежде на то, что Майкл поставил у себя стальные, облицованные деревом двери, такие же, как у меня. Обычную, деревянную дверь эта тварь, должно быть, разнесла бы в пыль. В железной она только оставила рогами вмятину глубиной в добрый фут.

И тут же, испустив полный боли вопль, отпрянула назад. От рогов повалил густой дым, и она панически заколотила по ним передними лапами... или, скорее, трехпальными руками. На свете не так много тварей, реагирующих на железо подобным образом.

Оставшиеся два какихтама тем временем разделились. Один гнался за Черити, которая схватила маленькую Аманду и со всех ног бежала к мастерской, в которую Майкл переоборудовал стоявший отдельно гараж. Другая преследовала Молли, гнавшую перед

собой Алисию и Мэттью.

Времени на то, чтобы помочь обеим группам, у меня не оставалось — и уж совсем его не было на размышления, кому помогать в первую очередь.

Я повернул жезл в сторону твари, догонявшей Черити, и как мог постарался уменьшить диаметр огненной струи. Разряд угодил какеготаму в поясницу и сбил его с копыт. Он отлетел в сторону, грянулся о стену мастерской, и это позволило Черити с дочерью проскользнуть в дверь.

Я повернулся ко второй твари, но еще в движении понял, что не успею. Опустив рога, тварь догнала Молли с близнецами прежде, чем я успел прицелиться.

— Молли! — заорал я.

Моя ученица схватила Алисию и Мэттью за руки, выдохнула одно-единственное слово, и все трое исчезли.

Какеготам пронесся по месту, где они только что находились, и что-то, чего я не видел, подставило ему подножку, от которой тот не полетел кувырком, но упал на четвереньки. Он крутанулся на месте, взвихрив снег, и я испытал неожиданный приступ гордости за свою ученицу. Может, Кузнечик и не научилась еще выстраивать мало-мальски приличный щит, но по сравнению с ее завесами другие казались прямо-таки старомодными, и самообладания и концентрации она в этой критической ситуации тоже не потеряла.

Тварь затормозила, покрутила башкой и увидела удлиняющуюся на глазах цепочку следов на снегу. Она испустила еще один дикий, неземной какой-то вопль, ринулась вдогонку, и я не осмелился разить ее огнем — во всяком случае, пока на линии огня находился дом Карпендеров. Поэтому я вскинул правую руку и разрядил в какеготам энергию одного из моих заряженных колец.

Невидимый вихрь ударил его под колени с такой силой, что он опрокинулся навзничь, хорошо приложившись о землю своим то ли бараньим, то ли козлиным затылком. Следы на снегу тем временем устремились вокруг дома, к парадному входу — Молли наверняка сообразила, что открыть погнутую стальную дверь трудно, если не невозможно. На меня снова накатила волна гордости...

...которая быстро схлынула, когда какеготам, все это время притворявшийся убитым за моей спиной, с силой топившегося серой и тухлыми яйцами паровоза врезался мне в поясницу.

Рога у него оказались острее некуда, и больно было как черт знает что, но заговоренная кожаная ветровка сдержала удар, не позволив им пропороть меня насквозь. Тем не менее, удар выбил из меня дух и швырнул лицом в снег. На секунду все смешалось, а когда я вновь обрел способность соображать, эта тварь уже вцепилась мне в загривок своими когтями. Я перекатился на спину и незамедлительно получил копытом по носу, от чего в глазах вспыхнули и завертелись разноцветные звезды.

Я попытался увернуться, но голова еще шла кругом, и этот какеготам все равно был быстрее меня.

Черити выскочила из мастерской, держа в левой руке тяжелый молоток, а в правой здоровенный строительный пистолет.

Не добегая до нас десятка футов, она вскинула пистолет и несколько раз нажала на курок. Захлопали выстрелы, и, вторя им, уже изрядно поджаренный какеготам завизжал от боли. Он взвился в воздух, отчаянно дергаясь на лету, и рухнул в снег, продолжая биться и размахивать конечностями. В спине его поблескивали шляпки строительных дюбелей, из-под которых начинал уже валить зеленый дым.

Он сделал еще попытку встать, но я сделал ему подсечку. Черити с криком взмахнула молотком и размозжила какеготаму череп. Брызги серого мозга смешались с зеленовато-белым огнем, и чудище, дернувшись еще раз, застыло, только зеленый огонь продолжал медленно, но верно пожирать его тело.

Я поднялся, держа наготове жезл, и обнаружил, что оставшиеся твари ранены, но подвижность сохранили, и их желтые, с прямоугольными зрачками глаза горят голодной

ненавистью.

Я сунул жезл обратно в чехол и вооружился железной лопатой для уборки снега, лежавшей за одной из крепостных стен. Черити подняла свой пистолет, и мы двинулись в атаку.

Кем бы ни были эти твари, для поединка с вооруженными железом смертными у них явно оказалась кишка тонка. Они разом дернулись как от удара током, повернулись и, бросившись наутек, растворились в ночи.

Я стоял, задыхаясь и оглядываясь по сторонам. Каждые несколько выдохов мне приходилось сплевывать кровь. К носу, казалось, кто-то прилепил суперклеем пару раскаленных углей. Шею жгло паутиной серебряных нитей, а поясница, похоже, превратилась в один сплошной синяк.

— Вы целы? — спросила Черити.

— Фэйре, — пробормотал я. — Ну почему обязательно фэйре?

Глава ВТОРАЯ

— Похоже, сломан, — сообщила Черити.

— Бы дак дубаете? — спросил я. Легкое прикосновение ее пальцев к моему шнобелю я не назвал бы приятным, но на протяжении осмотра я не дернулся и не издал никаких задевающих мою мужскую гордость звуков. Мы, мальчики, такие.

— По крайней мере, он на месте, — заметил Майкл, стряхивая с ботинок снег. — Ощущения, когда его вправляют, из самых незабываемых.

— Нашди чего-дибудь? — спросил я его.

Он кивнул и поставил ножны со своим тяжелым мечом в угол. Майкл всего на пару дюймов ниже меня, но на порядок мускулистее. Волосы и короткая борода у него темные, с серебристыми искорками седины, и одевается он в синие джинсы, строительные башмаки и бело-синюю фланелевую рубашу.

— Труп так и лежит. Сильно обгорел, но не распался на эктоплазму.

— Угу, — кивнул я, стараясь говорить не в нос. — Фэйре не целиком принадлежат миру духов. Их трупы материальны.

Майкл хмыкнул и покачал головой.

— Кроме трупа остались еще следы, но и только. Не похоже, чтобы эти козлоподобные твари ошивались где-нибудь поблизости, — он покосился в сторону столовой, где младшее поколение Карпендеров возбужденно обсуждали произошедшее, набив рты пиццей — именно за ней уезжал их отец, когда случилось нападение. — Соседи решили, что световые эффекты случились по причине сгоревшего трансформатора.

— Не самое плохое объяснение, — кивнул я.

— Слава Богу, никто не пострадал, — сказал он. Собственно, для него это были не просто слова. Если кто не знает, Майкл — убежденный католик, к тому же в рукоять его меча заделан один из гвоздей Распятия. Он еще раз покачал головой и улыбнулся мне. — И, конечно, вам спасибо, Гарри.

— Спасибо Дэниелу, Молли и Черити, — сказал я. — Я только отвлекал наших гостей. Ваша семья вывела всех младших в безопасные места. Ну, и Черити еще хорошо поработала молотком.

Майкл удивленно поднял брови и посмотрел на жену.

Щеки у Черити порозовели. Она торопливо собрала со стола вату и бинты со следами моей крови и вынесла их в гостиную, чтобы сжечь в камине. В моем ремесле крайне нежелательно оставлять кровь, волосы или обрезки ногтей там, где их может найти кто угодно. Пока она выходила, я вкратце описал Майклу ход боя.

— Мой строительный пистолет? — с улыбкой спросил он, когда Черити вернулась на кухню. — Как ты догадалась, что это фэйре?

— Я не догадывалась, — призналась она. — Просто схватила, что под руку

подвернулось.

— Нам повезло, — заметил я.

Майкл выразительно посмотрел на меня.

Я нахмурился.

— Добро не обязательно происходит только в результате божественного вмешательства, — сказал я.

— Верно, — согласился Майкл. — Но я предпочитаю относить это на Его счет, пока у меня не появится убедительного повода полагать иначе. Так, во всяком случае, вежливо.

Черити подошла и стала рядом с мужем. И хотя оба улыбались и, вспоминая нападение, говорили о нем легко, я-то видел, как крепко они сжимали пальцы друг друга, и взгляд Черити то и дело скользил по детям, будто удостоверяясь, все ли на месте.

Я вдруг ощутил себя чужим.

— Ладно, — заявил я, вставая. — Похоже, у меня теперь новая тема для размышления.

Майкл кивнул.

— Вы знаете возможные поводы этого нападения?

— Вот об этом я как раз хотел поразмышлять, — кивнул я и, морщась от боли, надел ветровку. — Думаю, они охотились за мной. Нападение на детей — отвлекающий маневр, попытка занять меня, чтобы дать возможность тому, что сидел на дереве, напасть на меня со спины.

— Вы в этом уверены? — тихо спросила Черити.

— Нет, — признался я. — Вполне возможно, они затаили обиду после той истории в Арктис-Торе.

Взгляд Черити сузился и сделался угрожающе-стальным. Арктис-Тор — это столица Зимней династии, цитадель и святая святых самой королевы Мэб. Какие-то злобные типы из Зимних похитили Молли, и нам с Черити — не без помощи друзей, конечно — пришлось брать эту цитадель штурмом и силой отбивать Молли. Все это мероприятие вышло хлопотным, шумным и не могло не разозлить целый народ злобных фей.

— Держите на всякий случай ухо остро, — посоветовал я ей. — И передайте Молли, что я хочу, чтобы она оставалась на время этой истории здесь.

Майкл заломил бровь.

— Думаете, она нуждается в нашей защите?

— Нет, — я мотнул головой. — Я думаю, это *вы* нуждаетесь в ее.

Майкл зажмурился. Черити нахмурилась, но спорить со мной не стала.

Я кивнул им и ушел. Молли последнее время не восставала против того, что я ей говорил, однако это не означало, что она со всем согласна и все понимает.

Я закрыл за собой дверь дома Карпентеров, разом отрубив запах горячей пиццы и шум возбужденных детских голосов.

Стоял тихий ноябрьский вечер. Очень тихий. И очень холодный.

Я с трудом удержался от того, чтобы не поежиться, и поспешил к своей машине, выдавшему виды (много видов!) «Фольксвагену-Жуку», который в молодости имел светло-голубой цвет, но со временем превратился в разноцветную палитру. За последний год к ней добавился еще и серый цвет, поскольку другой крышки багажника у моего механика не нашлось. Какой-то анонимный шутник, явно насмотревшийся диснеевских мультиков, намалевал краской из баллончика на серой крышке кружок с цифрой «53», но вообще-то машину звали Голубой Жучок, и я не собирался ее переименовывать.

С минуту я посидел, не трогаясь и глядя на теплый, золотистый свет, струившийся из окон дома.

Потом завел мотор Жучка и поехал домой.

Глава ТРЕТЬЯ

— И ты совершенно уверен, что это были фэйре? — спросил Боб-череп.

Я насупился.

— Много ли ты знаешь существ, у которых плоть при соприкосновении с железом и сталью воспламеняется? И потом, Боб, мне кажется, я уж как-нибудь распознаю фэйре на расстоянии, с которого этот гад может сломать мне нос.

Я сидел у себя в лаборатории. Попасть в нее можно только через люк в полу моей расположенной в полуподвале гостиной, по складной деревянной стремянке. Лаборатория представляет собой бетонное помещение, в котором постоянно прохладно, чтобы не сказать холодно.

Обстановку лаборатории составляют большой деревянный стол в центре помещения и окружающие его с трех сторон столы и скамьи поменьше. Свободного места они оставляют ровно столько, чтобы обойти вокруг большого стола. Все они сплошь заставлены и завалены необходимыми для нашего ремесла предметами, а все стены я увешал проволочными полками, которые можно задешево купить в «Уолл-Марте», и это добавило места для хранения, которого всегда не хватает. Полки заставлены самыми разнообразными емкостями от маленького свинцового контейнера до полиэтиленовых пакетов, жестянок из-под леденцов или кожаного кисета, сделанного из — ей-Богу, не вру — гениталий настоящего берберского льва.

Мне его подарили. Не спрашивайте, кто.

Помещение освещалось свечами, и блики огоньков играли на миниатюрных оловянных зданиях на большом столе — масштабной модели центральной части Чикаго. Еще я выкроил немного места, чтобы поставить письменный стол для Молли — должен признать, ее тетради и медленно, но верно растущий набор оборудования хранятся, несмотря на тесноту, в близком к идеальному порядке.

— Что ж, похоже, кто-то продолжает настраивать против тебя Арктис-Тор, — сообщил Боб. Череп, в глазницах которого горели оранжевые огоньки, обитал на собственной полке — единственной, не забитой еще до отказа. Собственно, она вообще была почти пуста, если не считать с полдюжины бульварных романов в потрепанных бумажных обложках. Еще один свалился с полки и лежал на полу, как раз на заделанном в цементный пол серебряном кольце, которое служило мне магическим кругом. — Фэйре никогда не забывают обид, босс.

Я тряхнул головой, нагнулся, подобрал упавшую книгу и вернул ее на полку.

— Тебе не приходилось слышать о ком-нибудь вроде этих ребят?

— Мои познания о фэйре ограничены почти исключительно Зимними, — ответил Боб. — Эти ребята не напоминают никого из тех, с кем мне доводилось сталкиваться.

— Тогда с какой стати им участвовать в борьбе между мною и Арктис-Тором, а, Боб? — поинтересовался я. — Блин, да это даже не мы первые напали на столицу Зимних. Мы просто зашли туда уже после боя... ну, помахались немного с парнями, похитившими Молли.

— Может, их нанял кто-нибудь из Зимних сидхе. Это может быть кто-то из Диких. Ты ведь знаешь, у Диких разновидностей больше, чем у кого-либо другого. Возможно, это сатиры, — огоньки в глазницах у черепа разгорелись ярче. — Слушай, а ты там нимф не видел? По логике вещей где сатиры, там и нимфы — одна-две наверняка поблизости должны ошиваться.

— Нет, Боб.

— Ты уверен? Ну, такие нагие девицы, убийственно хорошенькие, достаточно взрослые, чтобы уметь кой-чего, но достаточно юные, чтобы их это не заботило?

— Если бы я таких увидел, я уж наверное запомнил бы это, — заметил я.

— Тьфу, — расстроился Боб, и огоньки у него в глазницах снова померкли. — Вечно у тебя все через задницу, Гарри.

Я помассировал шею рукой. Она уже почти не болела, но это помогло мне хоть как-то занять руки.

— Кажется, я все-таки видел когда-то этих козлоподобных тварей... ну, или читал о них. Или о ком-то похожем. Куда там я сунул записи о ближних областях Небывальщины?

— Северная стена, зеленая пластиковая корзина под скамьей, — с готовностью отозвался Боб.

— Спасибо, — кивнул я и вытащил из указанного места тяжелую пластиковую корзину вроде тех, что выдают на входе в супермаркет. Она была доверху наполнена книгами, по большей части рукописными, в кожаных переплетах. Все книги посвящались различным сверхъестественным явлениям — кроме одной, подшивки комиксов «Келвин и Хоббз»... ума не приложу, как она туда попала.

Я выбрал несколько книг и положил их на ту часть стола, которая обозначала озеро Мичиган. Потом придвинул стул и принялся листать их.

— Как прошла поездка в Даллас? — поинтересовался Боб.

— А? А, хорошо, хорошо. Там одного преследовал Черный Пес, — я бросил взгляд на висевшую на стене под полкой Боба карту Соединенных Штатов. Потом почти машинально выдернул из пробковой доски зеленую кнопку и воткнул ее в кружок, обозначавший Даллас, штат Техас, добавив ее к дюжине других зеленых и двум-трем красным, обозначавшим ложные тревоги кнопкам. — Со мной связались через Паранет, и я научил их отваживать этого Фидо.

— Эта сеть, что вы организовали с Элейн, действительно толковая штука, — заметил Боб. — Малькам надо учиться действовать сообща, когда их хочет слопать большая рыба.

— Я предпочитаю думать об этом как об обучении воробьев давать отпор ястребам, — заявил я, возвращаясь на место.

— Так или иначе, это означает уменьшение размеров угрозы и — в перспективе — меньше работы для тебя. Конструктивная трусость. Очень изобретательно. Уважаю, — в голосе его послышалась зависть. — Говорят, в Далласе лучшие стрип-клубы в мире, Гарри.

Я как мог суровее посмотрел на Боба.

— Если ты не собираешься мне помогать, по крайней мере, хоть не мешай.

— О! — спохватился Боб. — Заметано, — книга, которую я поднял с пола, пошевелинулась и сама собой открылась на первой странице. Череп повернулся к книге, и оранжевый свет из его глазниц принялся скользить по строкам.

Я пробежал — наскоро, по диагонали — один старинный текст. Потом другой. Потом третий. Блин-тарарам, я точно помнил, что в одном из них с чем-то таким встречался.

— Сорвать с нее платье! — заорал Боб.

Видите ли, Боб-череп относится к дешевым бульварным романам очень серьезно. Следующая страница перевернулась с такой скоростью, что порвалась. Боб обращается с книгами даже еще более жестоко, чем я.

— Ну, я же говорил! — продолжал орать Боб, перевернув еще несколько страниц.

— Это не могли быть сатиры, — пробормотал я вслух, пытаюсь не сбиться с мысли. Нос распух и болел как черт-те что... ну, и шея тоже давала о себе знать. Боль такого рода чертовски утомляет, даже если вы чародей, осваивавший основы оборонительной магии под градом бейсбольных мячей. — У сатиров человеческие лица. А у этих тварей — козлиные. Или бараны.

— Козлы-оборотни? — предположил Боб, не отрываясь от чтения. Боб — дух разума, так что умеет заниматься одновременно несколькими делами лучше, чем, скажем, ну, да почти кто угодно другой. — Или, возможно, козлоиды.

Я оторвался от чтения и подозрительно покосился на Боба.

— Что-то мне не верится, чтобы я раньше слышал это слово.

— Какое? — невинно удивился Боб. — «Козлоиды»?

— Козлоиды. Я глубоко убежден, что моя жизнь была бы полна и интересна и без этого слова или порождаемых им ассоциаций.

— Небо свидетель, — фыркнул Боб. — И легкий же у тебя характер, Гарри.

— Козлоиды, — буркнул я и продолжил поиски. Перелистав пятую книгу, я сходил к корзине за новой партией. Боб оживленно комментировал свою книгу, встречая одобрительными воплями каждую новую постельную сцену и пролистывая все остальное,

словно проматывал порнофильм.

Будь я любознательнее, это наверняка сказало бы мне много ценного о характере Боба. В конце концов, Боб — духовное создание, созданное единственно энергией мысли. Персонажи книги, которую он читал, если подумать, в некотором роде мало отличались от него: визуального образа они не имели, равно как и физических тел. Собственно, помимо графических знаков на бумаге, они существовали лишь в голове у читателя, визуализируясь в ней в меру таланта автора и читательского воображения.

Может, читая свои книжки, представляя описываемые в них события, Боб ощущал в этих бестелесных персонажах... Родственные души, что ли? Своих братьев? Или детей? И вообще, может ли существо вроде Боба испытывать какую-то потребность в семье? А почему бы и нет? Это могло бы объяснить его неизменное восхищение тем, как придуманные персонажи живут на страницах почти материальной, плотской жизнью.

Но, конечно же, эти придуманные персонажи могли выполнять для него ту же функцию, что для некоторых мужчин надувные женщины. Короче, знать это точно мне все-таки не хотелось.

Хорошо все-таки, что я не слишком любознателен.

Нападавших на нас тварей я нашел в середине восьмой книги — описание и рисунки.

— Черт меня побери, — пробормотал я, выпрямляясь.

— Что, нашел? — поинтересовался Боб.

— Угу, — сказал я и поднял книгу так, чтобы он мог видеть рисунок. Тот, по крайней мере, больше соответствовал оригиналу, чем большая часть полицейских фотороботов. — Если верить книге, я подвергся нападению бебек.

Книжка, которую читал Боб, сама собой закрылась. Боб издал странный, захлебывающийся звук.

— Э... Мне не послышалось, ты сказал «бебеки»?

Я нахмурился, и он захихикал, лязгая челюстью о деревянную полку.

— Бебеки? — повторил он еще раз, давясь от смеха. — И мемеки?

— А что? — оскорбленно спросил я.

— Ну, это прямо как в детском стишке, разве не так? — Боб затрясся от хохота. — Можно сказать, тебя только что напугали карандашной надписью. Герои *детского стишка*.

— Что-то я не понял, кто и когда меня пугал, — буркнул я.

Боб едва не задыхался от хохота; с учетом того, что легких у него нет по определению, это впечатляло.

— Это все потому, что ты себя не видишь, — с трудом выдавил из себя он. — Нос у тебя распух, и под обоими глазами по фингалу. Больше всего ты похож сейчас на енота. Напуганного к тому же.

— Ты не видел этих гадов в деле, — возразил я. — Сильные и хитрые как черт-те кто. И их было четверо.

— Тебя послушать, так это прямо Четверо Всадников, — хмыкнул Боб. — Только с собственными копытами!

Я нахмурился еще сильнее.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Рад, что мне удалось тебя развлечь.

— Ох, не могу! — не унимался Боб. — Ох, спасите-помогите! Это четверо барашков! С карандашиками!

Я испепелил его взглядом.

— Ты не понял главного, Боб.

— Нет, этого просто не может быть, — хихикнул он. — Готов поспорить, все Зимние просто животики надрыдают.

— Готов поспорить, что нет, — возразил я. — Я как раз об этом. Бебеки работают на Летних. Они входят в войнство Королевы Титании.

Боб разом перестал смеяться.

— Ох.

Я кивнул.

— После той истории в Арктис-Торе я бы мог понять, если бы на меня охотился кто-нибудь из Зимних. Вот уж от Летних я ничего такого не ожидал.

— Ну, — напомнил мне Боб, — разве не ты, можно сказать, почти что своими руками убил дочь Титании? Тысяча колото-резаных ран...

Я хмыкнул и кивнул.

— Угу. Но почему сейчас? Она могла послать убийц еще пару лет назад.

— Это тебе фэйре, не кто-нибудь, — сказал Боб. — Логика не входит в число их сильных сторон.

— Жизнь могла бы быть и проще, — вздохнул я и задумчиво побарабанил пальцами по книге. — Нет, тут еще что-то, нутром чую.

— Как высоко они находятся в иерархии Летних? — спросил Боб.

— Ну, не на самом последнем месте, — ответил я. — У них репутация убийц троллей. Наверное отсюда и детский стишок. Только в стишке бебека забодал медведя.

— Убийцы троллей... — задумчиво пробормотал Боб. — Троллей... Вроде тех, из личной охраны Королевы Мэб, которые валялись тогда, растерзанные, по всему Арктис-Тору?

— Именно так, — подтвердил я. — Но то, что я сделал тогда, взбеленило Зимних, не Летних.

— Меня всегда восхищали твои способности по части взбеленить кого угодно.

Я мотнул головой.

— Нет. Должно быть, я сделал там что-то такое, что задело и Летних, — я нахмурился. — Или помогло Зимним. Скажи, Боб, известно ли тебе...

Зазвонил телефон. После того, как Молли едва не сломала шею, упав в спешке со стремянки, я провел провод в лабораторию и подключил к нему второй аппарат. Старые ходики на полке утверждали, что времени уже далеко полночь. Так поздно мне не звонят, если только не случилось какой-нибудь настоящей пакости.

— Напомни мне, что я собирался спросить, — бросил я Бобу и снял трубку.

— Это я, — сказала Мёрфи, даже не поздоровавшись. — Ты мне нужен.

— Очень тронут, — хмыкнул я. — Наконец-то признание. Романтическая музыка за кадром.

— Я серьезно, — сказала она. Что-то в ее голосе подсказало мне, что ей действительно не до шуток.

— Куда? — спросил я.

Она продиктовала адрес и положила трубку.

Последнее время меня реже приглашают консультировать чикагскую полицию, а частые поездки в другие города по делам, связанным с обязанностями Стража, и вовсе почти не оставляют мне времени на сыскную работу. Жалование Стража помогает мне избежать банкротства, но мой банковский счет все же понизился до той критической отметки, когда поневоле думаешь дважды, а то и трижды, прежде чем подписать очередной чек.

Лишний заработок мне очень даже не мешал.

— Это Мёрфи, — сообщил я Бобу. — Звонила по делу.

— В такой час по-другому и быть не могло, — согласился Боб. — Ты там смотри, осторожнее, босс.

— Ты чего это вдруг такой внимательный? — удивился я, застегивая ветровку.

— Не знаю, хорошо ли ты знаком с детскими стишками, — сказал Боб, — но в той, про барашка, он здорово напугал всю звериную братию.

— Угу, — кивнул я. — Только в стишке он один, а здесь их было четверо.

Я задул свечи, поднялся из подвала и отправился на встречу с Мёрфи.

Бебеки. Господи Иисусе.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Я стоял в толпе зевак, глядя вместе со всеми на пожар, когда один из дежурных копов подвел ко мне Мёрфи.

— Почти не опоздал, — заметила она. Голос ее звучал довольно-таки напряженно. Она приподняла полицейскую ленту и махнула мне рукой. Я нацепил на лацкан ветровки свой маленький ламинированный бэджик консультанта. — Чего так долго?

— Если ты не заметила, снега выпало с добрый фут, и он продолжает идти, — отозвался я.

Она покосилась на меня. Роста в Кэррин Мёрфи от горшка два вершка, а в куртке с меховым капюшоном она казалась и того меньше. Большие, пухлые снежинки ложились на ее золотые волосы и поблескивали на ресницах, из-за чего голубые глаза ее казались ледяными.

— Твоя игрушечная машинка забуксовала, да? И что у тебя с лицом?

Я оглянулся на окружающих меня нормальных людей.

— В снежки играл.

— Готова поспорить, продул, — хмыкнула Мёрфи.

— Видела бы ты соперника.

Мы стояли перед небольшим пятиэтажным зданием... точнее, тем, что от него осталось после того, как кто-то взорвал его к чертовой матери.

Взрыв — или что там еще — снес с дома уличный фасад — словно кто-то снес его невообразимо огромным топором. При желании можно было заглянуть в квартиры; правда, дым и снегопад мешали сделать это. Дом продолжал гореть. Обломки фасада усыпали проезжую часть, тротуары и повредили даже дома на противоположной стороне улицы, так что полиции пришлось перекрыть движение на квартал в обе стороны от места происшествия. Повсюду валялись битое стекло и обломки кирпича. В воздухе стоял едкий запах гари.

Несмотря на погоду, поглазеть на пожар собралось сотни две людей. Какая-то предприимчивая душа предлагала желающим горячий кофе из большого термоса, и я оторвал от души доллар за пластиковую чашку благословенного напитка, маленький пакетик сухих сливок и другой, чуть больше — сахара.

— Куча пожарных машин, — заметил я. — Но «скорая» всего одна. И санитары греются кофе вместе со всеми, — я отпил из чашки. — Вот ублюдки.

— Здание не было заселено, — сказала Мёрфи. — Реконструкция.

— То есть, обошлось без жертв. Что ж, уже хорошо.

Мёрфи бросила на меня вопросительный взгляд.

— согласишься поработать сдельно?

Я отхлебнул кофе, пытаюсь скрыть разочарование. Очень уж я рассчитывал на гонорар по крайней мере за пару дней работы.

— У города что, не хватает больше на услуги консультантов, да?

— ОСР сэкономил на карманных расходах на случай, если вдруг понадобится твоя помощь.

На этот раз мне не удалось скрыть своих эмоций. Одно дело получать деньги от городских властей. Совсем другое дело брать их из кармана работающих в ОСР копов.

Отдел Специальных Расследований чикагской полиции можно сравнить с прудом-отстойником. Все, что не вызывает интереса у других отделов полицейского управления, спускают в ОСР. По большей части это просто муторные дела, за которые никто не хочет браться, но встречаются и действительно труднообъяснимые случаи. В общем, ребятам из ОСР приходится расследовать все — от дождя из жаб до слухов об обитающей в канализации и похищающей мелких домашних животных чупакабре. Работа эта хлопотная, перспектив карьерного роста почти никаких, поэтому ОСР считается чем-то вроде палаты для хронических неудачников. На самом деле это не так, да и у сослуживцев из других отделов обычно хватает ума обращаться к ним в случаях, когда произошедшее не поддается

объяснению — впрочем, это не касается руководства, кабинетную логику которого нормальному человеку понять вообще невозможно.

Когда сержант Мёрфи была еще лейтенантом Мёрфи, отделом руководила она. С должности ее сняли за двадцатичасовой прогул в разгар кризиса. Ну, не могла же она объяснить начальству, что все это время брала штурмом ледяную цитадель в Небывальщине, правда ведь? Теперь отделом руководил ее старый сослуживец, лейтенант Джон Роулинз, и ему приходилось здорово изворачиваться, втискиваясь в урезанный начальством бюджет.

Вот вам и объяснение, почему единственному профессиональному чародею в Чикаго почти не предлагают работы.

Я бы обошелся без их денег. В конце концов, они в них не купаются. Но при всем при этом я не мог не брать в расчет их гордости. Отказаться от этих денег я тоже не мог.

— Сдельно? — переспросил я. — Блин, мой банковский счет едва ли не меньше моральных принципов лоббиста табачных производителей. Пора переходить на почасовую оплату.

Несколько секунд Мёрфи свирепо смотрела на меня, потом хмуро кивнула. Гордость гордостью, но дело прежде всего.

— Ну, и в чем здесь дело? — спросил я. — Поджог?

Она пожала плечами.

— Какой-то взрыв. Может, случайный. Может, нет.

Я фыркнул.

— Угу. То-то ты меня при всяких случайностях зовешь.

— Пошли, — Мёрфи достала из кармана куртки респиратор и надела его. Я порылся в кармане, достал бандану и тоже завязал ее, закрыв нос и рот. Для полноты образа мне не хватало только мятой широкополой шляпы и сапог со шпорами. *Мой есть тихий мучачо.*

Она покосилась на меня — выражения ее лица под респиратором я не разглядел — и повела в разрушенный дом. Там нас уже поджидал ее коллега.

Роулинз — коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, и при откровенно избыточном весе мягкости в нем не больше, чем в армейском грузовике. Последний год он начал отращивать бородку, и седые волосы смотрелись особенно контрастно на фоне его темной кожи. Поверх полицейской куртки он набросил поношенное зимнее пальто.

— Дрезден, — улыбнулся он. — Рад вас видеть.

Я пожал ему руку.

— Как нога?

— Побаливает всякий раз, как меня пытаются выпереть на пенсию, — хмыкнул он. — Ох.

— Вы уж это, держитесь, — заявила Мёрфи, скрестив руки на груди. Похоже, разговор этот начался у них уже давно, но все еще был далек от завершения. — Вам семью кормить.

— Ну да, да, — вздохнул Роулинз. — Что ж, пойду побираться на улице, — он подмигнул мне и отошел в сторону. Он почти не хромал — могло быть и хуже после того, как Мадригал Рейт прострелил ему ногу. Что ж, рад за него. За себя я тоже рад — в конце концов, это я впутал его в ту историю.

— Держаться? — переспросил я у Мёрфи.

— Ну, ничего конкретного, — угрюмо ответила Мёрфи. — Но источники в руководстве всячески намекают на то, что ты персона нон грата.

Не могу сказать, чтобы это меня совсем не задевало, и, боюсь, в голосе моем звучало больше горечи, чем мне хотелось бы.

— Ну еще бы. То, как я помогаю городской полиции в делах, с которыми она сама не справляется, простить нельзя.

— Я все понимаю, — заверила меня Мёрфи.

— Мне еще повезло, что меня не обвинили в нарушении общественного порядка, нанесении ущерба чужому имуществу и не закатали в кутузку.

Она устало отмахнулась.

— Можно подумать, это тебе в новинку. Это же бюрократия.

— Ну да, если не считать того, что когда кого-нибудь исключают из членов сельского клуба, никто из-за этого не погибает, — заметил я. — По большей части, конечно.

Мёрфи сердито покосилась на меня.

— И что ты хочешь, чтобы я делала на этот счет, Гарри? Я и так за все доступные мне ниточки дергала только для того, чтобы не потерять эту гребаную работу. Начальницей меня ни за что больше не сделают, так что шансов влиять на решения руководства у меня ноль.

Я стиснул зубы и почувствовал, как заливаюсь краской. То есть, она не произнесла этого слух, но должность и надежды на продвижение по службе она потеряла, прикрывая не чью-то, а мою спину в бою.

— Мёрф...

— Нет, — произнесла она даже чуть слишком спокойно. — Мне это, право же, даже интересно, Дрезден. Я плачу тебе из своего кармана, когда этого не делает город. Ребята в отделе тоже пускают шляпу по кругу, когда мы не можем обойтись без твоей помощи. Или ты думаешь, мы позволим тебе с голоду помереть?

— Блин-тарарам, Мёрф, — вскинулся я. — Я же не о деньгах. Причем здесь деньги?

Она пожала плечами.

— Тогда чего ты обиженную физиономию строишь?

Я подумал немного.

— Тебе не стоит плясать вокруг всех этих аппаратчиков только ради того, чтобы тебе позволяли делать свое дело.

— Нет, — кивнула она. — В разумном мире не стоило бы. Но — на случай, если ты этого не заметил — этот мир не слишком разумен. И потом, сдается мне, ты тоже раз или два имел проблемы со своим начальством.

— Туше, — я поднял руки вверх. — И в яблочко.

Она невесело улыбнулась.

— Жаль, конечно, но пока все обстоит именно так. Ну, выплакался?

— К черту, — сказал я. — Давай, показывай, что у тебя там.

Мёрфи мотнула головой в сторону засыпанного обломками прохода между разрушенным и соседним с ним зданиями, и мы двинулись туда, перебираясь через груды битого кирпича и обломки деревянных балок.

Мы углубились в переулок фута на три, когда в ноздри мне ударила знакомая серная вонь, ясно различимая даже сквозь запах гари. Так пахнуть может только одно.

— Вот черт, — пробормотал я.

— Мне показалось, пахнет чем-то знакомым, — заметила Мёрфи. — Как там, в крепости, — она покосилась на меня. — Ну, и как в других случаях, когда... когда так пахло.

Я сделал вид, что не заметил ее взгляда.

— Ага, — сказал я. — Это Адский Огонь.

— Это еще не все, — кивнула Мёрфи. — Идем дальше.

Мы одолели еще пару десятков футов завалов и добрались до неповрежденной части здания. Только что вокруг не было ничего кроме обломков, а спустя шаг или два на всю высоту здания тянулась ровная кирпичная стена, верх которой терялся в клубах пыли и дыма. Целый кирпич обрывался рваной линией — везде кроме одного места футов в пяти от земли.

В этом месте иззубренная линия сменялась абсолютно ровным полукругом.

Я нахмурился и подошел ближе. Серный запах усилился, и до меня дошло, что стена в этом месте прожжена насквозь узким пучком чудовищной энергии. Я с трудом представлял себе, какая температура нужна для того, чтобы прожечь в толстом слое кирпича дыру диаметром с баскетбольный мяч. Отверстие с оплавленными краями было изначально полным кругом, но обрушившаяся часть стены срезала половину.

Любой естественный источник подобного жара по меньшей мере обуглил бы стену соседнего здания и мостовую. Однако там, где я стоял, ничего подобного не наблюдалось —

так, обычный уличный мусор, припорошенный кирпичной пылью... даже снег не растаял.

— Ну скажи чего-нибудь, — тихо попросила Мёрфи.

— Нормальный огонь не может быть такой концентрации, — сообщил я.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я сделал руками неопределенный жест.

— Огонь, генерированный с помощью магии, остается огнем, Мёрф. То есть, ты, конечно, можешь создать чудовищную температуру и направить ее в нужную тебе сторону, но и *вести себя* она будет, как положено жару. В смысле, подчиняясь законам термодинамики.

— Значит, разговор идет о сверхъестественном... — сказала Мёрфи.

— Ну, с формальной точки зрения сверхъестественное — это не...

Она вздохнула.

— Скажи, Гарри — мы имеем дело с магией или нет?

Ха. Можно подумать, по запаху Адского Огня этого не ясно.

— Угу.

Мёрфи кивнула.

— Ты то и дело пользуешься огнем, — сказала она. — И, насколько я видела — и не раз, — этот твой огонь способен на штуки, какие с обычным огнем не получаются.

— Конечно, — согласился я, осторожно проводя рукой по опаленным огнем кирпичам. Они еще не успели остыть. — Просто дело в том, что, вызвав огонь, им нужно потом еще и управлять — концентрировать, нацеливать в нужную сторону — а это требует дополнительной энергии, почти столько же, сколько изначальная инициация. Если не больше.

— Ты мог бы сделать что-нибудь в этом роде? — она махнула рукой в сторону разрушенного дома.

— Чтоб мне гореть в аду, — тихо произнес я (не слишком, причем, метафорически). — Ни малейшей возможности. — Начнем с того, что мне и половины такой энергии не набрать. А если бы накопил, у меня не осталось бы сил, чтобы ею управлять, — я на секунду закрыл глаза, пытаюсь ощутить следы магических энергий, но клубившиеся в воздухе дым, пыль и продолжавшийся снегопад мешали мне. Во всяком случае, я никак не мог уловить схему, по которой могло строиться необходимое для такого огня заклятие.

Зато я обнаружил кое-что другое. Ось оплавленного отверстия шла не перпендикулярно к стене здания, а под небольшим углом к ней. Я нахмурился и оглянулся, пытаюсь проследить, куда упирается невидимая ось.

Мёрфи знакома со мной не первый год — она сразу же поняла, что я заметил что-то такое. Ну, и я тоже знаю ее достаточно хорошо, чтобы заметить, как хмурится она, сдерживаясь, чтобы не мешать мне работать.

Я выпрямился и перешел улицу. Стена противоположного дома была запорошена снегом и пылью.

— Прикрой глаза, — посоветовал я и сам прищурился. Потом поднял правую руку и сосредоточился.

— *Ventas reductas*, — пробормотал я.

На этот раз ветер, который я вызвал, отличался от того шквала, что я обыкновенно использую. Это был несильный, хорошо отрегулированный ветер. Он срывался с моей руки и дул на стену. То, чему я учил Молли, приносило пользу и мне самому: в частности, я переработал часть самых расхожих своих заклятий — быстродействующих, лишенных особой точности заклятий, к которым чародеи прибегают в самых что есть отчаянных ситуациях. Я пытался обучить им Молли, но ей не доставало силы, так что даже средний, так себе порыв ветра едва не лишал ее чувств. Мне пришлось изменить формулу, чтобы она хотя бы привыкла к воздушной магии, и в результате нам удалось добиться вполне удовлетворительных результатов, сравнимых по мощности с электрофеном.

Именно эту формулу использовал я сейчас для того, чтобы очистить стену от снега и

пыли. У меня ушло на это минуты полторы, и когда я закончил, я уловил сквозь запах серы еще один.

— Дважды блин, — сказал я.

Мёрфи шагнула ко мне и посветила на стену фонариком.

На очищенной от снега сене виднелся знак, начертанный чем-то густым, бурым, напоминающим по запаху кровь. Поначалу я решил, что это пентаграмма, но тут же увидел, в чем заключается разница.

— Гарри, — тихо произнесла Мёрфи. — Это человеческая?

— Скорее всего, — ответил я. — Нет эффективнее чернил для сильных заклинаний, чем кровь смертных. Вряд ли что иное могло содержать столько энергии, чтобы ее хватило на взрыв такой силы.

— Это ведь пентаграмма, да? — спросила Мёрфи. — Вроде той, что ты носишь на цепочке.

Я мотнул головой.

— Эта другая.

— Как это? — уголок рта ее дернулся. — Ну, если не считать крови?

— Пентаграмма — это символ порядка, — попробовал объяснить я. — Пять углов, пять сторон. Она олицетворяет силы воздуха, земли, воды, огня и духа. Она заключена в круг, касаясь углами его абриса. Это символ магии, находящейся под контролем человека. Сил, обузданных волей, — я махнул рукой в сторону знака. — А здесь, видишь? Углы звезды выходят за пределы круга.

Она нахмурилась.

— Что это значит?

— Представления не имею, — признался я.

— Господи, — вздохнула она. — И за что мы тебе только платим.

— Ха-ха. Очень смешно. Послушай, если бы я и видел такой знак прежде, он все равно может означать разное для разных людей. Ну, например, индуисты и нацисты одну и ту же свастику воспринимают совершенно по-разному.

— Но хоть догадки у тебя имеются?

Я пожал плечами.

— Навскидку? Не нравится мне все это — какое-то дикое сочетание пентаграммы и анархистского символа. Ничем не обузданная магия.

— Чародеи-анархисты? — предположила Мёрфи.

— Я всего только предположил, — сказал я. Впрочем, нутром я чувствовал, что предположение мое близко к истине, и Мёрфи по-моему тоже это почувствовала.

— Но для чего этот символ? — спросила Мёрфи. — Какой цели он служит?

— Отражать энергию, — ответил я. — Мне кажется, энергия, прокатившись по зданию, отразилась от этого знака, а это значит... — я на ходу спрыгивал со ступеньки на ступеньку этого логического каскада. — Это значит, что прежде эта энергия должна была откуда-то взяться, — я медленно повернулся, пытаюсь прикинуть угол. — Входящий луч энергии должен был пройти через разрушенную часть здания и...

— Луч?

Я ткнул пальцем в полукруглую дырку в стене.

— Угу. Тепловая энергия, ужас, какая сильная.

Она присмотрелась к оплавленной дырке.

— На вид маловата, чтобы развалить чуть не целый дом.

— Ей и не нужно, — сказал я. — Для взрыва, во всяком случае. Этот луч только прожжет отверстие. Ну, может, поджег по дороге дом, но сорвать фасад таким вот образом он не мог.

Мёрфи нахмурилась и склонила голову набок. — Тогда что это сделало?

— Как раз это я пытаюсь понять, — буркнул я. Как мог, прикинув направление луча, я пошел по переулку дальше. Пожарные продолжали поливать дом водой, и по дороге нам пришлось несколько раз перешагивать через рукава. Выйдя к заднему фасаду здания, я

медленно двинулся вдоль него, подняв руку и прислушиваясь к любым следам магических энергий. Ничего такого я не обнаружил, зато снова уловил запах Адского Огня, а спустя пару футов наткнулся на еще одну не-пентаграмму, также скрытую под тонким слоем снега.

Я продолжал обходить дом против часовой стрелки. Два символа обнаружились на стене соседнего дома, и еще один — на противоположной стороне улицы, напротив разрушенного фасада. Завершил я круг, остановившись у первого обнаруженного мной символа.

Пять отражающих точек, направивших в дом чудовищный поток энергии, образовали вместе огромный знак.

— Вот это уже пентаграмма, — тихо произнес я.

Мёрфи нахмурилась.

— Что?

Я коснулся пальцем гладкого, оплавленного края отверстия.

— Луч энергии, ворвавшийся в дом сквозь эту дыру, был одной из пяти сторон пентаграммы. Или пятиконечной звезды.

Мёрфи выжидающе смотрела на меня.

Я порылся в кармане ветровки и выудил кусок мела.

— Ладно, смотри. Все учатся рисовать это еще в начальной школе, так? — я нарисовал на чистом куске кирпичной стены звезду — не отрывая мел от стены, пятью линиями. — Так?

— Так, — согласилась Мёрфи. — Аккурат в первом классе.

— Вот тебе, кстати, еще один пример символа, имеющего несколько различных значений, — заметил я. — Но ты посмотри сюда, в середину, — я заштриховал образованный пересекающимися линиями пятиугольник. — Вот здесь. Видишь? Центр пентаграммы. Здесь заключается то, что ты хочешь сюда заключить.

— Что ты имеешь в виду — «заключить»?

— Пентаграмма вроде этой — символ власти, — объяснил я. — Использовать ее можно самым разным образом. Однако чаще всего ее используют для того, чтобы изолировать что-то или держать его в заключении.

— Ты хочешь сказать, это как если ты призываешь демона, — сказала Мёрфи.

— Точно, — подтвердил я. — Но если пользоваться ею верно, можно ловить в нее и других тварей. Помнишь круг в доме у Харли МакФинна? Пять свечей образовывали там пентаграмму вроде этой.

Мёрфи поежилась.

— Помню. Только она была не такая большая.

— Не такая, — кивнул я. — И чем больше ты ее делаешь, тем больше сил требуется для того, чтобы поддерживать ее в действии. Я даже слыхом не слыхал, чтобы кому-либо удавалось активировать такой объем энергии.

Я нарисовал на концах звезды маленькие крестики и обвел линии мелом еще раз, четче обрисовав пентаграмму. — Видишь? Луч, посланный от одной отражающей фигуры к другой, прожигает по дороге отверстия в стене. Отражатели превратили луч в огромную пентаграмму плюс-минус на уровне земли.

Мёрфи, хмурясь, вглядывалась в нарисованную мной нехитрую схему.

— Центр этой фигуры не покрывает всей площади здания.

— Нет, — согласился я. — Для полной уверенности, конечно, не помешало бы иметь на руках план дома, но мне кажется, центр пентаграммы расположен футах в двадцати от парадного входа. Этим, возможно, объясняется тот факт, что обрушилась только его передняя часть.

— То есть, взрыв произошел в этом твоём пятиугольнике? Магический тротил?

Я пожал плечами.

— Взрыв произошел в центре пентаграммы, но не факт, что вызван именно ею. Я хочу сказать, это вполне возможно было более-менее традиционное взрывное устройство.

— Помещенное в центр огромной пентаграммы? — усомнилась Мёрфи.

— Возможно, — кивнул я. — Все зависит от того, для чего использовалась эта пентаграмма. А чтобы это понять, мне необходимо знать, где ее север, — я очертил маленьким кружком верхний конец звезды. — В смысле, откуда изначально исходил луч.

— А что, от этого что-то зависит?

— Угу, — ответил я. — Большинство рисует звезду так, как это сделал я. Снизу, слева — вверх. Так делается в случаях, когда тебе необходимо защитить что-то, оградить от воздействия извне или от сторонних сил.

— Значит, это могло использоваться как оберег? — спросила Мёрфи.

— Не исключено. Но пентаграмма может использоваться и для другого — если рисовать звезду в другом порядке.

— Например, выстроить клетку для кого-то? — предположила Мёрфи.

— Угу, — я недовольно нахмурился. — Или отворить дверь для кого-то. Или для чего-то.

— Судя по твоему лицу, это может означать большую пакость.

— Я... — я тряхнул головой. Мне даже думать не хотелось о том, какой ужас мог вырваться в наш мир с помощью пентаграммы такого калибра.

— Я думаю, если через эту пентаграмму прошло что-нибудь, соответствующее ее размеру, в городе сгорит не один дом.

— Ох, — только и сказала Мёрфи.

— Послушай, пока я не знаю, для чего была предназначена эта пентаграмма. Все, что я говорю — чисто умозрительные предположения. И потом, тут есть еще одна странность.

— Какая еще?

— Я не нашел ни следа остаточной магии, а им полагалось бы сохраниться. Блин, да при том количестве энергии, что здесь использовали, всему кварталу полагалось бы светиться. А он этого не делает.

Мёрфи медленно кивнула.

— Ты хочешь сказать, они стерли следы.

Я поморщился.

— Вот именно, а я даже представления не имею, как такое вообще возможно. Блин-тарарам, да мне такое и в голову не приходило.

Я молча отхлебнул остывшего кофе из чашки и попробовал убедить себя в том, что пробиравшая меня дрожь происходит единственно от холода. Потом протянул чашку Мёрфи — она отпила немного с другой стороны и вернула ее мне.

— Выходит, — сказала она, — у нас одни вопросы и никаких ответов. Зачем какому-то сверхъестественному налетчику из высшей лиги помещать пентаграмму в пустующем жилом здании? И вообще, зачем ему потребовалась эта пентаграмма?

— И зачем потом было взрывать это здание? — я нахмурился, потому что в голову мне пришел еще один, совершенно очевидный вопрос. — А почему именно этот дом? — я повернулся к Мёрфи. — Кому он вообще принадлежит?

— Венчурной компании Озера Мичиган, — ответила Мёрфи. — Подразделению Митигейшн-Лимитед, чьим генеральным директором является...

— Трижды блин, — выругался я. — Джентльмен Джонни Марконе.

Глава ПЯТАЯ

Я попробовал соскрести немного крови, чтобы попытаться вычислить ее изначального обладателя, но у меня ничего не вышло. Или кровь слишком пересохла, или человек, которому она принадлежала, уже умер. У меня сложилось неприятное ощущение того, что томатургическое заклятие не сработало вовсе не по причине зимнего холода.

Впрочем, этого можно было ожидать. Дело, в котором тем или иным образом замешан Марконе, простым не бывает.

Джентльмен Джонни Марконе был непререкаемым повелителем преступного мира Чикаго. При том, что материалов на него у полиции более чем достаточно, бастионы бумаг, обороняемые legionами юристов, до сих пор оставались неприступными, и положению его, равно как доходам, ничего не угрожало. Ну, возможно, тем, кто пытался подкопаться под него, стоило бы проявить больше настойчивости, но бесстрастные факты свидетельствовали: методы управления Марконе оставались относительно приемлемой альтернативой большинству других возможных вариантов. Он придерживался относительно цивилизованных принципов, пресекая насилие в отношении как к обычным гражданам, так и к представителям закона. Бизнес его не становился от этого менее грязным, но ведь могло быть и гораздо хуже, и городские власти хорошо это понимали.

Но, конечно, городские власти не знали того, что все и на самом деле гораздо хуже. Марконе начал укреплять свое положение и с помощью сверхъестественных сил, подписав Неписанный Закон в качестве свободно ассоциированного члена. В глазах правителей сверхъестественного мира он представлял собой что-то вроде небольшого нейтрального государства, силы, с которой стоило считаться, и я мало сомневался в том, что он и эту, новую власть использует в тех же целях, что и все остальное — для расширения своей преступной империи.

И все это стало возможным не без участия Гарри Дрездена. Единственное, что, возможно, меня оправдывало — это то, что из всех имевшихся у меня на тот момент альтернатив эта была наименее угрожающей.

Я оторвался от круга, нарисованного мелом на асфальте, и покачал головой.

— Извини. Ничего не выходит. Может, кровь слишком сухая. Или донор мертв.

Мёрфи кивнула.

— Значит, поищу по моргам.

Я стер мел рукой, разрушив круг, и поднялся с колен.

— Можно тебя спросить? — сказала Мёрфи.

— Конечно.

— Скажи, а почему ты сам пентаграммами почти не пользуешься? Я, например, ни разу не видела — только как ты круги рисуешь.

Я пожал плечами.

— Ну, это вопрос пиара. Сама представь: я начну бегать и рисовать повсюду пятиконечные звезды — в этой-то стране. Все вокруг поднимут визг насчет Сатаны. Включая сатанистов. У меня и без этого проблем достаточно. Если мне нужна пентаграмма, я смогу просто представить ее себе мысленно.

— А ты можешь?

— Вся магия — ну, почти вся — у тебя в голове. Ты представляешь себе тот или иной образ и удерживаешь его в сознании. Теоретически практически все можно делать без мела, фигур и всего такого.

— Тогда почему ты этого не делаешь?

— Потому что при тех же результатах это требует неоправданно больших усилий, — я запрокинул голову и прищурился, глядя на продолжавший сыпать с неба снег. — Ты коп. Мне нужен пончик.

Она фыркнула.

— Грешишь стереотипами, Дрезден?

— Копам приходится чуть не день напролет торчать в своих машинах. Очень часто у них нет даже времени до ближайшего «Макдоналдса» доехать. Им нужна еда, которая не портится в машине. Пончики для этого подходят едва ли не лучше всего.

— И диетические хлебцы тоже.

— Роулинз что, мазохист?

Мёрфи как бы невзначай толкнула меня плечом, едва не сбив с ног, и я ухмыльнулся. Мы вышли из переулочка на почти опустевшую уже улицу. Пожарники уже сделали все, что могли, и у дома оставалась только одна пожарная машина. Стоило огню погаснуть, как все

запорошило снегом, поэтому зевак и след простыл. На месте происшествия оставалось еще несколько полицейских, да и те по большей части попрятались от снега по машинам.

— Так что все-таки у тебя с лицом? — спросила Мёрфи.

Я рассказал.

Она безуспешно попыталась удержаться от улыбки.

— Три барана?

— Четыре. И не забывай, они считаются убийцами троллей.

— Я видела раз, как это делал ты. Это трудно?

Я невольно ухмыльнулся.

— Мне немножко помогали.

Мёрфи тоже не удержалась от улыбки.

— Еще одна подобная шуточка, и ты рискуешь схлопотать.

— Мёрфи, — укоризненно произнес я. — Мелкая мстительность не в твоём стиле. Что, пожалуй, хорошо.

— Не умничай. Не забывай: я всегда выше тебя... когда ты валяешься на земле.

— Что правда, то правда. Но удар ниже пояса. Постараюсь быть выше этого.

Она погрозила мне кулаком.

— Смотри у меня, Дрезден.

Мы вернулись к её машине. Роулинз сидел на правом переднем кресле и притворялся, что дремлет. Впрочем, он не из тех людей, чтобы спать в первую подвернувшуюся минуту.

— Значит, на тебя наехали Летние, — сказала Мёрфи. — Думаешь, нападение на дом Марконе с этим как-то связано?

— Как-то не верю я больше в случайные совпадения, — признался я.

— Ясно, — кивнула она. — Что ж, давай тебя до дому подброшу.

Я мотнул головой.

— Возможно, я мог бы сделать здесь еще кое-что, только для этого мне надо побыть одному. И пончик.

Мёрфи удивленно изогнула золотую бровь.

— Что-ooo?

— Да вынь же свои мозги из сточной решетки и достань мне этот гребаный пончик.

Мёрфи тряхнула головой и полезла в машину, под ветровым стеклом которой, со стороны Роулинза, лежал на торпедо пакет от «Данкан-Донатс».

— Эй! — возмутился Роулинз, так и не открывая глаз.

— Ради благого дела, — заверил я его и благодарно кивнул Мёрфи. — Позвоню, как только узнаю что-нибудь.

Она нахмурилась.

— Ты уверен, что тебе не нужен помощник?

Я подмигнул ей подбитым глазом.

— Это из тех вещей, которые чародею приходится делать в одиночку.

Роулинз подавил смехок.

Черт, не уважают меня все-таки.

Они уехали, оставив меня под снегом. Стояла предрассветная тишина. На месте происшествия оставались еще несколько пожарных и примерно столько же полицейских; последние продолжали перекрывать улицу, хотя первые уже ничего не гасили. Дом опустел, покрывшись коркой льда, но я-то знал, что в стенах запросто может таиться что-то, готовое выскочить наружу. Я услышал, как один из копов говорит другому, что бригада дорожников, посланная расчищать завалы, задержалась где-то в пути, помогая застрявшему снегоочистителю, но прибудет, как только освободится.

Я отошел примерно на квартал в сторону, нашел не слишком заснеженный переулок и зашел в него со своим пончиком. Некоторое время я обдумывал, какой подход выбрать. В конце концов, мои отношения с этим источником информации на протяжении последних лет заметно менялись. Логика подсказывала, что мне лучше всего держаться давно уже

заведенного ритуала. Инстинкт же напоминал, что логика подводила меня не раз и не два, и что логики в ней, собственно говоря, осталось не так и много.

Видите ли, мы с моими инстинктами давно уже сжились и понимаем друг друга.

Поэтому вместо того, чтобы расставлять примитивный (пусть и магический) силок с наживкой, я широко расставил ноги, вытянул перед собой правую руку с лежавшим на ней в виде подношения пончиком и негромко произнес Имя.

Имена — с большой буквы И — обладают властью. Если вы знаете чье-либо Имя, вы автоматически получаете средство связи, с помощью которого можете связаться с его обладателем... ну, или проделывать с ним всякие магические штучки. Иногда это очень и очень некстати. Произнесите, например, Имя какого-нибудь большого злобного духа, и вы, конечно, сможете коснуться его — но и он, в свою очередь, сможет коснуться вас, и никто не обещает, что это окажется вам приятно. Это может стоить вам жизни — или души.

Однако Небывальщина велика, и, как говорится, несть числа рыбы в этом море. В ней буквально несть числа существам, не обладающим особенной силой и влиянием, и позвать их на помощь, назвав их по Имени, не составляет сложности.

(Кстати, у людей Имена тоже есть. Ну, вроде того. Видите ли, смертные обладают неприятной привычкой постоянно менять что-то в своей личности, в своих ценностях, в своих убеждениях, поэтому использовать против смертного его Имя — дело скользкое.)

Мне известно несколько Имен. Я произнес одно из них как мог мягко, осторожно, чтобы не показаться невежливым.

Мне не пришлось долго ждать. Я и дюжину раз не повторил Имени, как появился тот, кого я с его помощью призывал. Небольшой, размером с баскетбольный мяч шар голубого света вынырнул из снежной завесы и устремился мне в лицо.

Я стоял на месте, не шевелясь. Даже имея дело с мелкими представителями Небывальщины, не стоит выказывать робости.

Шар резко остановился, недолетая до пончика примерно фута. С этого расстояния я мог уже разобрать в светящейся сфере очертания крошечной человекоподобной фигурки. Крошечной, но все же не такой крошечной, какой она мне запомнилась по последней встрече. Блин-тарарам, да с тех пор он подрос едва ли не вдвое.

— Привет, Тук-тук, — кивнул я фэйри.

— Здравия желаю! — пропищал Тук, вытягиваясь по стойке «смирно». Внешне он напоминал хрупкого сложения юнца, наряженного в доспехи из всякого мусора. На бледно-лиловые волосы он нахлобучил шлем, который представлял собой крышку от трехлитровой бутылки «Кока-Колы». На изготовление кирасы, похоже, пошел пузырек из-под желудочного сиропа, а на сделанной из аптечной резинки перевязи висел макетный нож в оранжевых пластиковых ножнах. На ножнах кто-то написал черным лаком для ногтей корявую надпись «ПИЦЦА ИЛИ СМЕРТЬ!». На поясе в чехле от шарикового стержня висел длинный гвоздь с тщательно обмотанной изолентой шляпкой. Башмаки он, похоже, позаимствовал у Кена, а может, у древнего игрушечного солдата.

— Ты вырос, — удивленно заметил я.

— Так точно! — гаркнул он.

— Уж не тот ли это макетник, который я дал тебе тогда? — поинтересовался я.

— Так точно! — с энтузиазмом подтвердил он. — Это мой макетник! На него много охотников, но он мой! — до меня дошло, что он подражает сержанту из «Цельнометаллической Оболочки», и мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы не улыбнуться. Похоже, он относился к этому со всей серьезностью, и я не хотел уязвить его чувства.

Какого черта. Почему бы не подыграть ему.

— Вольно, рядовой.

— Есть! — радостно заверещал он, залихватски отсалютовал рукой и описал в воздухе небольшой круг над пончиком. — Ух ты, — заметил он своим обычным тоном, — пончик. Это *мой* пончик, Гарри?

— Возможно, — кивнул я. — Я предлагаю его тебе в качестве платы.

Тук как мог равнодушнее пожал плечами, но его стрекозьи крылышки буквально жужжали от возбуждения.

— За что?

— За информацию, — сказал я и мотнул головой в сторону разрушенного здания. — Несколько часов назад в этом доме и вокруг него кто-то занимался серьезным колдовством. Мне нужно знать все, что известно об этом Маленькому Народцу, — я решил, что немного лести никогда не повредит. — А когда мне нужна информация от Маленького Народца, лучше тебя, Тук, не найти.

Закованная в «Пепто-Бисмол» грудь даже чуть раздалась от гордости.

— Многие из наших готовы служить тебе, Гарри, за то, что ты освободил их от бледнокожих охотников. Некоторые из них вступили в Гвардию Ца-Лорда.

«Пицца-Лорд», «Властелин Пиццы» — титул, присвоенный мне отдельными представителями Маленького Народца. Преимущественно, за еженедельные взятки в виде халявной пиццы. Многие — в том числе, и люди моего круга — этого не знают, но Маленький Народец вездесущ, и видят они гораздо больше, чем многие считают. Проводимая мною политика пиццевых подачек помогла мне завоевать среди окрестных эльфов много сторонников. Когда же я добился того, чтобы мои временные союзники освободили несколько десятков пленных фэйре, моя популярность у Маленького Народца выросла еще сильнее.

Но даже так, «Гвардия Ца-Лорда» — это что-то новенькое.

— У меня что, теперь гвардия? — спросил я.

Тук выпятил грудь еще сильнее.

— Конечно! А кто, по-твоему, не позволяет Ужасному Зверю Мистеру убивать тех брауни, которые приходят убираться в твоей квартире? Мы! Кто разит наповал мышей, крыс и омерзительных огромных пауков, готовых забраться к тебе в кровать или грызть твои шлепанцы? Мы! Не бойся ничего, Ца-Лорд! Ни самая гадкая крыса, ни самый сообразительный паук не побеспокоит твоего дома, покуда мы дышим.

Этого я еще не знал. Выходит, в дополнение к бесплатной уборке я получил еще и санобработку жилья. Что ж, если подумать, это очень даже не лишне. У меня в лаборатории хватает предметов, которые плохо отреагировали бы на возможность превратиться в гнездо грызунов.

— Потрясающе, — признался я. — Так ты хочешь пончик или нет?

Тук-тук даже не ответил. Он просто рванул от меня по переулку маленькой кометой, оставив за собой вихрь возмущенного снега.

Вообще-то, эльфы имеют обыкновение все делать стремительно — во всяком случае, если хотят этого сами. Не успел я допеть себе под нос «Покачаться на звезде», как Тук-Тук вернулся. Правда, окружавший его светящийся шар поменял цвет, окрасившись возбужденным алым.

— Беги! — пропищал Тук-Тук на лету. — Беги, милорд!

Я зажмурился. Что угодно ожидал я услышать от маленького эльфа, только не это.

— Беги! — повторил он еще раз, заложив у меня над головой отчаянный вираж.

Мой мозг продолжал еще переваривать информацию.

— А пончик? — тупо спросил я.

Тук-Тук спикировал к самому моему лицу, уперся ручками мне в лоб и толкнул изо всех сил. Он оказался сильнее, чем я думал — мне пришлось сделать шаг назад, чтобы не потерять равновесия.

— Забудь про пончик! — заорал он. — Беги, милорд!

Забуть? *Пончик???*

Наверное, это более другого подстегнуло меня. Тук-Тук не из тех, кто легко ударяется в панику. Если уж на то пошло, в том, что касалось разнообразных опасностей, он вел себя прежде в высшей степени беспечно. И уж во всяком случае игнорировал их, когда дело

касалось человеческой пищи.

В тиши зимней ночи до меня донесся из дальнего конца переулка звук. Шаги — тихие, неспешные.

Панический голос у меня в голове приказывал мне послушаться Тука. Сердце мое билось как сумасшедшее. Я повернулся и устремился в направлении, которое он мне указывал.

Я вырвался из переулка и свернул налево, утопая в глубоком снегу. От полицейского участка меня отделяло квартала два или три. Там наверняка свет, люди — это не может не задержать того, кто гонится за мной, кем бы он ни был. Тук летел рядом, держась над моим плечом. На лету он извлек откуда-то маленький пластиковый свисток, извлек из него резкую трель, и еще несколько разноцветных светящихся шаров, вынырнув из снега, полетели параллельным с нами курсом.

Я пробежал квартал, потом другой, и на бегу оставил последние сомнения в том, что за мной гонятся по пятам. Я ощущал это кожей, загривком, и не скажу, чтобы это ощущение доставляло мне удовольствие. Из этого следовало только одно: на меня обратил внимание кто-то действительно жуткий. Страх добавил мне сил, и я припустил со всех ног.

Я свернул направо и увидел сквозь снег огни спасительного полицейского участка.

И тут ветер задул с удесытеренной силой, и весь мир превратился в белое месиво. Я не видел ничего, даже собственных ног, даже руки, которую поднял к самому лицу. Я поскользнулся, упал и снова отчаянно поднялся на ноги, уверенный в том, что если мой преследователь догонит меня лежащего, я не встану уже больше никогда.

Я врезался плечом в фонарный столб и отпрянул от него. Черт, в этой слепящей снежной пелене я и представления не имел, где и что находится. Может, я ненароком выскочил на проезжую часть? Ну, конечно, вряд ли кто отважится вести машину сквозь такой буран, но вдруг все-таки? Даже если он будет ехать медленно, я не увижу его, чтобы убраться из-под колес. И сигнала тоже не услышу...

Снег шел теперь так густо, что я даже дышал с трудом. Я выбрал наиболее вероятное направление из всех, что могли привести меня, как я надеялся, к дверям полицейского участка, и двинулся туда. Спустя несколько шагов я наткнулся вытянутой вперед рукой на стену здания. Футов двадцать я шел вдоль нее, но потом она оборвалась, и я провалился в проем очередного переулка.

Завывание ветра стихло, и наступившая тишина больно ударила по органам чувств. Я привстал на карачки и огляделся по сторонам. Вдоль улицы продолжала клубиться непроглядная снежная завеса, причем начиналась она сразу от угла — ни дать, ни взять массивная белая стена. В переулке же снегу нападало едва на дюйм, и если не считать доносившегося с улицы завывания ветра, здесь было тихо.

Но не так, как полагалось бы.

До меня вдруг дошло, что я не один.

Переливающийся снег на мостовой соткался в сияющий белый, с зелеными прожилками подол. Я понял взгляд.

Она и платье носила с нечеловеческим изяществом: ни одной случайной складки. Тело ее представляло собой безупречное сочетание изгибов, красоты и силы. Платье оставляло шею и плечи открытыми, и по сравнению с ее кожей снег казался тусклым. На запястьях, на шее, на пальцах переливались цвета — не вся радуга, но оттенки синего, зеленого и фиолетового.

На голове ее красовалась ледяная корона, элегантная, изысканная, словно выращенная из одной-единственной снежинки. Длинные, ниже бедер белоснежные волосы сливались с платьем и снегом. Губы ее — восхитительные, чувственные губы — имели цвет мороженой ежевики.

Она обладала той красотой, которая на протяжении столетий вдохновляла художников и поэтов — бессмертной красотой, какую и представить себе трудно, не то, чтобы увидеть. Такая красота должна была бы лишить меня чувств от восторга. Она должна была бы

заставить меня рыдать и благодарить Господа за то, что тот позволил мне глянуть на такое. Она должна была бы заставить меня задохнуться, остановить мое сердцебиение...

Ничего этого не произошло.

Она просто наводила на меня ужас.

Она наводила на меня ужас потому, что я видел и ее глаза. Широко раскрытые глаза с вертикальными как у кошки зрачками. Цвет их тоже менялся в унисон с цветом украшений... Или, скорее, это украшения меняли цвет в том же ритме, что и глаза. И хотя глаза эти тоже превосходили красотой любую смертную красоту, они оставались холодными, нечеловеческими, полными ума, чувственности, но лишенными жалости или сострадания.

Я хорошо знал эти глаза. Я знал ее.

Если бы страх не сковал мои члены, я наверняка пустился бы наутек.

Вторая фигура выступила из темноты за ее спиной и выжидающе застыла рядом с ней. Она напоминала бы кошку — если бы только домашние кошки вырастали до такого размера. Окраски ее шерсти я не видел, но золотисто-зеленые глаза то и дело вспыхивали холодным, неестественно голубым светом.

— На твоём месте я бы поклонилась, смертный, — промяукала кошачья фигура. Голос ее тоже казался неестественным, словно человеческие звуки исходили из нечеловеческой гортани. — Склонись перед Мэб, Королевой Воздуха и Темноты. Склонись перед повелительницей фэйре, владычицей Зимней династии сидхе.

Глава ШЕСТАЯ

Я стиснул зубы и попытался изобразить акулю ухмылку. Получилось неважно. Слишком сильно я боялся — и на это у меня имелись все основания.

Представьте себе любую сказочную злодейку из всех, о каких вам приходилось читать. Представьте себе мстительных ведьм, коварных королей, безумных заклинательниц. Представьте себе распутных русалок, голодных огрих, свирепых женщин-оборотней. Представьте их себе, а потом попробуйте осознать то, что когда-то, где-то все они существовали в реальности.

Наставницей их была Мэб.

Блин, да я не удивился бы, если бы она устроила им всем, типа, аттестацию. Просто чтобы не забывали, что по сравнению с ней они так, мелочь.

Мэб правила доброй половиной Феэрии — тех регионов Небывальщины, что теснее других граничили с нашим миром, и относились к ней с изрядным уважением. И страхом. Я-то видел ее с беспощадной ясностью своего чародейского Взгляда, и я знал — не догадывался, но знал наверняка — что она за штучка.

Страх до усеру — вот что я испытывал. Такой страх, что я ничегошеньки не мог поделать, чтобы защититься.

Я не мог говорить, но мог шевелиться. Я заставил себя встать на ноги. Меня трясло от холода и страха, но я встал и задрал подбородок. Стоило мне проделать это, доказав, что я все-таки не совсем бесхребетная тварь, как ко мне вернулась способность издавать звуки. Голос мой звучал хрипло, но все-таки звучал.

— Чего вам от меня нужно?

Губы Мэб чуть изогнулись в намеке на улыбку. Снова зазвучал кошачий голос; Мэб лишь склонила голову набок.

— Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу. Одолжение.

Я нахмурился и попытался получше разглядеть кошачью фигуру за ее спиной.

— Уж не Грималкин ли это за вами?

Глаза кошкоподобной твари вспыхнули.

— Разумеется, — подтвердил Грималкин. — Слуга за моей спиной носит это имя.

Я зажмурился; от замешательства у меня даже страху поубавилось.

— Слуга за твоей спиной? Я никого за тобой не вижу, Грималкин.

Мэб раздраженно сжала губы. Когда Грималкин заговорил, в голосе его звучало то же раздражение.

— Слуга просто служит сейчас моим голосом, чародей. Не более того.

— А, — кивнул я, переводя взгляд с одной на другого, и любопытство, воспользовавшись тем, что страх находится в замешательстве, взяло над ним верх. Руки, во всяком случае, перестали трястись. — С чего это, интересно, повелительнице воздуха и темноты потребовался переводчик?

Мэб чуть вздернула свой царственный подбородок, и губы ее снова изогнулись в легкой улыбке.

— Ты и так у меня в долгу, — произнес за нее жуткий суррогатный голос. — И если ты желаешь ответа на свой вопрос, это тоже будет тебе что-то стоить. Я не верю в благотворительность.

— Надо же, потрясение какое, — буркнул я. Похоже, на органах, ответственных за способность шутить, страх никак не сказался. — Мне кажется, ты не поняла смысл вопроса. Зачем нужен переводчик *Мэб*? Она же бессмертна, полубог.

Мэб открыла рот.

— А-а, понимаю, — произнес Грималкин. — Ты сомневаешься в том, что это действительно я, — Мэб откинула голову назад, открыла рот, и ее слуга испустил негромкий, зловещий смешок. — В точности так, как при нашей первой встрече.

Я нахмурился. Она говорила правду. Когда Мэб под видом смертной в первый раз явилась в мой офис несколько лет назад, я заметил, что что-то не так, и в результате выяснил, кто она на деле. Насколько мне известно, свидетелей при этом не было.

— Возможно, ты не против вспомнить старые времена, — продолжал нечеловеческий голос. Мэб подмигнула мне.

Черт. Она делала так, когда я столкнулся с ней в последний раз. Опять-таки, кроме меня об этом не знал никто другой. А я так надеялся, что все это подделка... Это была настоящая Мэб.

Мэб блеснула зубами.

— Твой долг составлял три услуги, — сказала Мэб — ну, не своим голосом, но сказала. — Осталось еще две. Я явилась сюда, чтобы подарить тебе возможность снять со счета еще одну.

— Так-так, — хмыкнул я. — И как же вы собираетесь это сделать?

Улыбка ее сделалась шире, продемонстрировав идеально острые клыки.

— Я собираюсь помочь тебе.

Угу.

Ох, не нравится мне все это.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я, стараясь говорить как можно спокойнее и равнодушнее.

— Внемли, — Мэб взмахнула правой рукой, и слой снега на мостовой зашевелился, складываясь в маленькую, дюймов восемнадцать высотой модель здания. Все это напоминало то, как растекается замок из песка, только в обратной перемотке.

Здание показалось мне знакомым.

— Уж не...?

— Тот дом, который попросила тебя осмотреть твоя леди-рыцарь, — подтвердил суррогатный голос. Даже удивительно, как быстро привыкаешь ко всяким таким штукам — ну, конечно, в случае, если тебе каждый день приходится сталкиваться с необычным. — Каким он был до того, как его разрушило заклятие.

Тем временем из снега лепились все новые фигуры. Мимо дома проскальзывали немного обобщенные имитации автомобилей — до тех пор, пока один из них, дорогой лимузин, не свернул в тот самый переулок у дома, по которому я шел меньше часа назад. Мне пришлось сделать пару шагов, догоняя его, когда он остановился. Дверь снежного

автомобиля отворилась, и из нее явно торопливо вышло несколько человеческих фигур размером с игрушечных персонажей старых «Звездных Войн».

Я узнал их. Первым вышел тип с квадратной головой и без шеи — мордovorот по имени Хендрикс, личный телохранитель Марконе. Мать его явно принадлежала к породе аляскинских медведей-кодыяков; отцом был, скорее всего, танк «Абрамс». Выбравшись из машины, он повернулся, нагнулся в салон и достал из него небольшой ручной пулемет, который держал одной рукой.

Пока Хендрикс возился с пулеметом, отворилась дверь с другой стороны, и из нее вышла женщина. Гард — дама высокая, около шести футов, хотя по сравнению с Хендриксом она казалась миниатюрной. Поверх элегантного делового костюма она накинула плащ; подняв крышку багажника, она достала из него тяжелый меч и круглый стальной щит диаметром в пару футов. Потом провела рукой над поверхностью щита и сразу же закрыла его куском ткани, похоже, сшитым специально для этого.

Оба двигались с отработанной, заученной наизусть точностью профессионалов.

Третьим из машины вышел сам Марконе, мужчина среднего роста, среднего телосложения — правда, костюмчик на нем стоил наверняка больше, чем моя тачка в лучшие дни. Вид он имел такой же спокойный и расслабленный, как всегда. Марконе, конечно, гад и преступник, но надо отдать ему должное: яйца у него такие, что земля дрожит при ходьбе.

Голова его резко повернулась в ту сторону, откуда они только что приехали — ни Хендрикс, ни Гард не отреагировали с такой скоростью. Стремительно — я даже заподозрил, не замешана ли в этом магия — выхватил он пистолет, и из снежного дула вырвались крошечные клубки морозного воздуха.

Тут очнулся и Хендрикс. Он вскинул свой пулемет, и крошечные искры синего цвета — судя по всему, означавшие трассирующие пули — метнулись назад вдоль переулка. Гард подняла щит, прикрывая Марконе им и своим телом от того, кто стоял в конце переулка. Оба нырнули в боковую дверь здания — я ее не видел, потому что эта часть стены тоже обрушилась. Хендрикс последовал за ними, не прекращая поливать переулок свинцом.

— Блин-тарарам, — выдохнул я. — Марконе находился *в доме*?

Мэб сделала рукой рубящее движение, и верхние две трети миниатюрного снежного дома исчезли, унесенные порывом арктического вихря — тоже миниатюрного. Здание предстало передо мной в разрезе, позволяя заглянуть в интерьер. Марконе и его телохранители перемещались по дому как крысы в лабиринте. Они вихрем спустились по лестничному маршу. Оказавшись внизу, Марконе уверенно, почти не глядя, хлопнул рукой по какой-то кнопке и поднял взгляд.

Тяжелые — стальные, решил я — пластины одновременно перегородили лестничный марш сверху и снизу, и я почти наяву услышал зловещный лязг. Гард подняла руку, коснулась ей центра нижней пластины, и в глазах моих пошли пятна от яркой вспышки. По короткому коридору все трое поспешили к следующему пульта, и процесс повторился. Новые двери, новые вспышки.

— Они запираются в... — пробормотал я себе под нос. Тут до меня, наконец, дошло. — Обереги. Бронированные двери. Он построил себе убежище.

Грималкин испустил негромкий, зевающий звук, который я воспринял как одобрение.

Моя квартира тоже оборудована подобными средствами защиты, которые я могу задействовать при необходимости — ну, конечно, в моей методике больше от Мерлина и меньше от Бонда. Однако же, черт возьми, что могло потревожить Марконе настолько, что ему пришлось в такой спешке хорониться в своей норе?

Тут Гард резко вскинула голову и уставилась в то место, где стояла Мэб — так, словно крошечное снежное изваяние могло видеть смотревшую на нее исполинскую фигуру Зимней Королевы. Гард сунула руку в карман пиджака, вытащила что-то, напоминающее маленькую, узкую деревянную коробочку — ну, вроде тех футляров, в которых продаются дорогие перьевые ручки — и достала из нее маленькую прямоугольную пластинку. Она подняла ее, снова повернулась к Мэб и крепко сжала пластинку пальцами.

Снежная скульптура рассыпалась, будто ее и не было.

— Они увидели скрытую камеру, — пробормотал я.

— С учетом присущей смертным ограниченности, Делаящая Выбор умна и изобретательна, — отозвалась Мэб. — Барон поступил мудро, воспользовавшись ее услугами.

Я покосился на Мэб.

— Что случилось?

— Мое Зрение затуманилось на несколько минут. А потом вот что.

Она еще раз взмахнула рукой, и здание возникло снова — только на этот раз облачка измороси изображали клубившийся вокруг него густой дым. Да и вся модель казалась теперь рыхлее, зернистее, словно Мэб выбрала для него слишком крупные снежинки.

Даже так я узнал Марконе, который выходил, пошатываясь, из парадных дверей здания. Вокруг него возникло несколько фигур. Они окружили его. Откуда-то из ночи возник ничем не примечательный фургон. Неизвестные фигуры втолкнули Марконе в дверь, забрались следом и уехали.

Стоило фургону скрыться в ночи, как здание дрогнуло и обвалилось, превратившись в уже знакомую мне руину.

— Я избрала тебя своим эмиссаром, — сказала мне Мэб. — Ты окажешь мне услугу, вторую из трех, что был мне должен. Ты отыщешь барона.

— Черта с два, — ответил я прежде, чем мой мозг успел просчитать возможные последствия такого ответа.

Мэб негромко, гортанно рассмеялась.

— Еще как отыщешь, дитя чародейки. Если хочешь остаться в живых, конечно. Другого выбора у тебя нет.

Гнев разгорелся в моей груди и выплеснулся изо рта, старательно минуя мозг.

— Мы об этом не договаривались, — огрызнулся я. — Согласно условиям нашей сделки я могу сам решать, какие услуги из запрашиваемых вами оказывать, а какие нет, и при этом вы не можете принуждать меня.

Ежевичные губы Мэб раздвинулись в безмолвном оскале, и весь мир превратился в ослепительно-белую завесу боли, обжегшую мне глаза. Черт, я даже не представлял себе, что может быть *так* больно. Я рухнул на землю, но мне не повезло: я двинулся башкой недостаточно сильно, чтобы лишиться чувств. Я не мог пошевелиться. Я не мог вздохнуть. Я не мог кричать.

А потом я ощутил рядом со мной что-то ледяное. Что-то очень мягкое и очень холодное коснулось моего уха. Сквозь боль я все-таки понял, что это. Губы. Губы Мэб. Королева воздуха и темноты осторожно целовала меня в ухо, потом охватила губами мочку и чуть прикусила ее.

В другом ухе послышался приглушенный, напряженный, голодный шепоток Грималкина.

— Смертный грубиян. Что бы ни было у тебя в прошлом, что ни грядет тебе в будущем, знай: я — Мэб, и я держу свое слово. Усомнись в моем слове еще хоть раз, обезьяна, и я окончательно заморожу воду в твоих глазах.

Боль с большой буквы «Б» сменилась просто болью, и я стиснул зубы, чтобы не завизжать. Я снова мог шевелиться. Я отпрянул от нее, отползая на спине до тех пор, пока не стукнулся о стену. Я прикрыл глаза руками и буквально услышал, как ломаются перемерзшие ресницы.

С минуту я сидел, пытаюсь совладать с болью, и белая пелена в глазах понемногу сменилась алой, потом черной. Я открыл глаза. Сфокусировать взгляд мне никак не удавалось. Я ощутил на лице что-то мокрое и коснулся этого пальцем. Из глаз шла кровь.

— Я не принуждала тебя и не посылала своих агентов, чтобы они делали это, — продолжала Мэб так, словно разговор не прерывался ни на мгновение. — Так или иначе, если ты хочешь остаться в живых, ты будешь служить мне. Могу тебя заверить: посланники

Летних не успокоятся, пока ты не будешь мертв.

Секунду я молча смотрел на нее, слишком оглушенный болью и — еще в большей степени, честно говоря — страхом.

— Это еще одно яблоко раздора между вами и Титанией?

— Когда одна династия делает ход, другая вынуждена делать ответный, — кивнула Мэб.

— Титания желает смерти Марконе? — прохрипел я.

— Можно сказать и так, — ответила она. — И ее эмиссары будут и дальше пытаться убить тебя. Только ценой спасения жизни Барона ты сможешь сохранить и твою, — она сделала паузу. — Если, конечно...

— Что — «если»?

— Если только ты не согласишься принять мантию Зимнего Рыцаря, — с улыбкой произнесла Мэб. — В таком случае я буду вынуждена поручить это дело другому эмиссару, а твое участие в нем на этом закончится, — веки ее томно опустились, а суррогатный голос сделался текучим, бархатным. — Редкие, очень редкие смертные могут похвастаться такой силой, такой властью, такими наслаждениями, какие будут доступны тебе как моему Рыцарю.

Зимний Рыцарь. Смертный воин Зимней династии. Парень, последним занимавший эту должность, насколько мне известно, висел, прикованный ледяными цепями к замерзшему дереву, испытывая невыносимые муки — и каждый раз, когда жизненных сил у него больше не оставалось, его исцеляли — чтобы начать пытку заново. Страдания окончательно лишили его рассудка. Собственно, он и раньше не производил впечатления особенно приятного типа, и все же нельзя, нельзя подвергать человека, каким бы он ни был, таким мучениям.

— Нет, — сказал я. — Я не хочу кончить так, как Ллойд Слейт.

— В твоих силах прекратить его страдания, — заявила она. — Он жив до тех пор, пока ты не примешь мантию. Прими же мое предложение, дитя чародейки. Освободи его. И сохрани свою жизнь. И испытай власть, какой ты еще не испытывал, — глаза ее как будто сделались больше; казалось, из них струится свет, а голос (ну, не ее собственный) опьянял подобно наркотику.

Приличный человек отверг бы ее предложение мгновенно, не колеблясь.

Я считаю себя приличным человеком. Но не всегда.

Я, конечно, могу найти себе каких-нибудь оправданий, если хотите. Я могу, например, сказать, что сделался круглым сиротой в шесть лет. Или что вырастивший меня приемный отец подвергал меня таким психологическим и физическим истязаниям, что вам и не снились. Или что всю свою взрослую жизнь я находился под подозрением у Белого Совета, хотя делал все, что в моих силах, чтобы проводить в жизнь его, Совета, идеалы и принципы. Или, возможно, я мог бы сказать, что повидал за свою жизнь слишком много человеческих боли и страданий, или слишком много всякой гадости насмотрелся своим чародейским зрением. Я мог бы пожаловаться на то, что мне самому доводилось попадаться в когти порождениям ночи, и что окончательно оправиться от этого я не смог до сих пор. Я мог бы сказать, что я даже выспаться по-человечески давным-давно не могу.

И ведь все это чистая правда!

Дело просто в том, что всего лишь часть меня настолько уж непривлекательна. Та часть, которая жаждет испепелить моих врагов, пользуясь имеющейся в моем распоряжении силой, которая устала от незаслуженных обид. Тот тихий голос у меня в голове, который советует мне порой забыть про все правила, про ответственность и делать только то, что мне *хочется*.

И на какое-то мгновение я представил себе, как все было бы, если бы я принял предложение Мэб. Жизнь среди сидхе была бы... полной. Во всех доступных смертному воображению смыслах. Ну, например, почему бы мне не пожить в собственном доме? Блин, в большом доме, может, даже в замке. Куча денег. Горячий душ ежедневно. Каждый обед — как пир. Я смог бы позволить себе любой прикид, любую тачку. Может, смог бы

попутешествовать немного. Побывать там, где давно мечтал побывать. На Гавайях. В Италии. В Австралии. Научился бы ходить под парусом — мне всегда хотелось научиться ходить под парусом.

Ну, и женщины — а как же! Горячие, холодные — на любой вкус. Неземной красоты и чувственности, вроде той, что стояла передо мной. Зимний Рыцарь обладает статусом и властью, а сидхе от этого тащатся еще больше, чем мы, смертные.

Я смог бы... да почти все, что угодно.

И стоило бы мне все это всего лишь моей души.

Нет, я не имею в виду ничего такого, магического или метафизического. Я говорю о том, что делает меня собой, Гарри Дрезденом, какой он есть. И если я утрачу это — то, что определяет мою личность — что тогда останется?

Набор биологических веществ и функций. И горечь утраты.

Я хорошо понимал это. И все равно, прикосновение ледяных губ Мэб к моему уху продолжало жечь меня, с каждым вдохом разбегаясь по телу медленными волнами наслаждения. Одного этого более чем хватало, чтобы заставить меня колебаться.

— Нет, Мэб, — произнес я, наконец. — Я не хочу этой работы.

Спокойным, тяжелым взглядом она всмотрелась в мое лицо.

— Лжец, — негромко заявила она. — Ты хочешь этого. Я же вижу — хочешь.

Я стиснул зубы.

— Та часть меня, которая хочет, не имеет права голоса, — возразил я. — Я не собираюсь принимать ваше предложение. Точка.

Она склонила голову набок и еще раз посмотрела на меня.

— Настанет день, чародей, и ты будешь валяться у меня в ногах и молить, чтобы я одарила тебя мантией.

— Но не сегодня.

— Не сегодня, — согласилась Мэб. — Сегодня ты окажешь мне услугу в счет долга. Как я и говорила.

Мне не хотелось слишком уж задумываться об этом, но и открыто соглашаться с ней тоже не хотелось. Поэтому я просто кивнул в сторону клочка мостовой, где только что находились снежные фигурки.

— Кто увез Марконе?

— Не знаю. Это одна из причин, по которым я выбрала тебя своим эмиссаром. Ты обладаешь даром находить пропавшее.

— Если вы хотите, чтобы я сделал это для вас, мне придется задать вам несколько вопросов.

Мэб подняла взгляд вверх, словно советуясь с невидимыми за снежной завесой звездами.

— Время, время, время. Неужели ему никогда не будет конца? — она тряхнула головой. — Дитя чародейки, почти час прошел. Мне пора возвращаться к своим обязанностям — как и тебе. Тебе пора встать и немедленно покинуть это место.

— Почему? — осторожно поинтересовался я, вставая.

— Потому что твой маленький вассал, предупреждая тебя об опасности, имел в виду не меня.

Ураганный ветер и буран, бушевавшие на улице за пределами переулочка, разом стихли. На противоположной стороне улицы стояли лицом к нам двое мужчин в длинных пальто и широкополых шляпах-стетсонах. Я кожей ощутил давление их взглядов, и мне почему-то показалось, что они удивлены, увидев меня.

Я резко повернулся спросить у Мэб, что это за фигня, и обнаружил, что она исчезла. Грималкина тоже след простыл — и все это без малейшего шевеления магических энергий. Круто.

Я повернулся назад как раз вовремя: типы в стетсонах сошли с тротуара и начали пересекать мостовую. Длинными скачками. Оба почти не уступали мне ростом и

превосходили сложением. Снег продолжал идти, и вся улица превратилась в ровную белую простыню.

И на этой белой простыне отчетливо виднелись оставляемые ими следы заостренных копыт.

— Блин, — выдохнул я и припустил назад по узкому переулку.

Глава СЕДЬМАЯ

При виде моего отступления типы в стетсонах откинули головы и испустили пронзительные, блеющие крики. Шляпы при этом свалились, и взгляду моему предстали бараньи морды с рогами. Бебеки, чтоб их. Эти, правда, показались мне крупнее, чем те, кто нападал на меня в первый раз. Крупнее, сильнее и стремительнее.

И по мере того, как они начинали догонять меня, я заметил еще одну подробность.

Оба достали из-под пальто автоматические пистолеты.

— Только этого еще не хватало, — буркнул я на бегу. — Это нечестно.

Оба открыли по мне беглый огонь, и это мне очень не понравилось. Пусть я и чародей, но пуля в башку разворотит мне мозги точно так же, как любому другому. Еще меньше мне понравилось то, что они стреляли не веером. Попасть в движущуюся цель нелегко даже из автоматического оружия, так что старый, добрый метод стрельбы длинными очередями основан на чисто математических принципах: чем больше выпущено пуль, тем больше шанса во что-нибудь попасть. Но не наверняка.

Бебеки стреляли как профессионалы. Короткими, прицельными очередями — с поправкой, конечно, на то, что стреляли они на бегу.

Что-то врезалось мне в спину чуть левее позвоночника — ощущение было такое, будто меня с размаху ударили костяшкой пальца. Не самое приятное ощущение. Я пошатнулся — не столько от силы удара, сколько от неожиданности. Тем не менее, я продолжал бежать дальше, как можно сильнее втянув голову в плечи. Заговоренный материал ветровки выдерживал попадания бебекских пуль, но из этого вовсе не следовало, что какая-нибудь из них не угодит в оставшиеся незащищенными ноги — а это означало бы для меня почти верную смерть. Ну, разве что бебекам пришлось бы приложить для этого чуть больше усилий.

Трудно рассуждать здраво, когда в тебя стреляют. Так уж устроены люди, что в момент, когда жизнь вот-вот готова оборваться самым что есть неприятным образом, они редко являют собой образцы рационального и творческого мышления. Рассудок рассудком, а у тела свои собственные представления о логике выживания, и сводятся они как правило к двум: «порвать угрозу в клочки» или «задать стрекача». Разумные мысли в процессе принятия решения участия не принимают — все решают инстинкты.

Однако наши инстинкты складывались довольно долго, так долго, что не в состоянии угнаться за потенциальными угрозами. Убежать от пули нельзя, да и схватываться врукопашную с тем, у кого в руке пистолет, тоже мало смысла, если вы, конечно, не самоубийца. Ни скорость, ни безрассудно-агрессивное поведение не могли мне помочь. Надо было придумать какой-то другой выход.

Еще одна пуля ударила в полу ветровки, дернув укрепленную заклитием кожу вперед. Точно так же дернулась бы она от попадания камня, только камни не издают в полете такого злобного жужжания. На бегу я опрокинул мусорный контейнер в надежде на то, что он задержит бебек хотя бы на секунду-другую.

Вот видите: приходится-таки действовать рационально и, можно сказать, творчески — даже на бегу по замерзшему переулку, спасаясь от вправдашних сказочных персонажей, которые поливают тебя свинцом. Признаюсь, это труднее, чем могло бы показаться.

Я не осмеливался оглянуться на них. Я мог бы прикрыться от пуль силовым щитом, но для этого мне пришлось бы остановиться, а у меня не имелось ни малейшей гарантии того, что один из них не перемахнет через него как звезда кун-фу. Ну, и никто не мешал им

напасть на меня с двух сторон.

Конечно, будь я на их месте и проследи я меня до этого переулка...

Грохот выстрелов за моей спиной стих, и до меня, наконец, дошло, что происходит.

Подбегая к дальнему концу переулка, я вскинул посох, целясь наугад перед собой, и взвизгнул: «*Forzare!*»

Я мог бы рассчитать время чуть лучше. Поток невидимой энергии, сорвавшись с конца моего посоха, тараном устремился вперед. Он угодил в третьего бебеку в момент, когда тот выступил из-за угла, замахнувшись здоровенной дубовой палицей. Попади я в него точнее, и он полетел бы от меня вверх тормашками. Однако удар пришелся ему в правое плечо, вырвав палицу у него из рук и заставив его описать пируэт, которому позавидовал бы любой пьяный.

Я не слишком хорошо разбираюсь в овцах, но с лошадьми дело имел — спасибо моему второму наставнику, Эбенизеру МакКою, на ферме у которого я прожил несколько лет. Я знаю, например, что ноги у них ужасно уязвимы — особенно с учетом того веса, который на них приходится. С лошадиными ногами может случиться множество неприятностей — например, легко может сломаться одна из на удивление хрупких мелких косточек чуть выше копыта. Такая травма может лишить лошадь подвижности на несколько недель — если не навсегда.

Поэтому, добежав до пытавшегося восстановить равновесие бебеки, я с размаху врезал ему посохом по ноге. Удар получился что надо — будь у меня в руках бейсбольная бита, и то вряд ли вышло бы лучше, — и я услышал резкий, характерный треск. Бебека испустил пронзительный, полный боли вопль и рухнул в снег. Стараясь не сбавлять хода, я миновал его, бегом пересек улицу и устремился к ближайшему углу, пока его дружки не успели снова поймать меня на мушку.

Так вот. Загоняя дичь, всегда убедитесь прежде, что тот, на кого вы ее гоните, готов с ней справиться.

Я нырнул за угол за считанные доли секунды до того, как пистолеты за моей спиной грянули снова. Пули высекали из кирпичной стены град осколков. В стене рядом со мной виднелась железная дверь — судя по всему, аварийный выход без ручки снаружи. Вряд ли мне удалось бы оторваться от бебек — с их-то скоростью. Я решил рискнуть, остановился и приложил к двери ладонь, отчаянно надеясь, что замок у двери обычный, пружинный, а не какой-нибудь засов.

Хоть в этом мне повезло. Я ощутил механизм замка, сконцентрировался, еще раз пробормотал: «*Forzare*», — и мысленно потянул ригель от косяка. Замок отворился. Я прыгнул внутрь и захлопнул дверь за собой.

В доме царили темнота, тишина и неожиданное, даже неуютное после уличной холодрыги тепло. Задыхаясь, я привалился спиной к двери.

— Хоро-ошая дверь, — прохрипел я. — Умница. Хорошая, крепкая дверь, каких бояться эти рогатые твари из Небывальщины.

Я услышал движение за дверью только потому, что прижимался к ней ухом. Негромко хрустнул снег.

Я застыл на месте.

До меня донеслись какой-то шорох и дыхание, напоминающее негромкое конское фырканье. И снова тишина.

Должно быть, секунды три прошло, пока до меня дошло: бебека с той стороны делает то же самое, что я: прислушивается в надежде понять, кто там, за дверью.

Нас с ним разделяло не больше пяти-шести дюймов.

И я стоял в полной темноте. Если что-нибудь пошло бы не так, и бебеке удалось бы попасть внутрь, о бегстве я мог даже не помышлять. Я не видел ни пола, ни стен, ни каких-либо других препятствий, способных преградить путь к бегству. Лестницы, например. Или чего-нибудь ржавого и режущего.

Я замер, не осмеливаясь пошевелиться. Даже стальная дверь не помешала бы бебеке

изрешетить меня сквозь нее — при наличии, конечно, достаточно мощных патронов. И потом, никто не говорил мне, что из оружия у него один только пистолет. Я как-то видел, с какой легкостью можно проткнуть человека мечом сквозь такую дверь, и зрелище это, признаюсь вам, не из приятных.

Поэтому я стоял, стараясь не производить ни звука и думать по возможности рациональнее.

Кажется, тогда я вспомнил один из тех фильмов про маньяка в маске призрака, в котором парень прижимается ухом к душевой перегородке — точно так же, как делал это я. Таящийся в соседней кабине убийца втыкает нож прямо в ухо своей жертвы.

Мысль эта привела меня в панику, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не удариться в слепое бегство. Ухо отчаянно зачесалось. Если бы я не знал, что бебекам только и нужно, что выгнать меня как кролика из кустов, мне бы не удалось сохранять спокойствие. Это далось мне нелегко, но я справился.

Прошло, наверное, недели полторы, прежде чем я услышал еще один выдох из не по-человечески больших легких и тихое, едва слышное поскрипывание снега под копытами.

Дрожа от адреналина, усталости и холода, я как мог бесшумнее отодвинулся от двери. Если я хотел выбраться из этой истории целым и невредимым, мне нужно было соображать лучше, чем эти рогатые задницы. Бебеке, Мебеке и Ненеке известно, что я спрятался здесь, и они не намерены отказываться от добычи. Один из них сторожит дверь, не давая мне возможности покинуть здание тем же путем, каким я в него попал. Значит, двое других огибают здание в поисках входа.

Одно я знал совершенно точно: оставаться здесь, когда они его найдут, мне не хочется.

Я снял с шеи амулет-пентаграмму, пробормотал заклинание, и он засиял неярким, голубым светом.

Я стоял в чем-то вроде служебного коридора. Голый цементный пол, стены из неокрашенного гипсокартона. Две двери в правой стене и еще одна в дальнем конце коридора. Я приоткрыл первую и заглянул внутрь. Дверь открывалась в помещение, словно щупальцами осьминога окутанное трубами. Бойлерная, а может, венткамера. Здесь не укроешься.

Следующая дверь оказалась заперта на висячий замок. Не могу сказать, чтобы мне нравилось это делать, но я поднял посох, зажмурился, сосредотачиваясь, и выпустил из покрытого рунами деревянного дрына еще один заряд энергии — на этот раз довольно узкий, направленный. Заряд невидимым топором рассек сталь замка и врубился в деревянное полотно. Обломки замка вместе с петлями полетели на пол; металл в месте разлома тускло отсвечивал багровым.

Комната за дверью оказалась, судя по всему, мастерской техника-смотрителя — небольшой, но очень рационально оборудованной. В ней стояли верстак, шкафы с инструментами и ящики с разнообразными запчастями от электролампочек до воздушных фильтров, дверных петель, раковин и унитазов. Я позаимствовал несколько предметов, оставив на верстаке последнюю пару двадцаток из бумажника — скорее, в виде извинения. Потом я на цыпочках вернулся в коридор и направился дальше вглубь здания.

Следующая дверь тоже оказалась заперта. Ее я отворил с помощью фомки, позаимствованной из мастерской. Пришлось немного пошуметь.

Сзади, из-за стальной двери донесся гортанный звериный рев. Что-то ударило в дверь, но недостаточно сильно, чтобы высадить ее; удар сопровождался болезненным воплем. Я оскалил зубы в недоброй ухмылке.

Дверь открывалась в довольно просторный вестибюль офисного здания. На контрольной панели рядом с дверью, которую я только что взломал, мигал огонек. Судя по всему, я привел в действие охранную сигнализацию здания. Что ж, это было мне на руку. От ближнего полицейского участка нас отделяло не больше квартала, а прибытие наряда с мигалками и всеми прочими штуками, скорее всего, прогнало бы бебек, заставив их отложить расправу до лучших времен.

Но постойте-ка. Если дом оборудован охранной сигнализацией, я не мог не задействовать ее, входя из переулка, а с тех пор прошло минут пять. И где в таком случае полиция?

Скорее всего, дело в погоде, решил я. Улицы занесены снегом. Куча проводов порвалась, из-за чего в городе наверняка проблемы с электричеством и связью. Дорожные происшествия вызвали пробки на дорогах, а после взрыва принадлежавшего Марконе здания полицейский участок даже в такой поздний час перегружен работой. Вполне естественно, что реакция на вызов запаздывает.

За стеклом входной двери шевельнулась тень, и я разглядел одного из бебек.

В моем распоряжении не оставалось и минуты.

Я сорвался с места прежде, чем сообразил, что я делаю, и устремился к лифтам. Опущенная перед дверью решетка не позволила бы бебеке вломиться в вестибюль, но не мешала ему расстрелять меня из пистолета прямо с улицы.

Звук выстрелов напоминал треск разрываемого холста, только в тысячу раз громче. Стекло разлетелось, засыпав все помещение осколками. Часть пуль зацепила решетку и, отрикошетив от нее, с визгом заметалась по вестибюлю. Остальные полетели в меня.

Я успел на бегу выбросить левую руку в направлении бебеки и направить заряд воли в браслет-оберег. Висит у меня на руке такая фиговина: сплав разных металлов и заклятий в форме цепочки из миниатюрных рыцарских щитов. Так вот, заряд моей воли активировал наложенные на него при изготовлении заклятия, и между мной и бебекой выстроился почти невидимый, если не считать бледного голубоватого свечения, выпуклый экран защитного поля. Пули ударили в него, от чего по его поверхности разбежались светящиеся круги — как волны от камня в тихом пруду.

Двери всех трех лифтов были раздвинуты. Я сунулся в ближний ко мне, пробежался пальцами по всем кнопкам от первого до последнего этажа и выскочил обратно. Затем повторил процедуру со вторым лифтом, прыгнул в третий и поехал прямиком на самый верх. Глупо облегчать бебекам преследование, особенно если каждая выигранная секунда может оказаться критически важной.

Двери кабины сдвинулись — потом зажужжали и раздвинулись обратно.

— Ох, ну давай же! — рявкнул я и хлопнул ладонью по кнопке верхнего этажа с такой силой, что на коже, наверное, остался синяк.

Я зарычал от боли. Двери, дернувшись, сдвинулись и с вялым каким-то звоном снова раздвинулись. Я так и продолжал колотить по кнопке, когда бебеки наглядно продемонстрировали, во что они ставят охранные системы смертных.

Ясное дело, прикосновение металла губительно для любого обитателя страны фэйре. Ясное дело, они не могли прорваться ни через стальную дверь, ни сквозь решетку на главном входе.

А вот с кирпичными стенами, как выяснилось, все обстояло по-другому.

Последовал оглушительный грохот, и стена рядом со входной дверью взорвалась. Именно так: не рухнула, а взорвалась, с такой сверхъестественной силой ударили в нее снаружи. Осколки кирпича летели как пули. Керамический горшок с искусственной зеленью разлетелся к чертовой матери. Несколько осколков залетело в лифт и отрикошетило от стен. Вестибюль заволочло кирпичной пылью.

Бебека, только что совершивший то, что оказалось не по зубам Большому Серому Волку, ворвался в это облако, выставив вперед свои изогнутые рога. Он оступился, тряхнул головой, потом увидел меня и оглушительно заблеял.

— Черт! — заорал я лифту, еще раз надавив на кнопку. — Ну давай, давай, давай!

И лифт послушался. Кабина начала подниматься в момент, когда бебека, опомнившись, вскинул свой пистолет и открыл огонь. Пули пробили относительно мягкий металл лифтовой двери, но я держал свой браслет-оберег наготове, так что в меня не попало ни одной, и я успел еще, уезжая вверх, издевательски расхохотаться.

Воистину верно говорят: нет ничего, что возбуждало бы сильнее выпущенной в тебя и

прошедшей мимо пули. Тем более, если стрелок — наемный убийца из сказочной страны.

Миновав четырнадцать этажей, я вышел в темный коридор и в свете поднятого над головой амулета нашел выход на кровлю. Дверь оказалась металлическая, с серьезным замком, и открыть ее с помощью фомки у меня не было ни малейшего шанса.

Я отошел на шаг, поднял посох и нацелил его на дверь. Было время, когда я выпалил бы в нее со всей дури, сорвав к чертовой матери с петель и оставшись при этом без сил. Теперь же я аккуратно прицелился в нижнюю дверную петлю и повторил: «*Forzare!*»

Луч невидимой энергии вроде того, которым я разделался с висячим замком на первом этаже, с негромким треском разрубил петлю. Я повторил это с двумя остальными петлями, потом с помощью фомки выдавил дверь из рамы и выбежал на крышу.

Здесь дул довольно сильный ветер — даже в эту относительно тихую ночь. Впрочем, городские небоскребы даже слабый ветерок усиливают почище аэродинамической трубы, а я находился довольно высоко над уровнем земли. Ветер надул ветровку как хороший парус, и мне пришлось наклониться ему навстречу. Хорошо еще, снега на крыше лежало немного — ну, не считая мест, где ее прикрывали от ветра выступающие из нее архитектурные детали. Там он доходил мне до колена.

Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы сориентироваться. Поднявшись на высоту четырнадцати этажей, вы получаете вид на улицы и здания, отличный от того, к которому вы привыкли на земле. Я прикинул, с какой стороны здания я в него заходил, и поспешил туда в поисках пути к бегству, который я заметил еще тогда.

Это были не пожарные лестницы, украсившие боковые фасады здания своей ржавеющей паутиной. Эти штуковины гулкие как черт-те что, и бебеки наверняка взяли их под контроль. Вместо этого я перегнулся через парапет и нашел нишу в кирпичной стене. Она тянулась на всю высоту здания — этакий желоб шириной три фута и глубиной два. Они располагались на каждом углу здания — наверное, для красоты.

Не могу сказать, чтобы я совсем не дрейфил. Четырнадцать этажей *вниз* совсем не то же самое, что четырнадцать этажей *вверх*, особенно если не пользоваться лифтом или пожарной лестницей. Особенно когда стена здания поблескивает коркой наледи.

Еще мгновение я колебался. Придуманный мною план сразу показался мне не таким уж разумным. Собственно, на меня работало еще и то, что бебек на этот раз было всего трое. Один держал под прицелом лифты. Еще один следил за пожарными лестницами. Таким образом, на активное преследование оставался только один бебека. Я не знал, как быстро доберется он до кровли, но почему-то не сомневался, что это произойдет довольно скоро.

Идея просто-напросто столкнуть бебеку с крыши зарядом из моего посоха обладала несомненной привлекательностью, но я решил не делать этого. Падение с четырнадцатого этажа могло только взбесить бебеку до предела и уж наверняка выдало бы мое местоположение. Уж лучше тихо улизнуть, оставив их в убеждении, что я продолжаю прятаться где-то в доме.

Поэтому я перебрался через парапет, прямо на ветер. Нос и пальцы онемели почти мгновенно. Я постарался не обращать на это внимания и свесил ноги вниз, упершись ими в кирпичные стенки ниши. Потом с отчаянно бьющимся сердцем соскользнул с парапета, так что мой вес теперь приходился на ноги, и только распор их не давал мне грохнуться вниз, на тротуар. Опустившись чуть ниже, я смог упереться в стенки еще и локтями, что немного убавило нагрузку на ноги.

Вряд ли я смогу описать в точности, что я испытывал, глядя вниз. Правда, время от времени землю от меня закрывали снежные вихри. Начав путешествие с крыши, я уже не мог вернуться. Одна ошибка, одно неверное движение, один неожиданный клочок льда — и я смело мог бы записать в список своих инкарнаций понятие «лепешка».

Изо всех сил упершись локтями в стенки, я ослаблял усилие на ноги, позволяя им сползти на несколько дюймов вниз, после чего фиксировал их и передвигал вниз локти. И еще раз. И еще.

Так я и спускался вниз — коротенькими отрезками по пять-шесть дюймов, извиваясь

как червяк. Я одолел футов десять спуска, а потом представил себе навязчивую картинку: бебеку, наставляющего на меня пистолет с расстояния в несколько футов и небрежно выпускающего мне в башку всю обойму.

Я начал спускаться быстрее. Желудок сводило судорогой от высоты и страха. Я слышал собственные жалкие всхлипы — хорошо еще, негромкие. Ветер завывал, швыряя снег мне в глаза. На ресницах начала застывать ледяная корка. Куртка почти не защищала от ветра, и я начал непроизвольно дрожать.

Посох я потерял, когда до земли оставалось футов пятьдесят. Он просто выскользнул из моих заочневших пальцев, и я затаил дыхание. Стук от его падения мог привлечь внимание бебек, в результате чего вся моя затея с этим безумным способом бегства разом потеряла бы смысл.

Однако тяжелый дубовый дрын упал в сугроб и бесшумно ушел в снег. Я постарался последовать за ним, только не так быстро.

Я не поскользнулся до тех пор, пока до земли не осталось не больше десяти футов. Да и тогда я ухитрился приземлиться более-менее мягко — по большей части потому, что плюхнулся в тот же сугроб, который поглотил мой посох. Я начал выбираться из него и чуть не упал, запутавшись ногами в посохе. Я подобрал его почти совершенно утратившими чувствительность руками и выбрался на тротуар.

Светящийся шар мелькнул в дальнем конце переулка, скрылся, появился снова и устремился ко мне.

Лицо Тук-Тука показалось мне непривычно хмурым, даже суровым. Он нырнул ко мне, на лету приложив к губам пальчик. Я кивнул.

— Мне нужно знать, как отсюда выбраться, — произнес я беззвучно, одними губами.

Светящийся шар Тука подпрыгнул в знак согласия и унесся прочь. Я поднял взгляд. В небе мелькали другие шары переливающегося света — светлячки, которых и не заметить, если не знать, что искать. Ожидая Тука, я принял необходимые меры предосторожности.

Как и прежде, ждать пришлось недолго. Тук вернулся меньше, чем через минуту, и махнул мне рукой. Он летел первым, а я старался не отставать. Я замерзал все сильнее. Падение в сугроб запорошило меня всего снегом, который начал таять, а в такую погоду мокрая одежда хуже всего. Мне необходимо было шевелиться. Смерть от переохлаждения, возможно, уступает по зрелищности расстрелу в упор, но мне еще предстояла серьезная работа.

Добравшись до дальнего конца переулка я услышал далекий, приглушенный снегом и ветром блеющий крик бебеки. Я оглянулся и успел увидеть, как он спустился с крыши тем же путем, что и я — только гораздо быстрее.

Мгновением спустя до меня донесся полный боли вопль — это бебека, спустившись на землю, обнаружил, что в снегу в изобилии разбросаны гвозди, позаимствованные мною из мастерской. Вопль не стихал несколько секунд. Должно быть, один из гвоздей застрял у бебеки в копыте, и я, несмотря на холод и усталость, не смог удержаться от мстительной ухмылки. Вряд ли этому светили в ближайшее время эльфийские танцы при луне.

Что ж, двое бебек уже охромели по моей милости, и я очень надеялся на то, что это заставит их отказаться от дальнейшего преследования — по крайней мере, временно. Впрочем, кто их, бебек, знает. Я старался не отставать от Тука, уводившего меня глухими переулками все дальше от посланников Летних. Вокруг меня, охраняя с флангов, метались туда-сюда маленькие рождественские огоньки — гвардия Ца-Лорда бдительно несла свою вахту.

В нескольких кварталах от места, где я оторвался от бебек, я обнаружил работавший круглосуточно продуктовый магазин и ввалился внутрь, в блаженное тепло. Продавец недоверчиво косился на меня, пока я, пошатываясь, рылся в карманах в поисках мелочи, бросил ее на тарелочку у кассы и переместился к стойке кафетерия. Только после этого продавец, похоже, убедился в том, что ему не нужно доставать из-под прилавка дробовик или что там у него лежало, и принялся снова глазеть в темное окно.

По магазину шаталось еще несколько покупателей, и я увидел в окно, как по улице, рассекая снег, проехала полицейская машина — скорее всего, наряд выехал проверить сработавшую в доме сигнализацию. Славное, людное место. Возможно, безопасное. Я так замерз, что с трудом удерживал в руках бумажную кофейную чашку. Кофе обжег мне язык, но все равно был восхитителен — даже без сливок. Я сделал большой глоток и ощутил, как к телу понемногу возвращаются чувства.

Я постоял немного со слипающимися глазами и допил кофе. Потом скомкал чашку и бросил ее в мусорный бак.

Кто-то похитил Джона Марконе, и я должен был найти и спасти его. У меня складывалось ощущение, что Мёрфи вряд ли придет в восторг от подобной перспективы. Блин-тарарам, это мне и самому совсем не нравилось. Но не это тревожило меня больше всего.

Больше всего меня тревожило то, что во всем этом была замешана Мэб.

Для начала, кой черт она вообще заставила Грималкина говорить за себя? Ну, если не считать того, что это вывело меня из равновесия сильнее, чем обычно. О, конечно, на вид она держалась достаточно откровенно, но на деле происходило гораздо больше, чем она мне говорила.

Ну, например: Мэб сказала, что посланные Летними убийцы напали на меня потому, что она выбрала меня своим эмиссаром. Однако для этого ей пришлось бы сделать выбор давным-давно, по крайней мере за некоторое время до того, как бебеки напали на меня во дворе дома Карпендеров.

А это произошло за несколько часов до того, как нехорошие парни похитили Марконе.

Кто-то разыгрывал партию, это точно. Кто-то о чем-то умалчивал.

У меня складывалось еще менее приятное ощущение того, что если я не найду кто это делает, зачем и как, Мэб выкинет меня в мусорный бак, как я только что выкинул бумажную чашку.

Смяв предварительно в труху, разумеется.

Глава ВОСЬМАЯ

Широкий, приземистый, армейского вида пикап прохрустел шинами по снегу и остановился у маленькой продуктовой лавки. Фары светили прямо в дверь. Я сощурил глаза, глядя против света. После секундной паузы дважды коротко взревел гудок «Хаммера».

— Ох, да вы, наверно, шутите, — буркнул я, проковылял к двери и вышел на улицу, к пикапу. Тот совершенно сливался с ночным окружением.

Окошко со стороны водителя откинулось, и из него выглянул молодой человек, каких отцы несовершеннолетних дочерей отстреливают без предупреждения. В первую очередь бросались в глаза бледность лица и глубоко посаженные серые глаза. Длинные, чуть выющиеся волосы имели ровно такую длину, какая ассоциируется обычно с таким чуть равнодушным бунтарством, и были всклокочены с такой же небрежной безупречностью. Одежду его составляли черный кожаный пиджак, белая сорочка — и то, и другое по отдельности дороже, чем любые два предмета моей домашней обстановки на выбор. На контрасте с ними из-под воротника пиджака выбивался дешевый вязаный шарф. Смотрел он прямо вперед, так что я видел только его профиль, но почему-то я не сомневался, что другая, невидимая мне половина рта кривится в ухмылке.

— Томас, — кивнул я ему. — Будь на моем месте кто мелочнее, он бы тебя возненавидел.

Он ухмыльнулся, уже не скрываясь.

— Кто-нибудь мелочнее *тебя*? — на последнем слове он закатил глаза, и лицо его приобрело невинное выражение, которое и сохраняло на протяжении нескольких секунд. — Голод мне в глотку, Гарри, у тебя вид как у...

— Как после десяти миль бездорожья?

Он натянуто улыбнулся.

— Мне предстоит поездка в обществе енота?

— Добрый ты. Вот уж спасибо.

— Садись.

Он перегнулся через торчащий посередине салона наподобие кухонного стола ящик — не иначе, коробку передач — и разблокировал пассажирскую дверь. Даже с его ростом это далось ему нелегко. Я медленно забрался в салон, как-то особенно остро ощущая все свои болячки... особенно жгущую боль на месте сломанного носа. Не глядя, я швырнул посох в заднюю часть кабины этого монстра и даже удивился, не услышав далекого эха. Потом пристегнул ремень. Томас тронул машину с места. Он внимательно вглядывался в снегопад — не иначе, остерегаясь ненароком переехать какую-нибудь мелкую легковушку.

— Болит, наверное? — предположил он, помолчав минуту.

— Только на выдохе, — осторожно ответил я. — Кой черт ты так задержался?

— Ну, сам представь, как мне нравится, когда меня вытаскивают из постели посреди ночи, чтобы исполнять обязанности шофера у ворчливых сыщиков-неудачников. Да еще в такой снег и гололед. Такое не слишком, скажем так, окрыляет.

Я хмыкнул, что человек, хорошо со мной знакомый мог бы принять и за подобие извинений.

Томас знает меня хорошо.

— Что происходит?

Я все ему рассказал.

Томас приходится мне сводным братом. Собственно, он единственная моя родня. Ему можно.

— А потом, — завершил я, — мне пришлось ехать на грузовике-монстре.

Рот Томаса дернулся в быстрой ухмылке.

— Убойная тачка, правда?

Я хмуро осмотрелся по сторонам в салоне.

— Скажи, свет от телеэкрана доходит до заднего сидения за час — или чуть меньше?

— Какая разница? — хмыкнул Томас. — У них там свой монитор.

— Это хорошо, — кивнул я. — Только тебе придется подождать немного с их использованием.

Томас испустил театральный вздох.

— Почему именно я?

— Потому, что если я хочу отыскать Марконе, начинать лучше всего с его окружения. И если до них дойдет слух о том, что он пропал, хрен его знает, как они будут реагировать на мое присутствие. Поэтому ты будешь прикрывать меня со спины.

— А что, если мне дела нет до твоей спины?

— Будет, — безжалостно отрезал я. — Ты родня или где?

— Уел, — признался он. — Только что-то я не очень уверен, что ты хорошо все продумал.

— Пытаюсь думать в процессе.

Томас тряхнул головой.

— Слушай, ты же знаешь, я не люблю лезть к тебе с советами.

— Сегодня, насколько я понимаю, исключение, да?

— Марконе не ребенок, — вздохнул Томас. — Он добровольно подписал Договор. Он знал, на что идет, делая это.

— И что? — пожал плечами я.

— Он сам, добровольно сунулся в джунгли, — ответил Томас, напряженно вглядываясь в снежную мглу. — Так сказать.

— То есть, — хмыкнул я, — он сам застелил себе кроватьку, а я должен оставить его лежать в ней?

— Типа того, — кивнул Томас. — И не забывай: ни Мёрфи, ни полиция не помогут

тебе в этой кампании под лозунгом «Спаси Короля Мафии».

— Знаю, — согласился я. — Я бы и сам с удовольствием постоял в стороне и посмотрел бы, что выйдет. Но дело ведь не только в Марконе.

— Тогда в чем?

— Мэб сдерет с меня шкуру живьем, если я не сделаю, как она хочет.

— Да ну же, Гарри, — возмутился Томас. — Ведь ты же не думаешь на самом деле, что мотивации и планы Мэб настолько просты и прямолинейны, — он добавил оборотов дворникам «Хаммера». — Марконе нужен ей не просто так. Вполне возможно, ты окажешь ему не лучшую услугу, если спасешь ради прихоти Мэб.

Я промолчал, хмуро глядя в ночь.

Он поднял руку, разминая пальцы.

— И это, заметь, если исходить из того, что он еще жив и здоров. Это во-первых, — он загнул палец. — Во-вторых, тебе еще нужно найти его. В-третьих, тебе нужно суметь вытащить его живым. И в-четвертых, не забывай, что противная сторона будет делать все, что в их силах, чтобы покалечить или убить тебя.

— Ну и к чему ты клонишь? — поинтересовался я.

— К тому, что ты ведешь игру против опасной шайки, не имея при это ни малейшего представления о том, прикроет ли Мэб твою задницу, если до этого дойдет дело, — он покачал головой. — С твоей стороны было бы куда разумнее смыться из города. Отправиться куда-нибудь на юга на пару-тройку недель.

— Мэб может принять это близко к, типа, сердцу, — заметил я.

— Мэб женщина деловая, — возразил Томас. — Извращенка, псих, это да, но деловая. Расчетливая. И до тех пор, пока ты представляешь для не интерес в качестве потенциального рекрута, сомневаюсь, чтобы она преждевременно устраняла тебя.

— Очень ободряющая мысль. Мне нравится. Может, ты и прав — если только, выражаясь твоими словами, Мэб не ведет свою игру с неполным составом шайки. Что, собственно, все нагляднее показывают события последних лет, — я мотнул головой в сторону окошка. — И мне кажется, у меня было бы еще больше неприятностей с бебеками, когда бы не эта чертова метель. Если я слиняю в Майами или в другое теплое место, я подставляюсь агентам Летних гораздо сильнее — а ведь они только этого и ждут.

Томас нахмурился и промолчал.

— Я могу бежать, но не спрятаться, — сказал я. — Лучше уж встретить это здесь, на своей территории, где я, можно сказать, могу расслабиться, — я абсолютно искренне и неподдельно зевнул, — а не ожидать в любую минуту нападения потусторонних громил то одной династии, то другой — чтобы те, типа, расчленили меня на закате после того, как я столько от них бегал.

— А что Совет? — поинтересовался Томас. — Ты ведь уже довольно давно носишь серый плащ, верно? И сколько раз ты доказывал свою преданность им в бою?

Я мотнул головой.

— Как раз сейчас у Совета резервов до опасного мало. Может, открытых боев с Красной Коллегией в настоящий момент и нет, но Совету и Стражам потребуется не один год, чтобы полностью восстановить силы, — на мгновение я невольно стиснул зубы. — И за последние годы объявилось много, слишком много чернокнижников. Стражи работают в три смены, чтобы обуздать это явление.

— Ты имеешь в виду, чтобы убить их, — уточнил Томас.

— Я имею в виду, чтобы убить их. В большинстве своем они подростки, понимаешь? — я тряхнул головой. — Люччо знает, что я думаю на этот счет. Она отказывается поручать такие дела мне. Из чего следует, что грязная работа достается другим стражам. Я не хочу грузить их еще и этой заварухой.

— Меня ты грузить не побоялся, — заметил Томас.

Я фыркнул.

— Их-то я уважаю.

— Ну, хоть это мы прояснили, — сказал он.

Мы обогнали снегоочиститель. Он зарылся в глубокий сугроб, напоминая стального персонажа «Ледникового Периода», увязшего в асфальтовой трясине. Томасов «Хаммер» медленно, но уверенно одолел снежный завал.

— Да, кстати, — покосился на меня Томас. — Куда ты собираешься дальше?

— Всему свое время, — буркнул я. — Мне нужно поесть.

— Тебе нужно поспать.

— Тик-так. Пока хватит и еды, — настаивал я. — Вон, смотри, «Ай-Хоп».

Он осторожно повернул свою машину к сияющей неоновой вывеске.

— А потом?

— Буду задавать людям разные несущественные вопросы, — ответил я. — В надежде получить существенные ответы.

— И на то, что тебя при этом никто не укокошит, — добавил он.

— Именно поэтому я и захватил с собой личного вампира-телохранителя.

Томас остановил «Хаммер» поперек трех парковочных мест на маленькой, совершенно пустой стоянке перед блинной.

— Нравится мне твой шарф, — заметил я и сделал попытку принюхаться. Нос болел, но я все же уловил благословенный аромат ванили и клубничного джема. — Это она тебе связала?

Томас молча кивнул. Одета в кожаную перчатку рука его коснулась грубоватой вязаной ткани. Лицо его немного погрузтело. Я сразу же пожалел, что упомянул о Жюстине, навсегда утерянной для брата возлюбленной. Теперь до меня дошло, почему он дотрагивался до него в перчатках: если этот шарф связан ею в знак любви к Томасу, он просто не мог касаться его открытой кожей. Шерсть обожгла бы его не хуже раскаленного железа. Поэтому он носил его, чтобы его касался аромат ее рук, ее любви — но не сам шарф.

Каждый раз, когда мне кажется, что моя личная жизнь в глубокой заднице, я смотрю на своего брата и понимаю, что бывает и хуже. Много хуже.

Томас тряхнул головой, вырубил двигатель, и мы посидели немного в тишине.

Поэтому я хорошо услышал низкий мужской голос, прозвучавший за окном машины.

— Не шевелитесь, оба, — послышался характерный *клик-клак* передергиваемого магазина помпового дробовика. — А то убью.

Глава ДЕВЯТАЯ

Когда на вас нацелено ружье, у вас на выбор имеется два пути: или действовать, быстро и неожиданно для противника, в надежде на то, что вам повезет — или застыть неподвижно в надежде договориться. С учетом того, что для бегства или борьбы пространства у меня было маловато, я выбрал вариант «Б» и застыл как изваяние.

— Полагаю, — с надеждой в голосе поинтересовался я, — у тебя не полноценная армейская модель?

— У нее сиденья с индивидуальным подогревом и си-ди-чейнджер на шесть дисков, — отозвался Томас.

Я нахмурился.

— Это, конечно, на порядок приятнее, чем всякая дурацкая фигня вроде брони и пуленепробиваемых стекол.

— Эй, — обиделся Томас. — Я не виноват, что у тебя специфические запросы.

— Гарри, — произнес человек с дробовиком. — Будьте добры, поднимите правую руку.

Я удивленно заломил бровь. В обычный лексикон мордovorотов с нацеленными в вашу голову ружьями редко входят вежливые обороты вроде *«будьте добры»*.

— Хочешь, я его убью, — едва слышно предложил Томас.

Я чуть заметно мотнул головой и поднял руку растопыренными пальцами вверх.

— Покрутите ей, — произнес мужчина на улице. — Покажите мне запястье.

Я повиновался.

— Ох, слава Богу, — выдохнул голос.

До меня, наконец, дошло. Я повернул голову к окну.

— Привет, Хват, — сказал я сквозь стекло. — Это у вас дробовик мне в башку нацелен, или вы просто рады меня видеть?

Хват — стройный молодой человек среднего роста. Волосы у него серебристо-белые, шелковистые, и хотя красавцем его не назвать, есть в, скажем честно, не особенно примечательных чертах некая спокойная уверенность, делающая его привлекательным. Очень он теперь отличается от того нервного, дерганого юнца, каким я увидел его впервые несколько лет назад.

Одет он был в джинсы и зеленую шелковую рубашу — ничего больше. Ему полагалось бы мерзнуть, чего он явно не делал. Густой снегопад просто обходил его стороной. Снежинки каким-то образом находили путь к земле, минуя его фигуру. К плечу его прижимался прикладом дробовик с длинным стволом, на поясе висел меч.

— Гарри, — произнес он ровным, лишенным враждебности голосом. — Мы можем спокойно переговорить?

— Могли бы, — отозвался я, — если бы вы не начали с тыканья мне в лоб своей пушкой.

— Неизбежные меры предосторожности, — вздохнул он. — Мне необходимо было убедиться, что вы не приняли предложения Мэб.

— И не стал новым Зимним Рыцарем? — спросил я. — Хват, вы же могли просто спросить меня.

— Стань вы одним из подручных Мэб, — возразил Хват, — и вы солгали бы мне. Это изменило бы вас. Превратило бы в слепое орудие ее воли. Я не смог бы вам доверять.

— Вы же сам Летний Рыцарь, — отозвался я. — И я поневоле вынужден задуматься, не наложило ли это на вас такого же отпечатка. Похоже, Летние последнее время не слишком мною довольны. Как знать, может, вы тоже всего лишь орудие чьей-то воли?

Хват смерил меня взглядом поверх ствола, потом резко опустил дробовик.

— Туше.

Словно ниоткуда в руке у Томаса возник полуавтоматический пистолет, размером вполне подходящий к его тачке, и он целился Хвату в лоб прежде, чем тот успел договорить.

Взгляд у Хвата расширился.

— Ох, черт.

Я вздохнул и осторожно забрал пистолет у Томаса.

— Ну, ну. Не будем создавать у него ложного впечатления о характере нашей беседы.

Хват с облегчением перевел дух.

— Спасибо, Гарри. Я...

Я уставил ствол пистолета в лоб Хвату, и он застыл с разинутым ртом.

— Бросьте дробовик, — приказал я ему, даже не пытаясь изобразить дружелюбие.

Он сжал губы, но подчинился.

— Шаг назад, — скомандовал я.

Он послушно отступил на шаг.

Я выбрался из машины, ни на мгновение не опуская пистолета. Осторожно нагнувшись, я подобрал дробовик и, не оборачиваясь, протянул его назад, Томасу. Потом молча заглянул в лицо седоволосому Летнему Рыцарю. Бесшумно падал снег.

— Хват, — негромко произнес я, выждав небольшую паузу. — Я понимаю, в последнее время вы проводите кучу времени, вращаясь в сверхъестественных кругах. Я понимаю, такие старомодные штуки, вроде пистолетов и ружей не воспринимаются уже вами в качестве серьезной угрозы. Я понимаю, что вы, возможно, хотели просто продемонстрировать серьезность своего подхода, и что мне полагалось бы воспринимать весь ваш арсенал в качестве антуража для переговоров, не более, — я прищурился на мушку Томасова

пистолета. — Но вы переступили черту. Вы целились из ружья мне в голову. Друзья так не поступают.

Тишина. Снегопад.

— Нацельте оружие на меня еще раз, — так же тихо продолжал я, — и вам, черт подери, лучше нажать на спусковой крючок сразу. Вы меня поняли?

Хват прищурился и кивнул.

Я дал ему еще полюбоваться пару секунд на дырку ствола, потом опустил пистолет.

— Холодно, — сказал я. — Чего вы хотели?

— Я пришел предупредить вас, Гарри, — ответил Хват. — Мне известно, что Мэб назначила вас своим эмиссаром. Вы не знаете, во что ввязываетесь. Я пришел посоветовать вам держаться от этого подальше.

— Или что?

— Или вам будет больно, — тихо ответил Хват. Вид у него был усталым. — Может, вас убьют. И пострадает куча случайных людей, — он поднял руку и продолжал чуть быстрее. — Пожалуйста, поймите меня. Я не угрожаю вам, Гарри. Я просто говорю вам, какие могут быть последствия.

— Я бы гораздо легче поверил вам, если бы вы не начали разговор, угрожая убить меня, — заметил я.

— Прошлый Летний Рыцарь погиб от руки своего Зимнего коллеги, — ответил Хват. — Собственно, большинство их погибали именно таким образом. Если вы примете предложение Мэб и поступите к ней на службу, у меня не будет ни малейшего шанса выстоять против вас в открытом бою, и мы оба это прекрасно понимаем. Я сделал то, что сделал, для того, чтобы предупредить вас, защитив при этом и себя.

— О, — кивнул я. — Значит, это был *предостерегающий* дробовик. Это меняет дело.

— Черт подери, Дрезден, — сказал Хват. — Что мне сделать, чтобы вы меня выслушали?

— Вести себя более доверительным образом, — ответил я. — Ну например, следующий раз, когда вы узнаете, что громилы Летних собираются устроить на меня наезд, вы можете позвонить мне, дав мне небольшой гандикап.

Хват поморщился. Лицо его дернулось от видимого усилия. Когда он заговорил, зубы его остались крепко сжатыми, но я все же мог с некоторым усилием разобрать его слова.

— Хотелось бы.

— Ох, — выдохнул я. Изрядная часть моей злости разом испарилась. Оно и к лучшему: Хват не из тех, на кого стоит злиться. — Идти на попятный уже не получится.

Он с усилием вдохнул воздух и кивнул.

— Мэб знает, за какое место вас держать.

— Пока знает.

Он одарил меня не слишком радостной улыбкой.

— Она не из тех, кто отпускает на волю тех, кого хочет заполучить.

— А я не из тех, кого легко заполучить, — возразил я.

— Возможно, — не очень убежденно согласился Хват. — Вы уверены, что не передумаете?

— Нам с ней придется прийти к соглашению насчет отсутствия соглашения.

— Господи Иисусе, — Хват отвел взгляд. — Не хотелось бы мне схлестнуться с вами, Дрезден.

— Так и не схлестывайтесь.

Он молча, с серьезным выражением лица смотрел на меня.

— Я тоже не могу идти на попятный. Вы мне нравитесь, Гарри. Но я вам ничего не могу обещать.

— Мы играем в разных командах, — кивнул я. — Ничего личного. Просто придется делать то, что мы должны делать.

Хват кивнул.

Некоторое время мы оба молчали.

Потом я положил дробовик на снег, кивнул и полез обратно в Томасов пикап. Тяжелый полуавтоматический пистолет я протянул брату. Хват не спешил поднять дробовик.

— Гарри, — произнес он, когда «Хаммер» уже тронулся с места. Рот его дернулся несколько раз, но он справился. — Не забывайте листок, который дала вам Лилия.

Я нахмурился, но кивнул.

Томас вырулил со стоянки и повел пикап дальше. Поскрипывали дворники. Хрустел по шинами снег. Ровный белый шум.

— Ладно, — произнес Томас. — Что это за фигня такая? Подразумевается, что этот парень друг, а он в тебя стволом тычет. Какой-то момент мне казалось, ты врежешь ему пистолетом по физиономии. А потом ты как-то разом скис.

— Можно сказать, и так, — устало кивнул я.

— Ты понимаешь, о чем я.

— На него наложено заклятие, Томас.

Томас нахмурился.

— Лилия поставила ему в мозг блокировку?

— Сомневаюсь, чтобы это сделала она. Не в ее стиле.

— Тогда кто?

— Я бы ставил на Титанию, Летнюю Королеву. Если она приказала ему держать рот на замке и не помогать мне, у него нет ни малейшей возможности ослушаться. Возможно, именно поэтому он явился вооруженным и пытался задеть меня. Он не мог бы поговорить со мной откровенно, но если он угрожал мне в рамках дальнейших планов Олимпии, это могло позволить ему обойти заклятие.

— Мне это представляется не слишком убедительным. Ты ему веришь?

— Титания уже проделывала такое с ним. И она искренне меня не любит.

— Что ж, такое бывает, если убиваешь чью-то дочь, — заметил Томас.

Я устало пожал плечами. Сочетание боли, холода и неоднократного впрыска в кровь адреналина измотало меня гораздо сильнее, чем мне казалось. Я не смог удержать еще одного зевка.

— О чем это таком он сказал, когда мы трогались?

— А, — пробормотал я. — После той заварухи в Арктис-Торе Лилия дала мне серебряную заколку в форме дубового листа. Это превращает меня в, типа, эсквайра Летних. В чистой теории я могу воспользоваться им, чтобы призвать Летнюю Династию на помощь. Это у них такой способ восстанавливать равновесие после всего, что мы натворили.

— Ну, иметь должника за оказанную услугу никогда не помешает, — согласился Томас. — Она у тебя с собой?

— Угу, — кивнул я. Заколка и впрямь лежала во внутреннем кармане моей ветровки, в маленькой коробочке из-под кольца. Я достал ее и продемонстрировал Томасу.

Он присвистнул.

— Тонкая работа. Красотища.

— Сидхе знают толк в красоте, — согласился я.

— Может, ты мог бы воспользоваться ею, чтобы они от тебя отстали?

— Если бы все было так просто, — фыркнул я. — Титания может решить, что лучший способ помочь мне — это сломать мне спину, парализовав ниже пояса и уложив в больничную койку. Опять-таки, это избавит бебек от необходимости меня убивать.

Томас скептически хмыкнул.

— Тогда почему Хват упомянул о ней?

— Может, ему приказали, — предположил я. — Может, Титания надеется, что я обращусь за помощью, и тогда ей представится возможность лично меня раздавить. А может...

Я позволил себе осечь и помолчать, пока колотил свой и без того избитый за день мозг под вздох, чтобы он хоть немного варил.

— А может, — сказал я наконец, — потому, что он хотел предупредить меня об этом. Бебеки дважды уже меня находили, а ведь физически они меня не преследуют и не выслеживают. Ни то, ни другое место не относится к местам моего обычного пребывания. И как, интересно, нашел меня сам Хват — в разгар метели? Уж наверняка не шатаюсь наугад у первой попавшейся блинной.

Глаза у Томаса расширились: до него дошло.

— Это маяк для слежки.

Я смерил серебряный листок угрюмым взглядом.

— Титания, — произнес я ворчливо, но все-таки не без восхищения. — Вот ведь хитрая сучка!

— Черт, — признался Томас. — Мне теперь даже неловко, что я на этого жука пистолет наставлял.

— Мне бы, возможно, тоже, — согласился я, — если бы не тот факт, что Хват начинает вести себя так же по-жучьи и по-лисьему, как остальные сидхе.

— Лучше избавься от этой штуки, — буркнул Томас. — Пока их не набежало еще.

Он нажал на клавишу, опускавшую окошко со стороны пассажира. Спрятанный в двери моторчик кашлянул и задребезжал, прежде чем рывком дернуть стекло вниз. Чародеи неважно сосуществуют с техникой. Для суперсовременного оборудования я просто живое воплощение закона Мёрфи — чем дольше я находился в блестящем Томасовом нефтеналивном танкере, тем больше его устройств могло испортиться.

Я поднял листок, чтобы выкинуть его в окно, но что-то остановило меня.

— Нет, — пробормотал я.

Томас удивленно покосился на меня.

— Нет?

— Нет, — уже уверенно повторил я, сжав пальцы вокруг предательского серебряного листика. — У меня есть идея получше.

Глава ДЕСЯТАЯ

Когда я закончил, наконец, работу над заклятием, которое, как я надеялся, заставит бебек изрядно попотеть, и устало выбрался из лаборатории, Томас сидел у камина. Мышь, мой пес-переросток, лежал у его ног, и на его серебристой шерсти играли багровые отблески огня. Мышь с интересом наблюдал за манипуляциями Томаса.

Мой брат сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и раскладывал на чистом куске ткани детали моего разобранного пистолета. Рядом на полу лежали щетка, бумага для чистки и стояла бутылочка ружейного масла.

Мистер, еще один из живущих у меня переростков, только кот, дождался мгновения, когда я подниму крышку люка в полу гостиной, и, проскользнув мимо меня, нырнул в подвал.

— Задай им жару, тигрище, — бросил я ему вслед. — Пусть побегают, не жалея копыт.

Оставив люк открытым, я доплелся до дивана и рухнул на него. Мышь мягко стукнул хвостом по полу.

— Ты в порядке? — поднял взгляд Томас.

— Устал, — признался я. — Сложное заклятие.

— Ну-ну, — хмыкнул он, глядя на свет сквозь ствол пистолета. — Что ты на этот раз пожег?

— Сожгу твою берлогу, если не перестанешь задавать дурацкие вопросы, — отозвался я. — Дай мне минуту перевести дух, и поедем.

Томас бросил на меня внимательный, оценивающий взгляд.

— Мне все равно нужно еще минуты две, если не пять. Когда ты последний раз чистил эту штуковину?

— Э... Кто у нас сейчас президент?

Томас неодобрительно поцыкал зубом и вернулся к чистке.

— Дай мне знать, когда созреешь выходить.

— Мне и минуты хватит, — сказал я. — Только дух перевести.

Когда я проснулся, из окон моей полуподвального лился неяркий утренний свет, а шея болела так, будто все кости в ней сварены неопытным сварщиком. Все синяки и ссадины, что я последовательно получил на протяжении минувшей ночи, вступили в стовор с целью насильственного захвата контроля над моей нервной системой. Я застонал и с трудом повернул голову, оглядываясь по сторонам.

Томас сидел, прислонившись спиной к стене у камина, расслабленный и невозмутимый как мой домашний тигр. Его и мой пистолеты, а также кривой нож-кукри, который он в последнее время предпочитал остальным клинкам, лежали в непосредственной близости от его руки.

Что-то упало на пол со стола или полки в лаборатории. До меня донесся стук лап Мистера по металлической поверхности лабораторного стола.

— Чего ты ухмыляешься? — поинтересовался брат.

— Мистер, — коротко ответил я.

— Он все утро предметы роняет, — сообщил Томас. — Я хотел запереть его, пока он ничего не разбил, но череп сказал, чтобы я оставил его в покое.

— Угу, — кивнул я, с усилием поднялся на ноги и побрел к маленькому алькову, который служит мне подобие кухни. Найдя в шкафу флакон аспирина, я кинул в рот несколько таблеток и запил их стаканом воды. — Это ради твоей же безопасности. Мистер, типа, расстраивается, когда кто-то мешает ему наслаждаться кошачьей мятой.

Шаркая ногами, я вернулся к люку и заглянул вниз. Как я и ожидал, маленький полотняный мешочек с кошачьей мятой, в который я сунул серебряный дубовый листок, все еще висел на длинной резиновой ленте под потолком — прямо над Маленьким Чикаго. У меня на глазах Мистер запрыгнул на лабораторный стол, взвился с него в воздух и вцепился в мешочек снизу. Приземлился вместе с мешочком он где-то в районе Линкольн-парка. Кот в блаженном экстазе потерся мордой о мешочек, потом отпустил его и успел только шлепнуть по нему лапой, когда резинка утащила мешочек обратно, приложив по дороге несколько раз о миниатюрные небоскребы модели.

Тут до него, похоже, дошло, что за ним наблюдают. Он задрал ко мне морду, самодовольно мяукнул, дернул обрубок хвоста и спрыгнул со стола на пол.

— Боб? — окликнул я. — Что, заклятие еще действует?

— Так точно, кэп! — откликнулся Боб. — Гррррр!

— Это еще что за штуки? — поинтересовался Томас у меня над ухом.

Я подпрыгнул от неожиданности, едва не свалившись в люк.

— Ты когда-нибудь отучишься делать так?

Он кивнул с совершенно серьезным выражением лица, но я-то видел, как дергаются уголки его губ в отчаянной попытке сдержать улыбку.

— Точно. Извини, забыл.

Я зарычал и обозвал его непечатным, но от этого не менее точным эпитетом.

— Он совсем достал меня своими просьбами сводить его на это кино про пиратов. В общем, я захватил его с собой, когда последний раз ездил в эту драйв-ин киношку в Авроре, и он ушибся этой темой. Это уже проходит, но если он еще раз пор назовет меня «кэпом», я взорвусь.

— Это все, конечно, интересно, — кивнул Томас. — Но я спрашивал не об этом.

— Ах, да, — кивнул я и махнул рукой в сторону мешочка с кошачьей мятой. — заколка-листок там.

— А это не приведет громил Летних прямо сюда?

Я очень вредно хихикнул.

— Нет. Здесь они ее не увидят. Обереги помешают.

— Тогда зачем резинка?

— Я подключил заклятие-маяк Летних к полю Маленького Чикаго. Каждый раз, когда листок оказывается на расстоянии фута от модели, мое заклятие пересылает сигнал маяка в соответствующий район города.

Томас задумчиво сдвинул брови, потом расплылся в ухмылке. Мистер как раз поймал мешочек и сдернул его на стол возле музея Филда.

— Если они следят за этим маяком, им придется здорово помотаться по всему городу.

— По двухсполовинойфутовому снегу, — с ухмылкой подтвердил я.

— Ты просто садист.

— Спасибо, — не без гордости хмыкнул я.

— А они этого не раскусят?

— Рано или поздно, — согласился я. — Но это даст нам некоторый запас времени для работы. Извини, что заснул.

Я дохромал до двери и снял с крючка ветровку.

— Куда сначала? — спросил Томас.

— Пока никуда. Сиди и не рыпайся, — я подошел к стоявшей у двери жестяной бочке из-под попкорна, в которой у меня хранятся такие вещи, как посох и магический меч, «Фиделаккиус», взял из нее лопату для снега и вышел. Мыш с готовностью направился за мной. Открыть дверь потребовало немалых усилий: снега за ночь навалило столько, что задуло даже через порог в комнату. Я начал с нижней площадки, постепенно поднимаясь вверх по лестнице — ни дать, ни взять могильщик, только в обратной перемотке.

Покончив с этим, я почистил тротуар, смахнул снег с перил парадного и лестницы, ведущей в расположенную на втором этаже квартиру Уиллоуби. Потом прокопал тропу к почтовым ящикам. Это заняло у меня меньше времени, чем я ожидал. Снега за ночь выпало много, но он не успел покрыться корочкой наста, так что копать его не представляло особого труда. Мыш стоял на стреме, и я старался не кидать снег ему в морду.

Мы вернулись в квартиру, и я сунул лопату обратно в бочку.

Томас хмуро наблюдал за моими манипуляциями.

— Тебе так уж необходимо было чистить тротуар? Знаешь, Гарри... порой у меня складывается впечатление, что ты просто не понимаешь всей серьезности ситуации.

— Во-первых, — заявил я, — я не слишком чтобы горел желанием выворачиваться наизнанку ради спасения одетой в Армани задницы Джона Марконе. Мысли о нем не лишают меня сна. Во-вторых, мои соседи сверху — пожилые люди, и если никто не почистит тротуара, они окажутся в снежном плену. В-третьих, я не могу не вести себя примерно по отношению к домовладельцам. Миссис Спанкелкриф почти глуха, но знаешь, как-то трудно скрыть даже от глухого, когда к тебе в дверь ломится толпа демонов или зомби. Однако она готова простить мне даже особенно разнузданные оргии, если я, скажем, почищу тротуар перед ее домом.

— Квартиру сменить проще, чем твою задницу, — заметил Томас.

Я пожал плечами.

— Я вчера так наломался, что мне просто необходимо было сделать что-нибудь, чтобы мышцы расслабились и согласились действовать. На это так и так ушло бы время — почему бы при этом о соседях не позаботиться? — я поморщился. — И еще...

— Тебя угнетает тот факт, что дому твоей хозяйки периодически достается из-за того, что в нем живешь ты, — предположил Томас, покачал головой и фыркнул. — Очень на тебя похоже.

— Ну... Да. Но не в этом дело.

Он вопросительно нахмурился.

Я помолчал, подбирая верные слова.

— Существует много такого, над чем я не властен. Я не знаю, что случится в следующие несколько дней. Я не знаю, с чем мне придется встретиться, какой выбор передо мной встанет. Я не могу предугадать этого. И повлиять на это не могу. Слишком все это сложно, — я мотнул головой в сторону лопаты. — А вот это предугадать могу. Я знаю, что

если я возьму эту лопату и почищу тротуар, соседям будет проще и приятнее жить, — я покосился на Томаса и пожал плечами. — Для меня это существенно. Дай мне еще пару минут принять душ.

Он внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Ну, — с легкой — очень легкой — улыбкой произнес он, демонстративно повел носом и поморщился. — Конечно, подожду. С радостью.

Я помылся. Мы уже шли к двери, когда зазвонил телефон.

— Гарри, — сказала мне в ухо Мёрфи. — Что, черт подери, там происходит?

— Чего? — не понял я. — А что, черт подери, там *происходит*?

— У нас как минимум пара дюжин... ну, я думаю, точнее всего это можно назвать «видения». Все, что угодно, от снежного человека и до загадочных светящихся шаров. И конечно, все это спустили в ОСР.

Я открыл, было, рот, чтобы ответить ей, но помедлил. Во все это замешаны Марконе со свитой. Возможно, у Марконе и меньше связей во власти, чем ему хотелось бы, но уж в полиции источники информации у него точно имеются — и наверняка доступ к этой информации имеется и у его подчиненных. Немного осмотрительности не помешает.

— Ты из конторы? — спросил я.

— Угу.

— Мы поговорим.

Возможно, Мёрфи и не хочется признавать то, что кто-то из ее коллег по отделу может работать на сторону, но она не из тех, кто не верит в факты только потому, что они ей не нравятся.

— Ясно, — сказала она. — Где?

— У МакЭнелли, — ответил я и покосился на часы. — В три сойдет?

— Жду тебя там.

Я повесил трубку и снова повернулся к двери. Мыш двинулся, было, за мной, но я осторожно подтолкнул его ногой в обратную сторону.

— В другой раз, малыш, — сказал я ему. — У этих нехороших парней уйма людской силы, доступ к квалифицированной магии, и мне нужны надежные тылы. Так что побудь уж дома — так, по крайней мере, я уверен, что никакая сволочь не залезет сюда и не заложит каких-нибудь неприятных сюрпризов.

Мыш скорбно вздохнул, но сел.

— И присмотри за Мистером, ладно? Если его начнет тошнить, убери кошачью мятую.

Пес с сомнением покосился на люк в лабораторию.

— Ох, не надо, — хмыкнул я. — Ты в семь раз его больше.

Не могу сказать, чтобы вид у Мыша был слишком уж уверенный.

Томас удивленно переводил взгляд с меня на пса и обратно.

— Он что, тебя понимает?

— Когда это в его интересах, — буркнул я. — Он умнее большинства известных мне людей.

Томас переварил эту информацию и немного неуверенно покосился на Мыша.

— Э... да... послушай. То, что я говорил раньше о Гарри, не считается, ладно? Я это не серьезно. Типа, шутка.

Мыш дернул ухом и царственно отвернулся от Томаса.

— Чего? — оглянулся я в их сторону. — Что ты говорил?

— Пойду, двигатель прогрею, — заявил Томас и ретировался на улицу.

— Это *мой* дом, — буркнул я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Почему всякие тут отпускают шуточки в мой адрес у *меня* дома?

Мыш воздержался от комментариев.

Я запер дверь — как в физическом, так и в магическом смысле — и вскарабкался на эту гору под названием «Хаммер», чтобы взгромоздиться на пассажирское место. Утро выдалось морозное, но день обещал сделаться еще холоднее; мне после душа это было особенно

чувствительно, однако сиденье оказалось приятно теплым. Само собой, я никак не мог признаться Томасу в том, что элементы роскоши предпочтительнее бронестекло, но черт, это было все-таки уютно.

— Ладно, — сказал Томас. — Куда едем?

— Туда, где меня примут по-царски, — ответил я.

— Неужели в «Бургер-Кинг»?

Я провел рукой по лбу и пробормотал про себя слово «братоубийство». Мне пришлось добавить еще «псих несчастный» и «суд присяжных меня оправдает», прежде чем я остыл настолько, чтобы разговаривать по-человечески.

— Поворачивай налево и двигай вперед. Пожалуйста.

— Ну, — хмыкнул Томас. — Раз уж ты сказал «пожалуйста»...

Глава ОДИННАДЦАТАЯ

Из всех оздоровительных центров в Чикаго «Превыше Всего», возможно, самый престижный. Он расположен в самом центре и занимает весь второй этаж бывшей дорогой гостиницы. Теперь верхние этажи здания отведены под офисы, а на первом этаже находится небольшой торговый комплекс.

Далеко не каждый желающий может подняться на второй этаж на специальном лифте. Для этого необходимо быть членом клуба, а членство в нем предельно ограничено и чудовищно дорого обходится. Членские карточки этого клуба имеются только у самых богатых и влиятельных людей нашего города.

Ну, и еще у меня.

Магнитная полоска на моей карточке не сработала, когда я сунул ее в щель ридера. Я не слишком этому удивился. Я таскал ее в своем кошельке несколько месяцев, и крайне сомнительно, чтобы записанный на нее код смог сохраниться дольше пары дней. Я нажал на кнопку интеркома.

— «Превыше Всего», — отозвался жизнерадостный женский голос. — Это Билли. Чем могу помочь?

Томас покосился на меня и выразительно повел бровью, как бы говоря: «Помочь? Тебе?»

— Сейчас увидишь, — чуть слышно буркнул я ему и снова повернулся к интеркому. — Похоже, моя карта почему-то не срабатывает. Гарри Дрезден со спутником. Будьте добры.

— Минуточку, сэр, — прошептала Билли. Вернулась она, не прошло и нескольких секунд. — Примите мои извинения за проблему с вашей членской картой, сэр. Открываю для вас лифт.

И впрямь, двери лифта раздвинулись, и мы с Томасом вошли в кабину.

Лифт выпустил нас в главный вестибюль «Превыше Всего».

— Ты надо мной смеешься, — заявил Томас. — С каких это пор ты занялся фитнесом?

Из вестибюля заведение мало чем отличалось от обычных фитнес-залов. Уйма спортивных тренажеров, гантелей и зеркал. Похоже, владельцы заплатили чертову кучу денег какому-то психу, вообразившему себя дизайнером, чтобы их интерьеры невозможно было спутать с другими. Может, конечно, вкус у меня не ахти какой, но на мой взгляд они вполне могли бы пригласить для этого одну из тех горилл, которые рисуют в зоопарках. Вряд ли результат сильно отличался бы от нынешнего, да и платить можно было бы едой.

Там и здесь мужчины и женщины, преимущественно белые, преимущественно за сорок, изнуряли себя различными физическими нагрузками. Рядом с каждым и каждой стоял личный тренер, дававший советы, поддерживавший, помогавший.

В отличие от посетителей все тренеры были исключительно женского пола, не старше двадцати семи или двадцати восьми лет. Все до одной красовались в спортивных трусиках, так плотно облежавших их бедра, что кровь, должно быть, только чудом попадала в сосуды девичьих ног. Все до единой красовались в футболках с эмблемой клуба — тоже туго

облежавших тело — и уж тела эти все до единого были ого-го. Сомневаюсь, чтобы хоть у одного фитнес-центра в мире состояло в штате *такое* количество сумасшедше красивых девиц.

— А, — произнес Томас, оглядевшись по сторонам. — Это ведь типичный фитнес-клуб, да?

— Добро пожаловать в самый внимательный к твоему здоровью бордель в истории человечества, — хмыкнул я.

Томас негромко присвистнул сквозь зубы.

— Я слышал, «Бархатный Салон» возродили. Это что, он и есть?

— Угу, — подтвердил я.

К нам подскочила девица с каштановой шевелюрой; улыбка ее вполне могла бы претендовать на призовое место на конкурсе красоты. На мгновение мне показалось, что футболка ее лопнет от давления изнутри. Вышитая золотом надпись на груди слева гласила: «БИЛЛИ».

— Добрый день, мистер Дрезден, — прочирикала она и приветливо кивнула Томасу. — И вам, сэр. Добро пожаловать в «Превыше Всего». Не желаете ли выпить чего-нибудь перед упражнениями? И позвольте взять ваши плащи.

Я поднял руку.

— Спасибо, Билли, не надо. Я пришел не упражняться.

Улыбка ее не померкла ни на йоту, оставшись такой же милой и безмозглой, и она вопросительно склонила голову набок.

— Я пришел поговорить с мисс Деметрой, — сообщил я.

— Мне очень жаль, сэр, — ответила Билли. — Ее сейчас нет.

Смотреть на девицу было одно удовольствие, и я не сомневался в том, что и остальные органы чувств тоже не почувствовали бы себя обделенными если что — а вот врать она умела неважно.

— Очень даже есть, — возразил я. — Передайте ей, что пришел Гарри Дрезден.

— Мне очень жаль, сэр, — повторила она с надоедливостью заевшей грампластинки. — Мисс Деметры нет в здании.

Я одарил ее самой зубастой из своих улыбок.

— Вы здесь, типа, новенькая, да, Билли?

Улыбка, наконец, дрогнула, но тут же выровнялась.

— Томас, — вздохнул я. — Дашь ей наглядный урок?

Мой брат огляделся по сторонам, подошел к ближнему стеллажу со стальными гантелями и взял две самых больших — по одной в руку. С усилием не больше того, с каким я завязывал бы ивовые прутья, он скрутил толстенные стальные стержни вместе, в результате чего получилась немного кривоватая «Х». Он поднял ее повыше, чтобы Билли хорошенько ее разглядела, а потом уронил к ее ногам. Сплетенные гантели приземлились с убедительным грохотом, и Билли подпрыгнула от неожиданности.

— Видите, чего он может без труда поломать, — произнес я. — Дорогие тренажеры, дорогую мебель, дорогих клиентов. Ну, не знаю, насколько он здесь может все расшвырять, но я бы соврал вам, если бы сказал, что мне не хотелось бы этого узнать, — я пригнулся к ней чуть ближе. — Билли, возможно, вам стоило бы передать мою просьбу. Мне очень не хотелось бы, чтобы у вас вычли из жалования стоимость всех этих поломанных штукоев.

— Я сейчас, сэр, — пискнула Билли заметно севшим голосом и поспешила прочь.

— Тонкая работа, — заметил Томас.

Я пожал плечами.

— Экономит время.

— Откуда это у тебя членство в подобном заведении?

— Оно принадлежит Марконе. Он полагает, у меня меньше шансов погромить его, если меня будут отвлекать сиськами.

— Что ж, я могу его понять, — кивнул Томас. Взгляд его задержался на девице,

которая сидела за столом, заполняя какие-то бумаги. Та застыла и медленно, очень медленно подняла голову. Рот ее приоткрылся, темные глаза расширились. Она задышала быстрее, потом тряхнула головой и опустила взгляд, изо всех сил притворяясь, что читает свои бумаги.

Брат медленно закрыл глаза и отвернулся от девушки с уверенностью человека, закрывающего за собой тяжелую дверь. Когда он снова открыл глаза, цвет их изменился: из темно-серых они сделались светлыми, почти серебряными.

— Ты в порядке? — тихо спросил я его.

— Мммм, — промычал он. — Извини. Отвлекся. Тут... типа, энергетика такая...

Блин, я мог бы это и предугадать. При том разврате, той похоти, что давно уже царили в этом здании, они не могли не оставить за собой следа, и Томас наверняка улавливал его.

Вампиры вроде моего брата питаются не кровью, а жизненной энергией своих жертв. Возможно, демонстрация сверхъестественной силы и упростила нам дело, но она стоила Томасу части этой энергии — точно так же, как, скажем, полдня энергичной ходьбы не могут не оставить меня или вас голодными.

Обыкновенно вампиры Белой Коллегии питаются во время занятий сексом. Для этого они умеют пробуждать страсть в других, переполняя своих жертв ненасытным, звериным желанием. При желании Томас запросто мог парализовать девушку на месте и делать с ней все, что заблагорассудится, а она не могла бы ровным счетом ничем ему помешать. Блин, да она сама умоляла бы его продолжать, и быстрее.

Он не стал этого делать. Он вообще этого больше не делает. Много лет он боролся с этой частью своей натуры и, наконец, нашел способ держать ее под контролем — питаясь не большими порциями, но отщипывая крошечные, безопасные кусочки от клиенток дорогого салона красоты, которым он владел. Но, конечно, я отдавал себе отчет в том, что, хотя этого и хватало для полноценной жизнедеятельности, по части наслаждения это даже отдаленно не могло сравниться с традиционным, старомодным соблазнением, кульминацией которого становится взрыв эмоций.

Я понимал, что его Голод, нечеловеческая часть его души, буквально криком кричит, побуждая его поступить именно так. Впрочем, если бы он послушался этого требования, это могло бы причинить девушке серьезный вред, даже убить ее. Мой брат не таков — однако борьба с Голодом легко не дается. Это именно борьба. И я знал, что побуждает его к этой борьбе.

— Эта девочка немножко похожа на Жюстину, — заметил я.

При звуках этого имени он застыл, и лицо его окаменело. Медленно, постепенно глаза его приобрели свой обычный оттенок. Он тряхнул головой и улыбнулся мне.

— Правда?

— Ладно, — буркнул я. — Ты в порядке?

— Как всегда, — откликнулся он. Он не поблагодарил меня вслух, но я расслышал это в его голосе. Я притворился, будто этого не заметил — именно так, как он от меня ожидал.

Это наши, мужские проблемы. Разберемся.

К нам снова подпорхнула Билли.

— Прошу вас, сюда, сэр, прощбетала она; улыбка ее снова намертво прилепилась к лицу. Вела она нас через зал, правда, заметно нервничая. Мы прошли по коридору, в который выходили душевые и приватные «оздоровительные» кабинеты. За дверью, которую она отворила перед нами, обнаружился еще один, ничем не выразительный коридор, какие можно увидеть в любом конторском здании. Запустив нас в него, Билли кивнула в сторону дальней двери и ретировалась.

Я стукнул раз в дверь, открыл ее и обнаружил за ней мисс Деметру, сидевшую в своем большом, но лишенном излишеств кабинете за своим большим, но лишенным излишеств столом. Как обычно, она производила впечатление хорошо следящей за собой женщины среднего возраста, стройной, хорошо одетой и по-деловому собранной. На самом деле ее звали не Деметра, однако она предпочитала деловой псевдоним, а времени подкалывать ее у

меня не было.

— Мисс Деметра, — произнес я, стараясь держаться по возможности нейтрально. — Добрый день.

Она всмотрелась в экран ноутбука, закрыла его и убрала в ящик тумбочки. Только после этого она подняла на меня взгляд и кивнула.

— Мистер Дрезден... что случилось с вашим лицом?

— Оно всегда такое, отозвался я. — Просто макияж сегодня забыл наложить.

— А, — понимающе кивнула она. — Присядете?

— Спасибо, — произнес я и сел напротив ее. — Прошу прощения, если потревожил не вовремя.

Она чуть заметно дернула плечом.

— Полезно знать, что способности тех, кого я назначила исполнять секретарскую работу, не безграничны, — улыбнулась она. — Чем могу вам помочь, — она подняла руку. — Нет, постойте. Позвольте, я по-другому сформулирую. Что я могу сделать, чтобы побыстрее от вас избавиться?

Чувствительный чувак мог бы слегка обидеться на такую реплику. Хорошо все-таки, что я — это я.

— Я ищу Марконе, — сказал я ей.

— Вы звонили ему в офис?

Я медленно поднял на нее взгляд.

— Я ищу Марконе, — повторил я.

— Я поняла, что вы его ищете, — ответила Деметра; выражение ее лица совершенно не изменилось. — Какое отношение это имеет ко мне?

Я почувствовал, как губы мои раздвигаются в натянутой улыбке.

— Мисс Ди, я не могу не удивляться тому, зачем вы попросили секретаршу говорить всем, что вас нет в офисе.

— Возможно, у меня просто много неотложной работы.

— Или, возможно, вы знаете, что Марконе пропал, и используете эту тактику для того, чтобы отделаться от его шестерок, которым не терпится занять его место.

Пару мгновений она молча, с ничего не выражающим лицом смотрела на меня.

— Право же, я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Дрезден.

— Вы уверены, что не хотите избавиться от меня? — поинтересовался я. — Или вы хотите, чтобы я остался и давил на вас? Я ведь могу сильно мешать вам вести дела, если меня раздражить.

— Не сомневаюсь, — ответила Деметра. — Зачем вы хотите его найти?

Я поморщился.

— Я вынужден ему помочь.

Она изогнула изящную, ухоженную бровь.

— Вынуждены?

— Это довольно сложно, — сказал я.

— И не вызывает особого доверия, — добавила она. — Мне хорошо известно, как вы относитесь к Джону Марконе. И даже если допустить, что у меня имеется информация, касающаяся его местонахождения, я не уверена, что мне хочется усугубить ситуацию.

— Как вы можете ее усугубить? — не понял я.

— Вовлекая в нее *вас*, — ответила она. — Вас явно заботят не лучшие интересы мистера Марконе, а ваше вмешательство может подтолкнуть его похитителей к необратимым поступкам. Сомневаюсь, чтобы мысль о его смерти лишила бы вас сна.

Я наверняка бы нашел достойный ответ на эти слова, когда бы не поскользнулся на банановой корке собственной совести: кто, как не я произнес примерно те же слова всего час с небольшим назад?

— Но... сэр! — послышался из-за двери возмущенный голос Билли.

Дверь за моей спиной распахнулась, и я, оглянувшись, увидел нескольких стоявших в

ней мужчин. В центре громоздился здоровяк лет сорока пяти — пятидесяти, явно давно уже равнодушный к пиву... а может, к макаронам. Живот его изрядно выпирал из-под пояса, хотя хорошо пошитый костюм отчасти он скрывал это обстоятельство. Точно так же он скрывал бы наплечную кобуру с пистолетом — если бы сам их обладатель не старался выставить их напоказ.

— Деметра, — буркнул здоровяк. — Мне нужно поговорить с вами наедине.

— Я вам не по средствам, Торелли, — невозмутимо ответила Деметра. — И у меня деловой разговор.

— Пусть его займет пока одна из ваших шлюх, — огрызнулся Торелли. — Нам с вами нужно поговорить.

Она выгнула бровь.

— О чем?

— Мне нужен список ваших банковских счетов, пароли службы безопасности и копии всех деловых записей за последние шесть месяцев, — он нахмурился, возвышаясь над ней. Торелли явно принадлежал к тем типам, которые привыкли добиваться своего, нависая над кем-то и хмурясь изо всех сил. Я таких видел. Я попытался заглянуть поверх стоявших в дверях мордovorотов в коридор, посмотреть, что там делает Томас, но ничего не разглядел.

— Можно подумать, вам здесь что-то принадлежит, — заметила Деметра. — С какой это стати я должна снабжать вас своими счетами и записями?

— Здесь многому предстоит измениться, курва. Начиная с твоего поведения, — Торелли оглянулся на четверых стоявших у него за спиной мужчин и мотнул головой в сторону Деметры. Двое, типичные чикагские мордovorоты среднего калибра, обошли Торелли и направились к ней.

Я поморщился. Не то, чтобы я слишком беспокоился за Деметру, но она была мне нужна, и мне вряд ли удалось бы уговорить ее помочь мне, окажись она в реанимации. Ну и потом, она женщина, а женщин бить нехорошо. И позволять двум безмозглым наемным громилам делать это тоже не стоит.

Я встал и, держа в руке посох, повернулся к этой парочке. Я посмотрел на них как мог более сурово, что их не остановило даже не замедлило. Тот, что заходил справа, швырнул что-то мне в лицо, и мне некогда было разглядывать, что это такое. Я пригнулся, увидел-таки, что это запорошенная снегом перчатка, и сообразил, что это обманный выпад.

Парень слева шагнул ко мне, дождавшись, пока я пригнусь, и лягнул меня башмаком с железными набойками, целясь в колено. Я чуть повернул ногу принял удар в икру. Это оказалось больно как черт-те что, но подвижности меня не лишило. Я перекатился влево — так, чтобы левый мордovorот оказался между мною и правым. Он замахнулся на меня правой рукой, и я принял удар его кулака на посох. Хрустнули костяшки. Мордovorот взвыл.

Другой обогнул своего оглушенного болью коллегу и ринулся на меня, очевидно намереваясь повалить на пол, чтобы все четверо могли попинать меня некоторое время ногами.

Я никак не мог допустить такого. Поэтому я вскинул сжатую в кулак правую руку, выставив в его сторону четыре витых перстня — по одному на каждом пальце. Прошептав заклинание, я высвободил энергию, заключенную в одном из перстней. Она ударила в мордovorота с силой локомотива, отшвырнув назад. С очень и очень приятным слуху грохотом он врезался спиной в стену и сполз на пол.

Я повернулся к продолжавшему пребывать в оглушенном состоянии первому мордovorоту. Первым делом я лягнул его в обе икры по очереди — ха! Получи, гад! — потом двинул его башмаком в бедро, и он тоже повалился на пол.

Я повернулся к двери и уперся носом в ствол пистолета Торелли.

— Неплохо, детка, — произнес без пяти минут важная шишка. — Это дзюдо или еще что такое?

— Что-то вроде этого.

— Человек с вашими способностями может быть мне полезен после того как в моем

спортклубе произойдет, — он угрюмо покосился на Деметру, — смена руководства.

— Я вам не по карману, — заявил я.

— Мне многое будет по карману, — возразил он. — Назовите свою цену.

— Сто пятьдесят шесть гаджиллионов долларов, — с готовностью ответил я.

Он насупился, словно пытался понять, шучу я или нет. А может, он просто прикидывал, сколько нулей я имел в виду.

— Считаешь себя умником, а?

— Я могу быть охренительно обаятельным, — сообщил я. — Особенно с той енотовидной физиономией, которую я заполучил, собираясь сюда.

Торелли потемнел как туча.

— Детка, ты только что совершил последнюю ошибку в своей жизни.

— Господи, — вздохнул я. — *Если бы.*

Томас приставил ствол своего «Дезерт Игла» к затылку Торелли.

— Брось железку и не рыпайся, — мягко, можно сказать, нежно произнес он.

Торелли застыл от неожиданности, но возражать не стал. Он только повернул немного голову, пытаясь высмотреть двух оставшихся мордovorотов. Со своего места я видел в коридоре пару ног, лежавших пятками вверх, но ничего больше.

Я шагнул к нему вплотную.

— Забирайте своих людей и убирайтесь отсюда, — негромко посоветовал я ему. И не советую возвращаться.

Он смерил меня угрюмым взглядом, сжал губы, кивнул и начал собирать свое воинство. Томас подобрал его пистолет и небрежно сунул его за пояс, что вообще-то не положено по технике безопасности. Тихо ступая по ковру, он подошел и остановился рядом со мной, настороженно следя за всеми движениями мордovorотов.

Они ушли, почти неся на себе бедолагу со сломанной кистью. Замыкали шествие двое из коридора, еще не отошедшие от крепкой хватки Томаса.

Когда дальняя дверь коридора закрылась за ними, я повернулся к Деметре.

— На чем мы остановились?

— Я сомневалась в искренности ваших намерений.

Я покачал головой.

— Хелен. Вам известно, кто я. Вам известно, чем я занимаюсь. Верно, я считаю Марконе порочным сукиным сыном, который заслуживает смерти. Но это не значит, что я собираюсь отказаться от помощи ему.

Десять или пятнадцать секунд она молча смотрела на меня. Потом взяла со стола блокнот, вырвала страницу, написала на ней что-то, сложила листок и протянула мне. Я взялся за угол и потянул, но она не отпускала его.

— Дайте мне слово, — произнесла она. — Обещайте, что сделаете все, что сможете, чтобы помочь ему.

Я вздохнул. Ну конечно.

На вкус слова казались протухшей корейкой с солью и уксусом, но я все-таки заставил себя произнести их вслух.

— Я сделаю это. Даю вам слово.

Деметра отпустила бумажку. Я заглянул в нее. Адрес, ничего больше.

— Возможно, это поможет вам, — сказала она. — А может, и нет.

— Это больше, чем у меня имелось минуту назад, — возразил я и кивнул Томасу. — Пошли.

— Дрезден, — окликнула меня Деметра, когда я подошел уже к двери.

Я задержался.

— Спасибо. За то, что укоротили Торелли. Он мог покалечить кого-нибудь из моих девушек.

Я оглянулся на нее и кивнул.

А потом мы с Томасом отправились в пригород.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

Деловые интересы Марконе широки и разнообразны. Впрочем, при таких деньгах, как у него, по-другому и быть не может. Он владел ресторанами, холдинговыми структурами, занимался импортом и экспортом, инвестировал средства, проводил всевозможные финансовые операции — ну и, разумеется, в его империю входили строительные компании.

Сансет-Пойнт — один из тех ожогов, что коверкают поверхность нашей планеты: пригородный микрорайон. Расположенный в получасе езды на север от Чикаго, он некогда представлял собой живописные лесистые холмы по берегам маленькой речушки. Теперь и деревья, и холмы свели под корень бульдозерами, оставив голую, открытую всем ветрам землю. Речка превратилась в сточную канаву. Под снежным покровом место производило впечатление ровного, белого и стерильного как внутренности нового холодильника.

— Ты только посмотри, — повернулся я к Томасу, махнув рукой в сторону домов. Каждый стоял на участке, выступавшем от стен на расстояние, не превышающее размер почтовой марки. — И люди *платят*, чтобы жить в местах вроде этого?

— Разве ты сам не живешь в подвале?

— Я живу в центре большого города, и потом, я это помещение арендую, — возразил я. — А дома вроде этих стоят по несколько тысяч баксов если не больше. Кредит на такой лет тридцать выплачивать.

— А что, разве не милые домики?

— Милые клетки, — буркнул я. — Пространства между ними нет. Зелени никакой. Места вроде этого превращают человека в полевку. Он возвращается с работы и шмыгает в норку. И остается там до тех пор, пока ему не приходится выползть на работу, на которую он не может не ходить, потому что ему надо выплачивать кредит за эту мышиную норку.

— Все равно на порядок лучше твоей квартиры, — настаивал Томас.

— Отнюдь.

Захрустев шинами по снегу, «Хаммер» остановился, и Томас недовольно уставился в ветровое стекло.

— Чертов снег. Поди, догадайся, где у них здесь улицы.

— Просто старайся не въехать кому-нибудь в стену, — посоветовал я. — Двадцать третий мы проехали минуту назад. Должно быть, это совсем рядом.

— Двадцать третий проспект, переулок или проезд? — спросил Томас.

— Бульвар.

— Чертовы планировщики, — с чувством произнес он и медленно тронул машину дальше. — Вот, — он кивнул головой в сторону следующего выплывшего из снежной пелены знака. — Этот?

— Угу, — из-за самодельного уличного указателя показался другой, стандартный дорожный знак, согласно которому Двадцать четвертый проезд заканчивался тупиком.

— Черт бы их подрал с их указателями, — буркнул я.

— Что еще?

— Ничего.

Мы медленно двигались сквозь серо-белую завесу снегопада. Свет не имел направления, преломляясь в миллиардах ледяных кристалликов. Мотор «Хаммера» урчал чуть слышно; по сравнению с ним хруст снега под шинами казался оглушительным грохотом. Мы миновали с полдюжины игрушечных домиков, симпатичных и пустых; снег налипал на стены, из-за чего окна казались глазами наполовину закопанного в землю черепа.

Что-то тут было не так. Я не мог бы сказать, что именно, но я ощущал это так же явственно, как резное дерево посоха, который я сжимал в руках.

Мы были здесь не одни.

Томас тоже ощущал это. Плавным движением он завел руку за спинку водительского

сидения и вытянул оттуда свой пояс. На нем висела в ножнах старая кавалерийская сабля, которую он брал с собой на самые рискованные дела вместе с другой своей любимой игрушкой — ножом с искривленным лезвием. Эта штука называется кукри, и это традиционное оружие гуркхов.

— Что это? — тихо спросил он.

Я зажмурился на мгновение, включив свои чародейские чувства, пытаюсь уловить любые необычные возмущения энергии вокруг нас. Падающий снег мешал моим магическим чувствам не меньше, чем обычным, физическим.

— Не знаю точно, — негромко ответил я. — но что бы это ни было, можно ставить наверняка на то, что оно знает о нашем присутствии.

— Как ты собираешься играть, если начнется музыка?

— Мне ничего и никому не надо доказывать, — буркнул я. — Я предлагаю бежать как маленькая девочка от трех медведей.

— Меня это устраивает. Только чтобы Мёрфи от тебя ничего такого не слышала.

— Угу. У нее избыточная чувствительность к слову «маленькая».

Плечи буквально сводило от напряжения по мере того, как Томас медленно, осторожно вел машину вперед. Он остановил машину у последнего дома. По сравнению с остальными тот имел более-менее достроенный вид, и даже кусты торчали из-под снега у стены. В окнах виднелись шторы, и ведущие к гаражу следы шин еще не успел окончательно запорошить снег.

— Кто-то за третьим от угла окном, — негромко сообщил Томас. — Я видел там какое-то движение.

Я не заметил ничего, но, если подумать, я ведь не сверхъестественный хищник, обладающий кучей неправдоподобно острых чувств. Я кивнул в знак того, что услышал его слова, и осмотрел землю вокруг дома. Снег производил впечатление нетронутого.

— Похоже, мы здесь первые посетители, — сказал я. — Возможно, мы кого-то беспокоим.

— Снайпер?

— Не исключено, — кивнул я. — Это из тех вещей, к которым привычно большинство людей Марконе. Пошли.

— Не хочешь, чтобы я обождал здесь?

Я мотнул головой.

— Там есть что-то еще. Возможно, это ерунда, но, сидя в машине, ты будешь легкой мишенью. Вот если бы у тебя была бронированная версия...

— Бе-бе-бе, — обиженно отозвался Томас.

— Постараемся сохранять спокойствие и дружелюбие, — сказал я, отворил дверцу «Хаммера» и ступил в снег, сразу провалившись в него по колено. Стараясь двигаться не слишком быстро, я держал руки на виду. С противоположной стороны «Хаммера» Томас в точности копировал мои действия.

— Эй, в доме! — крикнул я. — Есть там кто? — голос мой звучал так, словно я стоял в помещении: сильный снегопад обладает таким эффектом. — Меня зовут Дрезден. Я пришел поговорить.

Молчание. Мои башмаки и джинсы начали промокать.

Томас резко повернул голову в направлении конца улицы, где еще стояли в ожидании бульдозера деревья. Секунду или две он напряженно всматривался туда.

— Это там, в деревьях, — тихо сообщил он.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, и я изо всех сил надеялся, что у того, кто прятался в деревьях, кем бы он ни был, нет ружья.

— Я здесь не ради драки, — крикнул я, обращаясь к окнам и поднял вверх два пальца. — Слово разведчика!

На этот раз и я заметил, как дернулась штора, и уловил за ней движение. Скрипнула дверь внутри.

— Входите, — произнес мужской голос. — Руки так, чтобы я их видел.

Я кивнул Томасу. Он поднял руку с ключами от машины и нацелил брелок на «Хаммер». Послушно щелкнули замки, чирикнула сигнализация. Он обогнул машину, повесив на плечо пояс с саблей, а я тем временем протаптывал по снегу тропу к крыльцу. Поднявшись на крыльцо, я энергично потопал башмаками по доскам, стряхивая с нижней части тела снег и одновременно изготавливая к действию свой браслет-оберег. Что-то мне не слишком хотелось ступить в темную дверь, представляя собою идеальную мишень для затаившегося в доме стрелка, не приняв никаких мер предосторожности.

— Стоять там, — рявкнул мужской голос. — Посох на пол. Руки на вид.

Я прислонил посох к стене и выставил руки вперед ладонями вверх. Этот голос, сыпавший короткими фразами, был мне хорошо знаком.

— Привет, Хендрикс.

Из полумрака соседней комнаты выступил в дверь массивный мужской силуэт. Здоровый дробовик казался в его руках детской игрушкой. Сложение он имел бычье, и эпитеты вроде «капитальный» или «похожий на скалу» вполне подходили практически ко всем деталям его анатомии, особенно если рассматривать их начиная с головы. Он подошел ко мне достаточно близко, чтобы я мог разглядеть его коротко остриженную рыжую шевелюру.

— Дрезден. Шаг в сторону.

Я повиновался, и дробовик нацелился на моего брата.

— Ты, вампир. Меч на пол. Руки за голову.

Томас закатил глаза.

— Как получается, что ему не надо держать руки за головой?

— Ему это без разницы, — отозвался Хендрикс. Маленькие, глубоко посаженные глаза повернулись ко мне — так поворачивается, скажем, орудийная башня. — Чего вам нужно?

Не уверен, что мне приходилось раньше слышать от Хендрикса больше двух-трех слов зараз, тем более связанных в логически выстроенное предложение. Это даже немного нервировало: вроде как если бы Мистер вдруг научился сам открывать банки кошачьих консервов. Потребовалась секунда, не меньше, чтобы я совладал с мозговым ступором.

— Э... — произнес я. — Я хотел...

До меня дошло, как беспомощно я, должно быть, выгляжу, и взял себя в руки.

— Я хочу помочь вашему боссу.

На стене что-то щелкнуло: включился динамик интеркома.

— Пусть чародей поднимается, — произнес женский голос.

— Уверены? — прорычал Хендрикс.

— Выполняйте. Вампир остается внизу.

Хендрикс заворчал и мотнул головой куда-то вправо.

— Туда и вверх по лестнице, Дрезден. Шевелитесь.

— Гарри, — негромко произнес Томас.

Хендрикс выразительно повел стволом дробовика.

— Не ты, красавчик. Ты остаешься на мушке. Или выметайтесь оба.

— Все в порядке, — вполголоса сказа я брату. — Мне спокойнее, когда дверь прикрывает кто-то, кому я доверяю. Так, на случай, если кто объявится, — я мотнул головой в направлении деревьев, где Томас кого-то (или что-то) почувствовал.

Он покачал головой.

— Как скажешь, — он небрежно, расслабленно прислонился спиной к стене, не опуская рук из-за головы. Впрочем, казалось, он их держит там только для того, чтобы не касаться затылком жесткой стены.

Я обогнул Хендрикса.

— Поосторожнее с ружьем, — посоветовал я ему, не поворачивая головы. — Случись с ним что, Хендрикс, и вам не поздоровится.

Хендрикс не обратил на мои слова ни малейшего внимания. Подозреваю, он просто

исчерпал запас красноречия.

Я поднялся по лестнице, отмечая по дороге кое-какие детали. Во-первых, ковер здесь был дешевле даже моих, что по неясным даже мне самому причинам подняло мне уверенности.

Во-вторых, на ковре виднелась кровь. Много крови.

Ближе к верхней площадке ее сделалось еще больше; кровь виднелась даже на стене. Следуя этим жутковатым указкам, я подошел к двери одной из трех спален, выждал небольшую паузу и постучал.

— Заходите, Дрезден, — отозвался женский голос.

Я вошел.

Мисс Гард лежала в постели. Кровать придвинули к окну, чтобы она могла видеть происходящее на улице. Рядом с ней лежала тяжелая автоматическая винтовка незнакомой мне модели. В пределах досягаемости ее рук, стоял, прислоненный топориком к кровати, тяжелый боевой топор. Гард светловолоса, высока, атлетически сложена, и хотя идеальной красавицей ее не назвать, она производит впечатление: точеные черты лица, голубые как лед глаза и все такое.

И много, очень много крови.

Она только что не плавала в крови. Кровать пропиталась кровью насквозь. Разорванная сорочка открывала черный лифчик и длинную рану, перечеркнувшую ее живот чуть ниже пупка. Из раны чуть выступали блестящие серо-красные веревки. Кишечник.

Живот мой болезненно сжался, и я отвел взгляд.

— Бог мой, — произнесла мисс Гард негромким, хрипловатым голосом. Лицо ее было бледно. — Можно подумать, вам никогда не приходилось видеть вспоротых животов.

— Это я от облегчения, — буркнул я. — В первый раз за день вижу хоть кого-то, кто выглядит еще хуже, чем я.

На мгновение лицо ее осветилось усталой улыбкой.

— Вам необходим врач, — сказал я.

Она покачала головой.

— Нет.

— Да, — возразил я. — Обязательно. Я вообще не понимаю, как вы еще живы — с такой-то потерей крови. Подумайте, во что обойдется «Монок Секьюритиз» подобрать вам замену.

— Им не придется. Со мной все будет в порядке. Компания хорошо заботится о медицинском обслуживании своих сотрудников, — она взяла с окровавленной простыни маленький тюбик, более всего напоминающий суперклей для моделестов. — Меня не первый раз потрошат. Приятного мало, но выкарабкаюсь.

— Черт, — произнес я. Это и впрямь впечатляло. — Скажите, у вас там нет вакансий?

Мой вопрос вызвал у нее новую слабую улыбку.

— Вы неважно укладываетесь в устраивающий компанию профиль.

— Жаль. Мне уже надоело подолгу отходить после каждой катавасии.

Гард устало тряхнула головой.

— Как вы нас нашли?

— Деметра, — признался я.

Она повела золотой бровью.

— Пожалуй, этому не стоит удивляться. Хотя я его предупреждала. Он слишком доверчив.

— Марконе? Слишком доверчив? — я изумленно вытаращился на нее. — Леди, да вы еще больше параноик, чем я.

— Какая уж паранойя — просто долгий опыт. Убежище перестает быть убежищем, если о нем становится известно, — она опустила руку и осторожно заправила кишки обратно в рану. При этом она чуть зашипела от боли, но не позволила такой мелочи, как выставленный напоказ внутренний орган, мешать разговору. — Вы ей угрожали?

— Э... Скорее, убедил в том, что я намерен помочь Марконе.

Она подняла тюбик авиамодельного клея и выдавила по несколько капель с обеих сторон раны, в которую только что заправила внутренности. Кровь при этом пошла чуть сильнее. Я заметил, что несколько дюймов раны уже склеены.

— Э... да, но... — все, я больше не мог этого видеть. — Послушайте, вы не могли бы повременить с этим на время нашего разговора? А то, типа, очень трудно сосредоточиться на теме.

Она сжала края раны, выдохнув при этом ругательство на незнакомом мне языке.

— Вам известно, — произнесла она, — что этот клей изначально создавался для оказания первой помощи на поле боя?

— А вам известно, что вы вот-вот узнаете, что я ел на завтрак? — парировал я.

— Не знаю только, правда ли это, — продолжала она. — Я это в кино видела. Про — черт... — про оборотней, — она перевела дух и медленно отняла руки от раны. Еще два или три дюйма опухшей плоти сошлись, стянутые клеем. Вид она, правда, имела кошмарный: серое лицо, застывшее от боли.

— Зачем, Дрезден? Зачем вы ищете Марконе?

— Вкратце? Если не сделаю этого, пострадает моя задница.

Она нахмурилась и посмотрела на меня.

— То есть, это личное дело?

— Еще какое личное. Могу дать вам свое слово, если хотите.

Она покачала головой.

— В вашем слове я не сомневаюсь. Оно... Вы всегда говорили правду, — она зажмурилась от боли и несколько секунд тяжело дышала. — но мне от вас кое-что нужно.

— Что?

— Белый Совет, — выдохнула она. — Я хочу, чтобы вы попросили Белый Совет вернуть Марконе.

Я изумленно уставился на нее.

— Э... Чего?

Она поморщилась и принялась запихивать в брюшную полость еще несколько дюймов кишок.

— Неписанный Договор нарушен. Необходимо бросить вызов нарушителю. Призвать эмиссара. Как Страж... — она помолчала, справляясь с болью, и нанесла еще несколько капель клея. — Как Страж вы обладаете правом бросить вызов.

Пальцы ее скользнули, и рана снова открылась. Она побелела от боли.

— Черт подери, Сигрун, — буркнул я, почти забыв о ее состоянии и думая только о боли, которую она испытывала. — Уберите руки, не мешайте, — она повиновалась, и я сумел-таки сжать края раны, дав возможность едко пахнущему клею схватиться.

Она сделала попытку благодарно улыбнуться мне.

— Мы... мы неплохо поработали вместе на пивном фестивале. Вы профессионал. Я уважаю такое.

— Готов поспорить, вы скажете это любому, кто заклеит вам живот.

— Оповестите Совет, — произнесла Гард. — Бросьте вызов.

— У меня есть предложение лучше, — возразил я. — Скажите мне, где находится Марконе, я вытащу его оттуда, верну домой, и делу конец.

Она начала заправлять в живот следующий кусок, а я держал наготове клей.

— Все не так просто. Я не знаю, где он.

До меня дошло.

— Но вы знаете, кто его похитил.

— Да. Другой участник Договора, подписанного Марконе. У меня нет полномочий оспаривать их действия. А у вас есть. Вам, может, удастся вывести их на свет, заставить остальных участников Договора оказать на них давление.

— Ну да, конечно, — буркнул я, выдавливая клей на края раны. — Совет просто в

восторге будет от того, что один из его младших членов втягивает его в распри, которые его не касаются.

— Но вы ведь привыкли? — прохрипела Гард. — Непохоже, чтобы это с вами случилось впервые.

Я свел края раны и стал ждать, пока клей схватится.

— Не могу, — тихо произнес я.

Она дышала слишком часто, слишком резко. Я едва удерживал края раны вместе.

— Как... *ч-черт* ... скажете. В конце концов... это ваша задница под ударом.

Я поморщился и медленно отпустил края раны, удостоверившись, что клей схватился. Мы справились с последними несколькими дюймами раны, и кровотечение остановилось.

— Не могу с этим спорить, — сказал я и нахмурился. — Кто это? — спросил я. — Кто из участников Договора убрал Марконе со сцены?

— Вы уже встречались раз с ними.

— Гарри! — послышался снизу голос Томаса.

Я резко повернулся к двери, и тут окно за моей спиной разлетелось брызгами стекла. Осколки отлетели от моей заговоренной ветровки, но пара острых кусков стекла обожгли шею и ухо. Я попытался обернуться, мне показалось, что что-то летит мне в лицо. Я отбил его в сторону левой рукой, пригнулся и отпрянул назад, подальше от незнакомца.

Тот приземлился, съежившись, на кровати, двинув при этом ногой по незащищенному, раненому животу Гард. Тварь, ненамного превосходящая ростом ребенка, красно-черной окраски, человекоподобная, но покрытая хитиновой оболочкой. Фасетчатые глаза казались слишком большими для головы, а руки заканчивались клешнями как у богомола. Прозрачные крылья за спиной трепетали, издавая негромкое, назойливое жужжание.

Но не это пугало в ней больше всего.

Глаза у твари словно светились изнутри красно-оранжевым светом — и над этой парой глаз светилась еще одна. Эти, тошнотворно-зеленые глаза жили отдельной жизнью, мигая и поворачиваясь независимо от первой пары. А на хитиновом лбу горел знак падшего ангела.

Я вдруг очень сильно пожалел о том, что мой посох остался в двадцати футах от меня, этажом ниже. С таким же успехом он мог находиться сейчас на луне — проку от него было все равно не больше.

И стоило мне подумать об этом, как рыцарь Ордена Почернелого Динария открыл свою хитиновую пасть, испустил полный злобы трубный вопль и прыгнул мне в лицо.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

Бывало в моей жизни такое, когда меняющий облик, одержимый демоном псих, вломившийся в окно, чтобы выцарапать мне лицо, представлялся мне ужасным, возмутительно неприятным сюрпризом.

Однако времена эти давным-давно прошли.

Последние несколько лет я провел на переднем крае сверхъестественной войны между объединяющим чародеев Белым Советом и вампирскими коллегиями, причем чем дальше, тем больше я оказывался в нее вовлеченным. Чародеи, идущие на бой в одиночку, имеют изрядный шанс не вернуться домой. Хуже того, из-за этого страдают люди, которые полагались на их защиту.

Второе из главнейших правил боевой магии звучит предельно просто: не позволяй до себя дотронуться.

Идет ли речь о вампирах, ограх или каких-либо других чудовищных мерзостях, почти все они способны сделать с вами много страшного, оказавшись в непосредственной близости от вас — что наглядно продемонстрировал заурядный представитель клана бебек накануне вечером.

Конечно, чародеи тоже способны обрушить на неприятеля чудовищную энергию. С одной существенной оговоркой: они должны быть готовы к бою. Проблема в том, что

нападающие на нас твари тоже отлично понимают это, поэтому излюбленной их тактикой является атака из засады. Возможно, срок жизни чародея и велик, но назвать нас неуязвимыми нельзя. В общем, когда дело пахнет жареным, приходится думать с опережением событий.

Я, например, стараюсь быть готовым ко всему — и учу этому же молодых, менее опытных чародеев. Как раз на такой вот случай.

Петля стальной цепи выметнулась из моего кармана, не зацепившись, потому что я репетировал это движение тысячу раз, и я хлестнул эту насекомую тварь по лицу.

Разумеется, она оказалась быстрее меня. Так обычно и бывает. Тварь успела перехватить цепь клешнями и, резко дернувшись всем телом, вырвать ее у меня из руки.

В том, что она проделала это со скоростью мысли, если не быстрее, имелась и положительная сторона. Богомол не успел заметить двух существенных особенностей моей цепи. Во-первых, того, что та покрыта медью.

А во-вторых, того, что к другому, свободному концу цепи прикреплена обычная электрическая вилка.

Я ткнул пальцем в направлении ближайшей розетки и выкрикнул: — *Galvineus!*

Вилка змеей метнулась к розетке и воткнулась в нее.

Свет в доме мигнул и немного померк. Динарианец подпрыгнул в воздух и упал на пол, отчаянно содрогаясь и размахивая конечностями. Переменный ток заставлял мышцы чудища сжиматься и разжиматься, не давая тому отпустить цепь. Из-под хитинового панциря начал выбиваться дым.

— Чародей! — прохрипела Гард. Она схватила деревянную рукоять топора и слабеющей рукой толкнула ее ко мне. Снизу донеслись крики и грохот дробовика. Все это воспринималось мной как фоновая, несущественная информация. Все, что по-настоящему касалось меня, находилось на расстоянии вытянутой руки.

Топор ударил по ноге, но заговоренная кожа ветровки не дала ему поранить меня. Я подобрал топор — видит Бог, тяжелый! — замахнулся и опустил на динарианца с такой силой, словно колот дрова.

Топор угодил куда надо, уйдя в панцирь динарианца по самый обух. Тварь дернулась и вырвала топор из моих рук — а заодно и вилку из розетки.

Голова богомола повернулась ко мне, и тварь снова завизжала. Одним движением она вырвала топор и вскочила на ноги.

— В сторону, живо! — выдохнула Гард.

Я повиновался, рухнув на пол и перекатившись в сторону.

Раненая женщина разрядила винтовку в упор, с расстояния не больше трех футов. Грохот очереди не смолкал несколько секунд.

Мне трудно описать словами, что за месилово вышло. Скажу только, что выводить пятна крови обошлось бы, возможно, дороже, чем заново отделать стены, пол и потолок.

Выстрелы стихли. Гард охнула, и винтовка выпала из ее пальцев, а сама она вздрогнула и прижала руки к животу.

Я подскочил к ней и поднял с кровати, стараясь не задевать раненого живота. Она оказалась тяжелой. Ну, не как борец сумо, но все же роста в ней было шесть футов, и мускулатура крепче средней. Весом она почти не уступала Томасу. Я крикнул от натуги, перехватил удобнее и потащил ее к двери.

Гард негромко всхлипнула от боли, и из раны снова начала сочиться кровь. При мысли о том, что на, должно быть, испытывает, у меня самого заболел живот. Глаза ее закатились. Надо очень сильно постараться, чтобы одолеть порог переносимой ею боли, но, похоже, что визит динарианца стал той самой последней соломиной.

Вряд ли день мог складываться еще менее удачно, подумал я, когда окровавленное месиво, в которое превратился динарианец, зашевелилось.

— Ох, да ты, наверное, надо мной издеваешься, — зарычал я.

Место, где только что лежала одна тварь, кишело теперь тысячами крошечных

богомолов. Они сбегались к середине спальни, сбиваясь в две кучи, постепенно приобретающие форму суставчатых ног. Внизу снова рывкнул дробовик, и по лестнице загрохотали шаги.

— Гарри! — крикнул Томас. Он понимался по лестнице, держа в руке обнаженную саблю, когда я с Гард на руках выбрался на верхнюю площадку.

— У нас тут тоже гости! — крикнул я и начал по возможности быстро, но осторожно спускаться по ступенькам.

— В доме их, кажется, еще трое, — сообщил Томас, и тут взгляд его остановился на Гард. — Мама родная!

На полу в прихожей валялся труп — большой, черный и лохматый. Ничего более определенного я сказать не могу, потому что большей части головы у него не доставало — по некоторым признакам она была размазана по противоположной стене. От разбросанных по полу потрохов поднимался пар: в помещении царил холод, проникавший в дом через разнесенную в щепки входную дверь. В полутемной гостиной маячил Хендрикс с наведенным на зияющий проем входа дробовиком.

Что-то царапалось по перекрытию над нашими головами.

— Что это? — спросил Томас.

— Огромный богомол, собирающий себя из ошметок.

Томас удивленно заморгал.

— Ну, это мои предположения, — уточнил я.

— Как она? — прорычал Хендрикс.

— Неважно, — сказал я. — Не стоит нам здесь задерживаться. Никаких оберегов, даже порога — не с чем работать. Надо сматываться.

— Ее нельзя тащить, — заявил Хендрикс. — Это может ее убить.

— Если ее *не* тащить, это убьет ее еще вернее, — возразил я. — И нас заодно.

Хендрикс злобно покосился на меня, но спорить не стал.

Томас уже сунул руку в карман. Он был напряжен как пружина, и взгляд его беспокойно шарил по дверям — возможно, в попытке отслеживать тех тварей, что перемещались за стенами дома. Выудив из кармана брелок с ключами, он зажал его в зубах, взял саблю в одну руку, «Дезерт-Игл» — в другую и начал мычать сквозь зубы «Лягушонка на свидании».

Гард медленно обмякла, и голова ее свесилась вниз как у тряпичной куклы. У меня уже не хватало сил удерживать ее.

— Хендрикс, — произнес я, кивнув в сторону Гард.

Без лишних слов он отставил дробовик в сторону и забрал у меня женщину. При этом я успел увидеть его глаза, полные страха и тревоги — не за себя. Он взял ее очень осторожно — я даже не думал, что он может так.

— Откуда мне знать, что вы нас не бросите? Не сделаете ноги, бросив нас им на растерзание?

— Неоткуда, — бросил я, забирая свой посох. — Оставайтесь если хотите. Эти твари убьют вас обоих — это я гарантирую. Или попытайте счастья с нами. Выбор за вами.

Хендрикс испепелил меня взглядом, но потом покосился на безжизненное тело, лежавшее у него на руках, и упрямства в его лице немного поубавилось. Он кивнул.

— Гарри? — спросил Томас. — Как ты собираешься это сделать?

— Направляемся напрямиком к твоему супертанкеру, — ответил я. — Кратчайший путь между двумя точками... ну и все такое.

— Они наверняка следят за дверью, — заметил Томас.

— Надеюсь, что так.

— О'кей, — кивнул он, закатив глаза. — Если у тебя есть план.

По перекрытию над нашими головами проскрипели шаги, замершие на лестничной площадке.

Ствол Томасова пистолета мотнулся в сторону лестницы. Я не стал оглядываться. Я

следил за дверью.

Со стороны лестницы послышался голос... голос... ну как бы если кто водил по расстроенным скрипичным струнам гнилой змеиной шкурой.

— Чародей.

— Я тебя слушаю, — откликнулся я.

— Эту ситуацию возможно разрешить без дальнейшего кровопролития. Ты согласен на переговоры?

— Почему бы нет? — ответил я, не отворачиваясь от двери.

— Дашь ли ты мне право свободного выхода — под свое слово?

— Считаю, я дал слово.

— Раз так, и я обещаю не трогать тебя сейчас.

— Как скажешь, — отозвался я и понизил голос до едва слышного шепота, услышать который мог один Томас. — Следи за ними в оба. С них станется подлянка при первой же возможности.

— Тогда зачем им эту возможность предоставлять? — так же тихо спросил Томас.

— Затем, что из разговора с ними мы можем узнать что-нибудь важное. Допрашивать трупы сложнее. Поменяйся местами со мной.

Мы поменялись местами — теперь мой посох целился в сторону лестницы, по которой спускалась богомолоподобная тварь. Она пригнулась на верхней ступеньке из тех, с которых она могла осмотреть всю прихожую. По внешности ее я бы даже не предположил, что всего несколько минут назад ее расколошматили до состояния гамбургера пули из ружья Гард.

Так вот, она пригнулась — движением, в котором не было ничего человеческого — и склонила голову почти под прямым углом, сначала в одну сторону, потом в другую. Потом живот ее напрягся. Мгновение мне казалось, что ее вот-вот вырвет, тем более что из рта ее показалась какая-то желто-розовая слизь. Вместо этого тварь подняла свои клешни, схватилась ими за голову и словно кожуру ободрала ее со слизи — таким движением обычно одевают свитер со слишком узким горлом. Из слизи возникло человеческое лицо, а куски хитиновой оболочки головы свесились на груди и на спину динарианца.

Динарианец... нет, динарианка производила бы впечатление пятнадцатилетней девочки, когда бы не волосы — серебристые, короткие, липнущие к черепу. Глаза у нее оказались замечательно красивые, зеленые, да и лицо симпатичное, с изящным остреньким подбородком, чистой, бледной кожей и высокими скулами. Вторая пара зеленых глаз и знак падшего ангела слабо светились у нее на лбу.

Она медленно улыбнулась.

— Цепи я не ожидала. Мне казалось, ты предпочитаешь огонь и силу.

— Ты стояла на одной моей знакомой, — сказал я. — У меня не было желания испепелять ее или пробивать ею стену.

— Глупо, — пробормотала девушка.

— Я пока здесь.

— Но и я тоже.

— У тебя пять секунд на то, чтобы перейти к делу, — буркнул я. — Я не собираюсь позволять тебе разглагольствовать, пока твои дружки занимают позицию для атаки.

Девушка-Богомол сощурила глаза. Вторая пара глаз на лбу тоже сощурилась. Чертовски неуютно. Она кивнула в сторону Хендрикса и Гард.

— Мое дело связано с ними. Не с тобой, о Страж Белого Совета. Отдай их мне. Ты можешь уйти с миром. Как только эти двое будут мертвы, я соберу своих земляков, и мы покинем город, не причиняя вреда невинным.

Я хмыкнул.

— Что, если они нужны мне живыми?

— Если хочешь, я могу подождать, пока ты не допросишь их.

— Угу, только этого мне не хватало: чтобы вы маячили у меня за спиной.

Она подняла клешню.

— Даю тебе свое слово: ни тебе, ни твоему спутнику не причинят никакого вреда.

— Соблазнительно, — заметил я.

— Может, добавить тебе и материального поощрения? — спросила Девница-Богомол. — Я заплачу двести тысяч наличными.

— Какого черта тебе это нужно?

Она пожала плечами.

— Мой конфликт с Бароном-высочкой и его подчиненными, не с Белым Советом. Я предпочитаю выказать уважение к твоим коллегам, нежели идти на ссору с ними из-за твоей смерти.

— Ну-ну.

Улыбка ее сделалась чуть резче.

— Если тебе так приятно, я могу предложить и развлечься — когда мы покончим с этим делом.

Я хрипло хохотнул.

— Ого, — произнес я, продолжая смеяться. — Ого-го. Надо же, как смешно.

Она уставилась на меня, удивленно моргая. Выражение ее лица вызвало у меня новый, еще более громкий взрыв смеха.

— Ты... ты хочешь, чтобы я... Блин-тарарам, уж не думаешь ли ты, что я не знаю, что случается с самцом богомола, стоит ему сделать свое дело?

Она злобно оскалилась. Зубы ее оказались блестящими, черными.

— Ты хочешь, чтобы я верил тебе, — продолжал я, продолжая смеяться. — И ты рассчитываешь, что если помашешь у меня перед носом звенящим или шуршащим, ты получишь все, что хочешь? Господи, прелесть какая... так и хочется положить тебя в карман на память.

— Не оспаривай того, что принадлежит мне, чародей, — огрызнулась она. — Я их получу. Заклучи со мной соглашение. Я буду соблюдать его условия.

— Угу, — кивнул я. — Я видел уже, как твои приятели держат свое слово. Давай-ка лучше я сделаю тебе встречное предложение. Верните мне Марконе целым и невредимым, и убирайтесь из города — сейчас же убирайтесь, — и я сохраню тебе жизнь.

— Допустим, что мы примем твое предложение. Как могу я верить в то, что ты позволишь нам уйти с миром?

Я одарил ее слабой улыбкой и вспомнил слова давно погибшего друга.

— Потому что я знаю, чего стоят твои слова, динарианка. А ты знаешь, чего стоят мои. Мгновение она молча смотрела на меня.

— Я посоветуюсь со своими спутниками и вернусь через пять минут.

Я кивнул. Она отозвалась тем же жестом и начала подниматься обратно по лестнице. Она скрылась за дверью. Где-то наверху лязгнуло разбитое стекло.

А потом что-то красно-черное молнией слетело по лестнице и устремилось на нас под хор адских воплей с улицы.

Коварство срабатывает неважно, если противоположная сторона ожидает этого, а я держал заклятие наготове с той секунды, как Девница-Богомол повернулась к нам спиной. Она не добежала еще до нижней ступеньки, а я уже вскинул свой посох.

— *Forzare!* — прорычал я. Струя кинетической энергии ударила в нее и отшвырнула назад. Долетев до верхней площадки, она не остановилась, а со зловещим хрустом пробила стену и исчезла из вида.

Что ж, за дело. Что-то ломилось в дверь, и Томас встретил это что-то саблей и пистолетом. Я не успел разглядеть этого хорошенько, но у меня сложилось впечатление об этом как о чем-то со спиральными щупальцами и зеленой чешуей. Я накачал в посох побольше энергии, нацелил его на стену и, повторив слово заклинания, разрядил энергию — не мощной струей, но медленным, ровным потоком, а потом добавил еще немного, превратив его в широкую, прижатую к наружной стене пружину.

А потом я шагнул назад и выкрикнул команду «*Forzare!*» во всю мощь легких.

Послышался чудовищный скрежет дерева и стали, звон стекла — и вся передняя стена дома метнулась вперед.

Взвыли демонические голоса. Я повернулся и увидел, как Томас, воспользовавшись замешательством противника, рубит его саблей в лапшу. Динарианец отпрянул назад, оглушительно визжа от боли.

— Черт! — взвыл Томас. — Совсем новая была машина!

— Кончай ныть и вперед! — крикнул я в ответ и первым бросился к «Хаммеру». Рухнувшая стена здания накрыла пространство перед домом и крышу машины слоем обломков. Видеть сквозь снег и пыль я ничего не видел, но слышал, как остальные динарианцы пытаются выбраться из-под завала.

Мы добежали до «Хаммера» и попрыгали в салон. Томас уже тронул его с места, когда Девица-Богомол спикировала откуда-то сверху на капот и заскрежетала по нему своими клешнями.

— *Срань господня!* — зарычал Томас. Он дернул рычаг переключения передач, и «Хаммер» рванул назад. Свободной рукой Томас выхватил пистолет и разрядил его в нее прямо сквозь ветровое стекло. Вместо кровавых брызг от девицы летели облачка мелких насекомоподобных тварей, однако, судя по визгу, попадания причинили ей изрядную боль. Она свалилась с капота и исчезла.

Томас развернул «Хаммер», и мы нырнули в снежную круговорот, почти сразу скрывшую от нас дом... точнее, то, что от него осталось.

Некоторое время мы ехали молча, давая унять сердцебиению и адреналиновому шторму в крови.

Первым нарушил молчание Томас.

— Не думаю, чтобы мы много узнали, — заметил он.

— Черта с два немного, — сказал я.

— Что, например?

— Мы узнали, что в городе не меньше пятерых динарианцев. И еще мы узнали, что они тоже участники Неписаного Закона — участники, явно недовольные участием в нем Марконе.

Томас согласно хмыкнул.

— Что теперь?

Я устало покачал головой. Последнее заклятие далось мне нелегко.

— Теперь? Думаю... — я повернул голову и посмотрел на не подававшую признаков жизни Гард. — Думаю, мне стоит обратиться к Совету.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Теперь, когда за мной охотились не одна, а целых две команды сверхъестественных убийц, выбор действий моих, скажем так, изрядно сузился. А мест, куда я мог отвезти Гард и Хендрикса, не подвергая ничьей жизни опасности, и вовсе имелось только одно: церковь Святой Марии и Ангелов.

Именно поэтому я попросил Томаса отвезти меня к Карпентерам.

— Мне до сих пор кажется, что это не самая удачная мысль, — негромко заметил Томас. Снегоочистители на улицах старались вовсю, но одолеть снег им пока не удавалось. Хорошо еще, подъезды к больницам оставались более-менее чистыми.

Некоторые улицы больше всего напоминали фронтовые траншеи Первой Мировой, превратившись в узкие проезды между высоченных, в человеческий рост сугробов.

— Динарианцам известно, что мы используем церковь в качестве убежища, — возразил я. — Они наверняка следят за ней.

Томас хмыкнул и покосился на зеркало заднего вида. Гард так и не приходила в сознание, но дышала. Хендрикс сидел, закрыв глаза и приоткрыв рот. Я не могу упрекнуть его в этом. Я ведь не дежурил всю ночь, охраняя раненого товарища, и то с удовольствием

бы соснул ненадобно.

— Что это за твари? — спросил Томас.

— Рыцари Ордена Темного Динария, — ответил я. — Помнишь меч Майкла? С гвоздем в рукояти?

— Ну.

— Существуют еще два подобных ему. Три меча, три гвоздя.

На мгновение глаза Томаса потрясенно округлились.

— Постой. *Те самые* гвозди? Из Распятия?

Я кивнул.

— Они самые.

— А что эти твари? Противоположная сторона?

— Угу. У каждого из этих динарианских жутиков имеется по серебряной монете.

— Три серебряных монеты, — вздохнул Томас. — Можно сказать, состояние.

— Тридцать, — поправил я его.

Томас слегка поперхнулся.

— Тридцать?

— Изначально. Правда, Майкл с товарищами конфисковали несколько штук.

— Тридцать сребреников, — дошло, наконец, до Томаса.

Я кивнул.

— В каждой монете заключена душа одного из Падших. Любой, кто вступит во владение одной из монет, обретает силу падшего ангела. С ее помощью они меняют облик... ну, ты сам видел, как. Исцеляют раны и все такое.

— С ними трудно справиться?

— Гарантированно кошмарно, — кивнул я. — И многие из них прожили столько, что развили у себя изрядные магические способности.

— Ого, — выдохнул Томас. — Тот, что ломился в дверь не слишком, тянул на сверхзлодея. Страшенький, конечно, но не Супермен.

— Может, тебе просто повезло, — сказал я. — Пока монета у них, они вполне подпадают под определение «крепкий орешек».

— Ага, — кивнул Томас. — Что ж, тогда понятно.

— Что понятно? — не понял я.

Томас полез в карман и достал из него серебряную монетку размером чуть больше пятицентовой, потемневшую от времени — только блестел нетронутый окисью знак падшего ангела. — Когда я выпотрошил Капитана Страшилу, из него выпала эта штука.

— Блин-тарарам! — выдохнул я и отпрянул от монеты.

Томас тоже дернулся от неожиданности, и «Хаммер» накренился, заехав колесами на сугроб. Томас вернул его на проезжую часть, не сводя взгляда с меня.

— Эй, Гарри. Ты что?

Я прижался боком к двери «Хаммера», пытаюсь как можно дальше отодвинуться от этой штуки.

— Слушай, ты только... просто не шевелись, ладно?

Он удивленно заломил бровь.

— Лааадно... А что?

— То, что если эта штука коснется твоей кожи, ты обречен, — буркнул я. — Заткнись на секунду, дай подумать.

Перчатки. Томас весь день ходил в перчатках, чтобы не опасаться подаренного Жюстиной шарфа. Он не касался монеты голыми пальцами, иначе он бы уже понял, в какое дерьмо вляпался. Это хорошо. Однако монета не стала от этого менее опасной, и я сильно подозревал, что заключенный в нее Падший способен в той или иной степени воздействовать на физическое окружение — достаточно для того, чтобы, скажем, укатиться от прежнего обладателя, или каким-то образом заставить Томаса занять вакантное место.

Заключение. Ее надо во что-то заключить. Я порылся в карманах. Единственной

емкостью, которую я захватил с собой, оказался старый матерчатый мешочек, в котором некогда продавалась подарочная бутылка виски «Кроун-Ройял» — я таскаю в нем свой набор игровых костей. Я вытряхнул кубики в карман и раскрыл мешочек пошире.

Левая рука у меня почти всегда в перчатке. Страшные ожоги, которые я получил несколько лет назад, неплохо поджили, и все равно кисть выглядит довольно устрашающе. Я не выставляю ее напоказ из уважения к тем, кто может ненароком на нее посмотреть. Я растопырил пальцы левой руки, растягивая горло мешочка.

— Клади ее сюда, — сказал я Томасу. — Только ради Бога, не урони ее и не коснись ею меня.

Глаза у Томаса округлились еще сильнее. Он прикусил губу и очень осторожно опустил безобидный на вид серебряный кружок в мешок с вензелем «Кроун-Ройял».

Я рывком затянул шнурок и завязал его узлом покрепче. Потом торопливо выдвинул пепельницу «Хаммера», сунул туда мешочек с монетой и захлопнул ее обратно.

Только после этого я перевел дух и откинулся на спинку кресла.

— Господи, — тихо пробормотал Томас и нерешительно помолчал секунду-другую. — Гарри, это правда так страшно?

— Даже хуже, — ответил я. — Но никаких более серьезных мер предосторожности мне пока в голову не идет.

— А что бы случилось, если бы я ее коснулся?

— Заключенный в монету Падший вторгся бы в твоё сознание. Он предлагал бы тебе власть. Силу. Искушал бы по полной. И стоило бы тебе поддаться, как он овладел бы тобой без остатка.

— Мне приходилось сопротивляться искушению, Гарри.

— Не такому, — я устало посмотрел на него. — Это же Падший Ангел, дружище. Проживший не одну тысячу лет. Он знает людскую психологию. И знает, как на ней играть.

Его голос сделался чуть резче.

— Я ведь родом из семьи, где все или инкубы, или суккубы. Думаю, я имею представление о соблазнении.

— Тогда ты должен понимать, как они тебя заполучат, — я понизил голос и продолжал немного мягче. — Это могло бы вернуть Жюстину к тебе, Томас. Позволь себе снова касаться ее.

Секунду он смотрел на меня глазами, в которых мерцали огоньки давно тлевшей страсти. Потом медленно отвернулся, глядя на дорогу, а лицо снова застыло нейтральной маской.

— Да, — негромко произнес он. — Нам, пожалуй, лучше избавиться от этой штуки.

— Избавимся, — кивнул я. — Церковь две тысячи лет сражалась с динарианцами. Они знают, что делать с этими монетами.

Томас покосился на пепельницу, потом отвел взгляд и нахмурился при виде искореженного капота своего «Хаммера».

— Ну почему бы им не показаться месяцев шесть назад? Когда я ездил на «Бьюике»?

Я фыркнул.

— Вижу, с приоритетами у тебя все в порядке.

— Только-только познакомился с этими ребятами — и уже ненавижу, — заявил Томас. — Но почему они здесь? И почему сейчас?

— Вкратце? Я бы предположил, что они выбрались сюда размазать Марконе, доказав тем самым остальным участникам Договора, что жалким смертным не место среди нас — я имею в виду, сверхчеловеков.

— А они тоже участники Договора?

— Надо проверить, — сказал я. — Сомневаюсь, чтобы они значились в числе участников как «Орден Одержимых Демонами Психопатов». Но судя по тому, что говорила эта Девушка-Богомол — похоже на то.

Томас покачал головой.

— И что они с этого получают? Что можно доказать похищением Марконе?

Я пожал плечами. Я уже задавал себе эти же самые вопросы и не нашел пока на них убедительных ответов.

— Без понятия, — признался я. — Однако у них нашлось чем разнести тот дом к чертовой матери и чтобы обойти все препятствия, которыми окружил себя Марконе.

— И кой черт нужен королевам фэйре, что они ввязываются в это дело? — поинтересовался Томас.

Я снова пожал плечами. Этот вопрос я тоже себе задавал. Терпеть не могу, когда мне приходится отвечать на собственные же вопросы вроде этого.

Оставшуюся часть дороги до дома Майкла мы проделали в серо-белой тишине.

Его улицу успели очистить от снега вполне пристойно, так что мы без труда заехали прямо к гаражу. Майкл с двумя старшими сыновьями, вооружившись большими лопатами, убрали снег на участке.

При виде «Хаммера» Майкл поджал губы, сказал что-то сыновьям, и те, переглянувшись, поспешили в дом. По расчищенной дорожке Майкл подошел к машине с моей стороны, посмотрел на моего брата, потом перевел взгляд на пассажиров, сидевших сзади.

Я опустил стекло.

— Привет, — сказал я.

— Гарри, — спокойно произнес он. — Что вы здесь делаете?

— Только что имел беседу с Девицей-Богомолем, — ответил я и поднял к окошку блокнот с нарисованным по памяти — пока свежо — знаком.

Майкл сделал глубокий вдох и поморщился.

— Так я и чуял — что они в городе.

— Правда? — спросил я.

Парадная дверь дома отворилась, и на крыльцо вышел крупный, смуглый мужчина в синих джинсах темной кожаной куртке. На плече его висела спортивная сумка, и рука его словно невзначай нырнула в нее. Держался он на морозе так, словно был одет по-зимнему. Не вынимая руки из сумки, он направился в нашу сторону.

Только когда он подошел достаточно близко, чтобы разглядеть детали, лицо его расплылось в широкой ухмылке, и он остановился бок о бок с Майклом.

— Гарри! — произнес он сочным, с явственным русским акцентом голосом. — Надо же, какая встреча.

Я ответил ему такой же улыбкой.

— Привет, Саня, — я протянул ему руку, и он пожал ее с такой силой, что я всерьез опасался за целостность костей. — Вы-то что здесь делаете?

— Так, проездом, — ответил Саня, ловя пальцем снежинку. — Приземлился у вас последним рейсом, прежде чем аэропорт закрыли. Похоже, придется задержаться здесь на несколько дней, взгляд его скользнул с моего лица на блокнот, и улыбка на губах сменилась брезгливо сжатой линией.

— Кто-то знакомый? — спросил я его.

— Тесса, — ответил он. — И Имариил.

— То есть, вы знакомы?

Он снова стиснул на мгновение зубы.

— Подручный Тессы... завербовал меня. Тесса здесь?

— И не одна, а с друзьями, — я нарисовал знак, который видел на почернелом динарии всего несколько минут назад, и протянул им.

Саня покачал головой и покосился на Майкла.

— Акариил, — не задумываясь, произнес Майкл.

Я кивнул.

— Он в мешке из-под виски в пепельнице.

Майкл выпучил глаза. Саня тоже.

— Надеюсь, у вас найдется один из этих ваших освященных платков. Я бы отвез это к Падре Фортхиллу, но, боюсь, он под пристальным наблюдением. Мне нужно тихое место, чтобы отсидеться.

Саня с Майклом обменялись долгими, многозначительными взглядами. Потом Саня посмотрел на Томаса и нахмурился.

— А это что еще за вампир?

Я заметил, как застыл от неожиданности Томас. Как правило, даже обитатели сверхъестественного мира не распознают вампира Белой Коллегии — если, конечно, не застанут того за своим вампирским промыслом. Его порода умеет хорошо камуфлироваться, и они полагаются на свой камуфляж так же, как, скажем, леопард — на свои пятна.

Однако скрыть что-либо от Рыцаря Креста не так-то просто. Может, это входит в список дарованных им способностей, а может, сама работа требует от избранных заниматься ею людей подобного свойства — не спрашивайте, не знаю. В вопросах веры и отношений со Всевышним я не слишком силен, так что плаваю в этих водах, так сказать, с особой осторожностью и по возможности кратковременно. Я только знаю, что мало кому из нехороших парней удастся проскользнуть мимо Рыцаря Креста, и что у этих Рыцарей налицо предрасположенность выводить истину на свет.

На мгновение я встретился с Саней взглядом.

— Он со мной, — произнес я. — И еще, именно благодаря ему Акариил отдыхает сейчас в заточении.

Некоторое время Саня колебался. Он покосился на Майкла, который нехотя кивнул.

Младший рыцарь задумчиво прикусил губу и тоже заглянул вглубь салона.

Хендрикс проснулся, но не двигался с места, только смотрел на Саню спокойным, усталым взглядом.

— Женщина, — хмурясь, произнес Саня. — Что она?

— Ранена, — ответил я.

Черты лица его на мгновение потемнели.

— Да, конечно. Вы бы не привезли ее сюда, полагай вы, что она опасна.

— Не для вас и не для меня, — сказал я. — Тесса, конечно, может иметь иное мнение.

Санины брови поползли вверх.

— Это так она получила ранение?

— Это случилось *после* того, как ее ранили.

— Да ну, — Саня придвинулся чуть ближе к Гард получше рассмотреть ее состояние.

— Назад, — пророкотал Хендрикс. — Товарищ.

Саня вновь сверкнул белозубой улыбкой и продемонстрировал Хендриксу пустые ладони.

Майкл кивнул Томасу.

— Загоняйте машину за дом. Сугробы заслонят ее от посторонних глаз.

— Спасибо, Майкл, — сказал я.

Он мотнул головой.

— В мастерской есть обогреватель и пара раскладушек. Детей я подставлять под это не хочу.

— Я понимаю.

— Правда? — мягко спросил Майкл. Он легонько похлопал по искореженному капоту пикапа и махнул рукой, давая Томасу знак проезжать.

Спустя двадцать минут мы все расположились в теплой, хотя и немного тесноватой мастерской Майкла.

Гард лежала на раскладушке; лицо ее розовело буквально на глазах. Хендрикс сидел, привалившись спиной к стене рядом с ее раскладушкой — предположительно охраняя ее, но периодически всхрапывая. Саня ушел в дом и там готовил нам что-нибудь поесть.

Я наблюдал за тем, как Майкл, чуть слышно бормоча слова молитвы, заворачивает динарий Акариила в чистый белый платок с вышитым на нем серебряным крестом. Затем он

сунул платок в небольшой деревянный ларец — тоже украшенный серебряным крестом.

— Прошу прощения, — произнес он. — Нужно было обезвредить это.

— Где они хранят эти штуки? — поинтересовался Томас, когда Майкл вышел.

Я пожал плечами.

— Возможно, в каком-нибудь большом складе с миллионом одинаковых ларцов.

Томас фыркнул.

— Даже не думай, — сказал я. — Не стоит, правда.

Томас провел рукой в перчатке по белому шарфу.

— Правда?

— Ты сам видел, как орудуют эти твари. Они манипулируют твоими эмоциями и самоконтролем — и с Жюстиной случится что-нибудь плохое. Или они дождутся, пока не подсекут тебя, посадят на крючок и не выдернут из воды — в общем, пока не превратят тебя в свою марионетку, только из костей и плоти. И с Жюстиной случится что-нибудь плохое.

Томас пожал плечами.

— У меня в голове и так уже есть один демон. Один или два — велика разница?

Я внимательно посмотрел на его профиль.

— Да, один монстр у тебя в голове уже есть, — согласился я. — И это едва не стоило ей жизни.

Минуту он молчал. Потом с досадой врезал локтем по деревянной стене мастерской. Треснуло дерево, и в отверстие ворвался поток холодного воздуха.

— Может, ты и прав, — произнес он упавшим голосом.

— Будь я проклят, — сказал я. В голове моей созрела одна мысль, от которой мне сделалось не по себе.

Томас потер ушибленный локоть.

— Чего?

— Мысль одна... на редкость неприятная, — я махнул рукой в сторону изможденных гвардейцев Марконе. — Боюсь, динарианцы захватили Марконе вовсе не для того, чтобы стереть его в порошок в назидание остальным.

Брат пожал плечами.

— Тогда кой черт они это сделали?

Я прикусил губу, с такой силой свело судорогой мой желудок.

— Затем, — сказал я, что они, возможно, хотят завербовать его.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ

Томас остался охранять наших спящих красавиц, а я отправился к Карпентерам на кухню потолковать с Майклом и Саней.

Я выложил им все карты до последней. См. выше насчет целесообразности попыток врать Рыцарям Креста — ну, и даже без этого оба более чем заслуживали моего доверия. Рассказ не отнял у меня много времени.

— Поэтому, — закончил я, — мне кажется, нам нужно действовать быстро, чтобы выдернуть Марконе, пока его не принудили вступить в клуб.

Майкл нахмурился и сложил свои тяжелые, натруженные ручищи на столе перед собой.

— Что заставляет вас считать, что Марконе ответит им отказом?

— Марконе ублюдок, — кивнул я. — Но ублюдок независимый. Он не согласится работать ни на кого.

— Вы уверены? — спросил Саня, тоже задумчиво хмуря брови.

— Угу, — сказал я. — Мне кажется, именно поэтому они хотели захватить Хендрикса и Гард, а не убить их. Так они могли заставить его принять монету — угрожая убить его людей.

— Они очень редко используют такую тактику, — буркнул Майкл.

— Но не Тесса, — убежденно возразил Саня. — Она предпочитает выискивать тех, у

которых уже имеется повод принять монету. Потенциальные таланты новобранца значат для нее меньше, чем примитивная страсть.

Майкл принял этот аргумент кивком головы.

— Из чего следует, что распоряжается не Тесса.

Саня блеснул зубами в свирепой ухмылке.

— Никодимус здесь.

— Бл... — начал я, но покосился на Майкла и смягчил выражение. — Блин-тарарам. В прошлое свое посещение Никодимус едва не уколошил нас всех. И он убил Широ.

Оба рыцаря кивнули. Майкл склонил голову и пробормотал короткую молитву.

— Ребята, — произнес я. — Я знаю, что инстинкты требуют от вас бдиль в ночной тиши, подставлять другую щеку и все такое. Но он здесь с воинством, по меньшей мере вдвое превышающим по численности то, с которым он заваливался сюда в прошлый раз. Если мы будем ждать, пока он доберется до нас, он от нас и трухи не оставит.

— Согласен, — заявил Саня. — Перехватить инициативу. Найти его и врезать змею прежде, чем он сумеет свернуться для броска.

Майкл покачал головой.

— Брат, ты забываешь про наше предназначение. Сила дана нам не для того, чтобы мы разили наших врагов, сколь бы они этого ни заслужили. Наше предназначение заключается в спасении несчастных душ, поработанных Падшими.

— Никодимус не хочет, чтобы его спасали, — возразил я. — Он совершенно спелся со своим демоном.

— Что совершенно не меняет нашего долга, — сказал он. — Любой, даже Никодимус может искать искупления вне зависимости от содеянного им — до тех пор, пока он способен дышать, чтобы просить прощения.

— Насколько я понимаю, пара проникающих ранений в грудь не поможет нам обойти эту проблему? — спросил я у него. — Потому что если бы помогала, мне пришлось бы их устроить.

Саня коротко хохотнул.

Майкл тоже улыбнулся, но улыбка его быстро погасла.

— Моя точка зрения заключается в том, что мы можем предпринимать такие агрессивные ходы лишь в самых критических ситуациях.

— Фэйре находятся на грани междоусобной войны, — сказал я. — Что, возможно, подбросит дров в топку войны между Белым Советом и коллегиями вампиров — боюсь, что в пользу нехороших парней. Один из самых опасных людей, которых я знаю, вот-вот получит против своей воли доступ к знаниям и силе Падшего ангела, а динарианцы в обмен получают черт знает какое влияние в Штатах. Я не говорю уже про последствия этого лично для меня, — я переводил взгляд с одного рыцаря на другого, потом поднял руку. — Я голосую за то, что ситуация именно что критическая. Кто «за»?

Майкл перехватил дернущуюся вверх руку Сани и мягко прижал ее обратно к столу.

— Это не демократия, Гарри. Мы служим Царю.

Мгновение Саня хмурился, косясь на меня, но все же откинулся на спинку стула, поддерживая Майкла своим молчанием.

— Вы хотите с ними *говорить*? — спросил я у Майкла. — Вы, наверное, надо мной смеетесь.

— Я этого не утверждал, — возразил Майкл. — Но и просто убивать их, не попробовав ничего другого, я не намерен. Возможно, это выход, Гарри. Но выход недостаточно хороший.

Я устало откинулся на спинку и потер рукой висок, в котором зарождалась уже боль.

— Ладно, — негромко произнес я, пытаясь на ходу сложить удовлетворительный план действий. — Что если... если переговоры буду вести я? Согласны ли вы ошиваться поблизости — в качестве подкрепления?

Майкл вздохнул.

— Во всем этом изрядная доля условности. Вы же прекрасно понимаете, что они предадут вас в ту же минуту, как это будет им выгодно.

— Угу. И сделают это по собственному усмотрению. Но разве вы не этого ждете, а? Один из способов разрешения проблемы — выждать, пока она сама не подскажет плана действий. Желательно, чтобы при этом погибло еще как можно больше хороших парней...

Вид у Майкла был не ах какой, болезненный, но он все же кивнул.

— Отлично, — сказал я. — Тогда я попробую все организовать.

— Как? — поинтересовался Саня.

— Это уже мои проблемы, — буркнул я и покосился на часы. — Блин. Опоздал на встречу. Можно попользоваться вашим телефоном?

— Конечно, — кивнул Майкл.

Я встал и направился к телефону. По дороге я огляделся по сторонам.

— А где все? — спросил я, нахмурившись.

— Черити увезла их на несколько дней, — ответил Майкл. — Все равно со всей этой заварухой не до школы.

Я согласно хмыкнул.

— А где Молли?

Майкл помолчал, потом покачал головой.

— Не знаю точно. Сомневаюсь, чтобы она поехала с ними.

Я поразмыслил над этим и решил, что, пожалуй, догадываюсь, где она.

— Как вы сохраняете все это, — я мотнул головой в сторону плиты и посуды, — в порядке, когда Молли здесь? Я полагал, она крушит все направо и налево?

— Ну, приходится принимать меры, — с готовностью ответил Майкл. — Но все равно ремонта вдвое больше против обычного.

— Мне жаль.

Он улыбнулся.

— Невелика цена. Она того стоит.

Признаюсь: то, за что Майкл мне нравится, не имеет отношения ни к мечам, ни к изничтожению зла.

Я снял трубку и набрал номер кабака Мак'Энелли.

— Мак, — отозвался Мак в присущей ему лаконичной манере.

— Это Гарри Дрезден, — представился я. — Скажи, сержант Мёрфи у тебя?

Мак утвердительно хмыкнул.

— Дай ей пива за мой счет и передай, что я еду.

Мак хмыкнул еще раз.

— Спасибо, дружище.

Он повесил трубку, не попрощавшись.

Я сделал еще один звонок и поговорил с лишенным (на слух) юмора мужчиной со славянским акцентом. Я пробормотал слова пароля — тихо, чтобы их не расслышали остальные присутствующие — но связь оказалась такой отвратительной, что вместо отзыва в трубке не слышалось ничего кроме визга. Впрочем, такого можно ожидать, когда на обоих конца провода чародеи.

Телефонной сети потребовалось не больше десяти минут, чтобы соединить меня с той, кто мне был нужен.

— Лючко, — произнес в трубке молодой женский голос. — Что не так, Гарри?

— Эй! — возмутился я. — Вы меня, можно сказать, обижаете, капитан. То, что я вам звоню, еще не означает, что у меня тут, типа, кризис.

— Формально так, пожалуй что. Тогда зачем вы звоните?

— Ладно. У меня тут кризис.

Она издала неопределенное «ммммммммммм».

— Группировка, известная как Орден Темного Динария, похитила барона Марконе.

— Короля преступного мира, которого вы сами выдвинули на членство в Договоре? —

переспросила Люччо, не скрывая иронии. — И какое отношение это имеет к Белому Совету?

— Эти сволочи-динарианцы тоже подписывали Договор, — сказал я. — Помощники Марконе визжат от отчаяния. Они просили меня заявить официальный протест на похищение и призвать уполномоченного для разрешения этого спора.

Последовало секундное молчание.

— Какое, — повторила Люччо, на этот раз тверже, — отношение это имеет к Белому Совету?

— Договор — ничто без поддержки и гарантий, — сказал я. — В наших же долгосрочных интересах обеспечивать его соблюдение всеми сторонами, не допуская создания прецедента, который...

— Не вешайте мне лапши на уши! — рявкнула командующая корпусом Стражей, и на этот раз в голосе ее ощущался итальянский акцент. — Если мы предпримем какие-либо официальные действия, это может спровоцировать войну — войну, которую мы в нашем нынешнем положении просто не можем себе позволить. Нам всем известно, что Красная Коллегия всего лишь переводит дух. Нам и так дорого обошлись наши потери — потери в случае нового конфликта могут иметь непоправимые последствия.

Я изо всех сил старался, чтобы голос мой звучал ровно, сурово.

— Мэб лично связывалась со мной. Она недвусмысленно дала понять, что в наших интересах вмешаться.

С формальной точки зрения я не лгал. Я ведь не уточнял, кого имею в виду, говоря «мы». Я очень рассчитывал на то, что упоминание о Мэб окажет на Люччо требуемое действие. Дело в том, что если Красная Коллегия не стерла нас за годы войны с лица земли — так только потому, что Мэб гарантировала нам, чародеям, свободный проход через контролируемые Зимой регионы Небывальщины, а это давало нам мобильность, по крайней мере не уступающую нашим противникам. Те-то не испытывали особых затруднений, используя транспорт смертных для переброски своих сил.

— Иисусе Христе! — выдохнула Люччо. — Она угрожает лишить нас прохода по своим землям, если мы откажем ей в ее просьбе?

— Ну, — осторожно сказал я, — напрямую она этого не говорила.

— Разумеется. Она вообще ничего не говорит напрямую.

— Однако же, обещания свои она держит, — напомнил я.

— Она не принимает на себя обязательств, от которых невозможно ускользнуть. Она запрещает блокировать проходы своим людям, а также — в знак уважения к нам — и Дикому Народу. Все, что ей достаточно сделать — это снять запрет, действующий в отношении Диких — и нам придется пробиваться через Небывальщину с боем.

— Да, она хитроумная сучка, — согласился я, скрестив на всякий случай пальцы.

Люччо энергично выдохнула через нос.

— Очень хорошо. Я улажу все необходимые формальности с Советом Старейшин. Какого уполномоченного вы бы предпочли?

— Архив. Мы неплохо сработались.

Люччо снова издала «ммммммммм». До меня донесся скрип карандаша по бумаге.

— Дрезден, — произнесла она. — Надеюсь, вам не надо напоминать, насколько важно нам избегать крупномасштабных конфликтов — даже с относительно небольшими силами.

Перевод для тех, кто не понял: *Не начинай новой войны, Гарри.*

— Однако, — продолжала она, — еще важнее для нас не утратить возможность прохода через Небывальщину.

Перевод: Если только без этого не обойтись.

— Я понял, — отозвался я. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Сделайте больше, — невозмутимо посоветовала Люччо. — В Совете Старейшин есть такие, которые считают, что и та война, что уже идет, началась по вашей некомпетентности.

Я почувствовал, что заливаюсь краской.

— Если они в очередной раз вылезут с этим, напомните им, что единственно по моей некомпетентности их не разнес на элементарные частицы новоявленный бог, — огрызнулся я. — А потом напомните им, что опять-таки по моей некомпетентности у нас появилась возможность передышки благодаря перемирию. А потом...

— Довольно, Страж, — рявкнула Люччо.

Я совладал с раздражением и закрыл рот.

Эй, мы же все собрались на выходные. Типа, время чудес.

— Я извещу вас, когда узнаю что-нибудь, — сообщила напоследок Люччо и повесила трубку.

Я тоже положил трубку на рычаг — резче, чем стоило бы — и повернулся к столу. Майкл и Саня смотрели на меня.

— Гарри, — негромко произнес Майкл. — Вы ведь говорили с капитаном Люччо, не так ли?

— Угу, — подтвердил я.

— Вы не говорили нам, что Мэб угрожала взять назад свои обязательства.

— Ну, нет.

Майкл обеспокоенно смотрел на меня.

— Потому что она этого не делала. Вы просто солгали Люччо.

— Да, — коротко ответил я. — Потому, что для переговоров мне необходимо одобрение Совета. Потому, что мне необходимы эти переговоры, чтобы эта шайка чертовых убийц, замучивших Широ, получила возможность доказать вам, что дело действительно дрянь.

— Гарри, если Совет узнает, что вы ввели его в заблуждение...

— Они, вероятно, обвинят меня в измене, — договорил я.

Майкл поднялся из-за стола.

— Но...

Я уставил в него палец.

— Чем дольше мы будем тянуть, тем дольше эти ублюдки останутся в городе, и тем больше этих козлоподобных громил будет охотиться за мной, подвергая опасности ни в чем не повинных людей. Мне надо действовать, а лучший способ убедить Совет вмешаться — это создать у них представление, будто огонь угрожает и их холемым задницам.

— Гарри, — снова начал Майкл.

— Не надо, — оборвал я его. — Не надо мне разговоров о покаянии, о всепрощении и о том, что каждый имеет право на шанс. Я всегда за то, чтобы действовать правильно, Майкл, и вы это знаете. Но сейчас у нас просто нет времени.

— Разве спешка что-нибудь меняет, Гарри? — мягко спросил он.

— Даже ваша Книга утверждает, что всему свое время, — сказал я. — Время исцелять — и время убивать.

Майкл перевел взгляд с меня на дверь в гостиную, где висел на стене его двуручный «Амораккиус» в скромных кожаных ножнах, с простой — как некогда у крестоносцев — оплетенной проволокой рукоятью.

— Не в этом дело, Гарри. Я ведь больше вашего видел, чего они творят. И не испытываю угрызений, сражаясь с ними, если дело доходит до этого.

— Они уже взорвали дом, пытались убить меня и создали ситуацию, при которой случайными жертвами едва не стали ваши дети. Или уже и этого мало, чтобы дело дошло до этого?

Вместо ответа Майкл покачал головой, встал, снял со стены «Амораккиус» и ушел куда-то вглубь дома.

Некоторое время я хмурился ему вслед, бормоча себе под нос различные нелестные эпитеты.

— Вы его запутали, — заметил Саня.

Я покосился на смуглого рыцаря.

— Чего?

— Вы его запутали, — повторил Саня. — Тем, что вы сделали.

— Что сделал? Соврал Совету? Мне кажется, у меня не было особого выбора.

— Но ведь соврали же, — констатировал Саня. Он сунул руку в лежавшую на полу у его ног спортивную сумку и вынул из нее длинную кавалерийскую саблю — «Эспераккиус». Гвоздь в рукояти говорил о том, что сабля приходится сестрой мечу Майкла. Саня принялся внимательно изучать клинок. — Вы ведь могли просто очертя голову броситься на них.

— Один? Я, конечно, дурак, но не настолько.

— Он ваш друг. Он пошел бы с вами. Вы это понимаете.

Я мотнул головой.

— Он мой друг. Точка. С друзьями так не поступают.

— Именно, — кивнул Саня. — Поэтому вместо этого вы рискуете своей жизнью, защищая его убеждения. Рискуете своей шкурой, спасая его сердце, — он достал гладкий точильный камень и начал водить им вдоль клинка. — Я думаю, он считает это весьма мессианским поступком.

— Я сделал это вовсе не потому.

— Конечно, не потому. Он это понимает. Ему сейчас нелегко. Обычно это он защищает других, он готов при необходимости заплатить цену.

Я вздохнул и покосился в сторону, куда ушел Майкл.

— Я просто не знаю, что я еще мог бы сделать.

— Да, — произнес Саня по-русски. — Но он все еще боится за вас, — он замолчал, только камень продолжал скользить вдоль клинка.

— Вы разрешите задать вам один вопрос? — спросил я.

Здоровяк продолжал ровно водить рукой вдоль сабли.

— Легко.

— Вы имели несколько напряженный вид при упоминании имени Тессы, — сказал я.

Секунду Саня искоса смотрел на меня; вид у него при этом оставался непроницаемый. Потом он чуть пожал плечом и вернулся к своему занятию.

— Она с вами что-то сделала?

— Практически не замечала. И не говорила, — ответил Саня. — Для нее я был всего лишь работником. Одним лицом больше, одним меньше... Кто я, что я — это ее не волновало.

— А эта, ее напарница? Та, что вас завербовала?

Он чуть пошевелил желваками на скулах.

— Ее зовут Розанна.

— И это она причинила вам боль, — предположил я.

— С чего вы это взяли?

— С того, что, когда вы говорите о ней, по лицу вашему видно, что вам причинили боль.

Лицо его на мгновение осветилось улыбкой.

— Вы знаете, каково смуглому человеку жить сейчас в России, Дрезден?

— Нет. То есть, мне казалось, у вас там есть национальные меньшинства...

Точильный камень застыл на середине клинка, и Саня, изогнув бровь, внимательно посмотрел на меня.

— Да, — произнес он, наконец, ровным тоном. — Типа того.

— Типа, как цветные в Штатах, мне казалось.

Он хмыкнул.

— Ну, в Москве приезжих с юга много, и все равно им нелегко. Но когда мне случалось выезжать в города поменьше, приходилось ходить по людным местам. Во избежание. Там на меня так оглядывались, что аж до дорожных происшествий едва не доходило. Буквально. Уж не знаю, из любопытства или из ненависти. Может, со временем это и изменится, но пока ощущаешь себя чуть не снежным человеком. Уродом.

До меня начало доходить.

— Такое отношение может сделать молодого человека немного раздражительным.

Брусок двинулся дальше вдоль клинка.

— О, да.

— Так вот что вы имели в виду. Ну, когда говорили про Тессу. Что она предпочитает тех, кто созрел принять монету...

— Да. Я знаю это по собственному опыту. — Розанна обладала всем, о чем озлобленный, бедный, отчаявшийся юнец мог только мечтать. Хороша собой. Сильна. Чувственна. И то, похож я на кавказца или нет, ее совершенно не беспокоило, — Саня тряхнул головой. — Мне было шестнадцать.

Я поморщился.

— Угу. Самый возраст для совсем неудачного выбора. У меня по этой части тоже имеется некоторый опыт.

— Она предложила мне монету, — продолжал Саня. — Я ее принял. И на протяжении пяти лет после этого мы с тварью по имени Магог шатались по всему миру следом за Розанной, занимаясь всем, что только может прийти в голову молодому человеку, вместе с Розанной... и подчиняясь командам Тессы, — он тряхнул головой и посмотрел на меня. — Под конец этого срока, Дрезден, я вряд ли чем отличался от зверя — ну, разве что ходил на двух ногах. О, мысли и чувства мои никуда не делись, но они сделались рабами самых моих животных страстей. Я совершил много такого, чего мне не... — он осекся и отвернулся от меня. — Я совершил много разного.

— Она манипулировала вами, — негромко произнес я. — Розанна. Она уговорила вас попробовать наркотик, сделать то или это. Постепенно, шаг за шагом. Растлевая вас, чтобы Падший мог завладеть вами.

Он кивнул.

— И все это время я ничего такого даже не заподозрил. Мне казалось, она заботится обо мне так же, как я заботился о ней, — он слабо улыбнулся. — Не забывайте, особыми умом и сообразительностью я никогда не отличался.

— И кто вас из этого выдернул? — поинтересовался я. — Широ?

— В некотором роде, да, — кивнул Саня. — Широ сорвал одну из Тессиних затей — в Антверпене, кажется. Мы с Розанной были тогда в Венеции. Она ворвалась в наш номер — в совершенном бешенстве. У них с Розанной случился спор, сути которого я до конца так и не понял. Только вместо того, чтобы выйти, как мне было сказано, я остался и подслушал его. В общем, я услышал, что на самом деле думала обо мне Розанна, услышал ее отчет Тессе о работе со мной. И понял, наконец, каким идиотом был все это время. Я выбросил монету в канал, ушел и не вернулся.

Я удивленно уставился на него.

— Должно быть, это далось вам нелегко.

— Да вся моя жизнь тогдашняя была все равно что снежный ком, катившийся прямоком в ад, — жизнерадостно ответил Саня. Ну да, не самая удачная метафора. Тогда я мало сомневался в том, что этот мой поступок равен самоубийству: Тесса наверняка выследила бы меня и убила, но Широ преследовал ее до Венеции — там он меня вместо нее и нашел. Майкл — не чикагский, другой Майкл — встретил нас на Мальте и предложил мне «*Эспераккиус*», вот этот, и работу. Предложил шанс бороться с тем злом, которое я сам помогал творить. Это хорошая работа. Постоянные разъезды, новые места, интересные люди, сложные задачи.

Я тряхнул головой и рассмеялся.

— Что ж, позитивный взгляд на вещи.

— Я стараюсь, — отозвался Саня с убежденностью человека, чья вера тверда как скала. — А вы, Дрезден? Вы не задумывались о том, чтобы принять «*Фиделакиус*»? Присоединиться к нам?

— Нет, — тихо ответил я.

— Почему нет? — спросил Саня спокойно, без осуждения. — Вы знаете, за что мы сражаемся. Вы знаете, сколько добра мы приносим другим. То, чем занимаетесь вы, во многом совпадает с нашей работой: защищать тех, кто не в состоянии защитить себя сам, противостоять силам зла и насилия, когда те поднимают голову.

— Я не слишком подхожу для всей этой Божественной тусовки, — заявил я.

— А я агностик, — парировал Саня.

Я фыркнул.

— Блин-тарарам. Вы еще скажите мне, что вам это безразлично. Вы носите святой клинок и водите компанию с ангелами.

— Клинок обладает силой, это так. Существа, связанные с этой силой, в некотором роде... ангелоподобны, да. Но с тех пор, как я принял меч, мне доводилось видеть много странных и могущественных существ. И если называть их не «ангелами», а «пришельцами», получится, что я работал в сотрудничестве с могущественными существами — не обязательно принадлежащими к Небесному Воинству, — Саня улыбнулся. — Я понимаю, это все философские выкрутасы, но я не готов отказываться от этой точки зрения. Мы занимаемся достойным делом, даже если не рассматривать это с точки зрения веры, религии и Бога.

— С этим не поспоришь, — согласился я.

— Тогда скажите мне, — настаивал Саня, — почему вы не хотите принять меч?

Я немного подумал, прежде чем ответить.

— Потому, что он не для меня. И Широ сказал, я пойму, кому и когда его вручить.

Саня пожал плечами и согласно кивнул.

— Что ж, это серьезная причина, — он вздохнул. — Жаль. «Фиделаккиус» пригодился бы нам в этом конфликте. Если бы Широ был сейчас с нами...

— Хороший человек, — согласился я. — Знаете, что он был королем?

— Мне казалось, он просто увлекался музыкой Короля. Элвиса, в смысле.

— Нет, нет, — сказал я. — Сам Широ. Он прямой потомок последнего короля Окинавы. С тех пор миновало несколько поколений, но его семья королевской крови.

Саня пожал широкими плечами.

— На протяжении столетий, друг мой, сменилось много королей, так что их кровь изрядно разошлась среди людей. Вот моя семья, например, может проследить свои корни вплоть до Салахуддина.

Брови мои невольно поползли на лоб.

Салахуддина... Вы имели в виду Саладина? Царя Сирии и Египта во время Крестовых походов?

Саня кивнул.

— Его самого, — он снова застыл и посмотрел на меня; взгляд его расширился.

— Я знаю, вы агностик, — сказал я. — Но в совпадения вы верите?

— Не так, как в свое время, — ответил Саня.

— Это не может быть простым совпадением. Вы оба — потомки королевских родов, — я задумчиво пожевал губу. — Вот я и думаю, справедливо ли это по отношению к тому, кто может принять оставшийся меч?

— Я солдат и философ-любитель, — хмыкнул Саня. — Вы — чародей. Такое может играть какую-то роль?

Я сделал неопределенный жест рукой.

— И да, и нет. Я хочу сказать, существует множество факторов, связывающих магию с наследственностью. И целая куча древних ритуалов напрямую повязана с политическими правителями.

— Король и его страна едины, — серьезно процитировал Саня.

— Ну, типа того.

Саня кивнул.

— Майкл показывал мне это кино.

— Кроме Мерлина в этом фильме ничего хорошего. Ну, и еще капитана Пикара, который дерет задницу врагам в кольчуге, вооруженный здоровенным топором, — я махнул рукой. — Суть в том, что во многих культурах король, или султан, или кто там еще обладают властью не только физической, но и духовной. И сопутствующие этому энергии придавали древним королям и метафизическое значение.

— Возможно, что-то, сопоставимое с силой Мечей? — предположил Саня.

Я пожал плечами.

— Возможно. Когда я родился, монархов на планете сделалось негусто. Раньше я об этом и не особенно думал.

Саня улыбнулся.

— Что ж, теперь вам осталось только найти принца или принцессу, готовую положить жизнь на алтарь борьбы за добро. У вас нет никого на примете?

— Не очень, — признался я. — Но мне почему-то кажется, что мы на пороге чего-то такого, — я покосился на висевшие на стене часы. — Поздно уже. Я вернусь часа через два или позвоню.

— Да, — повторил Саня по-русски. — Мы присмотрим за вашими бандюгами.

— Спасибо, — сказал я и вернулся в мастерскую. Хендрикс сполз на пол и посапывал. Гард так и вовсе храпела. Томас беспокойно расхаживал взад-вперед.

— Ну? — спросил он.

— Мне надо заехать к Маку, поговорить с Мёрфи, — сказал я. — Поехали-ка.

Томас кивнул и шагнул к двери.

Я сунул руку в стоявшее у двери мусорное ведро, достал оттуда пустую банку из-под машинного масла и бросил ее в наименее захламленный угол помещения. Не долетев до стены, пластмассовая фляга ударилась о что-то невидимое, Молли негромко ойкнула и возникла из ниоткуда, потирая ушибленное бедро.

— Откуда она взялась? — недовольно поинтересовался Томас.

— Чего я на этот раз сделала не так? — обиженно выпалила Молли. — Я, вроде, все приняла в расчет. Даже Томас не догадался, что я здесь.

— Ты ничего не упустила, — ответил я. — Просто я представляю себе ход твоих мыслей, Кузнечик. И если я не могу оставить тебя там, где безопасно, придется взять тебя туда, где я могу за тобой присматривать. Может, от тебя даже будет какая-нибудь польза. Едешь с нами.

Молли просияла.

— Класс! — взвизгнула она и следом за нами поспешила к выходу.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я опоздал больше чем на час, и настроения Мёрфи это не подняло.

— Вид у твоего носа хуже, чем вчера, — заметила она, стоило мне плюхнуться за стол напротив нее. — Да и фингалы под глазами, похоже, больше сделались.

— Господи, — откликнулся я. — Тебе идет злиться. Очень хорошеешь при этом.

Глаза ее угрожающе прищурились.

— Твой носик-пуговка так трогательно розовеет... а глаза, как нальются кровью, еще голубее кажутся.

— У тебя есть еще чего сказать напоследок, Дрезден, или тебя можно уже душить?

— Мак! — крикнул я, поднимая руку. — Пару светлого!

Она пригвоздила меня к стулу взглядом.

— И не думай, что сможешь откупиться от меня пивом. Даже таким хорошим.

— Я и не пытаюсь, — ответил я, вставая из-за стола. — Я откупаюсь от тебя потрясающим — по-настоящему потрясающим пивом.

Я подошел к стойке, на которую Мак выставил две бутылки собственноручно сваренной нирваны. Профессиональным движением больших пальцев он сшиб с них

крышки, обойдись без открывалки. Я подмигнул ему, взял бутылки и вернулся к Мёрфи.

Я протянул ей одну бутылку, оставил себе другую, и мы выпили. Сделав глоток, она пристально посмотрела на бутылку и сделала еще один, побольше.

— Это пиво, — объявила она, — только что спасло тебе жизнь.

— Мак известный пивной маг, — ответил я. Вслух я этого ему не сказал, но в тот момент я сильно жалел, что он не подает свое пиво охлажденным. Очень славно было бы приложить заиндевевшую бутылку к больному виску, да и чертов сломанный нос, глядишь, и перестал бы мучить меня так яростно. Вместо этого он продолжал гореть как в огне.

Мы с Мёрфи сидели за столиком у одной из стен кабака. В помещении тринадцать столов; потолок поддерживают тринадцать деревянных колонн, затейливо украшенных резьбой на темы преданий Древнего Мира. Стойка бара причудливо искривлена в плане, и стульев у нее стоит тоже тринадцать — столько же, сколько вращается медленно под потолком вентиляторов. Планировка помещения, расстановка в нем мебели — все предназначено для рассеивания случайных потоков магических энергий, которые неизбежно витают вокруг занимающихся магией, когда те раздражены или возбуждены. Это совершенно необходимая мера защиты от сгустков негативных энергий, способных воздействовать на настроение или поведение посетителей.

Впрочем, на их сверхъестественные способности это не влияет — вот почему у двери висит большое, написанное от руки объявление. Мак добился, чтобы все участники Неписаного Договора официально признали его заведение нейтральной территорией, взяв тем самым на себя обязательства избегать здесь конфликтов или по крайней мере затевать их вне его стен.

И все же нейтральная территория остается безопасной только до тех пор, пока кто-нибудь не вообразит, что нарушение Соглашений сойдет ему с рук. В общем, здесь лучше держать ухо востро.

— С другой стороны, — уже тише заметила Мёрфи, — возможно, ты слишком жалок, чтобы забить тебя до смерти прямо сейчас.

— Мой нос, ты хочешь сказать, — предположил я. — В сравнении с тем, как в свое время досталось моей руке, это все фигня.

— Но, думаю, удовольствия все равно мало.

— Можно сказать и так.

Она сделала еще глоток и внимательно посмотрела на меня.

— Ты собираешься разыграть свою чародейскую карту и посоветовать мне не лезть в это дело.

— Не совсем, — сказал я.

Она смерила меня своим полицейским, профессионально отстраненным взглядом и кивнула.

— Ну, говори.

— Помнишь тех типов в аэропорту — несколько лет назад?

— Угу. Которые убили в часовне старика с Окинав. Жуткая смерть.

Я слабо улыбнулся.

— Мне кажется, он бы поспорил с тобой на этот счет, если бы мог.

Она пожала плечами.

— Жуткая была катавасия, — произнесла она негромко.

— Так вот, те типы, что стояли за этим, вернулись. Они и похитили Марконе.

Мёрфи нахмурилась, и взгляд ее на мгновение сделался отрешенным, устремленным в себя.

— Они замахнулись на его бизнес?

— Или пытаются заставить его вступить в их команду, — ответил я. — Не знаю пока точно. Мы этим занимаемся.

— «Мы»?

— Помнишь Майкла? — спросил я.

— Мужа Черити?

— Угу.

— Помнится, в аэропорту нашли тогда пару мужчин с вырванными языками и фальшивыми паспортами. Оба убиты холодным оружием. Мечами, как это ни странно в наше время. Жестокая смерть, Гарри, — она положила руки на стол, ладонями вниз, и чуть пригнулась ко мне. — *Я не люблю жестокости.*

— Мне очень, типа, жаль, Мёрф, — сказал я. Возможно, в голосе моем и прозвучала капля или две сарказма. — Обязательно попрошу их одеть мягкие перчатки. Я сообщу тебе, что они ответят — если, конечно, останусь жив после такой просьбы.

Мёрфи спокойно посмотрела на меня.

— Значит, они вернулись?

Я кивнул.

— Только на этот раз они прихватили с собой больше друзей.

— Где они?

— Не надо, Мёрф.

— Где они, Гарри? — спросила Мёрф голосом, не терпящим пререканий. — Если они так опасны, я не собираюсь ждать, пока они нанесут удар первыми, на выгодных им условиях. Мы должны ударить первыми, не дав им шанса причинить вред кому-либо еще.

— Ведь бойня выйдет, Мёрф.

— Возможно, — кивнула она. — А может, и нет. Ты удивишься, узнав, какие возможности появились у нашего департамента теперь, с началом войны против терроризма.

— Допустим. И что ты скажешь своим боссам?

— Что те же самые террористы, что нападали на аэропорт и убили женщину в порту, готовят новую операцию. Что единственный способ обеспечить безопасность мирных граждан — это нанести превентивный удар. Чтобы все специальные антитеррористические подразделения, наш отдел, все копы в городе, все, кого мы сможем получить в подкрепление из ФБР и армии, находились в полной боевой готовности.

Я сидел, переваривая эту информацию. Не знаю, что произвело на меня большее впечатление: интонация Мёрфи — или открывающиеся возможности.

Блин. Та огневая мощь, о которой говорила Мёрфи, могла бы заставить призадуматься даже динарианцев. А с учетом политического климата, простое словосочетание «*террористический заговор*» не может не вызвать отклика: «*реагировать всеми доступными силами*». Да, конечно, наиболее современное оружие поражает сверхъестественные цели гораздо менее эффективно, чем ожидают те, кто с этими целями мало знаком — и все же, даже если их эффективность сведется к пчелиным укусам, и пчелиные укусы могут разить наповал, если их достаточно много.

Человечество, как правило, предпочитает вести себя по отношению к сверхъестественному двояко. С одной стороны, над ним насмехаются и отказываются замечать до такой степени, что сверхъестественному даже не надо особо прятаться. При малейшей возможности среднестатистический смертный найдет рациональное объяснение любому необычному происшествию, квалифицируя его как «необычное, но поддающееся логике явление». Как следствие, многие сверхъестественные хищники относятся к людям как к стадным животным, играя с ними при охоте как кошка с мышью.

С другой стороны, перегнуть палку тоже никто не хочет. Напуганное или разъяренное человечество превращается в такую силу, связываться с которой не стоит даже сверхъестественному миру. В конце концов, факелы и рогаины не менее опасны, чем в давно прошедшие времена, и (возможно, это только мое мнение) большей части обитателей Небывальщины не слишком по вкусу приходится то, насколько продвинулось за последнее столетие человечество по части разрушительных способностей.

Именно поэтому я испытывал сильный соблазн противопоставить динарианцам армию разъяренных копов. Пять или шесть винтовок вроде той, что была у Гард, возможно, и не убьют Девицу-Богомола, но если на каждую из составляющих ее букашек найдется по

несколько пар крепких армейских башмаков, даже мисс Клешне может прийти очень и очень несладко.

Конечно, все это при условии, что вовлеченные в это смертные будут а) знать, с кем они сражаются, и б) относиться к этому серьезно и действовать слаженно. Возможно, Мёрфи и ее коллеги из ОСР и имеют представление о серьезности ситуации, но этого вряд ли можно сказать о всех остальных. Обычно все ожидают такого армейского боевича, когда на самом деле им придется иметь дело с ужасиком. Я ни на секунду не поверю в то, что Мёрфи, Столлингз или кто угодно другой в Чикаго сумеет заставить любого вовлеченного в операцию выслушать его, начини они говорить о монстрах и демонах.

Я снова потер висок рукой, думая о Сане. Может, нам и удалось бы объяснить происходящее в более приемлемых понятиях. Например, вместо «меняющих облик демонов» можно сказать что-нибудь о террористах, вступивших в обладание (ха-ха, обладание!) «экспериментальными биомиметрическими бронекостюмами». Может, подобной информации и хватило бы для того, чтобы те отнеслись к работе серьезно.

А может, и нет. Может, напоровшись на чудища из кошмарного сна, они просто завизжат как дети, забыв про координацию и прочие установки — особенно если среди динарианцев найдется кто-нибудь, обладающий достаточными магическими способностями, чтобы от них полетела к чертовой матери техника. И в результате мы не получим ничего кроме паники, хаоса и побоища.

— Мысль неплохая, — сказал я Мёрфи. — Возможно, даже работоспособная мысль. Но не думаю, чтобы время ее реализации уже наступило. Рановато.

Глаза ее вспыхнули холодным синим огнем.

— И решать, когда это делать, будешь ты?

Я сделал еще глоток пива и поставил бутылку на стол.

— Похоже, так.

— И это ты *мне* говоришь? — возмутилась Мёрфи.

Я откинулся на спинку стула.

— Во-первых, — вполголоса сказал я, — даже если ты соберешь все это войско, максимум, на что ты можешь надеяться — это на чудовищно дорогой, кровавой ценой вырванную победу. Во-вторых, есть пока еще шанс на то, что я разрешу всю эту ситуацию по каналам Совета... ну, по крайней мере, добьюсь того, чтобы к моменту, когда полетят пух и перья, мы не находились в центре этого чертова города.

— Но ты...

— А в-третьих, — продолжал я, — я не знаю, где они.

Мёрфи прищурилась, а потом лицо ее как-то разом расслабилось.

— Ты говоришь мне правду.

— Обыкновенно, да, — сказал я. — Дайте мне день или два, и я, возможно, смогу выследить их. Но до этого может и не дойти.

Она внимательно вглядывалась в мое лицо.

— Но ты не считаешь, что их можно отговорить от того, что они делают здесь?

— Ни в коем случае. Но у меня есть надежда уговорить их баловаться со спичками чуть дальше отсюда.

— А что, если кто-нибудь пострадает, пока ты будешь заниматься политикой? — спросила она. — Те, кого ты встретил вчера вечером, привлекли к себе внимание. Пока никто не пострадал, но это может измениться. Я не готова спускать такое с рук.

— Это были другие, — устало сказал я. — Эти, я думаю, особой опасности для людей не представляют, — я рассказал ей про нападения Летних.

Она одним глотком допила остаток пива и вздохнула.

— Ну почему с тобой всегда все сложно?

Я искренне пожал плечами.

— Видишь ли, какая проблема, Гарри, — тихо произнесла она. — В прошлый раз, когда эти маньяки объявлялись здесь, они оставили за собой трупы. Велось расследование.

Несколько свидетелей дало довольно точное твое описание.

— И это ничем не кончилось, — кивнул я.

— Это ничем не кончилось, потому что руководила следствием я, — поправила меня Мёрфи чуть более резко. — Дело не закрыто. И если подобные события заставят к нему вернуться, у меня больше нет возможности защитить тебя.

— А у Столлинза?

— Джон, возможно, попытается, — ответила Мёрфи. — Но в отделе внутренних расследований рвется вверх по служебной лестнице Рудольф, и если он унюхает что-то, то подымет визг на весь город, это дело заберут из нашего отдела, и мы не сможем на него влиять.

Я нахмурился, задумчиво вертя в пальцах бутылку.

— Что ж, — заметил я. — Это может все заметно усложнить.

Мёрфи закатила глаза.

— Тебе так кажется? Черт подери, Гарри. Давным-давно я согласилась с тобой в том, что есть вещи, в которые наш департамент лучше не вовлекать. Я обещала тебе не дудеть в свисток и не поднимать тревоги при первых признаках чего-то неестественного, — она чуть подалась вперед, пристально глядя на меня. — Но я коп, Гарри. В первую очередь я коп. Это моя работа — охранять и защищать жителей города.

— А я что по-твоему делаю?

— Лучшее, из всего, что ты умеешь делать, — произнесла она без злости. — Я знаю, что сердце у тебя хорошее. Но ты можешь действовать из самых что есть лучших побуждений и все равно ошибаться, — она помолчала, чтобы до меня дошло. — И если ты ошибешься, это может стоить кому-то жизни. Жизни, которую я поклялась защищать.

Я промолчал.

— Ты просил меня с уважением относиться к твоим проблемам, и я делаю это, — тихо продолжала она. — И ожидаю от тебя взаимного уважения. Если мне хоть на секунду покажется, что, позволив тебе разбираться с этим делом, я поставлю под угрозу чьи-то жизни, я не собираюсь тихо стоять в сторонке. Я вмешаюсь и привлеку к делу все силы, до которых я смогу дотянуться. И если я это сделаю, я ожидаю от тебя стопроцентной поддержки.

— И решать, когда это будет, будешь ты? — поинтересовался я.

Она смотрела на меня, не дрогнув. Ни капельки.

— Похоже, так.

Я снова откинулся на спинку стула и, прикрыв глаза, потягивал пиво.

Мёрфи не знала всего, что было поставлено на кон в этой игре. Больше, чем кто-либо другой, и все равно она знала не все. Стоит ей сделать один неверный шаг, и она может испортить все так, что уже не исправишь.

Наверное, то же самое она думала обо *мне* — и не раз.

Я очень о многом просил Мёрфи, когда просил ее доверять мне.

Как мог я *не* вернуть долг, если считаю себя ее другом?

Очень просто.

Не мог я этого.

Блин, если она решила вмешаться, она это сделает — со мной или без меня. В этих обстоятельствах мое присутствие означает разницу между кровавой победой и катастрофой. И...

И вдруг я испытал жалость к Майклу с его смятением.

Я открыл глаза.

— Если ты решишь подключить к этому полицейское управление Чикаго, ты получишь мою помощь. Но тебе придется мне поверить: время решать эту проблему таким способом еще не настало.

Она провела пальцем по царапине на деревянной столешнице.

— Что, если бы в этом доме было полно людей, Гарри? Семей. Эти динарианцы могли

бы убить не одну сотню людей.

— Дай мне время, — попросил я.

Она оперлась руками о край стола и встала, снова глядя на меня все тем же нейтральным взглядом. Когда она заговорила, у меня засосало под ложечкой.

— Я бы рада, — сказала она. — Но...

Дверь кабака распахнулась, едва не слетев с петель и оставив на старой деревянной стене отметины.

В помещение вошел... Зверь. Поначалу я даже не понял, кто это. Представьте себе крупного человека, пытающегося залезть в собачью будку. Ему пришлось согнуться и пролезать в дверь бочком, протискивая в проем сначала одно плечо, потом другое, стараясь не ободраться при этом о косяк. Примерно так выглядела его здоровенная, покрытая серой шерстью фигура. Только с рогами и раздвоенными копытами.

Огромный бебека — на несколько футов выше любого из известных мне троллей или огров — протиснулся в дверь и остался стоять, пригнувшись. Его голова, плечи, да и верхняя часть спины упирались в потолок. Взгляд его золотых, с прямоугольными зрачками глаз медленно шарил по комнате. Сжатые в кулачищи пальцы не уступали размерами хорошим кабачкам, и запах от него исходил резкий, звериный.

Спасибо снегопаду — народу в кабаке было совсем немного, несколько завсегдатаев и мы с Мёрфи. Но даже так, зрелище вышло не из тех, что видишь каждый день, и в помещении воцарилась совершенная тишина.

Взгляд бебеки остановился на мне.

И тут он все так же, бочком, двинулся в мою сторону. Мак метнулся к кнопке, отключавшей вентилятор, но лопасти первых двух, мимо которых тот проходил, ударили его по рогам и разбились о них. Бебека даже не моргнул. Он остановился у нашего стола, покосился на Мёрфи и обратил свой тяжелый взгляд на меня.

— Чародей, — пророкотал он голосом таким низким, что я скорее осязал его, нежели слышал. — Явился я сюда о братьях моих младших говорить, — глаза его угрожающе сузились, и кулачищи напряглись, хрустнув суставами. — Как равно и о том, что с ними совершил ты.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

Сжав в руке посох, я встал лицом к исполинскому бебеке.

Мёрфи смотрела на меня округлившимися, чтобы не сказать, выпученными глазами.

— Это нейтральная территория, — негромко произнес я.

— Истинно так, — согласился бебека. — И Договор единственно мне не дает хребет твой изломать, а череп раскроить.

— А мне — поджарить зад твой необъятный, — отозвался я, глядя на него пусть и снизу вверх, но в упор, а также дерзко выпятив подбородок. — И не думай, что это дастся тебе просто, Крошка.

— Как знать, как знать, — пророкотал бебека. — Вопрос такой лишь поединок рассудить способен.

Я старался дышать ртом и не слишком глубоко. От бебеки пахло не так плохо, как можно было ожидать, но все же, черт возьми, пахло, и довольно сильно.

— Говори.

— Мы счет к тебе имеем, друг Зимы, — заявил бебека.

— И друг Лета, — напомнил я. — Они одарили меня побрякушками и всем таким.

— Не буду отрицать, — согласился бебека. — Ты службу добрую свершил династии моей, пусть и не королеве. Тем более я удивлен, что против младших родичей моих запретное оружие применил ты.

— Запретное? — негромко переспросила Мёрфи.

— Железо, — объяснил я ей и снова повернулся к бебеке. — Они пытались меня убить.

Я хотел остаться в живых.

— Друзья династии моей оружием запретным не грозят, — буркнул бебека. — Ты этого не знал? В отличие от оружия простого, оно не просто раны причиняет. Оно как яд разит и плоть, и душу, и это против нас ты применил.

Я испепелил этого безмозглого дылду взглядом.

— Они пытались меня *убить*, — повторил я, только медленнее — так, чтобы это звучало по возможности оскорбительнее. — Я хотел остаться в живых.

Бебека недобро прищурился.

— Так ты намерен в том же роде продолжать?

— Я намерен оставаться в живых, — ответил я. — Не я просил этого конфликта. И не я его начал.

— Судьба твоя расстаться с жизнью рано или поздно. Так почему не встретить смерть достойно, мирно с жизнью попрощавшись?

— Мирно? — переспросил я, с трудом удерживаясь от смеха. — Уж если я и погибну в бою, Крошка, надеюсь, что это будет настолько *не* мирно, насколько мне удастся сделать это для вас, — я уставил в него палец. — Я не имею ничего против тебя и твоих братцев, Крошка, за одним исключением: вы, черт вас подери, пытаетесь *убить* меня. Откажитесь от этой навязчивой идеи, и хуже, чем сейчас, вам не будет.

Бебека заворчал. Звук этот напоминал лязг раздолбанной коробки передач у старого карьерного самосвала.

— Так я не поступлю. Слугой своей короны я останусь.

— Тогда не ожидай от меня ничего другого, кроме того, что случилось уже с твоими братьями, — заявил я.

— И ты ведешь себя вот так, на службе находясь *Зимы*? — удивился бебека, словно не веря своим ушам. — Ты, кто вторгнулся в Арктис-Тор? Какую власть имеет королева Зимних над тобой?

— Извини, Крошка, но ты и вполтину не так крут, как тебе думается. Так и только так я поступаю всякий раз, когда кто-нибудь пытается меня взгреть, — я сделал выразительный жест жезлом. — Поэтому, если ты здесь затем, чтобы попытаться уговорить меня лечь и не рыпаться, можешь идти откуда пришел. А если ты пришел, чтобы сделать очередную попытку меня угробить, хорошо бы тебе иметь больше мозгов, чем твои братья, иначе я оставлю от тебя такую же грудку запасных костей.

Бебека снова заворчал и неуклюже кивнул.

— Раз так, пойдем-ка выйдем. И разберемся с этим раз и навсегда.

Ух ты. Ух ты, ишь ты...

Святое дело выказывать браваду перед нехорошими — ну, или не слишком хорошими, как случается — парнями. Этого требует хотя бы самоуважение. Однако я никогда не предпринял бы ничего серьезного по отношению к Крошке с его здоровенной тушей — по крайней мере, не подготовившись к этому как следует предварительно. Мне приходилось также не забывать о том, что «большой» вовсе не значит «глупый», особенно с учетом кругов, в которых он обращался.

Если подумать, почти все приближенные к трону Летних обладают недюжинными способностями противостоять магии. Окажись Крошка хотя бы вполтину таким ловким, как те, с кем я сталкивался в прошлом, и этот поединок мог обернуться для меня серьезными неприятностями. Ему достаточно было бы просто стоять на улице и ждать. Выход из заведения Мака только один.

Что еще хуже, Томас и Молли ждали меня на улице в Томасовой барже, и они наверняка вмешались бы. Не знаю точно, что могло бы произойти в таком случае. Даже не принимая в расчет того, что мы затевали бучу в самом центре Чикаго, посреди бела дня, я бы предположил, что у бебеки имелись подкрепления, поджидавшие где-нибудь поблизости на случай, если в дело вмешается любой, не имеющий отношения к внутренним разборкам Летней и Зимней династий. Молли в бою почти не представляла собой угрозы, а Томас

обыкновенно полагал, что лучший способ вступить в драку — это вломиться в нее со всей дури, делая ставку на силу, скорость и натиск.

Все это могло обернуться месиловом, и очень скоро.

Я все еще пытался придумать способ выбраться из всего этого, никого при этом не убив, когда Мёрфи со стуком положила на стол свой пистолет.

— Я так не считаю, — заявила она громким, вызывающим тоном.

Бебека повернулся и удивленно уставился на нее.

И Мак тоже.

И все, находившиеся в этом чертовом кабаке.

Блин, даже я.

Мёрфи встала, расставила ноги шире как для драки и посмотрела на бебеку в упор.

— Я не позволю нарушать закона, который поставлена охранять.

Бебека склонил голову набок, прочертив рогом борозду на потолке.

Мак поморщился.

— Леди? — прогрохотал бебека.

— Тебе известно, кто я? — спросила Мёрфи.

— Леди-рыцарь, носитель щита этого царства смертных, — ответил бебека. — Служитель закона... так, кажется вас здесь зовут.

— Совершенно верно, спокойно кивнула она.

— Я не бросаю вызова твои властям, о Дама...

— Мёрфи, — подсказала она.

— Дама Мёрфи, — пророкотал бебека.

— Однако же бросаешь, — возразила Мёрфи. — Ты угрожал одному из тех, кого я поклялась защищать.

Бебека потрясенно заморгал — с учетом его роста это оказалось запоминающимся жестом — и покосился на меня.

— Этого чародея?

— Да, — подтвердила Мёрфи. — Он гражданин Чикаго, и я дала присягу защищать его от всех, кто попытается ему угрожать.

— Дама Мёрфи, — упрямо настаивал бебека. — Это дело смертных не касается.

— Черта с два не касается, — возмутилась Мёрфи. — Этот человек живет в Чикаго. Он платит налоги городу. Он подчиняется его законам, — она покосилась на меня, и уголок ее рта ехидно дернулся. — И если он страдает от связанных с гражданством головных болей, как ему приходится, значит, будет совершенно справедливо и законно, чтобы он получал такую же защиту, как и любой другой гражданин. Посему он находится под моей защитой, и любая ссора, которую ты с ним затеешь, станет ссорой и со мною.

Несколько секунд бебека смотрел на нее, сдвинув брови в мыслительном усилии.

— Уверена ли ты в позиции своей, о Дама Мёрфи?

— Совершенно уверена, — ответила она.

— Даже зная то, что долг, возложенный на нас с родней, потребовать от нас убийства твоего способен?

— Господин бебека, — заявила Мёрфи, в первый раз за время разговора положив руку на свой пистолет. — Задумайся на мгновение, что ты почувствуешь, когда пуля в стальной оболочке вонзится в твою плоть.

Бебека тряхнул от неожиданности ушами, сдув при этом с соседних столов несколько салфеток.

— И ты запретное оружие нацелишь на героя-воина династии моей?

— В твоем случае, господин Бебека, — заметила Мёрфи, — мне и целиться не надо, — она подняла револьвер и навела ствол на точку между глаз на бараньей морде.

Я чуть не ударился, было, в панику. Потом мне показалось, я понял, к чему клонит Мёрфи, и мне пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не лыбиться как идиот.

Бебека снова хрустнул суставами пальцев.

— Это, — буркнул он, — нейтральная территория.

— Чикаго, — возразила она, — никогда не подписывал никаких ваших соглашений. Я просто исполняю свой долг.

— Напади на меня здесь, — заявил бебека, — и я сокрушу тебя в пыль.

— Сокруши меня в пыль здесь, — парировала Мёрфи, — и ты нарушишь Договор, действуя по приказу твоей королевы. Ты этого хотел, явившись сюда?

Бебека скрипнул зубами — звук напоминал трущиеся друг о друга мельничные жернова.

— Мой спор и ссора не с тобой.

— Если ты пытаешься забрать жизнь одного из граждан Чикаго, которых я поклялась защищать, ты ссоришься со мной, господин Бебека. Или твоя королева желает объявить войну смертным властям Чикаго? А может, она желает, чтобы *ты* решал такие вопросы?

Бебека свирепо глядел на нее в очевидном замешательстве.

— Леди дело говорит, Крошка, — заметил я. — Ты не обретишь здесь ничего, кроме неприятностей, а терять тебе особо нечего, разве что время — и то немного. Уходи. Полагаю, мы с тобой еще встретимся, и очень скоро.

Бебека уставился на Мёрфи, потом на меня. Будь я не таким наглым и бесстрашным, я затаил бы дыхание в надежде на то, что драки удалось избежать. А так я затаил его только из-за звериного запаха.

В конце концов бебека склонил голову перед Мёрфи, еще раз прочертив потолок рогами. Мака прямо перекосило.

— Отвага, — пророкотал он, — уважения достойна. Но, чародей, ты жиге оказался, чем я думал, коль за спину ты смертной хоронишься — сколь доблестна она бы ни была.

Я сделал глубокий вдох, стараясь не морщить при этом нос.

— Господи, — сказал я. — Попробую это как-нибудь пережить.

— Коль переживешь, так ненадолго — готов тебе я это обещать, — бебека поклонился Мёрфи, повернулся и, пригнувшись, направился к выходу. Он даже закрыл за собой дверь.

Мёрфи перевела дух и убрала пистолет в наплечную кобуру. Удалось ей это, правда, попытки со второй или третьей.

Я тоже опустился на стул — ноги сделались слегка ватными.

— Ты, — сказал я Мёрфи. — Ну ты и крута.

Она сделала честную попытку улыбнуться.

— Ну, раз уж ты заметил... — она покосилась на дверь. — Он правда ушел?

— Угу, — кивнул я. — Думаю, ушел. Может, Летние и не сплошь белые и пушистые, но представления о чести у них имеются, и если кто из них дает слово, он его держит.

Мак сделал нечто, чего я в его исполнении не видел почти никогда.

Он вынул из-под стойки три бутылки темного стекла и принес их к нам на стол. Он сорвал крышки, поставил одну передо мной, другую перед Мёрфи, а третью взял себе.

Я взял бутылку, поднес нос к горлышку и понюхал. Напиток был мне незнаком, но запах имел такой, что рот сразу наполнился слюной.

Не говоря ни слова, Мак поднял бутылку, салютуя ею Мёрфи.

Я повторил его движение. Мёрфи устало тряхнула головой и подняла бутылку в ответном жесте.

Мы выпили, и мой язык решил, что начиная с этого дня любое пойло, которое я буду пить, будет по сравнению с этим горьким разочарованием. Слишком много вкусовых оттенков слились вместе во что-то, не поддающееся описанию, будь у меня даже неделя на попытки. В жизни не пил ничего подобного. Божественное пиво, по-другому не назвать.

Мак осушил свою бутылку одним долгим глотком, прикрыв глаза. Поставив ее на стол, он посмотрел на Мёрфи.

— Храбро проделано, — сказал он.

Мёрфи покраснелась от облегчения и от пива — думаю, ей оно понравилось не меньше моего. Не уверен, что Мак это заметил, но я-то знаю ее достаточно давно, чтобы

понять — и от смущения тоже.

— Ладно, — произнесла Мёрфи немного дрожащим голосом. — На чем мы остановились?

— Ты собиралась сказать мне, что по твоему мнению я заблуждаюсь, и что чикагской полиции необходимо вмешаться.

— О, — сказала Мёрфи. — Верно, — она еще раз покосилась в сторону двери, за которой скрылся бебека. — Ты сказал, из двух партий, что причиняют нам неприятности, та, к которой относится эта тварь, еще ничего?

— Угу, — буркнул я.

— Мы трижды выступали против сверхъестественных тварей, — тихо произнесла она. — Дважды это закончилось плохо.

Под «мы» она имела в виду полицию, конечно. Я кивнул. Одна из таких стычек убила ее партнера, Рона Кармайкла. Не ангела или чего-нибудь в этом роде, но хорошего человека и надежного полицейского.

— Ладно, — так же тихо произнесла она. — Повременю пока с тревогой. На одном условии.

— Валяй, говори.

— Я в деле с этого самого момента и до конца. Ясно же, что тебе нужен кто-то, кто будет защищать тебя от больших, злых баранов.

Я фыркнул.

— Ясно, ага.

Она подняла свою бутылку с остатками пива. Я поднял свою.

Мы чокнулись бутылками, допили и вместе вышли на зимний мороз.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Ладно, — сказал я. — Объявляю заседание военного совета открытым.

Мы все сидели у меня в крохотной гостиной, поедая гамбургеры из «Бургер-Кинга». Томас с Молли голосовали за «Макдоналдс», но поскольку платил я, их известили о том, что тут вам не демократия, так что все кончилось «Бургер-Кингом».

Да здравствует Король, бэби.

Мёрфи удивленно округлила глаза.

— Военный совет? — переспросила Молли (глаза ее, пожалуй, не уступали сейчас по размеру Мёрфиным). — Мы что, вступаем в новую войну?

— Я это, типа, метафорически, — объяснил я, удостоверившись, что баланс кетчупа и горчицы в моем гамбургере находится в пределах приемлемого. — Мне нужно определиться со следующим моим шагом, а за последние дни меня слишком часто молотили по башке. Вот я и решил, что немного посторонней помощи моему мозгу не помешает.

— До тебя это только сейчас дошло, да? — невинно пробормотал Томас.

— Разговорчики в строю! — буркнул я. — Суть в том, чтобы вместе сгенерировать какие-нибудь полезные идеи.

— И не слишком дурацкие, — добавила Молли, с трудом удержавшись от того, чтобы не прыснуть.

Я смерил ее взглядом. Она поперхнулась жареной картофельной соломиной.

Мёрфи сосала через трубочку диет-колу.

— Ну, — сказала она. — что касается меня, я не знаю, что тебе посоветовать, пока не узнаю, что у тебя за противник.

— Я же говорил тебе в машине, — возмутился я. — Рыцари ордена Темного Динария.

— Падшие ангелы, почерневшие от времени монеты, сумасшедшие убийцы — это я поняла, — сказала Мёрфи. — Но это не говорит мне ничего о том, на что они способны.

— Она права, — негромко заметил Томас. — Ты не слишком много рассказывал об этих типах.

Я сделал глубокий выдох и откусил большой кусок гамбургера, чтобы подумать над ответом, пока жую.

— Эти твари могут делать очень многое, — произнес я, наконец. — В первую очередь, монеты, похоже, позволяют своему обладателю менять свой физический облик на тот, который лучше, чем обычное человеческое тело, приспособлен для боя.

— Боевые трансформеры! — восхитилась Молли. — Клево.

— Не так уж и клево, — возразил я. Потом подумал и согласился. — Ну, может, немного и ничего. Это делает их менее уязвимыми. Это делает их более подвижными. Вооружает самыми разнообразными орудиями убийства. Само собой, клыками, когтями и тому подобным. У Кассия, кажется, зубы ядовитые были. Обладатель монеты Урсизэли мог превращаться в медведоподобную тварь с клыками, когтями и рогами впридачу. Другая превращала волосы в миллион живых титановых лезвий, и они могли извиваться по всему помещению или пробивать стены. Протягивались аж на двадцать или тридцать футов.

— У меня среди клиенток такие встречаются, — встрял Томас.

Мёрфи поморщилась и покосилась на него.

Я кашлянул и тоже испепелил его взглядом.

— Еще один из них, Никодимус, похоже, формы не меняет, но его чертова тень может спрыгивать со стены и душить вас. Страшно как черт знает что.

— Какой-нибудь униформы, общей для всех, у них нет? — поинтересовалась Молли.

— Ничего, даже отдаленно напоминающего, нет, — ответил я. — У каждого из Падших, похоже, собственные предпочтения. И я подозреваю, что эти предпочтения меняются в зависимости от того, кто носит монету. Падший Квинта Кассия напоминал змею, и вся магия у Кассия была по-змеиному ползучая. Но он абсолютно во всем отличался от Урсизэли, которая, в свою очередь совершенно отличалась от нынешней Девы-Богомола, а уж эта и вовсе отличается от всех остальных виденных мною динарианцев.

Мёрфи кивнула.

— Что-нибудь еще?

— Адепты, — сказал я. — Больше похоже на культ, пожалуй. У Никодимуса есть последователи с вырванными языками. Фанатики, вооруженные до зубов и настолько сумасшедшие, что готовы покончить с собой, только бы не попасть в плен к его врагам.

Она поежилась.

— Аэропорт?

— Угу.

— Это все?

— Нет, — я мотнул головой. — У Никодимуса были еще... назовем их цепными псами, пожалуй. С той только разницей, что это не собаки. Не знаю, кто это на самом деле, но они уродливы, быстро бегает, и у них большие зубы. Но не это делает их такими опасными.

— Не это? — переспросил Томас. — Тогда что?

— Падшие, — ответил я.

В комнате воцарилась тишина.

— Это существа древнее времени, которые провели две тысячи лет, изучая все входы и выходы смертного мира и смертного разума, — негромко продолжал я. — Они понимают такое, к чему мы буквально не знаем, как подступиться. Они видели все на свете трюки, изучили все ходы, и они все равно что заряженная тачка для каждого обладателя монеты — если только сами не берутся за руль. У каждого из них безупречная память — это все равно как если бы в их распоряжении находилась целая библиотека информации, а уж комбинаторы из них такие, что в сравнении с ними кардинал Ришелье показался бы Матерью Терезой.

Томас бросил на меня долгий, пристальный взгляд и нахмурился. Я постарался не обращать на него внимания.

Мёрфи тряхнула головой.

— Давайте подведем итог: неизвестное число врагов с неизвестными нам

возможностями, поддерживаемое шайкой психов, сворой боевых животных и сверхчеловечески разумной карманной мелочью, — она покосилась на меня. — Знаешь, с учетом того, сколько мы еще не знаем, типа, трудно что-то планировать.

— Ну, значит, это нам и нужно делать в первую очередь, правда? — не очень уверенно спросила Молли. — То есть, узнать о них больше?

Томас посмотрел на Молли и молча кивнул.

— Для этого их надо сперва найти, — заметил я.

— Поисковое заклятие? — предложила Молли.

— У меня нет никаких фрагментов, чтобы с ними работать, — вздохнул я. — А если бы и имелись, кто-то из их команды сумел прикрыться завесой от заклятий самой Мэб. А Мэб я и в подметки не гожусь. У моего заклятия просто не будет шансов.

— С таким антуражем, как у них, им придется держаться подальше от мало-мальски людных мест, — заметила Мёрфи. — Шайка громил без языков? Если динарианцы в городе, это должно помочь отыскать их без особого труда.

— В прошлый раз они базировались в Преисподней, — сказал я. — Поверь мне, там любой дряни места с лихвой хватит.

— А как насчет мира духов? — тихо спросил Томас. — Уж там-то найдется хоть кто-то, кто смог бы поведать нам что-нибудь.

— Возможно, — кивнул я. — Я знаком с одной или двумя лоа. Но информация такого рода или дорога, или не слишком надежна. Иногда и то, и другое. И не забывайте, о ком мы говорим. Падшие — это тяжеловесы мира духов. Перечить им не хочет никто.

Молли разочарованно шмыгнула носом.

— Если мы не можем выследить их с помощью магии, и мы не можем найти их физически, как нам узнать о них больше?

— Вот именно, детка, — сказал я. — На то и военный совет.

Несколько минут все мы молча жевали. Первой заговорила Мёрфи.

— Мы подходим к этому не с той стороны.

— А? — с надеждой встрепнулся я.

— Мы рассуждаем как хорошие парни. Нам нужно рассуждать как нехорошие. С учетом того, что им угрожает, чего им желательно избегать.

Я чуть подался вперед и кивнул ей, чтобы она продолжала.

— Я плохо разбираюсь в сверхъестественных аспектах этой ситуации, — сказала она. — Про этих твоих динарианцев я вообще почти ничего не знаю. Но я знаю кое-что про Марконе. Например, я знаю, что даже при том, что ряду его подчиненных не терпится занять его место, еще больше таких, кто остается ему верен, или считает, что помощь ему, попытка спасти его, дадут им те или иные преимущества.

— Угу, — кивнул я. — И что?

— Значит, где бы ни прятали его динарианцы, это должно быть такое место, куда сеть Марконе не дотянется. Мы можем не сомневаться, что в неожиданных местах, но на виду, они не прячутся.

— Блин-тарарам, — хмыкнул я. — А ведь да. И не только это. Марконе готовился загодя. Он подготовил для себя это убежище. Более того... — я осекся. — Местоположение твоего тайного убежища должно держаться в полной тайне от всех, вам так не кажется?

— Ну, — утвердительно кивнула Молли. — Что толку от убежища, если всем известно, где оно?

— Динарианцы совершенно точно знали, куда он собирался, — сказал я. — Заклятие, сложенное ими для того, чтобы взломать оборону здания — не импровизация. Для этого оно слишком сложное. Это требовало долгой, заблаговременной подготовки.

— Сукин сын, — выругался Томас. — Марконе продал кто-то из своих.

— Значит, если мы найдем эту крысу... — начала Мёрфи, уловив идею.

— Мы, возможно, найдем нить, ведущую к монетоголовым, — договорил я с недоброй ухмылкой. — Кто теперь скажет, что идея военного совета была неудачной?

— Монетоголовые, — хихикнула Молли.

— У меня талант на прозвища, — скромно сказал я. — И кончай хихикать! — добавил я, понизив голос. — Чародеи не хихикают. Это портит имидж.

Молли справилась с хихиканьем, только набив рот картошкой.

Я глотнул колы и повернулся к Мёрфи.

— Итак, нам нужно узнать, кто собирается подставить Марконе. Кто-то, занимающий достаточно высокое место в его империи, чтобы знать местонахождение убежища, и кто выигрывает от отсутствия Марконе.

— Ты исходишь из того, что информатор действовал сознательно, — заметила Мёрфи. — Это не обязательно так. Кто-то мог выдать информацию случайно, а может, его силой принудили к сотрудничеству.

Я помолчал, обдумывая это.

— Верно. Тогда мы начнем с поисков того, кто *мог* выдать информацию об убежище.

Мёрфи взъерошила свои золотые волосы руками и задумчиво нахмурилась.

— Если честно, ОСП редко пересекается с организованной преступностью. Надо сделать несколько звонков, тогда смогу сказать определеннее.

Томас побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— ФБР должно знать больше, разве нет?

— И вы ведь знакомы с этим парнем... Риком, да? — спросила Молли. — Ну, с тем, который помогал тому извращенцу меня допрашивать?

Мёрфи не очень добро прищурилась. Она издала звук, который трудно было назвать утвердительным, но и отрицания в нем я тоже не услышал. У Мёрфи довольно сложные отношения с бывшим мужем.

Молли потребовалось не больше полсекунды, чтобы заметить выражение лица Мёрфи. Она осеклась и некоторое время беспомощно оглядывалась по сторонам.

— Э... да, Гарри, а что с Мистером? Он с самого нашего прихода спит как полено.

— Что автоматически ставит нас перед второй частью проблемы, — сказал я. — Убийцами из Летней Коллегии. Мне кажется, велик шанс того, что они наблюдают за моим домом.

Томас повел бровью.

— Я не ощущаю ничего такого поблизости.

— Вы и того, что зашел в кабак через парадный вход, тоже не ощутили, — не без ехидства заметила Мёрфи.

— Я объезжал квартал, — обиженно заявил Томас. — Чертова метель в самом разгаре, и ни одного стояночного места. Ненавижу этот город.

— Я наострил всех своих оберегов, — сообщил я. — По идее, я должен знать о появлении любой угрозы на расстоянии квартала. Ну, и нужно подняться очень, очень рано, чтобы просочиться мимо Мыша.

Мыш, сидевший перед Молли и строивший скорбные глазки ее сэндвичу с курятиной, покосился на меня и стукнул хвостом по ковру.

— Если они подберутся совсем близко, я буду знать это наверняка. Возможно, они окружили дом, рассредоточившись для лучшего наблюдения за входящими и выходящими, — продолжал я. — Думаю, бебеки не особенно хотят вышибать мою дверь — пока, во всяком случае. Они предпочитают драться там, где у них меньше шансов причинить побочный ущерб. Но мне почему-то кажется, что на таком снегу они не в лучшей форме.

Молли нахмурилась.

— Вы думаете, Мэб воздействует на погоду для вас?

— Может, нынешний снегопад — это случайное совпадение, — сказал я. — Но если и так, он чрезвычайно кстати.

— С тобой ничего не бывает кстати, Дрезден, — заявила Мёрфи.

— Вот и я о том же, — кивнул я, потирая челюсть. Мне отчаянно хотелось побриться, но острых ощущений от носа более чем хватало, и мне не хотелось добавлять к этому порезы

от бритвы. Как-то не слишком я доверял твердости своих рук. Вокруг ошивалось слишком много жутких тварей, и мне не стоило отвлекаться от насущных проблем даже на пару минут: я бы начал думать о том, насколько безнадежно мое положение, и запросто мог бы забиться в норку и закрыть за собой вход.

Не думай, Гарри. Ты слишком много знаешь о том, что тебе угрожает.

Анализируй, принимай решения и действуй.

— О'кей. Будем исходить из того, что команда Летних видела, как мы заходим сюда. До тех пор, пока мы не вышли, они будут полагать, что мы все еще здесь.

— А-а, — встрепелась Молли. — А я-то думала, зачем вы меня взяли с собой.

Я подмигнул ей.

— А как же, Кузнечик? Ага. Когда мы выйдем, я хочу, чтобы ты сделала так, чтобы бебеки и их команда не заметили этого. Будем надеяться, это подарит нам немного времени — пусть они изображают терпеливых охотников и ждут, пока я высунусь обратно.

— Хи-хи! — не выдержал Томас. — Весь высунешься, или как?

Мёрфи кинула в него луковым колечком; он поймал его и сунул в рот.

— Кстати, Томас, для тебя у меня есть новая игрушка.

Мой брат удивленно приподнял брови и посмотрел на меня.

Я вышел в спальню и вернулся с маленькой фигуркой — пластилиновым человечком, более всего напоминавшим мультяшного персонажа Гамби. Я поднес его ко рту, подышал на него и пробормотал слово заклинания.

— Лови, — сказал я и бросил его Томасу. Тот поймал фигурку и...

...в кресле, где только что сидел мой брат, появился облаченный в его одежду высокий мужчина, болезненно худой и слишком угловатый, чтобы назвать его красивым или хотя бы симпатичным. Волнистые волосы казались вечно всклокоченными. Глубоко посаженные глаза покраснели, словно от постоянного недосыпа, зато волевой подбородок сообщал его образу решительности.

Блин-тарарам. Неужели я правда выгляжу вот так? Может, мне не хватает макияжа или чего-нибудь в этом роде?

Мёрфи едва не поперхнулась и переводила взгляд с меня на Томаса в его новом облики и обратно. Молли даже не пыталась скрыть своей реакции.

— *Во клево!* — заявила она.

— Чего? — спросил Томас. Хотя говоривший выглядел как я, голос у моего брата не изменился, а на губе продолжало краснеть пятнышко кетчупа. Некоторое время он оглядывался по сторонам, потом встал и нырнул в мою ванную посмотреть в маленькое зеркальце для бритья. — Ты что, изобрел куклу, превращающую людей в сводных братьев-уродцев?

— Переживешь, красавчик, — крикнул я в ответ.

— Только не думай, что я позволю тебе сломать мой нос для полного сходства, псих ты этакий!

— Угу, с этим проблема, — хмыкнул я. — Я лепил его еще до всех этих событий.

— Нет проблемы, — вмешалась Молли. — У меня с собой гримировальный набор — глаза я, по крайней мере, ему подрисую. Не знаю, получится ли сделать что с носом, но на расстоянии он будет выглядеть как надо.

— Если он будет выглядеть как ты, Гарри, — заметила Мёрфи, — не получится ли так, что он привлечет к себе враждебное внимание?

Томас фыркнул и вышел из спальни — уже без кетчупа на лице.

— Гарри в *таком* виде все время расхаживает, и ничего. Несколько часов потерплю.

— Не умничай, — сказал я. — Дай нам два или три часа и выходи. Не съезжай с проезжей части и не останавливайся. Не давай им возможности окружить тебя. У тебя мобильник при себе?

— Еще бы, — отозвался он. — Только с учетом того, сколько я общался с вами двоими, а еще плохой погоды, не уверен, что он еще работает, — я хмыкнул и бросил ему свою

кожаную ветровку и посох. Он поймал их на лету и нахмурился. — Уверен, что не хочешь взять этого с собой?

— Ты их, главное, не потеряй, — ответил я. — Если бебеки увидят моего двойника без ветровки, они мгновенно раскусят, что к чему. Весь смысл этого в том, чтобы они ничего не заподозрили. Чары будут действовать еще часов шесть, может, семь. Как только они иссякнут, возвращайся сюда.

— Ладно, ладно, — буркнул Томас, облачаясь в мою ветровку. Мое заклятие не распространялось на размер одежды, так что ему пришлось немного повозиться, просовывая руки в рукава, зато *выглядела* ветровка так, как ей и полагалось на мне. — Кэррин, не позволяйте ему делать никаких глупостей.

Мёрфи кивнула.

— Постараюсь. Но вы же его знаете... — она взяла свое пальто и надела его. — Куда мы едем?

— Вернемся к Гард, — ответил я. — Домой к Карпентерам. Бьюсь об заклад, Марконе оставил ей прядь своих волос, чтобы она могла найти его — на случай вроде этого.

— Но ты говорил, тебе не прорваться сквозь... сквозь защитную магию этих монетоголовых.

— Возможно, нет. Но насколько я знаю Марконе, он собирал образцы волос или крови и своих людей. Искать их, если им потребуется помощь, или...

Мёрфи поморщилась.

— Или если они заслужили преждевременной отставки.

— Надеюсь, Гард подскажет нам изнутри способ обнаружить источник утечки, — добавил я.

Тем временем Молли со своей гримировальной палитрой колдовала над лицом Томаса. Настоящее его лицо более-менее совпадало с иллюзорным, но не совсем. Впрочем, я обучил Молли основам иллюзорной магии — не более. Мой собственный опыт по этой части не слишком велик, так что внимательного наблюдателя я вряд ли обманул бы надолго. Главное, Молли смогла прищуриться и заглянуть сквозь иллюзию.

Конечно, от вас не требуется стопроцентной иллюзии, если вам удастся не давать людям хорошего повода приглядеться к ней внимательнее. В конце концов, иллюзия не самоцель — главное, это заблуждение, в которое оно вводит людей.

Молодежная культура в своей готской разновидности не миновала Молли, что сказалось на ее гримировальной палитре, в которой преобладали оттенки синего и розового. В результате синяки под глазами у Томаса приобрели замечательное сходство с оригиналом — как и все лицо за исключением распухшего носа.

— Сойдет, — сказал я. — Мёрф, ты поведешь машину. Молли, будь добра.

Моя ученица расплылась в ухмылке, торопливо застегивая пальто. Потом, прикусив язык от напряжения, свирепо нахмурилась, пробормотала что-то и махнула рукой в мою сторону. Я ощутил, как завеса окутывает меня тонким желеобразным слоем. Мир вокруг меня чуть затуманился, словно я смотрел на него сквозь слой мутной воды, зато лицо Мёрфи расплылось в улыбке.

— Вот здорово, — сказала она. — Я его совсем не вижу.

Молли продолжала напряженно хмуриться, поддерживая действие заклятия, но она все же покосилась на Мёрфи и благодарно кивнула.

— Отлично, — произнес я. — Идем, Мыш.

Мой пес поспешно вскочил и с готовностью шагнул к двери, виляя хвостом.

Мёрфи посмотрела в мою сторону, вопросительно изогнув бровь.

— Если бебеки не купятся на это, мне необходимо раннее предупреждение. Чем более раннее, тем лучше, — объяснил я.

— Может, ты просто немного нервничаешь, выходя без куртки и посоха? — спросила она, понизив голос.

— Возможно, — согласился я.

Я соврал ей только наполовину. Обзывайте меня как хотите, с курткой или без нее, с посохом или без, чем дольше я думал о том, на что мы идем, тем больше это действовало мне на нервы.

Я вовсе не нервничал.

Я просто боялся.

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ко времени, когда мы добрались до Карпентеров, стемнело. Мы уже сбавляли ход, чтобы свернуть к ним во двор, когда Мёрфи настороженно покосилась в зеркало заднего вида.

— За нами хвост, — сообщила она.

— Не останавливайся, — рявкнул я, скрючившись на заднем сидении ее «Сатурна». Примерно так, должно быть, ощущает себя сурок, пытающийся спрятаться в лунке для гольфа. — Поезжай дальше, ну!

Мёрфи добавила газу, постепенно разгоняя машину на заснеженной дороге.

Я высунул глаз из-за спинки сидения и всмотрелся в ночь. Мыш тоже сел и с серьезным видом выглянул в заднее окно.

— Машина с одной фарой, сбитой налево? — спросил я.

— Она самая. Я их еще минут десять назад заметила. Номер разглядеть можешь?

Я прищурился.

— Не в такой снегопад, да еще против света.

Молли повернулась и стала коленями на сидение.

— Как по-вашему, кто это?

— Молли, сядь! — прошипела Мёрфи. — Нам не нужно, чтобы они знали, что мы их видим...

Свет единственной фары ехавшей за нами машины сделался ярче и начал приближаться.

— Мёрф, они ее увидели. Идут в атаку.

— Извините! — сказала Молли. — Изви...

— Ремень пристегни! — рявкнула Мёрфи.

Она добавила скорости, но наши преследователи сокращали дистанцию с каждой секундой. Свет фары бил в глаза, и до меня уже доносился рык старого, форсированного движка. Я плюхнулся на диван и потянул ремень безопасности, но на пряжке сидел Мыш, и пока я пытался выдернуть ее из-под него, Мёрфи крикнула: — Держись!

Столкновения всегда происходят громче, чем ожидаешь, и этот удар не стал исключением из общего правила. Нагонявшая нас машина врезалась в корму «Сатурна» со скоростью примерно сорок миль в час.

Взвизгнул металл.

Полетели во все стороны обломки пластмассы.

Меня вдавило в спинку дивана, потом швырнуло на спинку водительского сидения.

Мыш тоже шмякнулся о спинку сиденья Молли.

Молли взвизгнула.

Мёрфи выругалась и крепче вцепилась в руль.

Все могло выйти и хуже. Мёрфи успела набрать достаточную скорость, чтобы смягчить удар, однако «Сатурн» занесло и он закружился по снегу в замедленном балетном па.

Не могу сказать, чтобы соприкосновение носом со спинкой кресла Мёрфи улучшило мое самочувствие. На деле оно настолько его не улучшило, что на нескольких следующих секунд я совершенно утратил контроль за ситуацией. То есть, конечно, смутно я осознавал, что машину продолжает крутить, а потом она врезалась боком в огромный сугроб.

Мотор «Сатурна» чихнул и заглох. Мое сердцебиение отдавалось грохотом в ушах и чудовищной болью в носу. Я почти не слышал шума отворяющейся и захлопывающейся

автомобильной дверцы где-то неподалеку от нас.

Зато я услышал, как Мёрфи резко повернулась и охнула.

— Пистолет! — выдохнула она, выхватила свою пушку, отстегнула ремень безопасности и попыталась открыть свою дверь. Та не поддавалась — машина стояла, прижавшись левым боком к белой стене. Мёрфи выругалась и, перегнувшись через колени оглушенной Молли, принялась возиться с правой дверью.

Я тоже перебрался направо и дергал за ручку, пока дверь не распахнулась. Сделав это, я увидел слегка помятую машину, стоявшую с распахнутыми дверями посередине улицы. Увязая в снегу по щиколотки, к нам шли двое мужчин. Один держал что-то вроде дробовика; в руках у второго красовалось по автоматическому пистолету.

Мёрфи вывалилась из машины и метнулась в сторону. Нетрудно понять, зачем: начини она стрелять прямо от машины, и Молли оказалась бы прямо на линии ответного огня. Мёрфи двигалась быстро; она сразу же припала к земле — и все же это стоило ей драгоценной секунды.

Дробовик рывкнул и выплюнул сноп огня.

Попадание швырнуло Мёрфи на землю с силой кузнечного молота.

При виде этого мои пережаренные мозги, наконец, включились. Я выбросил руку в направлении нападавших и выкрикнул: — *Ventas servitas!*

С моих растопыренных пальцев сорвался вихрь. Я направил его в занесенную снегом мостовую перед нападавшими, и поднятое им облако снега и ледяных осколков поглотило обоих стрелков.

— Молли! — крикнул я, не убирая заклятия. — К Мёрфи, живо! Завеса и первая помощь!

Молли потрянула головой и уставилась на меня остекленевшим взглядом, но все же выбралась из машины и, шатаясь, направилась к Мёрфи. Спустя секунду обе скрылись из вида.

Я опустил руку. Подвижка воздушной массы, да еще с изрядной скоростью требует гораздо больших усилий, чем может показаться. Воздух снова успокоился, если не считать отдельных порывов ветра вдоль улицы, от которых там и здесь гуляли по улице небольшие снежные смерчи. Снова сделались видны оба стрелка — пригнувшихся, продолжавших прикрывать глаза от ветра и колючих льдинок.

У меня не было с собой посоха. И заговоренной ветровки. Но у меня был с собой револьвер сорок четвертого калибра, который я выхватил из кармана плаща и нацелил на нехороших парней. Одновременно я вскинул левую руку, вытряхнув из-под рукава браслет-оберег.

Я узнал одного из стрелков — того, что держал в руках по пистолету. Его звали Барт или как-то в этом роде, и он служил наемным громилой. Недорогим, но, по крайней мере, вы получали то, за что платили. К таким, как Барт, обращаются, когда вам нужно, чтобы кому-нибудь переломали ребра — и подешевле.

Второй тоже показался мне знакомым, только имени его я не знал. А что такого, я же не шатаюсь по третьесортным барам, завязывая знакомства со всеми и каждым. И потом, мне вполне хватало знать про него одно: что это он подстрелил Мёрфи.

Я двинулся вперед, прямо на них, и остановился, когда нас разделяло полтора десятка футов. К этому времени они, наконец, выморгали лед и снег из глаз. Я не стал дожидаться, пока зрение вернется к ним в полном объеме. Я старательно прицелился и пустил пулю парню с дробовиком в правое колено.

Он с визгом повалился на снег и продолжал визжать.

Барт повернулся ко мне и вскинул оба пистолета, но мой браслет-оберег опередил его. Я чуть напрягся и усилием воли выстроил между нами полусферу почти невидимого, если не считать легкого мерцания, защитного поля. Он разрядил в меня обе обоймы — с таким же успехом он мог бы палить из водяных пистолетов. Мой щит перехватил все пули до одной, и я рассчитал его угол так, чтобы они ушли в небо, а не в окружавшие нас дома.

Оба пистолета щелкнули пустыми затворами.

Я убрал щит и поднял револьвер. Руки Барта метнулись к карманам за свежими обоймами.

— Эй, Барт, — окликнул я его. — На твоём месте я бы подумал.

Он застыл, потом медленно развел руки в стороны, прочь от карманов.

— Спасибо. Как ты думаешь, что я хочу, чтобы ты сделал дальше?

Он бросил оба пистолета. Барту было лет тридцать пять-сорок — довольно симпатичный, высокий, с фигурой человека, проводящего много времени в спортзале. Вот только глазки у него оказались как у хорька — темные, поблескивающие. Взгляд их метался из стороны в сторону словно в поисках пути к бегству.

— Не заставляй меня стрелять тебе в спину, Барт, — посоветовал я. — Пуля ведь может попасть тебе в позвоночник и не убить, а только парализовать. Жуткое дело, правда? — все это время я держал его на прицеле, не забывая при этом следить краем глаза за вторым. Тот все еще продолжал визжать, хотя начал уже хрипеть. — Знаешь, кто я?

— Дрезден... Господи Иисусе, — отозвался Барт. — Ничего личного, чувак.

— Ты пытался меня убить, Барт. Если уж это не личное, то и не знаю тогда, что так называть.

— Это была работа, — сказал он. — Только работа.

И вдруг я вспомнил, где я прежде видел того, второго: лежавшим без сознания в коридоре у кабинета Деметры в «Превыше Всего». Один из подручных Торелли, и смекалки у него было ненамного больше, чем у его босса.

— Ох, угробит тебя эта работа рано или поздно, Барт, — сообщил я ему. — Может, даже прямо сейчас. Молли? — окликнул я. — Как она?

Вместо Моллиного голоса мне ответила сама Мёрфи.

— Я в порядке, — сказала она. Голос ее звучал напряженно, возможно, от боли. — Жилет пропустил только одну картечину, и та попала не в самое поганое место.

— У нее рука в крови, Гарри, — сообщила Молли слегка дрожащим голосом. — Она останавливается, но чего еще делать, я не знаю.

— Мёрф, возвращайся в машину. В тепло.

— Черта с два, Гарри. Я...

— ...в шоке, — договорил я за нее. — Не валяй дурака, Мёрф. Я не могу разом таскать твоё бесчувственное тело и держать этих парней на мушке.

Мёрфи вяло ругнулась, но я услышал, как Молли помогает ей идти.

— Вот так, руку мне на плечо...

Звериные глазки Барта едва не выскочили из орбит, когда он повернулся в направлении Моллиного голоса.

— Чего? Какого черта?

К этому времени, я не сомневался, люди в окружающих нас домах уже позвонили в полицию. Я не сомневался, что полиция прибудет на несколько минут позже обычного. К этому времени я хотел бы уже исчезнуть с места происшествия, но Барту это знать было не обязательно. Тем более, старина Барт и представления не имел, во что он вляпался.

Скорее всего, у меня не оставалось времени даже на то, чтобы поджарить хотя бы одного из нападавших. Мордоворот Торелли был ранен и, возможно, зол как черт на меня. Кроме того, если он работал у того личным телохранителем, возможно, он и более предан своему шефу. Это оставляло мне только один-единственный разумный способ добыть информацию.

Я шагнул вперед, переложив пистолет в левую руку, а правую подняв на уровень глаз. Я произнес негромкое заклинание, и над ее ладонью вспыхнул и повис в воздухе огненный шар, яркий как маленькое солнце. Медленно подняв взгляд на Барта, я шагнул ближе к нему.

Громила дернулся, отпрянул, и, оступившись, плюхнулся задницей в снег.

Огненный шар сорвался и медленно поплыл к Барту.

— Послушай, здоровяк, — сказал я ему самым что есть дружеским тоном. —

Последние два дня выдались у меня что-то напряженными. И признаюсь тебе, выжечь кому-нибудь к чертовой матери физиономию здорово успокаивает.

— Меня просто наняли! — пробормотал Барт, отползая от огненного клубка на пятой точке. — Вести машину!

— Для чего наняли? — спросил я.

— От меня требовалось только вынести вас с проезжей части и прикрыть стрелка, — Барт едва не срывался на визг. Он ткнул пальцем в раненого. — Вот его!

Я растопырил пальцы чуть шире, и клубок огня подпрыгнул на несколько дюймов ближе к лицу громилы.

— Барт, Барт. Не надо переводить стрелки. Это касается тебя и меня.

— Но я всего наемная сила! — Барт извивался в отчаянных попытках отодвинуть лицо от огня. — Таким, как я, всякого дерьма не говорят!

— Такие, как ты, всегда знают больше, чем вам говорят, — возразил я. — Надо же вам иметь что-то, что можно сдать полиции, чтобы избежать тюрьмы.

— Я не знаю! — скулил Барт. — Честное слово!

Я улыбнулся и подтолкнул клубок еще немного ближе.

— Вдох голубым, — сообщил я. — Выдох розовым. Вот это разрядка — лучше не придумаешь.

— Торелли! — взвизгнул Барт, пытаясь отмахнуться от шара руками. — Господом Богом клянусь, это был Торелли! Торелли хотел, чтобы мы провернули это дело! Он готовился скинуть Марконе!

— Давно? — спросил я.

— Не знаю. Пару недель, наверное. Тогда меня и наняли! Ох, Господи!

Я сжал пальцы в кулак и погасил огонь прежде, чем шар успел опалить Барту рукава. Он валялся на земле, хрипло дыша и боясь опустить руки.

Вдалеке послышалось завывание полицейских сирен. Самое время уходить.

— Он говорил с кем-нибудь в последнее время? — спросил я. — С кем-то новым? Договаривался о сотрудничестве?

Барт мотнул головой. Его трясло.

— Я у него не в штате. Ничего такого не видел.

— Гарри! — взвизгнула Молли.

Я как-то слишком увлекся беседой с Бартом, да и тревога за Мёрфи изрядно действовала на нервы — в общем, я забыл, что помнить надо о всех потенциальных стволах. Лежавший на земле громила подобрал свой дробовик и как раз передергивал цевье, перезаряжая его. Я повернулся к нему, на ходу активируя браслет. Проблема в том, что мой новый оберег, будучи мощнее и во многих отношениях удобнее предыдущего, расходует заметно больше энергии, и как следствие раскошегаривается не так быстро. Я бросился на землю и постарался сделать так, чтобы между мной и типом с дробовиком находился Барт. Барт же, в свою очередь, изо всех сил барахтался, пытаясь убраться с линии огня, и я уже понимал, что выстроить щит до выстрела не успею.

Должно быть, с самого начала конфронтации Мышь отбежал куда-то в сторону, потому что вынырнул из темноты и неся по глубокому снегу так, словно бежал по тартановой беговой дорожке. Он двигался с такой скоростью, что поднятый им вал снега буквально опережал его — так катится вода перед носом скоростного катера. Он налетел на телохранителя Торелли в то мгновение, когда тот нажимал на спусковой крючок.

Дробовики стреляют *громко*. Барт выкрикнул непечатное слово.

Мышь вцепился человеку Торелли в раненую ногу и принялся мотать его из стороны в сторону — как терьер треплет пойманную крысу. Громила испустил еще один пронзительный вопль наподобие загнанного кабана на бойне. Дробовик выпал у него из пальцев, и он обмяк как тряпичная кукла, потеряв сознание от боли.

Сирены приближались, и я заставил себя подняться на ноги. Барт лежал на снегу, извиваясь и поскуливая. Заряд угодил ему точно в мягкое место. Крови у него на джинсах

было предостаточно, но все же меньше, чем при попадании в какую-нибудь жизненно важную артерию. Конечно, в зависимости того, сколько картечин он схлопотал, рана могла потенциально вывести его временно из строя, покалечить или даже убить в случае внутреннего кровотечения. Однако из всех мест, куда может ранить, это не самое худшее, так что с учетом адреналинового шторма, бушевавшего у меня в крови, это казалось мне даже забавным.

Все еще хрипло хихикая, я кликнул Мыша и побежал к машине.

Молли уже пристегнула Мёрфи к пассажирскому сидению. Мне пришлось перебираться через нее, чтобы сесть за руль. Она выругалась сквозь зубы, когда я случайно задел ее раненую руку. Подушка водительского кресла почти касалась руля, и какое-то мгновение мне казалось, что я буду вести машину, давя на педали одной рукой и крутя баранку другой, однако я нашел-таки рычаг, позволявший отодвинуть кресло назад, и машина завелась с первой попытки.

— Черт подери, Дрезден, — прохрипела Мёрфи. — Это вооруженное нападение. Нам надо вернуться.

Через открытую дверь на заднее сиденье ввалился Мыш. Молли захлопнула обе не заблокированных снегом двери. Я вывернул руль, выдернул «Сатурн» из снега и осторожно повел его по улице. К лицу моему так и прилипла дурацкая ухмылка. Щеки горели.

— Исключено, Мёрф.

— Но не можем же мы просто так дать им уйти!

Я подавил очередной приступ адреналинового смеха.

— Никуда они не денутся. И потом, я персона нон грата, ты забыла? Или ты хотела, чтобы тебя застали на месте перестрелки, да еще такой, в которую замешан я?

— Но...

— Черт подери, Мёрфи, — устало выдохнул я. — Ты *хочешь*, чтобы я отправился в тюрьму? Если мы сейчас вернемся, этот громила, подручный Торелли, скажет им, что это я его подстрелил. Они возьмут мой пистолет на экспертизу, и если они найдут пулю, а может, она осталась у него в ноге, это квалифицируется как нападение с использованием огнестрельного оружия.

— Нет, если это самооборона, — возразила Мёрфи.

— В справедливом мире, возможно, и так, — сказал я. — Но раз там нет никого, кроме двух раненых громил с криминальным послужным списком и известными связями, полиция решит, что они поссорились и постреляли друг друга. Двух нехороших парней отправят, куда надо, ты сохранишь свою работу, а меня не уберут с этого дела — что для меня было бы равносильно смерти, — я искоса посмотрел на нее. — И кто в проигрыше?

С минуту Мёрфи молчала. Потом подняла голову.

— Все в проигрыше, Гарри. Законы принимают, чтобы защищать всех. Подразумевается, что они в равной степени относятся к каждому.

Я вздохнул и сосредоточился на дороге. Несколько минут я просто гнал вперед, чтобы удостовериться, что за нами нет хвоста, потом повернул и направил машину обратно, в направлении дома Карпентеров.

— Это мечтательный образ мышления, Мёрф, и ты сама это знаешь. Юристам Марконе такой подход наверняка очень нравится.

— Закон не идеален, — тихо ответила она. — Но это не значит, что мы не должны стараться поддерживать его.

— Сделай мне одолжение, — сказал я.

— Что?

— Жажми нос, изобрази филадельфийский акцент и произнеси: «*Я есть закон*».

Мёрфи фыркнула и мотнула головой. Я покосился на нее. Лицо ее побелело от боли, глаза чуть остекленели. Повязка на левой руке, похоже, представляла собой лоскуты, оторванные от Моллиной футболки.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Разумеется, моя ученица щеголяла в зеленом

кружевном лифчике прямо под расстегнутым пальто. Она сидела, охватив руками Мыша за шею и зарывшись лицом в его запорошенный снегом мех.

— Эй, там, сзади, — окликнул я. — Пострадавших нет?

Мыш зевнул, но Молли все равно осмотрела и ощупала его.

— Нет. Мы оба в порядке.

— Клево, — сказал я и обернулся, чтобы ободряюще улыбнуться Молли. — Отличная завеса. Быстрая как черт-те что. Отлично справилась, Кузнечик.

Молли улыбнулась в ответ.

— Что, у меня было такое же лицо, когда вы проделывали эту штуку с огненным шаром со мной?

— Я предпочитаю думать о нем как о маленьком шаре солнечного света, — сказал я. — И по сравнению с этим парнем ты, Кузнечик, просто стоик. И ты, морда мохнатая, тоже хорошо поработал, — сообщил я Мышу. — Я перед тобой в долгу.

Мыш разинул пасть в зубастой собачьей ухмылке и вильнул хвостом, стряхнув снег на голое плечо Молли. Она взвизгнула и рассмеялась.

Мы с Мёрфи переглянулись. Нажми тот тип на курок на сотую долю секунды раньше или позже, и Мёрфи была бы мертва. Картечина могла бы попасть ей в голову или шею, или перебить артерию. Без Мыша я, возможно, тоже был бы трупом. И уж если бы они убрали меня и Мёрфи, сомневаюсь, что они оставили бы в живых и Молли — как-никак, свидетель.

Удар пришелся близко — без всякого сверхъестественного вмешательства. Возможно, Молли этого еще не сообразила — но уж мы-то с Мёрфи наверняка.

— Как рука, Мёрф? — тихо спросил я.

— Кость не задело, только мышцу, — ответила она, закрывая глаза. — Болит как черт знает что, но убить не убьет.

— Хочешь, отвезу тебя в травмопункт?

Мёрфи помедлила с ответом. Собственно, в вопросе заключалось гораздо больше, чем в произнесенных словах. Врачам положено сообщать в полицию обо всех огнестрельных ранениях. Обратись Мёрф за медицинской помощью, и об этом станет известно копам. А поскольку она и сама коп, ей придется отвечать на самые разные вопросы, а это значит, вся правда о том, что произошло, запросто может выплыть наружу.

Это было бы вполне ответственно и законопослушно.

— Нет, Гарри, — произнесла она наконец и закрыла глаза.

Я медленно, с облегчением выдохнул. Этот ответ дался ей непросто. Руки мои, державшие руль, начали дрожать. Вообще-то, я очень неплохо держусь, пока кризис в разгаре. А вот потом это начинает здорово действовать мне на нервы.

— Тогда сиди и отдыхай, — сказал я. — Мы тебя заштопаем.

— Ты рули давай, — устало произнесла она.

И я рулил.

Глава ДВАДЦАТАЯ

— Очень темная вся эта история, — заметил Майкл; в голосе его звучала тревога. — Мне это не нравится.

Хрустя подошвами по снегу, мы с ним шли из дома в мастерскую. Снова стемнело: на город надвигался новый снежный заряд.

— Мне это тоже не нравится, — согласился я. — Только что-то никто не спешит обрадовать меня вариантами решения, — я остановился перед дверью. — Как Мёрфи?

Майкл остановился рядом со мной.

— У нас Черити специалист по медицине, но на мой взгляд рана не слишком серьезная. Кровотечение ей остановила еще Молли, и мы тщательно продезинфицировали рану. Ей, конечно, необходимо следующие несколько дней следить за своим состоянием, но думаю, с ней все будет в порядке.

— Ей очень больно?

— Черити сделала ей инъекцию кодеина. Он слабее больничных болеутоляющих, но по крайней мере даст ей возможность заснуть.

Я поморщился и кивнул.

— Майкл, я собираюсь выследить динарианцев.

Он сделал глубокий вдох.

— Вы собираетесь на них напасть?

— Хорошо бы, — ответил я чуть более резко, чем собирался. — Потому что есть на свете люди, не заслуживающие второго шанса, Майкл, и если уж эти уроды не входят в список перманентных говнюков, то я не знаю, кого туда еще поместить и за что.

Майкл чуть улыбнулся.

— У каждого найдется, за что, Гарри.

Меня пробрал легкий холодок, но я постарался не выказать этого. Вместо этого я закатил глаза.

— Конечно, конечно. Первородный грех, Божье милосердие... где-то я это уже слышал, — я вздохнул. — Однако я не собираюсь нападать на них. Я просто хочу узнать о них как можно больше, прежде чем сталкиваться с ними снова.

Майкл кивнул.

— Я правильно понимаю, мы поэтому стоим на снегу, не входя в дом?

— Мне нужна вся информация, какой вы можете меня снабдить. И мне не нужны новые философские дебаты.

Майкл хмыкнул.

— Я уже связался с Отцом Фортхиллом. Он переслал список тех, кто, по нашему мнению, может находиться здесь вместе с Тессой.

Пару секунд я молчал как набедокуривший идиот.

— Ох, — выдавил я из себя наконец. — Спасибо. Это... это может здорово мне помочь.

Майкл пожал плечами.

— Мы привыкли не до конца доверять даже собственной разведке. Падшие — мастера вводить в заблуждение, Гарри. Порой у нас уходит несколько веков, чтобы поймать одного из них на лжи.

— Я понимаю, — кивнул я. — Но у вас, должно быть, имеется что-то надежное.

— Немного, — сказал он. — Мы знаем наверняка, что Тесса и Имариил — из самых старейших динарианцев. Дольше их орудуют только Никодимус и Андурриил.

Я хмыкнул.

— И Тесса с Никодимусом соперничают?

— Как правило, — подтвердил Майкл. — Хотя полагаю, стоит упомянуть, что они также муж и жена.

— Брак, заключенный в Аду, так?

— Ну, не думаю, чтобы это слишком много для них обоих значило. Они редко работают вместе, а когда так случается, это не приводит ни к чему хорошему. Последний раз, если верить церковным записям, такое имело место как раз перед тем, как в Европу пришла Черная Смерть — чума.

— Чума? Монетоголовые проделывали это в прошлый свой визит, — я покачал головой. — Можно было бы ожидать чего-нибудь новенького от мужа и жены, проживших столько вместе.

— Разнообразие — ключ к счастливому браку, — с серьезным видом согласился Майкл. Уголок рта его дернулся. — Монетоголовые?

— Мне показалось, их обычное название для них слишком благозвучно звучит — с учетом того, кто они на деле. Ну, я это и исправил.

— Те, кто их недооценивал, обыкновенно жили очень недолго, — заметил Майкл. — Осторожнее, Гарри.

— Вы меня знаете.

— Да, — кивнул он. — На чем мы остановились?

— Чума.

— Ах, да. В прошлом монетоголовые использовали чуму для того, чтобы сеять хаос и смятение.

Я справился с улыбкой, которая грозила подпортить мой твердозадый образ. Майкл тем временем продолжал.

— В общем-то эта тактика оказалась успешной, и не раз. Стоит эпидемии набрать обороты, и количество жизней, на которые они могут претендовать, и страданий, которые они могут причинять, почти не поддается исчислению.

Я нахмурился и скрестил руки на груди.

— Саня говорил, что Тесса предпочитает тех, кто готов... ну, и одаренных в том смысле, что интересен ей.

Майкл кивнул.

— Падшие, следующие за Имариилом, довольно часто меняют носителей. Никто из них, в общем-то не особенно жалеет тех, с кем они связаны, но команда Имариила в этом отношении худшие из худших. Теса выбирает своих хозяев в среде downtrodden, отчаявшихся, тех, кто верит, что терять им уже нечего. Тех, кто быстрее других поддастся искушению.

— В разгар эпидемии таких всегда предостаточно. Ну, и вообще при хаосе.

— Да. Мы полагаем, что это единственная причина, по которой она время от времени сотрудничает с Никодимусом.

— Она сосредоточена на ближней перспективе, — сообразил я. — А он — на долгосрочной.

— Вот именно, — подтвердил Майкл. — Когда он кидает монету Ласкиэли моему сыну, это был тщательно продуманный шаг.

— Просчитанный с целью схомутать меня? — спросил я.

— Вас, — кивнул Майкл. — Или моего сына.

Меня снова пробрал озноб — и не из-за погоды.

— Монету — ребенку?

— Ребенку, который не в состоянии защитить себя. Который может расти под нашептывание Падшего ему на ухо. Который превратится в оружие Падших, нацеленное на его же собственную семью. Только подумайте.

Я огляделся по сторонам. Черт, а всего несколько часов назад в этом дворе царил такое веселье...

— Даже думать не хочу, — сказал я.

— Обычно, — продолжал Майкл вполголоса, — семьи носителей Меча ограждены от такого зла. Но нечто подобное случалось и в прошлом. А Никодимус владеет своей монетой не один десяток столетий. Ему ничего не стоит подождать лет десять или двадцать ради того, чтобы добиться своего.

— Вы считаете, он поэтому здесь? — спросил я. — Ведь охотиться на человека вроде Марконе не в обычаях Тессы.

— Не в ее стиле, да, — согласился Майкл. — Но мне кажется, если, помогая ему, она сможет создать те условия, какие ей нравятся больше всего, полные хаоса и отчаяния, это было бы для нее достаточным поводом объединить усилия с мужем.

— Так сколько их?

— Вокруг Тессы группируются пятеро Падших, — он на мгновение улыбнулся мне. — Извините. Теперь уже четверо.

— Это спасибо Томасу, — сказал я. — Не мне.

— Я это и имел в виду, — кивнул Майкл. — Никодимус... — Майкл покачал головой. — Полагаю, вам говорили уже, что Никодимус особенно старается уничтожить все касающиеся его записи, которые имеются у Церкви. Ну, в будущем это будет сложнее...

— Да здравствует век информации, — не удержался я.

— ...но наши досье на него далеко не полны. Мы полагали, постоянных спутников у него только трое — однако он сумел добыть монету Ласкиэли, которая хранилась, как нам казалось, в надежном месте, в чилийском монастыре. Боюсь, делать любые предположения на этот счет пока опасно.

— Допустим наихудший сценарий, — сказал я. — Сколько монет он может иметь при себе?

Майкл пожал плечами.

— Шесть, возможно. Но это всего лишь мое предположение.

Я внимательно смотрел на него.

— Вы говорите, с ними на этот раз может оказаться дюжина ходячих кошмаров?

Он кивнул.

— В прошлый раз, когда они развлекались здесь, на нашей стороне были все три Меча. Против четверых динарианцев. И мы едва выбрались из этого живыми.

— Я знаю.

— Но вы ведь привыкли к этому, правда? — спросил я его. — Рыцари то и дело идут на такой риск.

Он посмотрел на меня, словно извиняясь.

— Мы предпочитаем иметь двойное численное превосходство над ними. Если получается — то и тройное.

— Но Широ говорил, он несколько раз бился с ними на дуэли, — возразил я. — Один на один.

— Широ обладал талантом, — вздохнул Майкл. — Только и всего. Широ фехтовал — как Моцарт писал музыку. Я не как он. Я не боюсь встретиться с динарианцем один на один, но я не считаю, что сильнее его. В лучшем случае, на равных. Моя судьба в руках Господа.

— Супер, — покачал головой я.

— Вера, Гарри, — напомнил Майкл. — Он не оставит нас. У добра всегда найдется способ победить.

— В прошлый раз победило добро, — тихо произнес я. — Ну, более или менее. Но это не помешало им убить Широ.

— Наши жизни принадлежат Всевышнему, — невозмутимо ответил Майкл. — Мы служим, мы живем ради блага других. Не для себя.

— Угу, — кивнул я. — Не сомневаюсь, это послужит сильным утешением вашим детям, если им придется расти без отца.

Майкл резко повернулся ко мне лицом, и правая кисть его сжалась в кулак.

— Замолчите, — произнес он негромко, но жестко. — Сейчас же.

Видит Бог, я едва не схлопотал от него по физиономии. Однако у меня все же хватило здравого ума промолчать и отвернуться. Я сделал несколько шагов по снегу и остановился спиной к нему.

Здравый смысл под ручку со стыдом... Чтоб меня. Я же вроде как чародей. Мне полагается руководствоваться внутренним светом, самодисциплиной и всем тому подобным. А вместо этого я провоцирую человека, который этого не заслужил, из-за того, что...

Из-за того, что мне страшно. По-настоящему, без дураков страшно. Я всегда начинаю нести невесть что, когда мне страшно. Иногда это случалось даже кстати, но уж никак не в этот раз. Обычно, когда что-то пугает меня до чертиков, я могу справиться со страхом с помощью злости. И это тоже бывает кстати. Однако на этот раз я позволил страху и злости командовать моими мыслями — и в результате уколол друга в самое больное место, да еще в момент, когда он, возможно, ожидал от меня поддержки.

И тут до меня дошло, почему я злился на Майкла. Я надеялся, что он как Супермен слетит с неба и разрешит все мои проблемы, а он этого не мог.

Мы всегда испытываем разочарование, обнаруживая, что чьи-то силы не безграничны, как и у тебя. Это глупо, это нелогично, и этого надо было бы ожидать, и все равно это не мешает нам огорчаться.

Интересно, испытывал ли Майкл то же самое в отношении меня?
— Моя последняя реплика, — пробормотал я, — вышла неудачной.
— Да, — согласился Майкл. — Неудачной.
— Хотите исправить это, померившись силой или чем-нибудь в этом роде?
— У нас есть и лучше способы провести время. Скажем, занявшись Тессой и Никодимусом.

Я повернулся лицом к нему.
— Принимается.
— Мы еще не разобрались с этим, — чуть напряженно произнес он. — Поговорим позже.

Я хмыкнул и кивнул. Напряжение, повисшее в воздухе между нами, немного спало. Заняться делом. Это проще.

— Знаете, чего я пока не понимаю? — спросил я. — Как связать задачи Никодимуса, то есть вербовку Марконе, с задачами Тессы — сеять в обществе хаос и отчаяние?

— Не знаю, — признался Майкл, непроизвольно положив руку на эфес меча. — Но Никодимус считает, что знает. И что бы он там ни задумал, мне кажется, нам лучше понять это прежде, чем он этого добьется.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Если бы я знала, кто из доверенных лиц Марконе готовится предать моего работодателя, — заявила мисс Гард, сдерживая раздражение, — они перестали бы считаться *доверенными*, ясно? Полагаю, вы без особого труда найдете кого-нибудь, кто объяснит вам, Дрезден, смысл понятия «измена» — если, конечно, вы попросите как следует.

Майкл молча улыбнулся. Он сидел у верстака с одним из своих тяжелых кинжалов в руке, старательно очищая клинок от малейшего намека на ржавчину. Хендрикс сидел на табуретке с противоположной стороны верстака и, разобрав пистолет, чистил его.

— Ладно, — сказал я Гард. — Если так, почему бы нам не начать со всех, кто знал местоположение убежища Марконе?

Гард прищурилась, внимательно разглядывая меня. Выглядела она заметно лучше. Ну, конечно, выглядеть *хуже*, чем будучи выпотрошенным, довольно трудно, но от смерти ее на вид отделяли уже не один-два шага, а не меньше десяти. Она сидела на раскладушке, прислонившись спиной к стене мастерской, и хотя лицо ее оставалось бледным и чудовищно изможденным, взгляд голубых глаз сделался ясным, острым.

— Я так не считаю, — тихо произнесла она.

— Боюсь, от секретов Марконе будет немного прока, если он погибнет или окажется под контролем одного из Падших.

— Я не могу, — сказала она.

— Ох, да бросьте же, — устало вздохнул я. — Блин-тарарам, я ведь не прошу у вас коды запуска межконтинентальных ракет.

Она сделала глубокий вдох.

— Я, — произнесла она, делая ударение на каждом слове, — Не. Могу.

— О'кей, — пророкотал Хендрикс со своего места у верстака. — Скажи ему.

Гард нахмурилась, глядя ему в затылок, но все же кивнула и повернулась ко мне.

— Сравнительно немногие в нашей организации знали о существовании убежища, но я не уверена, что это для нас сейчас важнее всего.

Я даже зажмурился, так резко она переключила передачу. Только что это была непробиваемая каменная стена, и вот она уже разговаривает как ни в чем ни бывало. Даже Майкл оторвался от своего кинжала и, хмурясь, покосился в ее сторону.

— Не это? — удивился я. — Если не это для нас важнее всего, то что?

— Ряд людей, которые могли собрать воедино факты из различных источников, — ответила Гард. — Надо было платить подрядчикам. Заказывать материалы. Согласовывать

изменения в планировке с архитекторами. Десятки различных мелочей давали понять, что Марконе что-то строит — этого достаточно, чтобы возбудить чье-то любопытство и заставить этого кого-то копнуть глубже.

Я хмыкнул.

— В результате чего этот «кто-то» мог многое узнать, порасспрашивав архитекторов. Или строителей.

— Вот именно. В этом случае мой босс проявил непростительное небрежение тем, что касалось конфиденциальности. Я настаивала на принятии обыкновенных мер предосторожности, но он отказался.

— Обыкновенные меры, — произнес я. — Вы имеете в виду убийство всех, кто работал над этим?

— Потайные ходы и потайные убежища лишены смысла, если они не потайные, — ответила Гард.

Может, ему просто не хотелось убивать кучу своих подчиненных, чтобы прикрыть собственную задницу? — предположил я.

Гард пожала плечами.

— Меня наняли не для моральных суждений, Дрезден. Я советница. Я дала такой совет.

Я хмыкнул.

— И кто в результате знал? Строители. Люди, ведущие бухгалтерию.

— И любой из тех, с кем они разговаривали, — добавила Гард.

— Что делает круг подозреваемых чуть больше, чем хотелось бы для пользы дела, — заметил я.

— Совершенно верно.

— Стоп, — спохватился я. — Время Оккама.

Гард смотрела на меня ровным взглядом. Возможно, ей не доводилось слышать о Эм. Си. Хаммере.

— Оккама? — переспросила она.

— Бритва Оккама, — кивнул я. — самое простое объяснение чаще всего и оказывается правильным.

Губы ее чуть изогнулись.

— Как мило.

— Если мы будем очерчивать круг подозреваемых, включая в него всех и каждого, кто хотя бы мог слышать что-то, мы зайдем в тупик. Если мы сузим этот круг до наиболее очевидных типов, мы получим хоть что-то, с чем можно работать, и наши шансы вычислить предателя увеличатся.

— Наши? — переспросила Гард.

— Называйте как хотите, — буркнул я. — Так все-таки, кто имел наибольший доступ? Только подрядчиков давайте сразу за рамки выведем. Они, как правило, не настолько кровожадны, да и половина девелоперов в городе принадлежит Марконе.

Гард согласно кивнула.

— Очень хорошо. Один из трех или четырех счетоводов, практически все из круга наиболее приближенных и один из двух или трех расстрельщиков.

— Расстрельщиков? — переспросил Майкл.

— Когда возникает проблема, — объяснил я ему, — они ее расстреливают.

Гард рассмеялась — и тут же поморщилась, схватившись обеими руками за живот.

— Вы уж поосторожнее, — посоветовал я ей. — Сильно болит?

— Пройдет, — пробормотала Гард. — Пожалуйста, продолжайте.

— А как насчет Торелли? — поинтересовался я.

— В каком смысле?

— Может он быть тем, кого мы ищем?

Гард закатила глаза.

— Помилуйте. У этого человека интеллект лоботомированной черепахи. И потом,

Марконе довольно давно в курсе его амбиций.

— Если он в курсе, — спросил я, — как вышло, что Торелли до сих пор платит налоги?

— Потому что мы использовали его для того, чтобы с его помощью выводить других потенциальных узурпаторов власти на свет, где с ними легче разобраться.

— Гм, — я нахмурился. — А мог он, скажем, оказать давление на кого-нибудь из тех, кто знал?

— На бухгалтеров, возможно, но мне кажется, это в высшей степени маловероятно.

Марконе делал все для того, чтобы они относились к его покровительству с энтузиазмом.

— Угу, только мистер Лоботомированный Черепах не настолько умен.

Гард зажмурилась.

— Простите?

— Бог мой, женщина! — возмутился я. — Вы что, доктора Сейсса не читали?

Она нахмурилась.

— Кто такой доктор Се...

Я поднял руку.

— Ладно, забейте. Торелли не настолько умен. Может, он вообразил, что сможет прижать бухгалтера и выбить Марконе из игры прежде, чем тот успеет оказать то покровительство, к которому относятся с энтузиазмом?

Гард прикусила губу.

— Глупости у Торелли в избытке. Но еще он вонючий, трусливый любитель порыться в крысином дерьме, — она прищурилась. — А что вы так сосредоточились на его особе?

— О, — признался я. — Я не могу сформулировать ничего конкретного. Но мои инстинкты — а они у меня настроены отменно — говорят мне, что он враг.

Гард улыбнулась.

— Он пытался вас убить, верно?

— Он пытался применить силу к Деметре, когда я заходил туда сегодня утром. Я возражал.

— А, — кивнула она. — А я как раз гадала, как вы нас нашли?

— Мордовороты Торелли пытались застрелить меня непосредственно перед тем, как я сюда приехал.

— Ясно, — кивнула Гард, задумчиво прищурившись. — Что ж, время его мятежа выбрано слишком точно, чтобы это было простым совпадением.

— Рад, что я не единственный, кому эта мысль пришла в голову.

Она побарабанила пальцем по подбородку.

— Торелли не гений, но свое дело знает. Он не занимал бы такого высокого места в организации, если бы не знал. Полагаю, Торелли вполне мог добиться этой информации, если приложил к этому достаточно усилий, — она посмотрела на меня искоса. — Вы думаете, динарианцы завербовали его, чтобы он работал на них изнутри?

— Я думаю, им же надо было добыть откуда-то информацию насчет убежища Марконе, — ответил я.

— Сами додумались? — спросила Гард с бледной улыбкой.

— Угу. В общем, ваша нора-убежище превратилась в лисью западню. Должно быть, это язвит ваше эго, мисс Консультант по Безопасности.

— Вы даже не поверите, в какой степени, — сказала Гард с недобрым огоньком в глазах. — Но с этим я как-нибудь разберусь, когда время найдет.

— Боюсь, некоторое время вам не придется иметь дела ни с чем, кроме здорового сна, — заметил я.

Она заметно помрачнела.

— Да.

— Поэтому давайте, поднятием тяжестей займусь я.

— Как это?

Я огляделся по сторонам.

— Позвольте нам поговорить минуту с глазу на глаз.

Хендрикс, заканчивавший сборку вычищенного и смазанного пистолета, повернул массивное надбровье в мою сторону, подозрительно хмурясь. Майкл тоже поднял взгляд; лицо его застыло ничего не выражающей маской.

Секунду-другую Гард молча смотрела на меня.

— Все в порядке, — произнесла она наконец.

Хендрикс сунул в пистолет свежую обойму, щелкнул затвором, дослав патрон, и выразительно подержал его несколько секунд дулом в мою сторону. Потом встал, одернул плащ и шагнул в мою сторону.

Хендрикс ниже меня ростом, что исключает у меня проблему комплекса неполноценности. С другой стороны, силищи у него достаточно, чтобы перешибить меня кулаком пополам, и мы оба это понимаем. Он остановился в футах от меня, сунул пистолет в карман и оглянулся на Гард.

— Буду за дверью, — буркнул он.

— Майкл, — произнес я. — Пожалуйста.

Он встал, сунул кинжал в ножны и следом за Хендриксом вышел на улицу. Оба шли, старательно сохраняя дистанцию — ни дать, ни взять два пса, которые еще не решили, драться им или нет. Я закрыл за ними дверь и повернулся к Гард.

— Дайте мне то, что нужно для того, чтобы найти и допросить Торелли.

Она покачала головой.

— Я могу дать вам его домашний адрес, местоположение принадлежащей ему недвижимости, точки, которые он регулярно посещает, известных мне помощников, но ни в одном из этих мест вы его не найдете. Он слишком долго в этом бизнесе, чтобы совершить такую ошибку.

— Ох, да ладно вам, — я закатил глаза. — У вас наверняка хранятся где-то образцы крови или волос всех ваших сотрудников. Дайте мне те, что принадлежали Торелли.

Гард смотрела на меня с лицом, непроницаемым как у игрока в покер.

— И да, кстати, — добавил я, — Дайте мне еще образцы Марконе. Если я подберусь достаточно близко, это поможет мне отыскать его.

— Мой работодатель хранит их, соблюдая строжайшие меры безопасности. Он единственный, кто имеет к ним доступ.

Я фыркнул.

— Тогда дайте мне образцы из второго комплекта.

— Второго комплекта?

— Ну, того, который храните вы. Того, о котором не знает Марконе.

Гард отбросила с щеки прядь волос соломенного цвета.

— С чего вы взяли, что у меня есть такие образцы?

Я блеснул зубами.

— Вы же наемник, Гард. Наемникам приходится быть более бдительными по отношению к своим нанимателям, чем к врагам, для борьбы с которыми их нанимали. Они предпринимают собственные меры предосторожности. Типа, персональная страховка. Даже если бы Марконе не держал собрания образцов, быюсь об заклад, все равно это сделали бы вы.

Взгляд ее на мгновение скользнул к двери, потом вернулся ко мне.

— Давайте притворимся на минуту, что у меня есть такое собрание, — сказала она. — С какой стати я поделилась бы ею с вами? Вы отрицательно относитесь к бизнесу моего нанимателя и можете нанести ему катастрофический ущерб, окажись такие образцы в вашем распоряжении.

— Господи, ну и чувствительны же вы — с учетом того, какой катастрофический ущерб причиняет его бизнес ежедневно тысячам людей.

— Я всего лишь защищаю интересы моего нанимателя, — она блеснула зубами в ответной улыбке. — Почти как если бы я была наемником.

Я вздохнул и скрестил руки на груди.

— Что, если я возьму только образцы Торелли и Марконе?

— Значит, вы все еще сможете использовать это против Марконе в будущем.

— Если бы я хотел навредить Марконе, — возразил я, — мне всего-то достаточно было бы сидеть с упаковкой пива и пакетом крендельков и не мешать ему извиваться.

— Возможно, — признала Гард. — Поклянитесь мне, что вы не используете никаких других образцов, только Торелли и Марконе, и что вы не используете их для причинения какого-либо вреда, и что вы вернете их мне по первому требованию. Поклянитесь своей силой.

В сверхъестественном мире клятвы играют роль своего рода валюты. Они связывают человека не только теоретически, но и во многих других смыслах. Каждое нарушение обещания вызывает всплеск духовных энергий. Таким сверхъестественным созданиям, как сидхе, нарушенное обещание способно причинить чудовищную боль. Когда обещание нарушает чародей, тем более, если он клялся своей силой, результат возмущения иной: это уменьшает его магические способности. Не то, чтобы эффект был критическим — но стоит вам нарушить достаточно обещаний, и рано или поздно у вас не останется ничего.

С учетом того, насколько опасным сделался мир для чародеев за последние несколько лет, любой из нас был бы просто безумцем, рискуя своими способностями, а следовательно, и возможностью себя защитить. Даже малой их толикой.

Я расправил плечи и кивнул.

— Клянусь своей силой, что я буду соблюдать эти ограничения.

Гард прищурилась, слушая меня, и коротко кивнула. Потом сунула руку в карман — осторожно, чтобы не потревожить рану — и достала маленький серебряный ключ. Она протянула ключ мне.

— Юнион-Стейшн, камера двести четырнадцать. Все промаркировано.

Я протянул руку за ключом, но пальцы ее сжались на секунду.

— Не дайте ничему, что вам дорого, стоять прямо перед ячейкой, когда вы ее откроете.

Я заломил бровь и взял ключ.

— Ясно. Спасибо.

Она чуть натянуто улыбнулась мне.

— Не тратьте времени. Поезжайте.

Я нахмурился.

— Вы так переживаете за своего босса?

— Ни в коем случае, — ответила Гард, закрывая глаза и устало сползая на раскладушку. — Я просто не хочу оказаться поблизости в следующий раз, когда кто-нибудь явится вас убивать.

Глава ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Машина Мёрфи выглядела так, словно она побывала в зоне боевых действий, и на снегу под ней темнели разноцветные потеки. В результате мы поехали на пикапе Майкла. Я сидел в кабине с Майклом, а Мыш разместился в кузове. Да, знаю, это небезопасно, но реальность была такова: двое мужчин нашего калибра и собака размером с Мыша просто-напросто не помещаются в кабине фордовского пикапа. А если бы и поместились, для кислорода бы там просто не осталось места.

Мыша, похоже, холод совершенно не беспокоил. Всю дорогу до Юнион-Стейшн он провел, выставив морду сбоку от кабины и счастливо высунув язык. Но, конечно, встречный ветер не отличался особой силой: в плохую погоду Майкл водит машину очень осторожно.

После того, как мы в третий или четвертый раз миновали машину, выехавшую на тротуар или уткнувшуюся в кювет, я перестал давить ногой на воображаемую педаль газа и понукать Майкла про себя, чтобы тот поспешил. Идти до Юнион-Стейшн пешком чертовски дольше, чем ехать с более чем уместной осторожностью.

Всю дорогу мы молчали. Поймите меня правильно: Майкл вовсе не трепло. Просто обычно у него всегда находится, что сказать. Он приглашает меня сходить с ним в церковь (чего я не делаю, если только кто-то или что-то за нами не гонится) или, как и положено гордому отцу семейства, рассказывает про проделки кого-нибудь из его детей. Мы обсуждаем Моллины успехи, или погоду, или спорт, или еще чего.

Только не в тот раз.

Может, он просто сосредоточен на дороге, убеждал я себя.

Въезд на вокзальную стоянку перегораживала снежная баррикада, оставленная только что проехавшей снегоуборочной машиной, но Майкл просто добавил немного скорости, и «Форд», пусть и по инерции, прорвался через этот барьер.

Фонари на стоянке не горели, а поскольку окна первого этажа оказались сплошь завалены сугробами, света внутрь почти не проникало. Многоэтажные стоянки выглядят угрожающе, даже когда вы можете их разглядеть. Однако когда в них царит абсолютный мрак, они выглядят даже еще более угрожающе — ну, за исключением небольших их участков, выхваченных из темноты светом фар.

— Ну, — заметил я, — по крайней мере, свободных мест здесь полно.

— Кому охота путешествовать в такую погоду? — хмыкнул Майкл. Он зарулил на ближайшее к нам свободное место, и пикап, скрипнув тормозами, остановился. Майкл вышел из кабины, вынул из нее большую спортивную сумку, в которой носит «Амораккиус» на людях, и закинул ремень на плечо. Я вышел, и Мыш тоже спрыгнул на землю из кузова. Пикап скрипнул и покачнулся на рессорах, освободившись от его веса. Я щелкнул карабином, пристегнув поводок к ошейнику, потом повязал ему на шею штуку вроде передника, на которой написано, что он собака-поводырь. Конечно, это ложь на голубом глазу, зато ходить так в общественных местах гораздо проще.

Мыш одобрительно покосился на передник и терпеливо дождался, пока я не закрепил его маскировку как следует.

— Собака-поводырь? — поинтересовался Майкл с таким выражением лица, что мне сделалось немного неуютно. В правой руке он держал фонарик, и луч его скользнул по нам, прежде чем обшарить тени вокруг машины.

— У меня очень редкое заболевание, — объяснил я, почесывая пса под челюстью. — Никакнекадрит. Пес выполняет роль катализатора при знакомстве или завязке разговора. Ну, или в качестве утешения, если этого не получится. Так или иначе, он совершенно необходим.

Мыш шмыгнул носом и стукнул хвостом мне по ноге.

Майкл вздохнул.

— Вы чудовищно привередливы во всем, что касается соблюдения законов, — сообщил я. — Особенно с учетом того, что имеете при себе спрятанное оружие.

— Прошу вас, Гарри. Мне и так достаточно неуютно.

— Я никому не скажу про ваш Меч, если вы не будете говорить никому про мой пистолет.

Майкл вздохнул и пошел к выходу. Мы с Мышом последовали за ним.

Стоянка оказалась очень холодной, очень темной, очень зловещей и лишенной какой-либо угрозы. Мы пересекли наполовину погребенную под снегом улицу. Мыш возглавлял нашу процессию, прокладывая путь сквозь сугробы.

— Снегопад снова усилился с заходом солнца, — заметил Майкл.

— Возможно, это дело рук Мэб, — кивнул я. — Если это так, Титании сложнее противостоять ее власти после захода солнца. Опять-таки, агенты Титании не смогут так свободно разгуливать по городу.

— Но вы не уверены, что это работа Мэб? — спросил Майкл.

— Не знаю. Возможно, это просто Чикаго. Что порой не менее страшно, чем Мэб.

Майкл усмехнулся, и мы вошли в здание вокзала. Оно выглядит вовсе не как в той сцене из «Неприкасаемых», если вам интересно. Съемки велись в большой зале, которую арендуют для разных там престижных собраний. Остальные помещения мало напоминают о

Ревущих Двадцатых. Они осовременены и выглядят, скорее, как аэропорт.

Что жалко, если подумать. Я хочу сказать, из всех общественных сооружений аэропорты с точки зрения эстетики обычно входят в десятку самых невыразительных. Но, конечно, они обходятся гораздо дешевле, а когда выбирать приходится между красотой и экономической эффективностью, обыкновенно выбирают второе. И то правда, весь этот мрамор, и коринфские капители, и гулкие своды хороши, но не при наших экономических запросах.

Призрак стиля все еще витает в тех частях Юнион-Стейшн, которым позволили сохраниться, но, оглядываясь по сторонам, я не могу отделаться от того же ощущения, которое испытываю глядя на фотографии римского Колизея или, скажем. Афинского Парфенона — когда-то это были великолепные места. Когда-то. Но очень, очень давно.

— Где у них здесь камеры хранения? — вполголоса спросил Майкл.

Я мотнул головой в направлении северо-восточного угла здания и пошел вперед. Билетные кассы были закрыты за исключением одной, да и там кассир, похоже, вышел в служебную комнату или еще куда. Людей вокруг виднелось немного. Железнодорожные вокзалы вообще не кишат людьми в ночное время, а в такую погоду тем более. Одна затравленная девица из «Амтрака» разбиралась с кучкой сердитого вида путешественников, судя по всему застрявших в городе из-за бурана. Она пыталась заказать им гостиницу. Что ж, удачи ей. Аэропорты стояли закрытыми со вчерашнего дня, и для гостиниц настала страдная пора.

— А вы неплохо ориентируетесь здесь, — заметил Майкл.

— Поезда быстрее автобусов и безопаснее самолетов, — ответил я. — Я как-то летал в Портленд, так у летчиков отказали радио, и компьютеры, и все такое. Им пришлось сажать самолет вслепую, без приборов и связи. Нам повезло, что погода стояла ясная.

— Если верить статистике, это самый безопасный... — начал он.

— Не для чародеев, — убежденно возразил я. — Ну, я летал без приключений. Пару раз все ограничилось небольшими проблемами. Но после того полета в Портленд... — я тряхнул головой. — Там, на борту были ведь дети. Я собираюсь жить долго. Я могу попасть туда, куда мне нужно, чуть позже — я потерплю. Привет, Джо! — окликнул я седого уборщика, толкавшего перед собой тележку с чистящими принадлежностями.

— Привет, Гарри, — улыбнулся тот в ответ, проходя мимо.

— Последнее время я частенько здесь бываю, — объяснил я Майклу. — По большей части разъезжаю по делам Паранета. Ну и как Страж, — я закатил глаза к потолку. — Я не хотел этой работы, но будь я проклят, если делаю ее, спустя рукава.

Некоторое время Майкл задумчиво смотрел в спину удалявшемуся уборщику, потом снова повернулся ко мне.

— На что это похоже?

— Работа Стража? — спросил я, пожав плечами. — Есть еще четверо Стражей, находящихся, насколько я понимаю, под моей командой, — я сделал рукой неопределенный жест вокруг себя. — В Атланте, Далласе, Нью-Йорке и Бостоне. Но чаще я не мешаюсь у них под ногами, не вмешиваюсь в их работу, только помогаю, когда это нужно. Они ведь совсем еще дети. Выросшие в военных условиях, хотя это не дало им достаточно мозгов, чтобы они не завидовали мне.

Мышь вдруг остановился как вкопанный.

Я тоже. Я не стал крутить головой по сторонам. Вместо этого я внимательно следил за своим псом.

Уши его шевелились как тарелки радаров. Нос подрагивал. Одна лапа оторвалась от земли, но он не двинулся с места, только неуверенно огляделся по сторонам.

— Лесси уже унюхала бы чего-нибудь, — сказал я ему. — Она дала бы нам ясное, недвусмысленное предупреждение. Один «гав» — бебеки, два — монетоголовые.

Мышь укоризненно покосился на меня, поставил лапу обратно на пол и чихнул.

— Он прав, — тихо заметил Майкл. — За нами следят.

— А когда было иначе? — буркнул я, оглядываясь. Я не увидел ничего. Мои идеально настроенные инстинкты тоже ничего не заметили. Терпеть не могу ощущать себя Ханом Соло в мире джедаев. — Это я должен бы считаться джедаем, — буркнул я вслух.

— Что это? — спросил Майкл.

Вокзальные огни погасли. Все до одного. Разом.

Аварийное освещение, которому полагалось бы зажечься, не сделало этого.

Где-то рядом со мной зашуршал плащ Майкла, и что-то несколько раз щелкнуло. Судя по всему, он пытался включить фонарик, и судя по всему, тот не включился.

Это было погано. Магия может вмешиваться в работу техники, но это, скорее, напоминает действие законов Мёрфи: то, что может ломаться, ломается. Только чаще обычного. Это не ведет себя как по команде. Это не гасит разом обычное освещение, аварийное освещение и карманные фонарики на батарейках.

Я не знал, что может привести к такому.

— Гарри? — спросил Майкл.

Мыш прижался к моей ноге, и я скорее ощутил, чем услышал зарождавшийся у него в груди предостерегающий рык.

— Ты сам это сказал, Жвачный, — шепнул я ему. — Не нравится мне все это.

Глава ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Начали визжать люди.

Я сорвал с шеи амулет и направил в него усилие воли, которым я обычно заставляю его светиться.

И ничего не произошло.

Я уставился бы на амулет — если бы мог его разглядеть. Я не мог поверить в то, что он не работает. Я встряхнул цепочку, выругался и снова поднял амулет над головой, послав в него новый заряд воли.

Мгновение он плевался бледно-голубыми искрами. И все.

Мыш зарычал громче — так он рычит обычно, почуяв настоящую опасность. Близкую. Сердце мое подпрыгнуло в груди с такой силой, что едва не пробило нёбо.

— Мне не удастся вызвать свет! — произнес я высоким от волнения голосом.

В темноте рядом со мной взвизгнула расстегиваемая молния, звонко лязгнул металл.

— Отче, — негромко произнес голос Майкла. — Нам нужна Твоя помощь.

Меч засиял белым светом.

С дюжину тварей, припавших к земле в трех или четырех ярдах от нас, разом подняли визг.

Я в жизни не видел ничего похожего на них. Ростом около пяти футов, но мощного, квадратного сложения с эластичными, словно резиновыми мускулами. Обликом они напоминали бабуинов — что-то среднее между четверорукими и двуногими — со зловещего вида когтями, длинными, жилистыми хвостами и массивными плечами. У некоторых в лапах — или руках? — имелись примитивные орудия: палицы, каменные топоры и каменные же ножи. Обезьяноподобные головы производили впечатление черепов, настолько туго обтягивала кости черная кожа. Непропорционально большие зубы, настолько большие, что впивались в собственные губы, напоминали формой акульки, и...

И у них не было глаз. То есть совсем не было. Там, где полагалось находиться глазам, виднелась только гладкая черная кожа.

Свет, исходивший от меча, падал на них, и они с визгом отпрянули, словно их обожгло огнем — впрочем, если внезапная вонь паленой плоти может служить индикатором, так оно и было.

— Гарри! — крикнул Майкл.

Эта его интонация мне хорошо знакома: я пригнулся как мог быстрее и ниже, и успел-таки это сделать прежде, чем клинок «Амораккиуса» просвистел в воздухе, где только что

находилась моя голова...

...и на лету рассек одну из этих тварей, готовую уже приземлиться мне на спину.

Тварь рухнула на пол и забилась. Бывшая фонтаном из раны кровь горела на воздухе бело-голубым огнем.

Я рывком повернул голову, чтобы глянуть на «Амораккиус». Кровь шипела на клинке как жир на горячей сковороде.

Железо.

Эти твари принадлежали к фэйре.

Мне не приходилось видеть их прежде воочию, но я читал их описания — последний раз совсем недавно, когда искал информацию про бебек. С учетом их принадлежности к фэйре, ошибки быть просто не могло.

— Хобы! — заорал я Майклу, выхватывая из кармана пальто револьвер. — Это хобы!

После этого времени на комментарии у меня уже не осталось. Пара ближних от нас хобов достаточно оправились от внезапно ударившего в них света, и бросились вперед. Мыш испустил рокошующий рык и столкнулся с одним из них в прыжке. Оба упали, пытаясь ухватить друг друга зубами.

Следующий хоб перепрыгнул их и устремился на меня, замахиваясь зажатым в узловатой лапище каменным ножом. Я увернулся с линии его прыжка и в свою очередь замахнулся на него пистолетом. Тяжелый ствол ударил его в безглазую морду, обжигая плоть и кроша зубы. Хоб взвыл от боли и врезался в одного из своих сородичей.

— *In nomine Dei!* — взревел Майкл. Я почувствовал, как его лопатки столкнулись с моими, и свет его тяжелого меча мелькнул в воздухе, вслед за чем послышался смертный вопль еще одного хоба.

Тот, что боролся с Мышом, сумел-таки опрокинуть пса на пол и, оскалив зубы, навалился на него сверху.

Я шагнул к нему, сунул ему в морду револьвер и с криком: — А ну не трожь мою собаку! — несколько раз нажал на курок. Не знаю, что причинило хобу больше ущерба, пули или вспышки выстрелов. Так или иначе, он отпустил Мыша и покатился по полу. Пес вскочил и бросился за ним, но я успел ухватить его за ошейник и оттащил назад, пока снова не столкнулся спиной с Майклом.

Хобы отступили в тень, но я все еще слышал их со всех сторон. При том свете, что исходил от меча Майкла, мне полагалось бы видеть потолок зала, но лучи его высвечивали участок радиусом футов двадцать, не больше — достаточно, чтобы не позволять хобам навалиться на нас всей стаей, но не более того.

Я продолжал слышать крики людей, отдававшиеся эхом от стен и сводов вокзала. Где-то в стороне грянули выстрелы — несколько подряд. Стреляли из пистолета меньшего, чем у меня калибра; стрелявший, судя по всему, просто в страхе разрядил обойму в темноту. Блинтарарам, все это угрожало превратиться в бойню, если я не предприму что-нибудь, и быстро.

— Нам надо убраться с открытого пространства, — произнес я, размышляя вслух. — Майкл, двигаемся к билетным кассам.

— Вы можете расчистить путь? — спросил Майкл. — Я вас прикрою.

— Ничего не вижу в этой темноте, — возразил я. — И там люди. Если я начну швыряться энергией вслепую, я могу убить кого-нибудь.

— Тогда держитесь ближе ко мне, — сказал Майкл и двинулся вперед, подняв меч высоко над головой. Так свет его проникал чуть дальше, что не мешало бы Майклу опустить его на любую тварь, у которой хватило бы глупости ринуться на него. Мы перешагнули через двух мертвых хобов — по обоим телам бегали языки синего пламени, почти не отбрасывавшего света, но пожиравшего их плоть с прямо-таки голодной жадностью. Я услышал цокот когтей по полу и беззвучно вскрикнул.

Майкл резко повернулся, и в это же мгновение в круг света выпрыгнул хоб, вооруженный парой каменных топоров. Он метнул один топор в Майкла. Мой друг отбил его на лету лезвием меча и тут же нанес стремительный горизонтальный удар, раздробивший

второй топор и рассекший торс твари до самого позвоночника. Охваченный огнем хоб упал, и Майкл ногой отшвырнул его тело в толпу его спутников. Это смешало их ряды и подарило нам возможность одолеть еще два десятка футов.

— Славно, — заметил я, взглядываясь в колыхавшиеся вокруг нас тени. — И вы говорили, что стареете? На мой взгляд, вы в форме.

Майкл блеснул зубами в короткой улыбке.

— Разговор дает этим тварям возможность при... — он осекся, и «Амораккиус» мелькнул у меня прямо перед носом, отбивая пущенный из темноты каменный нож. — Прицелиться, — договорил он.

Чтоб меня с моим болтливym языком... Я заткнулся и молчал весь остаток пути до касс.

Я запустил Майкла за стойку и едва не упал, споткнувшись о тело мужчины в сером деловом костюме. Тот сдавленно вскрикнул от боли, сжимая руками окровавленную ногу, из которой торчало узкое каменное лезвие.

— Гарри, — произнес Майкл. — Быстрее. Они вот-вот бросятся.

— Сейчас, — кивнул я и опустился на колени рядом с раненым. — Идемте, дружище, здесь не место расслаживаться, — я подхватил его подмышки и, пятась, потащил за стойку. — Там где-то сзади есть дверь в служебную зону.

— Отлично, — откликнулся Майкл. — Дверь я смогу удерживать столько, сколько вам понадобится.

Раненый пытался помочь мне, но в результате его только тяжелее стало тащить. Он то и дело всхлипывал от боли и страха. Хорошо еще, нас отделяли теперь от хобов стойка с перегородкой. Как-то мне не слишком хотелось проверять на своей шкуре, на что похож по ощущениям удар каменного топора.

Мы добрались до двери, которая оказалась закрыта. Я подергал ручку, но дверь явно заперли на замок. Мне некогда было возиться с этой ерундой. Я поднял правую руку и разрядил в дверь одно из энергетических колец — у меня их по одному на пальце, и каждое из них тройное. Они аккумулируют энергию, набирая ее по крохе с каждым движением руки, а разрядить ее я могу разом — с достаточной эффективностью.

Так вот, я поднял правую руку, сжав пальцы в кулак, и усилием воли сосредоточил энергию колец на крошечном пятачке дверной поверхности. Вообще-то кольца не рассчитаны на такую тонкую работу. Их задача — грубо расшвыривать всяких тварей, пока те не прорвались к моему лицу. Однако времени искать какой-нибудь более изящный способ открыть дверь у меня не оставалось.

Поэтому я прицелился как мог точнее, высвободил заряд, и дверная ручка вместе с личинкой замка и накладкой вылетели из двери и лязгнули о пол с той ее стороны. Дверь отворилась.

— Идем! — скомандовал я Майклу, снова подхватив раненого. — Мыш, ты первый.

Пес скользнул в дверной проем, пригнувшись и угрожающе оскалив зубы. Я ввалился следом за ним, буквально наступая ему на хвост, а Майкл, в свою очередь, почти наступал на окровавленную ногу раненого.

Когда сияние «Амораккиуса» осветило комнату, в которой мы оказались, первой, кого мы увидели, была измученная сотрудница «Амтрака», которую мы видели несколько минут назад. Она стояла на коленях, сжимая в руке распятие, и голова ее покачивалась в ритм лихорадочно повторяемой молитве. Когда луч света упал на нее, она заморгала и подняла взгляд. Белое сияние священного меча окрасило полосы слез у нее на щеках серебряным, и она глядела на нас, потрясенно раскрыв рот. Она опустила взгляд на распятие, потом снова посмотрела на Майкла.

Майкл бросил быстрый взгляд по сторонам и улыбнулся ей.

— Конечно, Он здесь. Конечно, Он слышит, — он помолчал. — Но, конечно, — признал он, — Он не всегда отвечает так быстро.

В комнате находились и другие люди — та группа, которой она пыталась выбить

гостиничные номера. Когда погас свет и начался ужас, ей каким-то образом удалось собрать их и загнать в эту комнату. Это требует неординарного умения. Еще я заметил, что свою коленопреклоненную позицию она заняла между ними и дверью. Она мне уже нравилась.

— Кэрол, — произнес я достаточно резко, чтобы отвлечь ее внимание от стоявшего в дверях с мечом в руке Майкла. — Кэрол, мне нужно, чтобы вы мне помогли.

Она зажмурилась, потом порывисто кивнула, встала с колен и помогла мне перетащить раненого к остальным, сидевшим у дальней стены.

— От-откуда вы знаете мое имя? — пробормотала она. — В-вы кто, ангелы?

Я вздохнул и постучал ногтем по бэджику у нее на блузке.

— Я, черт возьми, точно нет, — сказал я и мотнул головой в сторону Майкла. — Хотя вот он настолько близок к ним, насколько вообще можно встретить.

— Не говорите глупостей, Гарри, — возмутился Майкл. — Я всего ли... — он осекся и пригнулся. Что-то тяжелое просвистело в воздухе над его головой и ударило в дальнюю стену, оставив в сухой штукатурке дырку размером с мою голову. Посыпалась пыль, вскрикнули испуганные люди.

Майкл захлопнул дверь, но без замка она снова отворилась. Он захлопнул ее еще раз и, задыхаясь, привалился к ней плечом. Что-то с тяжелым стуком ударило в дверь. Потом наступила тишина.

Я разорвал штанину раненого. Нож угодил ему в икру, и вид это имело довольно жуткий, но все могло обернуться и хуже.

— Не трогайте этой штуки, — сказал я Кэрол, — и сделайте так, чтобы он не шевелился. Там рядом серьезные вены, и я не хочу вскрыть их, пытаюсь вытащить ее. Оставайтесь рядом с ним и не давайте ему пытаться выдернуть, идет?

— Я... да, конечно, — кивнула Кэрол. Она посмотрела на меня и поморгала еще немного. — Я не понимаю, что происходит.

— Я тоже, — утешил я ее, поднялся и подошел к Майклу.

— Эти твари заметно сильнее меня, — сообщил он мне шепотом, чтобы нас не слышали остальные. — Если они навалятся на дверь, мне ее не удержать.

— Я не уверен, что они это сделают, — сказал я.

— Но вы здесь.

— Я не думаю, чтобы они охотились здесь за *мною*, — сказал я. — Если бы это было так, они не гонялись бы за всеми остальными.

Майкл нахмурился.

— Но вы сказали, что это фэйре.

— Так и есть, — кивнул я. — Но я не думаю, что это точечный удар. Для этого их здесь слишком много. Это полномасштабное наступление.

Майкл поморщился.

— Тогда людям там, снаружи, грозит опасность. Им нужна наша помощь.

— И они ее получают, — заявил я. — Послушайте, хобы не переносят света. Никакого света. Он их обжигает и может убить. Поэтому, прежде чем врываться, они напустили сюда *мрак*.

— *Мрак*?

— Это такая субстанция из Небывальщины. Что-то вроде целлофанового фильтра, только вместо того, чтобы обертывать источник света, он равномерно распространяется в воздухе. Поэтому мы не видели света от моего амулета, и потому же вспышки выстрелов моего револьвера такие тусклые. И именно так мы выгоним их отсюда.

— Избавимся от *мрака*, — сообразил Майкл.

— Именно, — подтвердил я. Я провел рукой по волосам и порылся в карманах. Нарылось немного. В бездонных карманах моей ветровки я таскаю целое собрание компактного чародейского снаряжения, но в карманах зимнего пальто обнаружили только кусок мела, два пакетика кетчупа из «Бургер-Кинга» и облепленная пылью и крошками таблетка «Тик-Так». — Ладно, — вздохнул я. — Дайте подумать минуту.

Что-то ударило в дверь снаружи и сдвинуло тяжелые строительные башмаки Майкла по полу на добрых восемнадцать дюймов. В образовавшуюся щель просунулась и замахнулась на меня когтистая лапа. Я увернулся от нее. А вот рукав моего пальто не успел. Когти хоба оставили в ткани три аккуратных длинных пореза.

Майкл поднял «Амораккиус» и пронзил его клинком дверное полотно. Хоб с визгом отпрянул. Майкл захлопнул дверь и рывком выдернул из нее меч. Темная кровь шипела на священном клинке.

— Не хочу вас торопить, — невозмутимо произнес он, — но, боюсь, минуты у нас нет.

Глава ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Черт подери! — выругался я. — Это мое единственное зимнее пальто!

Я закрыл глаза и постарался сосредоточиться на задаче. *Мрак* не похож на остальные штучки фэйре. Те только имитируют присутствие и стимулируют восприятия, соответствующие этому присутствию. *Мрак* — заклятие сложное, в некотором роде физическое, осязаемое, существующее на самом деле, и он существует до тех пор, пока у хобов хватает, так сказать, пороха его поддерживать.

С ним может справиться ветер. Достаточно сильный ветер может просто сдуть *мрак* прочь — но это должен быть *по-настоящему* сильный ветер. Тот маленький ураган, который я призвал, чтобы обуздать громил Торелли, разве что маленький просвет сделает. Возможно, я мог бы устроить что-нибудь более свирепое и обширное, но коротким шквалом с *мраком* не справиться, а на то, чтобы поддерживать ураган достаточно долго, у меня просто не хватило бы сил.

Я мог бы, наверное, отрезать *мрак* от хобов. Если бы я сумел порвать эту магическую связь, те не смогли бы подпитывать его энергией, и — пффф! — *мрак* превратится в безобидную эктоплазму. Но, конечно, оборвать ее не так просто. Мне пришлось бы придумать, как добраться до всех и каждого хоба, чтобы сделать это наверняка. Ничего такого, что я мог бы использовать для фокусировки энергии, у меня не имелось, и потом, я не имел ни малейшего представления о том, сколько их на вокзале.

Заряженный энергией магический круг мог бы лишиться заклятие энергии с другой стороны, изолировав хобов от внешних, находящихся за пределами круга энергетических источников. Однако для этого круг должен был бы охватить все это гребаное здание. Я сомневался, чтобы хобы позволили мне выскочить на улицу и обежать целый городской квартал. Кроме того, у меня просто не хватило бы мела. Движущаяся вода могла бы заземлить заклятие при условии, что ее много, но поскольку мы находились в здании, это исключалось. И как, скажите, мне справиться с этим идиотским заклятием с теми жалкими ресурсами, что имелись у меня в распоряжении? Как ни печально, выбор средств не отличался особой широтой.

Мой нос разболелся сильнее, и я запрокинул голову, задрав лицо к потолку. Иногда такая поза уменьшает давление и хоть ненамного, но унимает боль. Я усталился на потолок — обычный подвесной потолок на высоте десяти или одиннадцати футов от пола, отрезавший помещение от общего, похожего на высокую пещеру пространства старого вокзального зала. Ничего особенного: сетка из металлических профилей, поддерживавших недорогие прямоугольные плитки какого-то акустического материала. С интервалом в несколько ярдов на потолке темнели похожие на маленькое ковбойское стремя спринклеры аварийного пожаротушения.

Взгляд мой расширился.

— Ха! — произнес я, вскинув руки. — Ха-ха! Ха-ха-хахаха! Я чародей, и я крут!

Мыш с опаской покосился на меня и отодвинулся на шаг-другой.

— И правильно делаешь! — проревел я, ткнув пальцем в пса. — Ибо я — внушающий ужас носитель огня! — я поднял правую руку и, прошептав заклинание, засветил над ней крошечный огненный шарик. Он несколько раз дрогнул, разбрызгивая искры, прежде чем

разгореться ярче; впрочем, даже так света от него казалось не больше, чем от обычной свечи.

— Гарри? — спросил Майкл голосом, каким обычно обращаются к умалишенным. — Что вы делаете?

Гипсокартонная перегородка рядом с дверью вдруг треснула, посыпалась, и в отверстии показались когти продиравшегося через нее хоба. Майкл отпрянул в сторону, на мгновение отпустив дверь, провел по перегородке большим пальцем, словно прикидывая место для удара, а потом вонзил «Амораккиус» в гипсокартон под углом. Снова послышались шипение кипящей на стальном клинке крови и полный боли вопль еще одного хоба.

— Без *мрака* этим тварям не сдобровать, — ответил я. — Кэрол, будьте лапочкой, подкатите сюда вон то кресло.

Кэрол, широко раскрыв глаза, бледная как полотно, повиновалась. Она подтолкнула кресло, так что последние шесть футов оно проехало по инерции.

Майкл едва успел подпереть дверь плечом, как в нее попытался прорваться еще один хоб. Этот оказался умнее предыдущих: он не повторил попытки, и когда «Амораккиус» пронзил деревянное полотно с такой легкостью, словно это была ширма из тонкой рисовой бумаги, тела за дверью уже не оказалось, и клинок вернулся незапятнанным.

— Что бы вы ни задумали, лучше делайте это побыстрее.

— Две минуты, — пообещал я. Я подкатил кресло на нужное место и залез на него. Секунду-другую я балансировал на вертящейся подушке, потом поймал равновесие и быстро свинтил спринклер. Из трубы хлынула дурно пахнущая вода, но я ожидал этого и почти увернулся от струи. Ну, честно говоря, я не ожидал, что она будет настолько протухшей, хотя мог бы и догадаться. Многие пожарные системы питаются из закрытых цистерн, и одному Богу известно, сколько лет эта вода находилась в них в ожидании использования.

Я спрыгнул с кресла и из-под продолжавшей хлестать струи. Потом достал из кармана мелок, опустился на колени и очертил на дешевом ковровом покрытии пола большой круг. От меня вовсе не требовалось чертить его идеально ровным, главное, чтобы он был замкнутым, но за свою жизнь я столько их понарисовал, что мало уступал по этой части циркулю.

— П-простите меня, — пробормотала Кэрол. — Ч-что вы делаете?

— Наши милые гости известны как хобы, — объяснил я ей, не прекращая своего занятия и мысленно сообщая мелку некоторую энергию. — Свет физически ранит их.

Еще один хоб прорвался-таки через уже изрядно поврежденную перегородку, просунув в комнату голову и плечо. Он взвыл и замахнулся на Майкла, продолжавшего подпирать дверь. Острые когти полоснули Майкла по бедру, но ответный взмах «Амораккиуса» снес хобу голову. Черная, дымящаяся кровь брызнула в комнату, и несколько капель ее едва не попали в мой круг.

— Эй! — возмутился я. — Я тут работаю!

— Извините, — отозвался Майкл без тени сарказма. Очередной хоб врезался в дверь прежде, чем он успел вернуться к ней, разом отодвинув его на несколько шагов. Майкл успел увернуться от тяжелой палицы, полоснул хоба по животу мечом, ударом ноги вышвырнул того назад, в толпу его приятелей, и снова захлопнул дверь.

— Н-но здесь темно, — пробормотала Кэрол, переводя взгляд с меня на Майкла и обратно.

— Они напустили в воздух такой штуки под названием «*мрак*». Считайте это чем-то вроде дымовой завесы. *Мрак* не дает свету ранить хобов, — объяснил я, дочертил круг и усилием воли замкнул его. Невидимая стена энергии отгородила меня от любой внешней магии, лишив внешней подпитки и ту часть *мрака*, которая оказалась в круге, и та разом превратилась в слизистую эктоплазму, покрывшую тонким слоем все — в первую очередь меня. — Вот класс, — пробормотал я, протирая глаза.

— Т-так ч-что, — не унималась Кэрол. — Ч-то вы все-таки делаете?

— Собираюсь убрать эту их дымовую завесу, — взяв головку спринклера в правую

руку, я закрыл глаза, сосредотачиваясь на ней — на ее фактуре, форме, устройстве. Добившись более-менее приемлемого результата, я принялся накачивать в этот мысленный образ энергию, окружив его аурой бело-голубого света, из которой расходились десятки тоненьких щупалец. Когда эта аура сомкнулась вокруг спринклера, я переложил его в левую руку, а правую снова вытянул вперед.

— Н-но у нас нет света?

— О, свет у нас есть, — возразил я. Я пробормотал заклинание и над правой рукой снова возник шарик солнечного света. В свободном от мрака пространстве круга он не уступал яркостью и жаром обычному, однако за пределами проведенной мелом черты свет его распространялся на футов пять-шесть, не больше.

— Ох, Боже мой! — выдохнула Кэрл.

— На самом-то деле нормальный свет тоже горит — просто лучи его блокированы. Электричества *мрак* не выключал. Например, вон те компьютеры включены — просто *мрак* не позволяет вам видеть свет индикаторов и экранов.

— Гарри! — вскрикнул Майкл.

— Будете торопить творца чудес — получите халтурные чудеса! — раздраженно рявкнул я. Оставшаяся часть заклęcia обещала стать сложнее.

— К-как вы это делаете? — выдохнула Кэрл.

— Магия, — буркнул я. — А теперь цыц, — на левой руке я почти всегда ношу перчатку, которая хоть как-то защищает мою обожженную кожу. Даже так, приятных ощущений мне это не обещало. — *Ignus, infusiarus*, — пробормотал я и сунул плавкую вставку спринклера в паривший над моей правой рукой огонь.

— Но как это нам поможет? — поинтересовалась Кэрл, в которой страх боролся с любопытством.

— Здесь до сих пор есть электричество, — сказал я. Возможно, запах паленой кожи мне только мерещился. — Здесь есть компьютеры. И телефоны.

— Гарри! — произнес Майкл, глядя на потолок. — Они лезут на стену. Собираются прорваться через потолок.

Я начал ощущать жар — даже поврежденными нервами левой ладони. Что ж, придется потерпеть. Я еще сильнее сконцентрировал волю, поднял спринклер и огненный шар на уровень лица и как мог яснее представил себе то, что мне нужно: тонкие щупальца энергии, тянущиеся от окружавшей его ауры ко всем спринклерам в здании. — И спринклеры здесь тоже действуют.

Движением ноги я разорвал круг, и энергия ринулась из него, устремившись ко всем предметам на вокзале, напоминающим спринклер у меня в руке. Вместе с ней выплеснулся из круга и устремился во все стороны жар, и я добавил еще энергии в горевший у меня над рукой шар, которому теперь пришлось греть не один, а несколько десятков спринклеров.

Потребовалось, должно быть, секунд десять, пока не сработали пожарные датчики. Гулко взвыла сирена, и спринклерная система ожила. Снова взвизгнули — на этот раз от неожиданности — люди. Из стоявших на столе телефонов и компьютера посыпались искры.

— Ох, — поправился я. — Компьютеры здесь больше не работают. Но все остальное остается в силе.

Майкл посмотрел на меня и блеснул зубами в свирепой улыбке.

— Когда?

Я продолжал пристально смотреть на мой крошечный клубок солнечного света. Из спринклерных форсунок хлестала вода. С полминуты не происходило ничего, если не считать того, что мы промокли. Даже удивительно, как много воды вылилось на нас — я хочу сказать, удивительно в самом положительном смысле. Я хотел как можно больше воды.

Где-то в районе шестидесятой секунды мое заклятие начало слабеть: его энергия подавалась под напором потоков воды.

— Еще чуть-чуть, — сказал я. — Приготовились...

На рубеже второй и третьей минуты заклятие окончательно рухнуло, оборвав связь с

остальными спринклерами. Огонек над моей ладонью мигнул и погас.

— Майкл! — крикнул я. — Пошли!

Майкл крикнул и рывком распахнул дверь. Прежде, чем он успел шагнуть за порог, пронизывавшая воздух энергия с негромким хлопком исчезла, и священный клинок вспыхнул так ярко, что на него стало больно смотреть.

Стоило сиянию «Амораккиуса» выплеснуться через дверь в зал, как десятки, если не сотни хобов разом взвыли от боли. Они визжали так громко, что я буквально ощущал давление их воплей на мои барабанные перепонки, как это бывает на по-настоящему громком рок-концерте.

Но еще громче гремел голос Майкла Карпентера, Рыцаря Креста, земного воплощения ангельской силы, носителя клинка, некогда принадлежавшего сквайру по имени Варт.

— *Lava quod est sordium!* — зычно — так зычно, что не верилось, что такой рев может исходить из человеческой глотки — возгласил Майкл. — *In nomine Dei, sana quod est saucium!*

Только когда Меч покинул комнату, я увидел, что свет в помещении горит как ни в чем ни бывало — равно как и по всему вокзалу.

— Мыш! — крикнул я. — Остаешься здесь! Стереги раненых! — я поспешил за Майклом, но от двери оглянулся. Мыш не спеша отошел от стены и встал между дверью и кучкой перепуганных людей, высоко подняв голову и широко расставив лапы — попробуй, сунься.

В зале спринклеры устроили вполне внушительную имитацию вонючего тропического муссона. Не успев отойти от двери на несколько шагов, я поскользнулся в луже воды и горячей хобовой крови. Меч сиял так ярко, что мне пришлось прикрыть глаза рукой. Смотреть на Майкла или хотя бы куда-либо рядом с ним я не мог, поэтому я ориентировался по оставленным им за собой разрубленным телам хобов.

Десяток или полтора хобов нашли смерть от Майклова меча.

Им здорово повезло.

Гораздо больше их — в поле моего зрения попало несколько десятков, но я наверняка видел далеко не всех — попадали слишком далеко от Майкла, чтобы он достал их мечом. Они превратились в съезжившиеся комки плоти, от которых шел жирный дым. Некоторые из них пытались еще шевелиться.

Блин-тарарам.

Врагу не пожелаешь, правда.

Я следовал за Майклом, старательно избегая смотреть на Меч. Должно быть, если в здании имелись спринклеры, отличные от того, которого я использовал в своем заклятии, оно могло и не заставить их сработать. И если Майкл попадет в зону *мрака*, хобы, имеющие там хоть какую-то защиту от света, могли навалиться на него всем скопом.

Однако — возможно по везению, а может, такова была судьба, или воля Божья, а скорее всего, экономный подрядчик — похоже, все спринклеры в здании оказались одного типа. Вода лилась отовсюду, смывая *мрак* словно слой глины и замещая его тысячами тысяч крохотных радуг — так преломлялся в искусственном ливне свет «Амораккиуса».

Спрятаться хобам было негде.

Я шел, ориентируясь по останкам порубленных врагов. Порубленных? Порубатых? И не смотрите на меня так. Я институтов не кончал. Возможно, правильное использование производных от глагола «рубить» проходят в институте. В моем экзаменационном билете этого слова точно не было.

Я остановился и, насколько мне это позволяло ослепительное сияние меча и непрекращающийся дождь с потолка, огляделся по сторонам, пытаюсь понять, куда направляется Майкл.

Странная, короткая вибрация передалась мне через подошвы башмаков. Потом последовал тяжелый удар, сопровождаемый такой же вибрацией. Я резко повернулся в сторону входной двери — и в это мгновение она разлетелась вместе с изрядной частью

кирпичной стены. В образовавшемся проеме не было видно ничего, кроме слабого мерцания, но стоило тому, кто скрывался за занавесой, оказаться на свету «Амораккиуса» и под моим импровизированным тропическим ливнем, как заклятие дрогнуло и исчезло.

И из-за занавесы показались двадцать футов роста и четыре или пять тонн веса Большого Братца Бебеки.

На этот раз он облачился в броню из прозрачного, напоминающего хрусталь материала, и меч в его руке был длиннее моей машины. Он открыл пасть, и я почувствовал его боевой рык — именно не услышал сквозь какофонию боя, а *почувствовал* кожей звук, столь низкий и громкий, что издать его мог, наверное, только кит.

— Ну да, — буркнул я. — День что ни минута, то веселее и веселее.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Любой, обладающий хоть унцией мозгов, знает, что драться с кем-либо, имеющим значительное преимущество в росте, весе и оружии, нелегко. Если ваш противник тяжелее вас на пятьдесят фунтов, шансы на победу у вас, мягко говоря, сомнительны.

Если ваш соперник тяжелее вас на восемьсот пятьдесят фунтов, это уже не бой, а сцена из «Годзиллы». Ну, или из мультика про Тома и Джерри.

Мое тело уже пришло в движение, очевидно, решив, что дожидаться, пока мой мозг разберется в ситуации, опасно для жизни. Мозг думал, что ситуацию точнее всего сравнить с игрой в кошки-мышки. В то время, как я превосходил соперника в ловкости, на прямой бебека наверняка развивал гораздо большую скорость, чем я. С точки зрения чистой физики у меня почти не было шансов нанести ему мало-мальский ущерб, тогда как даже дружеский хлопок его лапищи сокрушил бы мне грудную клетку — вот вам и еще одно сходство.

На телеэкране побеждает Джерри, но в реальной жизни Том редко оказался бы в положении побежденного. Что-то я не помню, чтобы Мистер хоть раз вернулся домой, зализывая полученные от мышей раны. Если уж на то пошло, он, кажется, ни разу не вернулся со своих прогулок голодным. Игра в кошки-мышки доставляет удовольствие только кошке.

Тем временем мое тело бросилось в сторону, заставляя преследовавшего меня Крошку сделать поворот, снизив скорость и подарив мне драгоценную секунду, а может, даже три — время, достаточное, чтобы со всех ног броситься к участку пола, обозначенному с двух сторон желтыми предупредительными барьерами: там, где Джо-уборщик покрывал пол мастикой. Я пулей пересек влажную, скользкую полосу, молясь на бегу, чтобы я не поскользнулся. Стоило бы мне упасть, бебеке достаточно было бы раз топнуть, чтобы его огромные копыта раздавили меня пополам.

Однако подобные ножищи плохо приспособлены к скользкой поверхности. Стоило мне пересечь покрытую мастикой полосу, как я метнулся влево так резко, как только мог. Крошка попытался срезать угол и поскользнулся.

Само по себе это не великое событие. Вам наверняка случалось падать на бегу. Ободранная коленка или две, ну, возможно, еще расквашенные локти — редко дело заканчивается чем-нибудь более серьезным, вроде растяжения или вывиха.

Но это при вашем весе. Помножьте его на габариты Крошки, и падение обернется совершенно другими результатами, особенно если произошло на большой скорости. Это, кстати, одна из причин, по которым слоны практически не бегают — они не способны отрывать вес своего тела от земли при галопе. Если бы они падали, это приводило бы к серьезным травмам, и, судя по всему, природа давно отбраковала всех слонов, что бежали наперегонки с ветром. Помножьте вес на скорость, и в результате вы получите усилия, достаточные для того, чтобы сломать даже толстые кости — ну, или причинить другие плохо совместимые с жизнью повреждения.

Крошка весил раза в два больше среднестатистического слона.

Пять тонн мяса и костей грянулись об пол. Он упал набок — крепко приложившись —

и заскользил по инерции дальше, напоминая в этот момент, скорее, товарный состав, а не живое существо. Продолжая скольжение, он врезался в киоск агентства по прокату автомобилей и разнес его в щепки, почти не потеряв при этом скорости.

Крошка пытался затормозить, цепляясь за пол огромными желтыми когтями одной лапищи, но не добился ничего, если не считать завитков содранной мастики. Так он и пролетел мимо меня.

Я затормозил и прикинул, в какой именно точке инерция, тащившая Крошку по прямой, иссякнет. Потом снова напряг волю для заклинания.

Под водопадами дождя это оказалось на порядок труднее обычного, но я справился. В конце концов, когда дело доходит до намеренной порчи современной техники, мне нет равных. У меня к этому, можно сказать, особый талант.

Я сконцентрировался на лампах, освещавших ту часть здания, куда скользил Крошка, и рывкнул: — *Hexus!*

Часть их буквально взорвалась, рассыпав фонтаны золотых искр. Некоторые только задымились с негромкими хлопками — но погасли все до одной.

Майкл к этому времени далеко опередил меня, выйдя на перроны, и вокзальные стены отгораживали нас с Крошкой от света «*Амораккиуса*». Когда я лишился этого места и электрического света, здесь образовалось не очень большое, но достаточно темное пятно.

Внезапный островок темноты притягивал хобов как пададь — мух. Обожженные, перепуганные, разъяренные хобы, чья ночь пиршества вдруг превратилась в ослепительный кошмар, не имели глаз, но дорогу к спасительной темноте находили без особого труда — десятка полтора их собралось туда у меня на глазах, а один проскочил от меня всего в паре футов, не сбавив хода и даже, похоже, не заметив моего присутствия.

Секундой спустя взревел Крошка, и голос его слился с хором злобных хобовских воплей.

— Ну что? — выдохнул я. — Теперь ты уже не больше всех, а?

Впрочем, как выяснилось, Крошка пока оставался в этих краях самым большим.

Из темноты вылетел и шмякнулся на пол футах в двадцати от границы света и тени смятый хоб. Сказав «*смятый*», я не имел в виду, что он превратился в тряпичную куклу. Его действительно смяли, сплющили как пустую банку из-под пива. Огромная Крошкина лапища схватила его, стиснула с силой, выдавившей из него все жидкие составляющие организма, и отшвырнула прочь.

В темноте блеснула вспышка — длинная цепочка искр, словно тащили вдоль длинной стальной полосы кремень, а потом клинок Крошкина меча вдруг окутался неярким голубым огнем. Свечение померкло под непрерывавшимся потоком падающей сверху воды, но и того света что остался, хватало, чтобы разглядеть происходившее там.

Хобы обезумели от ненависти.

Подумать, так по-другому и быть не могло. Миньоны Лета и их зимние соперники неважно уживаются друг с другом. К тому же жители Феерии ведут себя не так, как люди. Их природа более дикая, более непосредственная. Они те, кто они есть. Хищники, не колеблясь, набрасываются на упавшую, уязвимую добычу. Зимние фэйре ненавидят бойцов Летних. Хобы в том числе.

Несколько их набросилось на голову Крошке, остальные просто принялись кромсать что попало своими примитивными орудиями, когтями и зубами. В этом месилове Крошкины доспехи неплохо послужили ему, прикрывая наиболее уязвимые места. Хобы начали подбираться к его горлу, и тогда бебека начал раскачивать головой взад-вперед. Мгновение мне казалось, что он ударился в панику, но тут он попал-таки по одному из хобов с такой силой, что рог размозил тому череп. Меч метнулся вправо-влево, и с полдюжины хобов разом повалились на пол, дымясь.

Остальные с перепуганными воплями отпрянули от него — даже упавший, бебека оказался им не по зубам. Крошка перекатился на четвереньки и начал подниматься; хотя на морде его застыла гримаса боли, взгляд его звериных глазок шарил по сторонам, пока не

уперся в меня.

Ох, блин.

Я не стал дожидаться, пока он встанет и прикончит меня. Я бросился наутек.

Надо же было так попасть — без ветровки, без посоха! Блин-тарарам, и о чем я только думал? Что я так здорово перехитрил Летних, что могу их больше не опасаться? Что жизнь пресна без приключений? *Блин, блин, блин, Гарри, блин!* Я поклялся, что если выберусь из этой передрыги живым, сделаю муляжи своей амуниции на случай, если Томасу снова придется изображать подсадного меня.

Пол под ногами содрогнулся — Крошка возобновил погоню.

Путей к отступлению у меня оставалось негусто. Справа от меня тянулась наружная стена здания — и бежать на улицу, в глубокий снег, я не мог. Мне как-то очень живо представилось, как я увязаю в сугробе, а Крошка без малейшего усилия плющит меня своим копытищем. Впереди маячил еще один пустой коридор, упирившийся в такую же стену, а по левую руку не было видно ничего, кроме бесконечных рядов... чего? Автоматических камер хранения.

Несясь под искусственным дождем, я принялся рыться в кармане, кося одновременно глазом на номера ячеек. Найдя нужный номер, я выхватил из кармана даденный мне Гард ключ, затормозил на скользком от воды полу и лихорадочно сунул ключ в скважину, оглядываясь на Крошку — тот хромая, но все-таки бегом одолевал последний десяток разделявших нас рядов.

У меня имелся только один шанс, и использовать его я должен был наверняка. Я поднял правую руку, прицелился ею в раненую ногу бебеки ближе к копыту и, дождавшись, пока он перенесет на нее вес своего тела, разрядил разом все кольца на пальцах. Вихрь невидимой энергии, вырвавшись из колец, ударил в него с силой разгоняющейся машины.

Бебека снова полетел на мокрый пол и с возмущенным ревом покатился вперед. Падая, он выпустил свой меч и потянулся ко мне обеими лапищами.

В самое последнее мгновение я отскочил назад, распахнув дверцу ячейки.

Единственное подходящее описание, которое я могу найти тому, что произошло — это удар молнии. Но, конечно, это была не настоящая молния. Настоящая молния не обладает и половиной той дикой, свирепой энергии как эта... штука, и до меня вдруг дошло, что эта энергия, вне зависимости от ее характера — живая. Раскаленный добела, со зловещими красными прожилками, поток вырвался из ячейки сотней разъяренных змей, извиваясь с невероятной скоростью. Эта живая молния врезалась в Крошку, прорезав его хрустальные доспехи как воск. С жужжащим визгом, какого я не слышал еще в жизни, она обожгла и вспорола его плоть длинной линией от плеча Крошки до его раненой ноги.

В последнюю долю секунды перед тем, как исчезнуть, она ударом бича метнулась вправо-влево, и нога ниже колена у Крошки просто оторвалась.

Бебека взвизгнул. Чем бы ни была эта штука, она начисто лишила его способности биться.

Блин-тарарам.

Я стоял, переводя взгляд с поверженного героя Летних на открытую, невинную на вид ячейку. Потом медленно вернулся.

Крошка лежал, открыв один глаз, который вряд ли мог сфокусироваться на чем-либо. Дыхание вырывалось из его груди резкими, быстрыми, неровными выдохами, превращавшимися на расстоянии в десять или пятнадцать футов от его головы в несильный, пахнущий ячменем ветер.

Крошка с усилием отворил второй глаз, и хотя тот тоже отказывался фокусироваться, он негромко, болезненно фыркнул.

— Смертный, — прохрипел он. — Я побежден, — он дернул ухом и тяжело вздохнул. — Доверши свое дело.

Не останавливаясь, я прошел мимо упавшего бебеки, заметив на ходу, что струя энергии, оторвавшая ему ногу, прижгла рану, остановив кровотечение. По крайней мере,

истечь кровью ему не грозило.

Я осторожно заглянул в ячейку.

Она была пуста, если не считать небольшой плоской шкатулки размером с шахматную доску. На задней стенке ячейки виднелось кое-что еще: почерневший силуэт какой-то незнакомой мне руны. Уже не в первый раз я видел, как Гард использует основанную на рунах магию, но будь я проклят, чтобы я знал, как это делается. Я осторожно ощупал ячейку своими чародейскими чувствами, но не ощутил ничего. Какая бы энергия ни хранилась в ней, она исчезла.

Какого черта? Я сунул руку в ячейку и взял шкатулку. Никто и ничто не разорвало меня в клочки.

Я подозрительно нахмурился и медленно вытащил шкатулку, но ничего так и не произошло. Судя по всему, Гард сочла принятые ей меры предосторожности достаточными, чтобы справиться с воров. Или динозавром. Как получится.

Получив то, за чем я приехал, я повернулся обратно к бебеке.

— Смертный, — снова простонал Крошка. — Доверши свое дело.

— Я стараюсь никого не убивать, если в том нет крайней необходимости, — ответил я. — И у меня нет необходимости убивать тебя сегодня. Лично к тебе у меня ничего нет. Дело сделано, и не будем к нему возвращаться.

Глаза бебеки все-таки приняли осмысленное выражение и на секунду потрясенно уставились на меня.

— Милосердие? От Зимнего?

— Я не Зимний! — рявкнул я. — Это разовая работа, — я хмуро огляделся по сторонам. — Хобы, похоже, рассеялись. Сможешь уйти сам, или тебе нужно, чтобы я послал за кем-нибудь?

Бебека дернулся и мотнул огромной башкой.

— В этом нет необходимости. Я уйду, — он растопырил пятерню одной лапищи и погрузил ее в пол так, словно это зыбучий песок. В Небывальщину ведет много порталов, но этого я еще не знал.

— Я предлагаю тебе это в первый и последний раз, — сказал я ему прежде, чем он окончательно исчез. — Не возвращайся.

— Я не вернусь, — пророкотал он; глаза его туманились от слабости. — Но ты одно запомни, чародей.

Я нахмурился.

— Чего?

— Мой старший брат, — донеслось до меня, — убить тебя вернется.

А потом Крошка погрузился в пол и исчез.

— Еще один? — возмущенно спросил я у пола. — Ты надо мной смеешься!

Я привалился к ячейкам, на мгновение прижавшись виском к холодному металлу. Потом оттолкнулся от них и трусцой направился к тому месту, где мы разошлись с Майклом. То, что в этой части вокзала хобов не осталось, вовсе не означало, что бой не продолжается. Майкл мог нуждаться в моей помощи.

Я снова двинулся по следу из искромсанных останков, хотя большая часть их превратилась уже в кучки черного пепла, превращаемого водой из спринклеров в вонючую грязь. По мере моего приближения к месту, куда, как я полагал, направлялся Майкл, кучки эти встречались все чаще.

След привел меня к до гротескного широкой лестнице — той самой, которую тоже снимали в «Неприкасаемых». Здесь части тел уже можно было опознать. Эти хобы умерли совсем недавно. Они устилали лестницу ковром неподвижных, дымящихся тел. Судя по положению трупов, все они в момент смерти смотрели в направлении верхней площадки.

Раны на нескольких телах говорили о том, что Майкл прорубался сквозь их ряды сзади. Конечно, Майкл — Белый Рыцарь, но, обнажив меч, он дерется с такой же жесткостью, как любой другой.

Не то, чтобы я мог винить его в этом. Не все останки из тех, что я миновал, принадлежали хобам.

Погибло трое сотрудников охраны — один на подступах к лестнице, двое непосредственно на ступенях. Их одолели порознь, в темноте.

Я миновал еще несколько кровавых пятен — судя по их размеру, полученные кем-то травмы почти наверняка плохо совмещались с жизнью, если только падающая вода не размывала кровь, сделав пятна больше, чем они были на самом деле. До сих пор мне не приходилось сталкиваться с хобами один на один, но я знал о них достаточно, чтобы надеяться на то, что тот, кто пролил эту кровь, уже мертв.

У хобов имеется милая привычка утаскивать жертвы в свои лишенные света туннели.

Я поежился. Надо отдать должное моим обидчикам из Летних: все, чего хотели бебеки — это убить меня, чисто, быстро и без лишних мучений. Со мной уже случалось раз, когда монстры утаскивали меня в темноту. Никому такого не пожелаю. Никогда.

Даже если вы сумеете пережить такое, это будет другая жизнь. Это вас изменит.

Я отмахнулся от неприятных воспоминаний и задвинул их в памяти подальше. Часть хобов, судя по всему, захватила своих жертв и бежала. Если верить книгам, это их обычный образ действий. При том, что все нападение, похоже, отличалось более высокой организованностью, чем простой погром, тот, кто за ним стоял, явно контролировал ситуацию не полностью. Фэйре вообще отличаются одним общим недостатком: природа их исключительно противоречива, так что командовать ими чертовски сложно.

Хобы, лежавшие на лестнице, отличались от тех, что нападали на нас в кассовом зале. Оружие у этих было более совершенное, возможно, даже бронзовое, и они щеголяли доспехами из каких-то жестких шкур. Ну, и обилие лежавших на лестнице тел говорило о более высокой слаженности действий — возможно, они наступали строем.

Кто-то заставил этих хобов наступать организованно. Блин, если все мои выводы верны, те хобы, что нападали на нас с Майклом, возможно, просто примазались к нападению в надежде поживиться.

Тогда какова цель этого нападения? Кой черт они все поперлись на эту лестницу?

Судя по всему, цель находилась там, наверху.

Сиявший впереди свет священного Меча мигнул и начал слабеть. Как мог быстрее взбежал я по лестнице, продолжая прикрывать глаза ладонью, и догнал, наконец, Майкла. Он тяжело дышал. Меч в его руке оставался высоко поднят, готовый при необходимости опуститься на голову врагу. Я заметил, что вонь тухлой воды исчезла, сменившись несильным, но явственным ароматом роз. Я запрокинул голову, и ощутил на лице прохладную, чистую, пахнущую розами воду. Похоже, так изменил ее свет священного Меча.

Последний павший хоб, огромный увалень калибра горной гориллы, лежал без движения у ног Майкла. Вокруг тела валялись аккуратно нашинкованные остатки бронзовых щита и меча. Подернутая бело-голубыми язычками пламени кровь стекала по ступеням; такой же огонь медленно, но верно пожирал тело.

— Все могут расслабиться, — выдохнул я, остановившись рядом с Майклом. — Я пришел.

Майкл приветствовал меня кивком и короткой улыбкой.

— Вы в порядке?

— Более-менее, — ответил я, с трудом поборов искушение заменить эти слова другими, более эмоциональными. — Извините, что мало помогал вам, когда вы бросились в атаку.

— Без вашей помощи атаки бы не вышло, — без тени улыбки сказал Майкл. — Спасибо.

— *De nada*, — ответил я.

Я одолел несколько последних ступеней и увидел, наконец, за кем охотились хобы.

Дети.

Должно быть, три десятка детей лет девяти-десяти стояли на верхней площадке лестницы — все в школьной форме, все сбились в кучку, все перепуганы, и почти все плакали. С ними была ошалелого вида женщина в форменном школьном блайзере и еще двое женщин в форме проводниц «Амтрака».

— Поезд только что прибыл, — шепнул я Майклу, когда до меня дошло, что случилось. — Должно быть, прорвался сквозь непогоду. Вот зачем явились сюда хобы.

Майкл стряхнул с клинка «Амораккиуса» облачко тонкого черного пепла и спрятал оружие в ножны.

— Опасность миновала, — произнес он спокойным тоном. — Полиция прибует с минуты на минуту, — он повернулся ко мне. — Нам, пожалуй, стоит идти, — добавил он тише.

— Нет еще, — так же тихо ответил я и прошел в Большой Зал достаточно, чтобы заглянуть за первый ряд коринфских колонн, окаймлявших его по периметру.

Там стояло трое.

Первым, ближе ко мне стоял мужчина одного роста с Майклом, но чуть стройнее и, как ни странно, производивший более угрожающее впечатление. Темно-золотистые волосы падали ему на плечи, и на подбородке золотилась щетина — намек на бороду. Одежду его составлял свободный темно-синий спортивный костюм поверх белой футболки; в обеих руках он сжимал по бронзовому хобовскому мечу, перепачканному их темной кровью. Он смотрел на меня спокойным, отрешенным взглядом большой хищной кошки. Узнав меня, он блеснул зубами в короткой улыбке. Звали его Кинкейд, и был он профессиональным убийцей.

Рядом с ним стояла молодая женщина с длинными, вьющимися каштановыми волосами и большими красивыми глазами. Ее джинсы сидели достаточно в обтяжку, чтобы подчеркнуть вполне впечатляющие формы, но не слишком тесно, чтобы не мешать ей свободно двигаться. В одной руке она держала посох длиной футов пять, покрытый резными знаками и рунами. На перекинутой через плечо лямке у капитана Люччо висел длинный пластиковый тубус, и я мог бы побиться о заклад, что внутри тубуса спрятан ее серебряный меч. Я знал, что когда она улыбается, на щеках у нее появляются совершенно убийственные ямочки — но судя по выражению ее лица, опасность лицезреть их нам светила не слишком скоро. Лицо ее было жестким, и она держала себя в руках, но все же не сумела скрыть до конца свирепой ярости. Я надеялся только, что ярость эта предназначалась не мне, а хобам. Видит Бог, мне не хотелось бы испытать ярость капитана на своей шкуре.

Между двумя взрослыми, в шаг или двух за ними, стояла девочка почти того же возраста, что и другие дети, спасавшиеся в Зале — ну, может, чуть старше. Со времени нашей последней встречи примерно пять лет назад она выросла больше чем на фут. И все равно она производила бы впечатление опрятно одетой и безупречно причесанной девочки — если не видеть ее глаз. Глаза ее смотрелись совершенно чужими на этом невинном лице. Глаза, отягощенные знанием и всем тем бременем, которое ему сопутствует.

Архив положила руку на локоть Кинкейду, и наемный убийца опустил свои мечи. Девочка шагнула вперед.

— Привет, мистер Дрезден, — сказала она.

— Привет, Ива, — отозвался я, вежливо поклонившись ей.

— Если эти твари подчинялись вам, — ровным тоном произнесла девочка, — мне придется вас казнить.

Она не угрожала мне. В голосе ее не звучало достаточно интереса, чтобы это было угрозой. Архив просто излагала это как простой и очевидный факт.

Самое страшное, что если она решила бы убить меня, я мало что мог бы с этим поделать. Эта девочка была не простым ребенком. Она была Архивом, воплощенной памятью человечества, живым хранилищем всех людских знаний. В возрасте шести или семи лет она на моих глазах убила с дюжину самых опасных воинов Красной Коллегии, затратив на это столько усилий, сколько уходит у меня на то, чтобы вскрыть упаковку крекеров.

Архив обладала Силой с большой буквы «С», и действовала на уровне, до которого мне не дотянуться.

— Разумеется, они подчинялись не его командам, — заявила Лючко. Она покосилась на меня и изогнула бровь. — Как вы могли заподозрить такое?

— Я нахожу, что нападение такого масштаба может быть единственно направленной попыткой убить или похитить меня. В это дело вовлечены Мэб и Титания, — сообщила Архив как нечто само собой разумеющееся. — В настоящий момент мистер Дрезден является эмиссаром Зимних — и нужно ли мне напоминать вам, что хобы подчиняются Зиме, то есть Мэб.

Мне об этом можно было не напоминать, хотя сам я некоторое время старательно гнал от себя эту мысль. Тот факт, что хобы являлись поданными Мэб, означал, что вся эта история даже еще темнее, чем мне казалось, и что если мне и стоит удариться в панику, то как раз сейчас.

Однако всему свое время: сначала нужно не дать маленькой девочке убить меня.

— Я не имею ни малейшего представления о том, кто прислал сюда этих тварей, — негромко произнес я.

Долгую, бесконечно долгую секунду Архив смотрела на меня. Потом этот древний, непроницаемый взгляд переместился на Майкла.

— Сэр Рыцарь, — сказала она вежливо. — Вы согласны поручиться за этого человека?

Может, мне только показалось, что Майклу понадобилось на секунду больше, чем обычно, чтобы ответить.

— Разумеется.

Она смерила его таким же внимательным взглядом, потом кивнула.

— Мистер Дрезден, вы ведь помните моего телохранителя, Кинкейда?

— Угу, — кивнул я. Не могу сказать, чтобы голос мой выдавал избыточный энтузиазм. — Привет, крутой парень. Каким ветром занесло вас в Чикаго?

Кинкейд улыбнулся еще шире.

— Это все лилипуточка, — ответил он. — Терпеть не могу снег. Будь на то мое желание, сидел бы где-нибудь в тепле. Ну, на Гавайях, например.

— Я не лилипутка, — тоном решительного неодобрения заявила Архив. — Я укладываюсь в семидесятипроцентный перцентиль роста для моего возраста. И хватит поддразнивать его.

— Лилипуточка не умеет развлекаться, — объяснил Кинкейд. — Я пытался уговорить ее записаться в отряд скаутов, но ей это не понравилось.

— Если мне захочется липких макарон на бумажной тарелке, я могу приготовить их и дома, — сказала Архив. — Мне уже несколько часов как пора спать, и у меня нет ни малейшего желания общаться с местной полицией. Нам нужно уходить, — она хмуро посмотрела на Кинкейда. — Совершенно очевидно, наши перемещения контролируются. Наши обычные апартаменты, возможно, небезопасны, — она перевела взгляд обратно на меня. — Я официально прошу гостеприимства у Белого Совета до тех пор, пока мы не найдем безопасного жилья.

— Э... — отозвался я.

Лючко сделала движение рукой, настаивая, чтобы я согласился.

— Разумеется, — сказал я, еще раз поклонившись Архиву.

— Отлично, — кивнула Архив и повернулась к Кинкейду. — Я промокла насквозь. Мое пальто и сухая одежда в сумке, в поезде. Они мне нужны.

Кинкейд скептически покосился на меня, но спорить с Архивом не стал. Вместо этого он повернулся и быстро исчез на лестнице.

Архив повернулась ко мне.

— С учетом погоды и состояния дорог спасательные службы начнут прибывать через три минуты. Для нас всех будет лучше к этому времени уехать.

— Не могу не согласиться, — кивнул я и поморщился. — Кто бы это ни совершил, он

сильно рискует, делая это громко и на людях.

На мгновение не совсем человеческий взгляд Архива пробуравил меня насквозь.

— События могут принять гораздо худший оборот, нежели сейчас, — сказала она. — Я боюсь, что наши неприятности только еще начинаются.

Глава ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Увидев зияющее отверстие, оставленное Крошкой бебекой в восточной стене Юнион-Стейшн, Майкл застыл на месте.

— Боже милосердный! — выдохнул он. — Гарри, что здесь произошло?

— Небольшая проблема, — ответил я.

— Вы мне ничего не сказали.

— Вид у вас был занятый, — сказал я. — Ну, и потом у вас уже имелось пара сотен нехороших парней, чтобы с ними справляться, — я мотнул головой в сторону пролома. — А у меня всего один.

Майкл задумчиво покачал головой, и я заметил как Люччо тоже косится на пролом с чем-то вроде легкой тревоги на лице.

— Но вы с ним справились? — спросил Майкл.

Люччо, склонив голову набок, посмотрела на Майкла, потом — пристально — на меня.

— Разумеется, — как мог невозмутимее ответил я. Потом повернулся на пятках и свистнул. — Мыш!

Мокрый насквозь, но полный энтузиазма пес, громко шлепая лапами по залитому водой мраморному полу, вылетел из кассового зала и понесся к нам. Он затормозил с легким юзом, подняв волну, которая с верхом захлестнула мои башмаки. Архив с интересом посмотрела на Мыша и шагнула в его сторону — но дальше ее не пустил Кинкейд, положив руку ей на плечо.

Майкл посмотрел на девочку, потом на собаку и нахмурился.

— Есть, — произнес он, — еще одна проблема.

В кабине Майклова пикапа только три кресла.

Мы все промокли до костей, и времени высохнуть или переодеться до прибытия полиции у нас не оставалось. По дороге к гаражу я поймал на себе не один не то, чтобы слишком дружелюбный взгляд — после того как я объяснил, что это я привел в действие систему пожаротушения. На мой взгляд, это не совсем справедливо, и в конце концов, никто не может обвинить меня в том, что я не испытывал на себе последствий этого наравне с остальными.

Возможно, Архив и ребенок вроде жутковатого Билли Мэйми из «Запретной Зоны», но все же она ребенок. Поэтому то, что она поедет в кабине, никем не оспаривалось. Майкл собрался садиться за руль.

— Я не оставляю ее сидеть там одну, — заявил Кинкейд.

— Ох, да ладно вам, — возмутился я. — Он же, черт подери, Рыцарь Креста. Он не сделает с ней ничего такого.

— Не принимается, — сказал Кинкейд. — Что, если кто-нибудь обстреляет ее по дороге? Он готов заслонить ее своим телом от пуль?

— Я... — начал Майкл.

— Еще как, черт вас побери, готов, — прорычал я.

— Гарри, — произнес умиротворяющим тоном Майкл. — Я с радостью буду защищать ребенка. Но мне будет несколько затруднительно делать это и одновременно вести машину.

Мыш издал негромкий, встревоженный звук, и это привлекло мое внимание к тому, что Архив непривычно для себя тиха. Она стояла рядом с Кинкейдом, дрожа; глаза ее закатывались.

— Черт, — всполохнулся я. — Сажайте ее в кабину. Кинкейд, Майкл, поезжайте, живо! Кинкейд схватил ее в охапку, и они с Майклом сели в кабину пикапа.

— В-ваш д-дом д-далеко отсюда, С-страж? — спросила меня Люччо.

Выглядела она неважно. То есть, с учетом обстоятельств она выглядела очень даже ничего. Однако при этом она промокла до нитки и изрядно замерзла — она опустилась обнять Мыша за шею, вроде как лаская его, а на деле вытираясь о его мех. Я-то видел, какова Люччо, командир корпуса Стражей, в бою, поэтому мое мнение о ней давно сформировалось. Глядя на женщину, которая, не моргнув, встречалась один на один с учениками Кеммлера, которую я как-то видел стоявшей под шквальным огнем из автоматического оружия, чтобы защитить своих подопечных — в общем, глядя на нее, я как-то обычно забываю, что роста в ней пять футов четыре дюйма, веса — сто тридцать или сто сорок фунтов, и все насквозь промокшее.

Именно такой она сейчас и была.

В самом эпицентре метели.

— Это недалеко, — ответил я. Потом подошел к пассажирской двери пикапа. — Посадите ее на колени, — сказал я Кинкейду.

— Она пристегнута поясом, — возразил Кинкейд. — Она и так в опасности, постояв на морозе.

— Люччо весит ненамного больше, чем Ива, — как мог ровнее заявил я. — И опасность схватить пневмонию грозит ей почти так же, как девочке. Поэтому вы сажаете Иву на колени и освобождаете место в кабине моей начальнице — как и подобает джентльмену.

Кинкейд все так же спокойно посмотрел на меня своими ледяными глазами.

— Или что?

— Я вооружен, — сказал я. — А вы нет.

Не меня выражения лица, он посмотрел на меня, потом на мои руки. Одна из них оставалась в кармане плаща.

— Вы думаете, я поверю, что вы меня убьете?

— Если вы попытаетесь заставить меня выбирать между вами и Люччо, — ответил я с колкой улыбкой, — я совершенно не сомневаюсь, кому мне спеть гавайскую колыбельную.

Зубы его блеснули в неожиданной, волчьей улыбке. Он подвинулся, пересадив замерзшую девочку себе на колени.

Когда я вернулся за Люччо, она держалась на ногах только потому, что Мыш сидел на морозе как вкопанный, поддерживая ее. Она вяло пробормотала какие-то возражения — она даже пыталась сохранить командный тон, но поскольку она произнесла это по-итальянски, я постановил, что ее мозг тоже замерз и принял командование местными силами корпуса на себя, что было несложно, поскольку силы эти состояли из одного меня. Я сунул ее в кабину пикапа и пристегнул ремнем рядом с Кинкейдом. Он даже помог мне с этим — мои пальцы слишком заоченели, чтобы справиться с этим быстро.

— Гарри, — произнес Майкл. Он повернулся назад, вытащил из-за спинки сидения одеяло с электроподогревом и кинул его мне. Я поймал его и благодарно кивнул: холод уже начал подбираться к моему желудку.

Вот так мы с Мышом оказались в кузове пикапа — промокшие насквозь, в разгар зимы, в разгар бурана. С желудка холод переполз мне на грудь, и я свернулся калачиком, поскольку ничего другого мне просто не оставалось делать. Прибегать к магии я не мог. Мой шар солнечного огня плохо сочетался бы с движущимся пикапом, особенно с учетом того, как меня трясло. Я хотел согреться, не изжариться заживо.

— П-порой гал-галантность — отс-тстой, — буркнул я Мышу, стуча зубами.

Мой пес, чья пышная зимняя шуба мало помогала, поскольку тоже промокла, прижимался ко мне с такой же силой, как я — к нему под одеялом. В кабине пикапа тем временем делалось все теплее, судя по тому, как запотевало заднее окно. Я ощущал себя персонажем Диккенса. Я подумал, не объяснить ли это Мышу, хотя бы для того, чтобы занять время и мысли, но ему, бедолаге, и без Диккенса плохо приходилось. Поэтому мы провели поездку в жалком, сострадательном молчании. По идее, нам навстречу должны были бы мчаться, вспыхивая мигалками, полиция, пожарные и «скорые». Не знаю, я был слишком

занят, развлекаясь произвольными ритмичными сокращениями всех мышц моего многострадального тела, чтобы обращать на это внимание.

Спустя тридцать секунд после начала поездки я исполнился уверенности в том, что вырублюсь и очнусь спустя пятьсот лет в будущем, но оказалось, что мне пришлось страдать всего каких-то жалких двадцать минут или около того, прежде чем Майкл затормозил перед моим домом.

Обе дверцы кабины распахнулись одновременно, и до меня донесся усталый, но властный голос Лючко.

— Донесите его до дверей чтобы он смог дезактивировать оберегов!

— Я сам, — сказал я, поднимаясь. Правда, вслух у меня вышло что-то вроде «Ммммммммммгх», и когда я сделал попытку встать, я едва не выпал из кузова. Меня подхватил Майкл, и Кинкейд быстро подскочил, чтобы помочь ему спустить меня на землю.

Я смутно ощутил, как рука Кинкейда скользнула мне в карман пальто и вынырнула обратно пустой.

— Вот сукин сын, — произнес он с ухмылкой. — Так я и знал.

Из кабины пикапа выбралась Лючко, неся подмышкой совершенно безжизненное тельце Архива. Руки-ноги у девочки болтались как тряпичные, рот приоткрылся во сне, щеки изрядно порозовели.

— Поднимайтесь, Дрезден! — скомандовала она. Голос ее звучал жестко как всегда, но, хотя за время поездки она немного отогрелась, одежда оставалась почти такой же мокрой, и я видел, как она ежится на морозе. — Живее.

Я вяло шаркал ногами, пока не вспомнил, что их полагается переставлять поочередно. Это заметно ускорило наше продвижение. Мы подошли к двери, и кто-то сказал что-то насчет опасных оберегов.

Это не шутки, подумал я. У меня здесь такие обереги, что от вас разве что жирные пятна на асфальте останутся. Но это все фигня: видели бы вы, на что способна Гард...

Лючко рывкнула еще что-то про оберегов, и я подумал, что вид у нее совсем замерзший. У меня дома камин, она могла бы у него, возможно, отогреться. Я дезактивировал-таки оберегов и хотел открыть ей дверь, как и положено поступать с дамой, но проклятую железяку заклинило, и она отказывалась открываться до тех пор, пока Майкл, пробормотав что-то неличеприятное насчет любительской работы, не двинул ее плечом.

Потом все как-то, типа, смешалось, только руки и ноги ужасно болели.

Я успел еще подумать: блин, а все-таки классный у меня диван.

Мыш подышал мне в лицо, а потом едва не раздавил меня, уложив башку и верхнюю часть туловища поперек моего тела. Я подумал, не обругать ли его за это, но вместо этого просто уснул на своем замечательном диване.

Дальше была чернота.

Я проснулся, когда комната освещалась только огнем в камине. Я согрелся, хотя пальцы рук и ног неприятно щипало. На теле ощущался некоторый вес, который на поверку оказался почти всеми наличными в доме одеялами. Негромкий, ровный звук дыхания моего пса доносился с коврика в головах дивана, и одна из моих рук, свесившись, зарылась в теплую, сухую шерсть у Мыша на спине.

Где-то рядом капала вода.

Лючко сидела на табуретке у камина, глядя в огонь. На крючке над огнем висел чайник. Рядом с ней стоял таз с горячей водой. Сидя в профиль ко мне, она окунула в таз полотенце и, перекинув его через плечо, протянула сначала в одну сторону, потом в другую. Глаза ее были закрыты от удовольствия. Отблески огня играли на ее обнаженной по пояс спине, и мокрая кожа, под которой играли мускулы, блестела как слиток золота.

До сих пор эта мысль ни разу еще не приходила мне в голову.

Лючко была прекрасна.

То есть, до девиц с журнальных обложек она, пожалуй, не дотягивала, хотя при некоторой подготовке, подозреваю, разрыв мог бы сильно сократиться. Черты ее и раньше

казались мне привлекательными, особенно рисунок ее губ в обрамлении щек с этими ее ямочками, контрастирующие с довольно жестким, почти мужественным подбородком. Ее темные глаза имели обыкновение вспыхивать, когда она сердилась или смеялась (последнего почти не видел), и каштановые волосы ее были длинные, пышные, вьющиеся. Она явно ухаживала за ними — в общем, все бы ничего, но для традиционных представлений о красоте в лице ее было слишком много силы.

Но красота-то заключается не только в этом.

Была в ней какая-то не объяснимая словами женственность, которая вдруг открылась мне в этот момент — некая потрясающая смесь мягких изгибов, не выставляемого напоказ изящества и внутренней силы. Как то не совмещалось это у меня прежде с главой Корпуса Стражей. А может, еще важнее оказалось то, что я знал качества человека, одетого в эту кожу. Я знал Лючко не первый год, я побывал с ней не в одной переделке, и думал о ней как о единственной из Стражей-ветеранов, кого я уважал и к которой питал симпатию.

Она тряхнула головой, перебросив волосы на другое плечо и протерла влажным полотенцем освободившиеся плечо и руку — с таким же нескрываемым удовольствием.

Если подумать, прошло уже довольно много времени с тех пор, когда я в последний раз видел обнаженные женские плечи и спину. Как-то в моей жизни подобные зрелища случаются гораздо реже, чем связанные с моей работой всякого рода кошмары. Ну, конечно, даже среди кошмаров рано или поздно мелькает что-то из прекрасной мечты — хоть на мгновение, да мелькает. И несмотря на неприятности в которых я погряз по самое по это, в ту минуту, лежа под всеми этими одеялами, я видел нечто, действительно прекрасное. Я даже пожалел, что у меня нет таланта запечатлеть это углем, или тушью, или маслом — но все, что я мог, это наслаждаться самым что есть простым зрелищем: женщиной, умывающейся перед камином.

Я пропустил момент, когда Лючко остановилась и повернула голову в мою сторону. Я просто вдруг заметил, что спокойный взгляд ее темных глаз обращен на меня. Я поперхнулся. Не знаю, какой реакции я ожидал от нее. Внезапной вспышки гнева, возможно, едкой реплики или, по крайней мере, румянца. Ничего такого Лючко не сделала. Она просто спокойно смотрела на меня в ответ, прикрывая грудь одной рукой, а другой снова окуная полотенце в теплую воду.

— Извините, — пробормотал я наконец, опуская взгляд. Как раз я-то, возможно, покраснел. Вот черт. Может, мне удалось бы выдать это за легкое обморожение, героически заработанное ради ее здоровья...

Она издала негромкий звук, слишком расслабленный, чтобы сойти за усмешку.

— Вас это раздражает?

— Нет, — поспешно откликнулся я. — Господи, нет, ничего такого.

— Тогда чего вы извиняетесь? — спросила она.

— Я... э... — я неловко кашлянул. — Мне просто показалось, что девушка, выросшая в правление королевы Виктории, наверное, отличается некоторой... гм... консервативностью.

На этот раз Лючко точно негромко, чуть ехидно рассмеялась.

— Виктория была англичанка, — сказала она. — Я итальянка.

— А это многое меняет? — удивился я.

— Совсем немного, — ответила она. — В молодости, видите ли, я позировала нескольким художникам и скульпторам, — она запрокинула голову и прополоскала горло. — Ммм. Хотя, конечно, тогда я обитала в своем изначальном теле.

Ну да. В том, что похитила у нее сумасшедшая ученица Кеммлера, чародей-некромант, оставив разум Лючко навеки запертым в другом теле — юном, крепком, красивом.

— Не думаю, чтобы то, в котором вы сейчас, намного уступало тому.

— Спасибо. Но я не хочу, чтобы вы меня неверно поняли. Я воспользовалась бы вашим духом после этого тухлого дождя, но на вашей кровати спит Архив, и Кинкейд запер дверь. Он тоже спит, и мне не хотелось бы, чтобы он хватал меня за горло, не проснувшись. А вы спали, ну и... — она чуть повела плечом.

Это движение сопровождалось такими интересными световыми эффектами на ее коже, что я вдруг даже порадовался тому, что на меня навалено столько одеял.

— Вы-то себя нормально чувствуете? — поинтересовалась Люччо.

— Жив пока, — ответил я.

— Очень галантно с вашей стороны укоротить Кинкейда вот так.

— Нет проблем. Он изрядная задница.

— Но весьма опасная, — заметила Люччо. — Я бы не согласилась ехать с ним, если бы не видела, как он проходил досмотр в Бостоне, — она встала, бросила мочалку в таз и одела сорочку, дав мне напоследок полюбоваться своим силуэтом на фоне каминного огня.

Я вздохнул. Момент прошел. Вернемся к делам.

— Вы-то почему ехали с ними? — спросил я.

— Везла их на переговоры, — ответила она.

— Переговоры?

— Архив связалась с Никодимусом Архлеоном по поводу наших обвинений. Он согласился встретиться с нами здесь, в Чикаго, чтобы обсудить этот вопрос. Вы выступаете в роли партии, инициировавшей это обсуждение, и я прибыла, чтобы исполнять роль вашего секунданта.

Я даже зажмурился.

— Вы? Мой секундант?

Она застегнула блузку, повернулась ко мне лицом и слабо улыбнулась.

— Долг превыше эго. Боюсь, из достаточно закаленных для этой роли Стражей немногие согласились бы на нее. Мне показалось, будет лучше, если вы поработаете со мной, а не с Морганом.

— Вот за это вам и платят большие баксы, капитан. За тонкое понимание людского характера.

— За это, а еще за то, что я очень хорошо умею убивать всяких тварей, — кивнула Люччо. Она повернулась к камину и сняла с полки маленькую деревянную шкатулку Гард. — Дрезден...

— Блин-тарарам, — выдохнул я, садясь. — Капитан, эта штука опасна. Поставьте ее *назад*, — последнее слово я рявкнул так повелительно, как позволяю себе только работая с Молли, ну, и еще некоторыми из тех, с кем общаюсь по Паранету.

Она застыла как вкопанная, удивленно приподняв бровь, но только на секунду. Потом она осторожно поставила шкатулку обратно и отошла от полки.

— Ясно. Вы держали это в руках, когда мы втащили вас сюда. Вообще-то вы не хотели выпускать это из рук.

— Ну, — сказал я, — нет.

— И это, насколько я понимаю, объясняет, что *вы* делали на вокзале.

— Ну, — сказал я, — да.

— Случайное совпадение, — предположила она.

Я покачал головой.

— Из моего опыта, когда рядом Рыцарь Креста, таких вещей, как совпадение, не бывает.

Она нахмурилась.

— Со времени, когда я в последний раз исповедовалась, прошло довольно времени. Если быть точной, где-то около столетия. Я не уверена, что Всевышний особенно благосклонен ко мне.

— Неисповедимы пути, — многозначительно произнес я.

Она рассмеялась.

— Я так понимаю, они уже использовали этот прием с вами прежде?

— Постоянно, — кивнул я.

— Хороший человек, — заметила она. — Повезло вам с другом.

Я нахмурился.

— Угу. Повезло, — я тряхнул головой. — Когда переговоры?
— Завтра в полдень, — она кивнула в сторону каминной полки. — Можете сказать, что там?

— Альтернативные ходы, — сказал я. — На случай провала переговоров.

— Не скрытничайте, Дрезден.

Я мотнул головой.

Она уперла руку в бедро.

— Почему?

— Дал слово.

Некоторое время она обдумывала это. Потом кивнула.

— Как хотите. Отдохните пока еще. Вам это необходимо, — она подошла к моему мягкому креслу, устало опустилась в него и без лишних слов свернулась в нем калачиком, накрывшись одеялом. Не прошло и несколько секунд, как она спала крепким сном.

Я подумал, не встать ли мне, чтобы проверить шкатулку Гард, может, позвонить еще Майклу и Мёрфи, но внезапно все мои члены охватила такая жуткая усталость, что выполнить эти мои планы показалось невероятно сложно. Поэтому я устроился под одеялами чуть поудобнее и почувствовал, что засыпаю почти так же быстро.

Последнее, что я заметил, прежде чем вырубиться, это что под всеми этими одеялами я абсолютно раздет.

И вымыт.

Глава ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

— Все равно не понимаю, почему мне нельзя ехать, — заявила Молли, упрямо скрестив руки на груди.

— Помнишь, ты мне говорила, как терпеть не можешь, когда родители вместо ответов на твои вопросы начинают цитировать Писание? — спросил я ее.

— Угу.

— Так вот, я этого делать не буду. Потому что не настолько хорошо его знаю, чтобы правильно цитировать.

Она закатила глаза к потолку.

— В общем, там что-то говорится насчет того, что лучший способ побороть искушения — это избегать его.

— Ох, да ладно же, — вздохнула Молли.

— Вообще-то он прав, — подал голос Томас, возвращая мне ветровку. — Нет, серьезно. Уж я-то знаю толк в соблазнах.

Молли искоса посмотрела на моего брата и слегка покраснела.

— Прекрати, — сказал я ему.

Томас пожал плечами.

— Ничего не могу поделать. Я голоден. Целых полчаса пришлось скакать с крыши на крышу, уворачиваясь от стаи психов ростом по три фута, вооруженных луками и стрелами.

— Эльфы, — пробормотал я. — Значит, команда Летних тоже подтянула резервы. Занятно. Вот я думаю, кто из них первым потянул на себя чашу весов.

— Всегда пожалуйста, — хмыкнул Томас.

— Эй! — возмутилась Молли. — Может, вернемся к теме разговора? Я умею держать себя в руках, Гарри. Это же, вроде, переговоры, а не драка.

Я вздохнул и повернулся к ней. Разговор наш происходил на кухне у Карпендеров; все остальные занимались делом в мастерской. Проведя вечер в качестве ложной мишени, Томас ошивался у входа в дом, чтобы вернуть мне посох и ветровку.

— Сама подумай, Кузнечик, с кем мы собираемся говорить.

— С Никодимусом. Главой динарианцев, — ответила она. — С человеком, который пытался убить моего отца и моего наставника, а еще сделал все, что в его силах, чтобы

внедрить демона в голову моего маленького брата.

Я зажмурился.

— Откуда ты знаешь о...

— Как обычно, подслушав маму с папой, — нетерпеливо отмахнулась она. — Я хочу сказать, я *не* собираюсь соблазняться одной из этих их монет, Гарри.

— Я говорю не от том, соблазнишься ты или нет, детка, — сказал я. — Я беспокоюсь насчет Никодимуса. С учетом всего происходящего, я бы не стал размахивать тронутой темной магией дочерью Рыцаря Креста у него перед носом. Мы пытаемся избежать большой потасовки, а не искать поводов для новой.

Молли продолжала упрямо смотреть на меня.

— Эй, — сказал я. — А как насчет упражнений, что я задал тебе на дом?

Она посмотрела на меня так еще немного. Этому она училась у Черити, поэтому получалось у нее неплохо. Впрочем, я попадал под испепеляющий взгляд Черити не раз и не два, так что меня этим не проймешь. Она молча повернулась и вышла из кухни.

Томас негромко фыркнул.

— Чего? — спросил я.

— Ты действительно считаешь, что сможешь избежать драки?

— Я считаю, что не собираюсь преподносить им никого из семьи Майкла в качестве заложников, — ответил я. — Никодимус явно припас что-нибудь в рукаве, — говоря, я проверил, хорошо ли спрятан у меня на теле маленький нож в кожаных ножнах. — Вопрос только в том, кто начнет музыку и где.

— Где вы встречаетесь?

— Этого не знаем ни мы, ни они. Кинкейд и Архив выбирают нейтральную точку. Они ушли от меня сегодня рано утром. Только я сомневаюсь, что они сразу принялись за дело. Готов поспорить, Никодимус захочет получить что-то в обмен на Марконе. Вот тогда он и сделает свой ход.

— В момент обмена? — спросил Томас.

— Угу, — кивнул я. — Попытается заграбастать все пирожные.

— Ну-ну, — сказал Томас. — Кстати говоря, наигравшись в догонялки с этими убийцами-карликами, я зашел к тебе домой. Унюхал запах духов у двери и заглянул в южное окошко, — он хитро улыбнулся мне. — Самое, блин время, чувак.

Я хмуро уставился на него.

— Чего?

Улыбка померкла.

— Ты хочешь сказать, ты так и *не* ... Ох, голод мне в глотку, Гарри.

— Что ты *видел*?

— Я видел *тебя* — как ты разговаривал с женщиной, которая *разделась* уже наполовину для тебя, чувак.

— Ох, да ну же, — вскинулся я. — Все совсем не так. Она просто умывалась, — я изложил ему краткую версию событий прошедшего вечера.

Томас подозрительно покосился на меня. Потом осторожно постучал мне по лбу согнутым пальцем.

— Но-но! — возмутился я.

— Гарри, — обратился он ко мне как к маленькому. — Ты дрых несколько часов. У нее имелось в достатке времени, чтобы умыться. Думаешь, она просидела столько времени просто так, потому что недостаточно устала? Думаешь, она не подгадала этого так, чтобы ты ее увидел?

Я совсем, было, собрался ответить, но так и остался сидеть с открытым ртом.

— Если уж на то пошло, она запросто могла устроиться за спинкой дивана, где ты бы никак не увидел ее, если бы проснулся, — продолжал Томас. — Но не у огня, где она устроила то, что я принял за красивое представление для тебя.

— Я... я не думал, что она...

Он смерил меня взглядом.

— Ты даже не пошевелился.

— Она... Лючко мой старший начальник, чувак. Мы... мы *работаем* вместе.

Томас закатил глаза.

— Это подход двадцать первого века, чувак. Она девушка девятнадцатого века. Она проводит линию не так, как ты или я.

— Но я и не думал...

— Ни за что в это не поверю, — заявил Томас. — Скажи, ну скажи мне, что ты не такой тупица.

— Тупица? — обиделся я.

— Угу, — сокрушенно кивнул он. — Тупица. Одно дело, если она предлагала, а ты отказал ей потому, что у тебя есть повод не хотеть этого. Но уж не понимать, что она имеет в виду — это просто срам какой-то.

— Но она *не говорила* ...

Мой брат воздел руки к потолку.

— А что, скажи на милость, женщина должна делать? А, Гарри? Сорвать с себя одежды, наброситься на тебя и ерзать, визжа «Сделай меня, детка?» Он покача головой. — Все-таки порой ты непроходимый идиот.

— Я... — я развел руками. — Она же просто уснула.

— Потому что она заботится о тебе, пень ты этакий. Она не хотела слишком давить на тебя, не хотела, чтобы ты чувствовал себя неловко, особенно с учетом того, что она старше и опытнее тебя, да и выше тебя по званию. Она не хотела, чтобы это сошло за принуждение. Поэтому она оставила тебе достаточно места, чтобы ты мог отказать ей, не роняя ни своего, ни ее достоинства, — он снова закатил глаза. — Хоть иногда читай между строк, чувак.

— Я... — я вздохнул. — Как-то ни разу еще не становился объектом интереса женщины на сто пятьдесят лет старше меня, — тупо произнес я.

— Общаясь с женщинами, пытайся хоть иногда шевелить мозгами, а не своей, — он сунул мне в руки посох, — палкой.

Я положил посох на колени.

— Развелось вас тут, критиков.

Мой брат пошел к выходу, взял по дороге яблоко из корзины на столе и оглянулся на меня через плечо.

— Зануда. Слава Богу, Никодимус — мужчина.

Он вышел, а я остался раздраженно сидеть. То есть, он, возможно, был и прав, но раздражения от этого меньше не становилось.

Но в одном он был прав несомненно: на фоне огня Анастасия смотрелась совершенно потрясающе.

Гм.

Как-то до сих пор она не ассоциировалась у меня в мыслях со своим именем. Только с фамилией. Просто «Лючко», или «капитан», или «капитан Лючко». Если подумать, амурными играми она не занималась даже дольше, чем я. Возможно ли такое, что вчера ночью она демонстрировала мне не просто самообладание?

Ситуация, которую стоило бы обдумать.

Позже.

А пока куда актуальнее были интриги и неизбежное коварство, на которых и стоило сосредоточиться.

Я направился в мастерскую. День выдался яснее предыдущего, однако тучи на небе не рассосались. Снегопад прекратился, хотя ветер сдувал достаточно снега с сугробов, так что особой разницы я не замечал. Взгляд в зеркало показал, что кончик моего носа, равно как мочки ушей и скулы у меня обморозились. Вид они имели такой, словно пострадали от солнечного ожога. В сочетании с синяками под глазами они придавали мне, я решил, совершенно неотразимый вид.

Стоило ли удивляться, что Лючко, можно сказать, набросилась на меня с изголодавшейся страстью.

Чтоб тебя, Гарри, сосредоточься же. Опасность на носу.

Я отворил дверь мастерской как раз вовремя, чтобы услышать голос Майкла.

— Все равно не понимаю, почему мне нельзя ехать.

— Потому, что мы пытаемся избежать драки, — спокойно отвечала Лючко, — а атмосфера нервозности и страха вряд ли содействует мирному обмену мнениями.

— Я их не боюсь, — возразил Майкл.

— Нет, — с легкой улыбкой подтвердила Лючко. — Но они вас боятся.

— В любом случае, — вмешалась Гард, — ни Церковь, ни Орден Креста не являются участниками Договора. Не считите это за обиду, сэр Майкл, но это в буквальном смысле не ваше дело.

— Вы не знаете этих людей, — негромко произнес Майкл. — Не так, как я.

— Я знаю, — так же тихо возразил я. — По крайней мере, в отдельных аспектах.

Майкл повернулся и внимательно, испытующе посмотрел на меня.

— Вы тоже считаете, что я не должен вмешиваться?

Я не стал спешить с ответом. Гард наблюдала за мной, сидя на краешке раскладушки. Теперь она оделась и привела себя в порядок, и вид у нее был не то, чтобы здоровый, но уже далеко не тот, что накануне. Хендрикс снова сидел у верстака, только на этот раз он точил нож. Помешанные на оружии всегда возятся со своими игрушками. Мёрфи сидела напротив Хендрикса и чистила пистолет. Она старалась не слишком тревожить раненую руку, но при необходимости явно могла бы пользоваться ею. Саня угнезвился в углу верстака и терпеливо смазывал каким-то составом кожаные ножны «Эспераккиуса».

— Я не думаю, что они попытаются нанести удар именно там, — тихо произнес я и повернулся к Лючко. — Но я думаю, что было бы неглупо иметь пару Рыцарей где-нибудь поблизости — на случай, если я ошибаюсь.

Голова Лючко чуть дернулась назад.

— Нет смысла отказываться от страховки, — сказал я ей. — В отличие от фэйре или Красной Коллегии эти люди не играют по правилам. Я-то видел их в деле, капитан.

Она надула губы, продолжая буравить меня взглядом.

— Как скажете, Страж, — произнесла она наконец. — Это ваш город.

— Я *не* давала на это согласия, — помрачнев, заявила Гард. Она даже привстала с раскладушки.

— Ох, да смиритесь с этим, блондиночка, — буркнул я. — Вы не в том положении, чтобы решать за других. В этом конкретном случае Белый Совет на вашей стороне, но только не начинайте думать, что мы на вас работаем. Или на вашего босса.

— Я тоже намерена присутствовать там, — тихо произнесла Мёрфи, не отрывая взгляда от своего пистолета. — Не где-нибудь поблизости. Там. Непосредственно.

В ответ почти все находившиеся в комнате хором сказали «нет» или что-нибудь в этом же роде. Исключение составили Хендрикс, который вообще немногословен, и я, потому что все равно знал, что из этого выйдет.

Пока все выражали свой протест, Мёрфи собрала пистолет и с особенно громким в наступившей тишине щелчком вставила в него обойму.

— Если вы, ребята, хотите втихую проворачивать свои штучки, свои подпольные войны, — заявила она, — занимайтесь этим в Антарктиде или еще где. Или можете ехать с этим в Нью-Йорк, или Бостон, где это не будет меня касаться. Но вы не там, не там и не там. Вы, ребята, в Чикаго. И когда что-то идет не так, страдают люди, которых я поклялась защищать, — она встала, и хотя она уступала ростом всем без исключения находившимся в комнате, смотрела она на всех вовсе не снизу вверх. — Я собираюсь находиться там в качестве наблюдателя — с вашего одобрения. Или мы можем сделать это по-другому. Выбор за вами, только помните: я знаю кучу копов, которых тошнит от всего этого сверхъестественного говна у них под носом.

Она спокойно, без вызова обвела взглядом комнату. Пистолета она со стола не убирала. Я улыбнулся ей. Едва заметно, но улыбнулся.

Гард посмотрела на меня.

— *Дрезден*, — произнесла она.

Я пожал плечами и немного печально покачал головой.

— А что? Стоило раз дать им право голоса, и это совершенно вышло из-под контроля.

— Ну и свинья же ты, Гарри, — буркнула Мёрфи.

— Свинья, — согласился я. — Но свинья, достаточно умная, чтобы склониться перед неизбежным, — я повернулся к Гард. — Я полагаю, у нее в этом деле совершенно законный интерес. Я ее поддерживаю.

— Страж, — предостерегающе произнесла Лючко. — На пару слов, пожалуйста.

Я подошел к ней.

— Она, возможно, не представляет себе, — тихо сказала мне Лючко, — какие неприятности могут ей грозить.

— Она представляет, — возразил я так же тихо. — Она повидала больше, чем большинство Стражей, капитан. И уж совершенно точно, она прикрывала меня со спины столько раз, что заработала право самой решать за себя.

Несколько секунд Лючко, хмурясь, смотрела на меня, потом повернулась к Мёрфи.

— Сержант, — негромко сказала она. — Это может подвергнуть вас... скажем так, значительному риску. Вы уверены?

— А если бы это был ваш город? — спросила Мёрфи. — Ваша работа, ваш долг? Смогли бы вы стоять в стороне, зажав уши?

Лючко медленно кивнула.

— И потом, — добавила Мёрфи, с легкой улыбкой убирая пистолет в кобуру, — вряд ли я оставляю вам, ребята, много выбора.

— Она мне нравится, — пророкотал Саня своим сочным басом. — Такая маленькая и свирепая. Не думаю, чтобы она умела...

— Саня, — вмешался Майкл. — Мы уже говорили на этот счет.

Смуглый здоровяк со вздохом пожал плечами.

— Вопрос никому не повредит...

— *Саня*.

Тот с улыбкой поднял руки в знак капитуляции и замолчал.

Хлопнула дверь дома, захрустели по снегу шаги. Дверь мастерской распахнулась, и в комнату заглянула Молли.

— Гарри, звонит Кинкейд. Ему сообщили место встречи.

— Кинкейд? — чуть резче, чем можно было бы ожидать, переспросила Мёрфи.

— Ага, а я что, не говорил? — невинным тоном поинтересовался я, направляясь к двери. — Приехал сегодня ночью.

Она недобро сощурила глаза.

— Мы поговорим.

— Маленькая, — пророкотал Саня на ухо Майклу, сжав для наглядности кулак. — Но *свирепая*.

Глава ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Люди считают, что в центре большого города — скажем, Чикаго — не может случиться ничего такого, свидетелями чего не стало бы множество человек. Большинство людей не понимает того, что это не так, и на то есть две причины. Во-первых, свидетели из подавляющего большинства людей, скажем прямо, неважные.

Возьмем, к примеру, что-нибудь совершенно невинное, вроде незначительного транспортного происшествия на оживленном перекрестке. *Бип-бип, бумц*, сопровождаемые криками и размахиванием руками. Так вот, выстройте всех находившихся на это перекрестке

и спросите у каждого по очереди, что случилось. Каждый расскажет вам слегка отличную от остальных историю. Некоторые видели все от начала до конца. Некоторые видели только одну из машин. Некоторые поведают вам со стопроцентной убежденностью, что с самого начала до самого конца видели *обе* машины — включая такие детали, как выражение лиц обоих водителей, изменение скорости каждой из машин и все такое, несмотря на то, что для этого свидетелю пришлось бы находиться одновременно в двух местах, или левитировать, или обладать телепатическими способностями.

Большая часть людей честнее. Но не точнее. Искренняя неточность вовсе не то же самое, что ложь, но когда дело касается свидетельских показаний, разница между ними невелика. Относительно небольшая часть людей ограничатся рассказом о том, что они действительно видели, не заполняя пробелы и не корректируя свой рассказ в соответствии с чужой точкой зрения. Из этого относительного меньшинства еще меньше таких, кто — в силу ли природных способностей или в результате специальной подготовки — умеет замечать и хранить в памяти множество важных для следствия подробностей.

В общем, стоит событию отойти в историю, как оно становится все менее ясным и все более туманным. Умение воссоздать из разноречивых свидетельских показаний более-менее достоверную картину ближе к искусству, чем к науке — и это при условиях, когда событие не затрагивает свидетелей лично, вовлекая в рассказ страсти и эмоции.

Стоит добавить в смесь эмоций, и легкая путаница превратится в абсолютный хаос. Возьмите то же дорожное происшествие, превратите его в столкновение тачки скинхедов с тачкой чернокожих громил на оживленном перекрестке в Саут-сайде, и вы получите ситуацию, чреватую массовыми беспорядками. Что бы ни случилось, вам вряд ли удастся добиться от кого-либо точного описания произошедшего. Более того, вам придется очень сильно постараться, чтобы добиться хоть от *кого-нибудь* хоть *какого-нибудь* рассказа.

Человеческие эмоции способны многое превратить в кашу.

Вторая причина, по которой события в центре большого города могут пройти незамеченными, формулируется еще проще: стены. Стены перекрывают линию зрения.

Или нет, давайте-ка я сформулирую по-другому: стены меняют степень вовлеченности.

Человеческое восприятие ориентировано на зрение. Предметы не реальны для нас, пока мы их не увидим: увидеть — значит, поверить, так? Это, кстати, одна из причин, по которым не выходят из моды иллюзионисты: они заставляют нас видеть то, чего на самом деле нет, и это завораживает.

Когда человек своими глазами видит, как происходит что-либо плохое, шанс на то, что он или она вмешается, гораздо выше, чем если бы это происходило вне поля зрения. В истории полно наглядных иллюстраций этому. Да, конечно, правительства союзников слышали сообщения о нацистских лагерях смерти, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что поднялось, когда передовые отряды не увидели заключенных евреев, освободив лагерь. Херст знал это раньше: *обеспечьте мне картинки — и я обеспечу вам войну*. И, если верить некоторым источникам, он это сделал.

Проще говоря, пока вы не увидели какого-либо события своими глазами, оно для вас не совсем реально. Вы можете слышать сообщения о трагедиях, но они не потрясут вас так сильно, как если бы вы сами стояли среди развалин.

Нигде не найти столько стен, сколько в большом городе, а стены не дают вам видеть предметы и события. Они помогают делать вещи менее реальными. Конечно, порой вы слышите доносящиеся ночью с улицы громкие или резкие звуки. Однако легко убедить себя в том, что это не выстрелы, что звонить в полицию нет необходимости, что не стоит даже беспокоиться. Возможно, это просто выхлоп неисправного глушителя. Точно, выхлоп. Или дети балуются с фейерверками. Из расположенной над вами квартиры могут доноситься плач или визг, но вы ведь *не знаете* наверняка, что пьяный сосед снова колотит свою жену скалкой. Право же, это не ваше дело, и они вообще привыкли скандалить, ну и потом, жуткий он тип. Ну, да, к нему все время ездят разные типы, и вид у них не самый благонамеренный, но вы ведь *сами* никогда не заставляли его за продажей наркотиков. Даже

детям, которые к нему иногда заходят. Гораздо проще и безопаснее запереть покрепче дверь, не поднимать шума и включить телевизор.

Весь мир — песок, а люди в нем страусы.

Новички, только-только узнавшие о мире чародеев и оборотной стороне сверхъестественного, считают, что прикладывается максимум усилий, чтобы хранить это в тайне от всех. Вовсе нет. Это не требует почти никаких усилий — ну, конечно, если кто из чародеев задумает пройти по главной улице с оркестром, этого ему не дадут. Блин-тарарам, да мне вообще порой кажется чудом то, что нас вообще иногда замечают.

Именно поэтому я пребывал в почти полной уверенности в том, что наши переговоры с Архивом и динарианцами в океанарии Шедда пройдут незамеченными. Ну, да, он расположен в самом центре города, в двух шагах от музея природы и в трех — от стадиона «Солджер-филд», однако с учетом погоды особого наплыва посетителей ожидать не приходилось — ну, и зимой в океанарии вообще мертвый сезон. Несколько любителей природы, конечно, могло туда и забрести, но я как-то мало сомневался в том, что Кинкейд изыщет способ убедить их любоваться природой в каком-нибудь другом месте.

Мёрфи взяла напрокат машину, поскольку ее «Сатурн» имел довольно поколоченный вид. Прошедший снегопад привел к росту аварийности, поэтому компактных машин у конторы не имелось совсем, и Мёрфи вернулась с серебряным «Кадиллаком» размером с океанскую яхту, и я объявил погрузку. Хендрикс с Гард разместились на заднем диване. Гард дошла до машины своим ходом, хотя двигалась и осторожно. Рядом с Гард уселась Люччо со своим посохом и шпагой в ножнах, которую она уперла в пол салона между ног. Мой посох оказался на порядок длиннее, чем ее, так что его пришлось сунуть одним концом между передних кресел, да и так другой его конец упирался в заднее стекло рядом с головой Гард.

Снегоочистители продолжали трудиться на улицах, обеспечивая доступ к важнейшим городским точкам. Летний туристический аттракцион к последним, очевидно, не относился. Более того, музей природы вообще закрыли в связи с непогодой, а это значило, что ни одного действующего общественного здания в радиусе нескольких сотен ярдов от океанария не осталось.

Это могло создать для нас некоторые проблемы. Белый пикап Майкла не смог бы подъехать ближе незамеченным, а из этого следовало, что помощь со стороны Майкла и Сани, если она потребуется, прибудет на место на две или три минуты позже — если нам вообще удастся подать им сигнал. В случае открытой конфронтации они с таким же успехом могли бы находиться на другом конце света. С другой стороны, нехорошим парням тоже было бы труднее перебрасывать на место свои подкрепления.

Если, конечно, те будут перемещаться на машинах.

Стакан наполовину полон, Гарри. Стакан наполовину полон. Выгоды от драки нет никому — во всяком случае, пока. Что бы там ни задумал Никодимус, ему придется выдвинуть свои требования, прежде чем ему представится шанс вытрясти из нас то, что он хочет от нас получить. И потом, с учетом того, на что способна Архив (и свидетелем чему был я сам), со стороны Никодимуса было бы сущим безумием затевать что-либо, пока на переговорах председательствует она. Уж она-то не спустит попыток оспорить ее полномочия.

Ближняя к океанарию улица оказалась очищенной от снега, но на стоянки это не распространялось; более того, въезды ни них перегораживались небольшими горными цепями сугробов.

— Похоже, дальше придется идти пешком, — негромко заметила Мёрфи.

— Поезжай по кругу, — посоветовал я. — За животными надо ухаживать вне зависимости от погоды. Наверняка персонал протоптал где-нибудь тропинку.

— А что, если они бросили экспонаты голодать на время бурана? — предположила Гард. — Мало найдется таких, которые пойдут сквозь снег ради зарплаты.

— Океанографией занимаются не ради денег, — возразил я. — И уж наверняка люди не будут работать с дельфинами и китами только ради зарплаты и казенной машины, — я

покачал головой. — Они их любят. Кто-то наверняка ходит туда каждый день. Если не дорогу, то уж тропу туда обязательно пробили.

— Вон, — ткнула пальцем Мёрфи. И точно, кто-то прорыл узкий проход в снежной стене у тротуара, от которого к зданию тянулась узкая тропа. Мёрфи пришлось остановить машину на дороге, почти касаясь правыми дверцами сугроба. Несущаяся по улице машина запросто могла въехать «Кадиллаку» в корму, но особого выбора у Мёрфи не было.

Мы все выбрались из машины через двери с водительской стороны. Несмотря на ранний час, уже начинало смеркаться. Мы с Лючко задержались, чтобы надеть серые плащи Стражей. Плащи у нас, конечно, симпатичные и все такое, но на езду в машине они рассчитаны неважно. Лючко застегнула красиво отделанный кожаный пояс со шпагой в ножнах на левом бедре и кобурой с «Кольтом» на правом.

Мой револьвер сорок четвертого калибра снова лежал в кармане ветровки, и вес заговоренной кожи и оружия изрядно меня ободрял. Ветер раздул плащ и незастегнутую ветровку, и я едва не упал, пока не совладал с хлопающей одеждой, подобрав ее ближе к телу. Хендрикс, неколебимый как скала в своем зимнем плаще цвета лондонского тумана, прошел мимо меня с легкой улыбкой на лице.

Хендрикс возглавил шествие, и мы побрели за ним по тому, что с большим допуском можно было назвать тропой. То есть, вместо того, чтобы пробиваться через доходящий до уровня груди снег, мы утопали в нем всего по колено. Сначала мы медленно шли по холоду от проезжей части к зданию океанария, потом огигали едва ли не все здание по периметру. Особенно несладко нам пришлось с южной стороны здания, где ветер намел прямо-таки впечатляющую массу снега. Задувавший с озера ветер, казалось, попадал сюда прямо из открытого космоса, и все кроме Гард жалко съежились под его порывами. В конце концов тропинка привела нас к служебному входу, дверь которого оказалась открыта: отверстие на месте личинки замка было заклеено изолентой.

Хендрикс открыл дверь, я сунул голову внутрь и наскоро осмотрелся по сторонам. В укутанном снегом здании царил темнота, если не считать редких плафонов дежурного освещения на стенах. Я не увидел никого, но потратил минуту или две, чтобы проверить здание на предмет наличия какой-либо враждебной магии.

Ничего.

Впрочем, в ситуации вроде этой немного паранойи никогда не помешает.

— Капитан, — тихо произнес я. — Что вы думаете?

Лючко подошла, остановилась рядом со мной и вгляделась в вестибюль за дверью. Взгляд ее темных глаз настороженно скользил по помещению.

— На вид чисто.

Я кивнул.

— Прошу прощения, — сказал я и первым вошел в дом, стряхивая с башмаков и джинсов снег. Остальные вошли следом за мной. Пока они топали ногами у входа, я прошел дальше, напрягая слух. Поэтому я услышал шорох мягко ступающих башмаков за две или три секунды до того, как из-за дальнего угла коридора показался Кинкейд. Он снова был одет в свой обычный черный наряд, и оружия, повешенного на его тело, хватило бы на оснащение небольшой террористической группировки.

Он чуть дернул подбородком в знак приветствия.

— Сюда, пожа... — взгляд его скользнул мимо меня, и он осекся, не договорив фразы. Секунду он смотрел поверх моего плеча, потом вздохнул.

— Ей нельзя здесь находиться, — сказал он мне.

Брови мои невольно поползли вверх, и это же движение повторили уголки губ. Я чуть пригнулся к Кинкейду.

— Сами ей скажите, — прошептал я.

Взгляд его скользнул с Мёрфи на меня. Менее позитивно настроенный человек назвал бы выражение его лица кислым. Он побарабанил пальцем по рукоятки пистолета.

— Она угрожала притащить сюда полицию? — спросил он.

— Она вбила себе в голову эту ерунду, когда приносила присягу защищать город и жителей Чикаго, и она относится к этому серьезно.

Кинкейд поморщился.

— Я должен обсудить это с Архивом.

— Не будет Мёрфи — не будет переговоров, — заявил я. — Так ей и передайте.

— Вот сами ей скажите, — хмыкнул убийца.

По залам океанария он повел меня к главному аквариуму. Должно быть, он пользуется у посетителей наибольшей популярностью — огромное полукруглое в плане сооружение, содержащее самые крупные в мире плавающие экспонаты. В расположенных по внешнему радиусу бассейнах общей емкостью в несколько миллионов галлонов воды проживают дельфины и мелкие белые киты, название которых я никак не могу запомнить. Ну, как у икры. Да, белуги... белухи, вот как. Киты-белухи. Вокруг бассейнов понастроено искусственных скал с растущими на них деревьями, мхами и травами — в общем, сделано все, чтобы это напоминало тихоокеанское побережье Штатов. Хотя я более чем уверен, что на берегу какого-нибудь там Орегона нет таких белых скамеек для зрителей, с которых публика может восхищаться китами и дельфинами, проделывающими свои штуки ради аплодисментов и порции рыбы. Боюсь, что такое характерно, скорее, для Флориды.

Мимо нас проскользнула пара дельфинов, скосив на плаву глаза на незнакомцев. Один из них издал щебечущий, не слишком чтобы мелодичный звук. Другой взмахнул хвостом и плеснул в нашу сторону водой для забавы. Эти были не из неотразимых сородичей Флиппера. Обычные дельфины, не такие красивые, и уж наверняка не занятые в телесериале. Может, они просто отказались продаваться или ложиться под нож пластического хирурга. Я поднял кулак. Салют, ребята.

Кинкейд скользнул взглядом по скамейкам и нахмурился.

— Ей полагалось сидеть здесь. Черт.

Я вздохнул и свернул к лестнице на нижний ярус.

— Она может быть сколько угодно Архивом, Кинкейд, но она все еще ребенок.

Он нахмурился еще сильнее и посмотрел на меня.

— И что?

— Что? Дети любят симпатяг.

Он удивленно заморгал.

— Симпатяг?

— Идемте.

Я повел его вниз.

На нижнем уровне океанария расположен внутренний пояс бассейнов, в которых живут пингины и — внимание! — морские выдры.

Именно так: морские выдры. Они часто забавляются с камнями, плавая на спине. Что может быть симпатичнее маленьких, пушистых зверьков с большими карими глазами, качающихся на воде пузом вверх?

Мы обнаружили Иву стоящей перед одним из бассейнов морских выдр. На этот раз она оделась теплее и практичнее, и на спине ее висел маленький рюкзачок. Она смотрела на двух выдр, гонявшихся в бассейне друг за другом, и улыбалась.

При виде этого Кинкейд застыл как вкопанный. Исключительно для того, чтобы посмотреть, что он будет делать, я попытался шагнуть мимо него. Он посмотрел на меня так, словно убьет меня на месте, если я попробую помешать ей, и мое мнение о нем разом выросло на одно деление. Я отступил на шаг и принялся ждать. Право же, целостность моих зубов стоит того, чтобы девочка лишнюю минуту полюбовалась на морских выдр.

В детстве — уже после того, как у меня начали прорезаться магические способности — мне приходилось порой очень нелегко. Я ощущал себя уродом, отличным от других — и ужасно одиноким. Это постепенно отдаляло меня от других детей. Но Ива вообще не знала родительской ласки или дружбы сверстников — даже недолгой. Насколько я понимаю, она была Архивом с самого рождения, абсолютно осознавая тот объем знаний, который

заложили в нее. Я даже представить себе не могу, насколько это ужасно.

Блин, чем больше я узнавал с возрастом, тем больше я жалел о былом невежестве. Так сказать, о невинности. Ну, по крайней мере, я помню, каково это — быть невинным.

Ива не была невинной никогда.

Так что я мог и подождать. Пусть постоит еще, улыбаясь морским выдрам.

За спиной шевельнулась тень, и я усилием воли сдержал панику и заставил себя повернуться медленно, с достоинством. Я увидел двух дельфинов из верхнего аквариума — они снова подплыли поглазеть на нас. В дне больших аквариумов имелись смотровые иллюминаторы, так что посетители могли любоваться с одной стороны на пушистых симпатяг, а с другой — на любопытных дельфинов и этих, как их, китов, которые в честь икры.

Еще отсюда же видно дальнюю стену большого аквариума — изогнутую стеклянную плоскость, обращенную на озеро Мичиган. Это всегда казалось мне в некотором роде садизмом. Я хочу сказать, здесь собрали животных, созданных природой для жизни на просторах морей — собрали и заперли в трех миллионах галлонов воды. Им и так неважно приходится — и без того, чтобы их дразнили видом на те самые водные просторы.

А может, и нет. Я слышал, с учетом всей нынешней рыболовной индустрии, быть сейчас на воле китом или дельфином — полный отстой.

— Боюсь, они смотрят на нас, как на корм, — пробормотал я.

— А? — не понял Кинкейд.

— Нет, ничего.

Ива довольно вздохнула, дождавшись, пока выдры исчезнут в своем домике. Потом повернулась к нам и зажмурилась.

— Ох, — произнесла она. Щеки ее чуть порозовели, и на мгновение она превратилась в настоящую маленькую девочку. — Ох, — она разгладила несуществующие морщинки на брючках и кивнула Кинкейду. — Да?

Кинкейд кивнул в мою сторону.

— Местные правоохранительные органы хотят, чтобы их представитель присутствовал здесь в качестве наблюдателя. Дрезден поддерживает это требование.

Она задумалась на мгновение.

— Сержант Мёрфи?

— Да, — подтвердил я.

— Ясно, — она нахмурилась. Когда она заговорила, голос ее сделался предельно осторожным, словно обдумывала каждое слово. — Как арбитр переговоров, я не имею возражений, если только обе участвующие в переговорах стороны выскажут свое согласие.

— Ладно, — кивнул Кинкейд. Он повернулся и зашагал обратно к выходу.

Я поклонился Иве, которая ответила мне тем же. Потом поспешил догонять Кинкейда.

— Ну? — спросил я его, когда мы поднимались по лестнице обратно.

— Ну, — ответил он, — пошли, поговорим с Никодимусом.

* * *

Следом за Кинкейдом я миновал главные бассейны и вышел во входной вестибюль. Здесь тоже в достатке блестящих каменных полов и коринфских колонн, расставленных вокруг большого аквариума размером с каток для роллеров. Он полон соленой морской воды, водорослей и кораллов, а также всевозможных тропических рыб. Иногда здесь плавают еще ныряльщик или ныряльщица с прикрепленным к маске микрофоном — он кормит маленьких акул, других рыбок и разговаривает с глазающими на это туристами. Аквариум переливается преломленным светом, который попадает в него через огромный трехгранный зенитный фонарь в потолке.

Правда, теперь фонарь оказался покрыт снегом, завалившим выше половины и стеклянные входные двери, так что помещение освещалось только небольшими

разноцветными светильниками, размещенными внутри аквариума. Рыбы призраками скользили в воде за стеклом, и причудливый свет играл на их чешуе, окрашивая ее в зловещие тона, а их тени, увеличенные расстоянием и выпуклой поверхностью аквариума, плыли по стенам.

Очень все это выглядело жутко.

Одна из теней привлекла мое внимание, потому что какой-то из моих инстинктов уловил в ней неясную, но несомненную угрозу. Потребовалось, наверное, две или три секунды, чтобы я сообразил, чем именно встревожила меня эта тень — тем, что она была человеческой и двигалась по стене плавной, размеренной трусцой за тенью одной из плававших в аквариуме маленьких, но самых что есть настоящих акул — при том, что отбрасывавший ее человек стоял совершенно неподвижно.

Никодимус оторвался от созерцания плававших в аквариуме рыб, так что теперь я видел его профиль на фоне неярких разноцветных огней. Зубы его блеснули в свете ближней к нему подводной лампы оранжево-красным бликом.

Я удержался от того, чтобы сделать шаг назад, но, признаюсь, с трудом.

— Какая метафора, — тихо произнес он. Приятный у него был голос: мягкий и неожиданно звучный. — Только посмотрите на них. Плавают. Питаются. Спариваются. Охотятся, убивают, спасаются, прячутся — каждая в соответствии со своей натурой. Все такие разные. Чужие друг другу. Весь мир их в непрерывном движении, вечно меняющийся, вечно угрожающий, вызывающий, — он сделал рукой широкое такое движение. — Им не дано знать, насколько он хрупок, или того, что их все время окружают существа, обладающие возможностью одним движением пальца уничтожить этот их мир и убить их всех. Конечно, в этом нет их вины, — Никодимус пожал плечами. — Они просто... ограничены. Очень, очень ограничены. Привет, Дрезден.

— Вы чуть переигрываете, изображая из себя страшилу, — заметил я. — С таким же успехом вы могли бы набелить лицо, надеть черный цилиндр и врубить какую-нибудь органную музыку.

Он негромко рассмеялся. Не зловеще — нет, просто от души и чертовски уверенно.

— Я так понимаю, какие-то отклонения в регламенте встречи, да?

Кинкейд покосился на меня и кивнул.

— Местные органы правопорядка желают присутствия на ней своего представителя, — сообщил я.

Никодимус склонил голову набок.

— Правда? Кто?

— Какая разница? — спросил Кинкейд скучающим тоном. — Архив готова разрешить это, если вы не имеете возражений.

Никодимус, наконец, окончательно повернулся в нашу сторону. Выражения его лица я не видел, только силуэт на фоне аквариума. Тень его, тем не менее, продолжала кружить по помещению следом за акулой.

— Два условия, — произнес он.

— Выкладывайте, — сказал Кинкейд.

— Во-первых, представитель должен быть безоружен, и Архив должна гарантировать его нейтралитет при отсутствии факторов, вступающих в противоречие с интересами правоохранительных органов.

Кинкейд снова покосился на меня. Условие насчет безоружности Мёрфи не понравится, но она его выполнит. Хотя бы потому, что не захочет идти на попятный передо мной — или, возможно, перед Кинкейдом.

Впрочем, я не понял, чем не устраивает Никодимуса присутствие вооруженного копа. Пистолеты этому типу нипочем. То есть совершенно. Тогда в чем дело?

Я кивнул Кинкейду.

— Отлично, — сказал Никодимус. — Во-вторых... — он двинулся вперед, гулко ступая по мраморному полу, пока мы не увидели его в свете ближнего напольного светильника. Это

был мужчина среднего роста и сложения, с симпатичными, сильными чертами лица и темными, интеллигентными глазами. Безупречно ухоженную шевелюру тронула кое-где седина, но для человека, чей возраст составляет две тысячи лет, он держался более чем неплохо. Одежду его составляли черная шелковая сорочка, темные брюки и то, что могло бы сойти за серый ковбойский платок, на шее. Только это был не платок. Это была старая, очень старая выцветшая веревка, ровесница его монеты. — Во-вторых, — произнес он, — я хочу поговорить пять минут наедине с Дрезденом.

— Не обижайтесь, Ник, — сказал я, — но это примерно на пять минут дольше того времени, которое я хотел провести с вами.

— Вот именно, — с улыбкой ответил он. Такую улыбку можно увидеть в сельских клубах, или на заседаниях совета директоров, или у крокодилов. — У нас ведь так и не было хорошей возможности мирно поговорить. Вот я и хочу исправить этот пробел, — он махнул рукой в сторону аквариумов. — По возможности, без разрушений, ладно?

Я смерил его хмурым взглядом.

— Мистер Архлеоне, — произнес Кинкейд. — Вы предлагаете мирные гарантии? Если так, Архив заставит вас придерживаться этого.

— Такого я не предлагаю, — ответил Никодимус, не сводя взгляда с меня. — Дрезден сочтет это лишенной ценности монетой, а в нынешней ситуации его мнение единственное, которое реально что-то значит, — он развел руками. — Просто поговорить, Дрезден. Пять минут. Уверяю вас, если бы я хотел причинить вам вред, даже репутация Адского Пса, — он сделал паузу, чтобы выразительно покоситься в сторону Кинкейда, — ни на мгновение не заставила бы меня колебаться. Я бы давно уже вас убил.

Кинкейд удостоил Никодимуса легкой, ледяной улыбки, и воздух буквально зажужжал от сгустившегося напряжения.

Я поднял руку.

— Полегче, Дикий Билл, — вполголоса произнес я. — Я поговорю с ним. Потом устроим общее заседание. Мило и цивилизованно.

Кинкейд покосился на меня и изогнул кустистую бровь.

— Вы уверены?

Я пожал плечами.

— Ладно, — кивнул он. — Вернусь через пять минут, — он помолчал. — Если любой из вас инициирует насилие, не укладывающееся в рамки дуэльного кодекса, это будет означать нарушение Уговора. Более того, это будет считаться оскорблением репутации Архива, и я лично прослежу за тем, чтобы оно не осталось безнаказанным.

Ледяной холод взгляда его голубых глаз предназначался преимущественно Никодимусу, но и мне досталось немного. Кинкейд не шутил; мне доводилось видеть его в деле. Он пугал меня, как мало кто другой из известных мне людей — по большей части тем, что он подходил к делу с бесстрастной практичностью, на которую влияли ни личные пристрастия, ни гордость, часто являющиеся определяющими в сверхъестественных разборках. Кинкейд не побоялся бы заглянуть мне в глаза, убивая меня, если бы до этого дошло. Впрочем, он без колебаний всадил бы в меня пулю и с расстояния в тысячу метров, или подложил бы мне бомбу в машину, чтобы прочитать о моей смерти на следующее утро в Интернете. Главное — выполнить работу.

Подобный подход вряд ли поможет вам, когда вам необходимо расправиться с соперниками по возможности более впечатляюще и драматически, однако, уступая другим по части эстетики, он превосходит их с экономической точки зрения. Марконе, из-за которого заварилась вся эта каша, действовал точно такими же методами — и далеко, надо сказать, продвинулся. В общем, из всех опасностей такие люди представляют собой *особо* экстремальную.

Никодимус снова негромко, мило рассмеялся. Похоже, Кинкейд не производил на него особого впечатления. Может, это и к лучшему. Избыток гордости может и сгубить.

С другой стороны, мои недолгие встречи с Никодимусом свидетельствовали о том, что

он, возможно, и впрямь настолько крут.

— Валяй, Адский Пес, — произнес Никодимус. — Чести твоей госпожи ничего не угрожает, — он начертил у себя на груди крест. — Сердцем клянусь.

Возможно, это было продолжение их старых разборок. Глаза Кинкейда вспыхнули диким огнем — и снова застыли как лед. Он кивнул мне, потом — точно так же — Никодимусу и вышел.

Я совершенно уверен в том, что, когда я остался наедине с самым опасным человеком из всех, кого я когда-либо встречал, в помещении не сделалось ни темнее, ни холоднее, ни более зловеще.

Но ощущение было именно такое.

Никодимус блеснул мне своей зубастой, хищной улыбкой, а тень его принялась кружить по стенам пустого вестибюля, медленно приближаясь ко мне. Как акула.

— Ну, Гарри, — произнес он, подходя ближе. — О чем мы с вами поговорим?

Глава ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Это вы хотели поговорить, — сказал я. — И не называйте меня «Гарри». «Гарри» меня называют мои друзья.

Он поднял руку ладонью вверх.

— А кто сказал, что я не могу стать вашим другом?

— Я сказал, Ник, — ответил я. — Хотите, повторю. Вы не можете стать моим другом.

— Если уж я должен называть вас Дрезденом, по справедливости вы должны звать меня Архлеоне.

— Архлеоне? — переспросил я. — И кого может скушать такой супер-лев рыкающий? Немного претенциозно, вы не находите?

На долю секунды его улыбка сделалась прямо-таки почти искренней.

— Для изгоя-безбожника вы, пожалуй, слишком хорошо знакомы с Писанием. Вы ведь понимаете, что я могу убить вас, не так ли?

— Выйдет большая потасовка, — заметил я. — И как знать? Может, повезет и мне.

Если очень, очень, очень повезет.

Никодимус согласно кивнул.

— Но только по везению.

— Ага, — отозвался я.

— И тем не менее, вы предлагаете подобное безрассудство?

— Привычка, — объяснил я. — В этом отношении вы ничем не отличаетесь от остальных, поверьте мне.

— Да, я выбрал для вас верную монету, — он медленно начал обходить меня по кругу — так обходит покупатель машину в салоне. — Ходят слухи, что один из Стражей разит своих противников Адским Огнем. Как вам это нравится?

— Я предпочел бы, чтобы он сопровождался ароматом альпийской свежести или, там, лесной хвои, а не только тухлых яиц.

Никодимус завершил круг и выгнул бровь.

— Вы не взяли монету.

— Я бы взял, но она у меня в свинье-копилке, — ответил я. — А свинок я не бью. Очень уж они хорошенькие.

— Должно быть, тень Ласкиэли ускользнула, — произнес Никодимус, качая головой. — У нее было несколько лет на то, чтобы поладить с вами, и вы все еще отвергаете наши дары.

— Такие, понимаете — с маленьким завитым хвостиком и большими, печальными карими глазами, — продолжал я, словно он не говорил ничего.

Один из его каблуков стукнул по полу с неожиданной силой, и он остановился. Он несколько раз с силой вдохнул и выдохнул через нос.

— Определенно, это именно та монета, что вам нужна, — он осторожно сцепил руки за спиной. — Дрезден, вы совершенно искаженно нас себе представляете. Так случилось, что при нашей первой встрече мы действовали с прямо противоположными друг другу целями, так что вы, возможно, почерпнули все свои познания о нас от Карпентера и его сподвижников. Церковь всегда отличалась отлично поставленной пропагандой.

— Мне кажется, убийства, страдания и разрушения, которые вы и ваши люди оставляете за собой, очень убедительно говорят сами за себя.

Никодимус закатил глаза.

— Да ладно вам, Дрезден. Вы сами время от времени совершаете такое. Бедолага Кассий все мне рассказал о том, как вы обошлись с ним там, в гостинице.

— Надо же, — улыбнулся я. — Случись кому войти сейчас, мне положено покраснеть, или как?

Секунду он молча смотрел на меня; эмоции и вообще какое-либо выражение испарились с его лица как роса с восходом солнца в пустыне. То, что на нем осталось, мало отличалось от совершеннейшей пустоты.

— Гарри Дрезден, — произнес он так тихо, что я едва разобрал его слова. — Я восхищаюсь вашей дерзостью перед лицом сил, превосходящих вашу. Я всегда восхищался ею. Однако *tempus fugit*. Для нас всех.

Я заморгал.

Для нас всех? Что, черт подери, хотел он этим сказать?

— Вы обращали внимание на окружающие вас знаки? — спросил Никодимус. — На существ, поступающих вопреки своей натуре? На созданий, ведущих себя так, как им не полагалось бы? На старые обычаи и традиции, от которых отреклись?

Я прищурился.

— Вы говорите о Черном Совете?

Он склонил голову чуть набок. Потом уголок его рта едва заметно дернулся, и он кивнул.

— Они перемещаются в тени, манипулируют марионетками. Некоторые из них могут входить в ваш Совет, да. Что ж, неплохое название.

— Не разыгрывайте из себя невинного младенца, — буркнул я. — Я видел последствия их налета на Арктис-Тор. Я знаю, как пахнет Адский Огонь. В этом участвовал кто-то из ваших.

Никодимус.

Зажмурился.

А потом ринулся вперед — быстро. Так быстро, что когда до меня дошло, что он сорвался с места, спина моя уже врезалась в находившуюся на расстоянии двух десятков футов от меня стену. Он не пытался причинить мне увечья. В противном случае я размозил бы себе затылок о стену. Он просто пригвоздил меня к стене, держа за горло стальной... крепче стали хваткой.

— *Что?* — спросил он все тем же, едва слышным шепотом. Глаза его, правда, изрядно расширились. Обе пары. Вторая, светящаяся неярким зеленым светом, отворилась прямо над бровями — Андურიил, вспомнил я.

— Ахк, — произнес я. — Глазгхх.

Рука его на мгновение дрогнула, потом он опустил веки, почти закрыв глаза. Еще спустя секунду он медленно, очень медленно ослабил хватку, дав мне глотнуть воздуха. Горло жгло огнем, но воздух в легкие снова поступал, и я жадно глотал его секунду или две, пока он не отошел от меня на шаг.

Я испепелял его взглядом, прикидывая, не просунуть ли его в знак протеста сквозь одну из этих коринфских колонн. Однако решил, что лишний раз бесить его не стоит.

Губы Никодимуса снова шевелились, но голос, исходивший из них, звучал теперь совершенно по-другому — мелодично, я бы сказал, лирично и бесполо.

— По крайней мере, *хоть какой-то* инстинкт выживания у этого имеется.

Никодимус тряхнул головой, словно отгоняя назойливого комара.

— Говорите, Дрезден, — произнес он своим обычным голосом.

— Я вам не друг, — хрипло произнес я. — И тем более, черт подери, не собачка. Разговор окончен, — я сделал пару шагов в сторону, чтобы обойти его, не выпуская его из поля зрения, и двинулся к выходу.

— Дрезден, — сказал Никодимус. — Стойте.

Я не сбавил шага.

Я почти вышел из вестибюля, когда он заговорил снова — почти извиняющимся тоном.

— Пожалуйста.

Я задержался, не поворачивая головы.

— Я... я реагировал неадекватно. Особенно в данной ситуации. Я прошу прощения.

— Ха, — сказал я, оглянувшись через плечо. — Все-таки жаль, что я *не* захватил с собой Майкла. Он бы в обморок упал.

— Ваш друг и его братья — орудия в руках организации, преследующей собственные цели, и всегда были таковыми, — заявил Никодимус. — Но наш разговор не об этом.

— Нет, — согласился я. — Разговор о Марконе.

Никодимус нетерпеливо отмахнулся.

— Марконе — проблема сиюминутная. Гораздо важнее проблемы стратегического характера.

Я повернулся к нему лицом и вздохнул.

— Мне кажется, вы несете ерунду. Но ладно, попробуем послушать. Что еще за проблемы стратегического характера?

— Те, что касаются деятельности этого вашего Черного Совета, — ответил Никодимус. — Вы уверены в том, что видели свидетельства использования Адского Огня при нападении на Арктис-Тор?

— Да, — я не стал добавлять слово «болван». Кто там говорил, что я плохой дипломат?

Пальцы Никодимуса сложились в подобие клешней и снова расслабились. Он задумчиво надул губы.

— Любопытно. Тогда единственный вопрос заключается в том, проникла ли эта отравка в ряды действительных членов нашего ордена, или... — он не договорил и выразительно покосился на меня, заломив бровь.

Я достроил эту логическую цепочку. В конце концов, нетрудно вспомнить, кто из людей владеет частью монет.

— Кто-то из Церкви, — прошептал я, ощутив неприятную пустоту под ложечкой.

— Если обратиться к истории, почти половину монет мы получили обратно именно таким образом, — заметил Никодимус. — Так что вы скажете, если я сообщу вам, что в будущем у нас с вами может быть много общих интересов?

— Боюсь, не слишком много скажу, — ответил я. — Буду слишком занят: буду смеяться вам в лицо.

Никодимус покачал головой.

— Близорукость. Вам не следовало бы позволять себе этого. Поработайте со мной неделю и посмотрите, будете ли вы настроены таким же образом по окончании.

— Даже если допустить, что у меня хватит глупости находиться рядом с вами хоть час, не говоря уже о неделе, я видел, как вы обращались с Кассием. Я не слишком рвусь привинчивать табличку с моим именем на двери его кабинета.

— Он не смог приспособиться к новым временам, — Никодимус небрежно пожал плечами. — Я оказал бы ему плохую услугу, если бы нежил его. Мы живем в опасном мире, Дрезден. К нему либо адаптируешься, либо нет — и в последнем случае умираешь. Жить за счет других значит паразитировать. Я слишком уважал Кассия, чтобы позволить ему опуститься до такого.

— Господи, ну и здоровы же вы трепаться, — восхитился я. — Вы правы. Все это смешно, даже слишком. Это почти как...

Жуткая догадка пронзила меня.

Никодимус мог быть кем угодно, но только не дураком. Он знал, что я не вступлю в его команду. Уж после того, как он обошелся со мной в прошлую нашу встречу, точно не вступлю. Он знал, что не заставит меня передумать, что бы он ни говорил мне. Возможно, я и сумел удивить его информацией насчет Арктис-Тора, но он запросто мог изобразить и это удивление. Так и так, все шло к тому, что этот разговор не завершится абсолютно ничем, и Никодимус не мог не понимать этого.

Тогда зачем он его ведет, спросил я себя.

Затем, что цель этого разговора не имеет ничего общего с тем, что мы обсуждаем, ответил я.

Он явился сюда не затем, чтобы сообщить мне что-либо или убедить меня в чем-либо.

Он хотел говорить со мной, чтобы как можно дольше задержать меня *здесь*.

Из этого следовало: что-то другое должно было случиться в каком-то другом месте.

Шестеренки у меня в голове пришли в зацепление и закрутились.

Господи, ну и метафора.

Этот *разговор* сам был метафорой всех этих переговоров. Никодимус пришел сюда не для того, чтобы говорить нам о нарушении Уговора. Он подстроил все эти переговоры, и цели его не имели ничего общего с подчинением талантов Марконе интересам павшего ангела.

Его интересовала дичь крупнее.

Я наставил конец посоха на Никодимуса, стремительно, с панической скоростью швырнул в него заряд воли и взвизгнул: — *Forzare!*

Невидимая сила сбила его с ног и с силой пушечного ядра швырнула на одну из мраморных колонн. Камень с оглушительным грохотом треснул, и с потолка посыпалась штукатурка, а за ней и кирпичи.

Я не стал ждать и смотреть, сильно ли обвалился потолок. В любом случае, это не смогло бы его убить. Я надеялся только, что это задержит его на время, достаточное, чтобы я успел добежать до остальных.

— Кинкейд! — крикнул я на бегу. Голос мой отдавался эхом от высоких сводов вместе с грохотом обвала. — Кинкейд!

Я знал, что у меня в распоряжении считанные секунды до того, как разразится крошечный ад.

— Кинкейд, уносите девочку отсюда! — орал я во всю глотку. — *Им нужна Ива!*

Глава ТРИДЦАТАЯ

Мой мозг действовал значительно быстрее моих ног.

С учетом снежных завалов на улице, Архиву логичнее всего было бы бежать в Небывальщину. Мир духов постоянно соприкасается с миром смертных во всех его точках. Даже не по себе становится, когда осознаешь, что абсолютно незнакомые, удаленные регионы Небывальщины могут соприкасаться с относительно близкими точками реального мира. Переход в Небывальщину опасен, если ты не знаешь точно, куда ты попадешь — я по возможности стараюсь избегать подобных эскапад. Однако когда тебя по-настоящему прижимают спиной к стенке (хорошо бы еще при этом у вас было бы побольше моего опыта побегов в Небывальщину), вы можете попытаться счастья и там, и почти всегда там оказывается безопаснее, чем по эту сторону барьера.

Я решил, что безопаснее исходить из того, что Архив достаточно сообразительна, чтобы благополучно перейти в потусторонний мир — собственно, она, наверное, и место это для переговоров выбрала, исходя из возможности возникновения такой ситуации. Однако динарианцы наверняка тоже понимали это — вряд ли позволили бы Архиву уйти из западни и вернуться, вооруженной на медведя. Наверняка они приняли какие-нибудь встречные меры, как в случае с Марконе.

Нет, об этом можно забыть. До меня вдруг дошло, что они проделали с Марконе именно это. Мощное заклятие, с помощью которого они в клочья порвали оборону убежища криминального короля, служило во всей этой схеме не только приманкой. Оно, можно сказать, стало полевым испытанием их методики отсекал значительное пространство от источников магических энергий, а вместе с ними от возможности перемещения в Небывальщину — захватив при этом в плен что-нибудь действительно большое.

Настоящий медвежий капкан индивидуального изготовления — и рассчитанный на Иву. Они собирались снова выстроить эту чудовищную пентаграмму.

Только на этот раз мне, похоже, предстояло оказаться внутри нее.

Одно хорошо, океанарий Шедда гораздо более приземистый и устойчивый, чем тот принадлежавший Марконе дом — хотя из этого вовсе не следовало, что прорывающиеся сквозь стены потоки энергии не обрушат обломков, достаточно больших, чтобы угрожать здоровью людей. Ну, и даже каменное здание не застраховано от пожара.

Пожар. В аквариуме. Надо же, какая ирония.

Но, что еще важнее, стоило бы пентаграмме выйти на полную мощность — а она уже начинала действовать; я ощущал своими магическими чувствами сопутствующие этому завихрения энергии, словно огромная, голодная змея извивалась в темноте — она отрезала бы здание от всего остального мира. В магическом смысле, конечно. Это означало, что черпать энергию для самозащиты мне было бы не проще, чем дышать, если бы меня сунули головой в аквариум.

Обыкновенно, работая над заклятием, вы черпаете энергию из своего непосредственного окружения. Она может истекать из чего угодно, из жизненных тканей всей планеты. В том энергетическом поле, которое мы называем «магией» невозможно проделать отверстие. Оно проникает всюду, подобно воде заполняет ниши и пустоты. Однако магический круг или пентаграмма, которая начала уже выстраиваться вокруг здания, способны изменить и это. В относительно небольшом пространстве океанария магической энергии останется не больше, чем ее было в момент замыкания фигуры. Ну, не так и мало: жизни в здании предостаточно, а обилие посетителей оставляет за собой множество эмоций, особенно детских. Но даже так, дом превратится в наглухо закрытый, герметичный ящик, и с учетом количества людей с магическими способностями, которые сейчас находились в здании, этих резервов вряд ли хватило бы надолго.

Попробуйте представить себе поединок на ножах в герметично задраенной телефонной будке — вы будешь задыхаться, потеть, и хватит вас очень ненадолго.

Так или иначе, но ненадолго.

В этом, конечно, и заключался их план. Лишенный возможности пополнить запасы магии, я мало чем отличался бы от неграмотного парня с пистолетом, тогда как Никодимус оставался бы почти неуязвимой боевой машиной.

На несколько секунд мои шаги замедлились.

С учетом всего изложенного моя спешка могла бы показаться просто безумием. Я хочу сказать, я изначально рассчитывал на поединок с кучкой демонов, причем такой, что мне необходимо было победить сразу же — или проиграть. И при всем этом, я не слишком отличился против них даже тогда, когда мог использовать против них практически все свои ресурсы без ограничений.

Я посчитал немного в уме. Если символ, используемый динарианцами, сопоставим размерами с тем, что я обнаружил в доме Марконе, его хватило бы, чтобы окружить только центральный блок аквариумов. Значит, Мёрфи с остальными, если они остались на прежнем месте, скорее всего, ничего не грозит. И еще, если они остались там, где мы входили в здание, в центральные залы им уже не попасть.

Из этого следовало, что здесь остаются только мы с Ивой и, возможно, Кинкейд — против Никодимуса, Тессы и всех динарианцев, которых они смогли выпросить, занять или украсть. Тот еще расклад. Очень, очень тот еще расклад. До омерзения тот еще расклад, честное слово. Хотя когда процентное отношение шансов измеряется астрономическими

величинами, игра почти лишается смысла.

Стало быть, возвращаться туда вредно для здоровья.

Впрочем, если я не вернусь, там останутся только Ива и Кинкейд, одни против всех. В том, что касается умения убивать, Кинкейд, возможно, один из самых умелых, и оставался таким уже не первое столетие — и все же он там только один. Ива, конечно, может полагаться на необъятные знания, но стоит отрезать ее от внешних источников магии, и все, что она сможет делать со всеми этими знаниями — это просчитывать стремительно уменьшающиеся шансы на спасение.

Все до единого волоски на моем теле разом сделали попытку встать дыбом, и я понял, что символ наполнился энергией. Еще несколько секунд — и поле замкнется.

Подозреваю, в конце концов все свелось к одному простому вопросу: тот ли я человек, который способен повернуться и уйти, зная, что опасности подвергается ребенок.

Это мы уже проходили. Не пойти туда будет значительно хуже.

Воздух в коридоре, по которому я бросился бежать дальше вперед, к центральным аквариумам, дрогнул, словно марево в жаркий день.

Действуй умом, не силой, Гарри. Уже на бегу я начал накапливать энергию — много энергии. Раз уж иного источника у меня не будет, стоит магическому полю замкнуться, придется полагаться только на собственную.

Обыкновенно я накапливаю энергию непосредственно перед тем, как ее тратить — фактически мое сознание играет роль туннеля, по которому она закачивается непосредственно в заклятие. На этот раз я копил ее, не давая ей выхода, и она отдавалась давлением в глазных яблоках. Температура тела разом подскочила на четыре, если не на пять градусов, и мышцы с костями тоже отозвались на это внезапной болью, от которой взгляд застелила багровая пелена. Каждое мое движение сопровождалось теперь разрядами статического электричества; их треск усиливался до тех пор, пока не начало казаться, будто я бегу по раскатанному рулону пузырьчатой полиэтиленовой упаковки. Голова разболелась так, словно в ней разом проснулись все новогодние похмелья, а легкие горели, как будто я дышал не воздухом, а газообразной кислотой. Я сосредоточился на том, чтобы продолжать движение — шаг за шагом, шаг за шагом.

Я ворвался в центральный зал. Мне показалось, что я прорвался сквозь завесу, которой здесь не было прежде, и я едва не врезался в скорчившуюся на полу демоническую фигуру. Я резко затормозил, и мы оба довольно-таки удивленно уставились друг на друга.

Как и большинство динарианцев, этот сохранил более-менее узнаваемую человеческую фигуру. Сухощавую, даже почти скелетообразную, обтянутую серой кожей. Из всех суставов и сочленений его торчали чуть искривленные, зловеще заостренные костяные шипы. Космы жирных, сваливавшихся волос падали на его костлявые печи, и обе пары глаз — карие человеческие и светящиеся зеленым демонические — смотрели на меня с нескрываемым потрясением.

Он припал к полу явно в процессе подготовки какого-то заклятия: на полу белел начертанный мелом круг, стояли зажженная свеча и сделанный из черепа кубок с водой. На плече у динарианца висела тяжелая холщовая сумка, в каких разносят бандероли. Одна рука его так и осталась в сумке: я явно ворвался в момент, когда он доставал из нее что-то.

К счастью для меня, моя голова на этот момент уже вполне включилась. Он был почти полностью поглощен подготовкой своего заклятия, поэтому передачи его включились с большим запаздыванием, нежели у меня.

Поэтому я просто врезал ему ногой по лицу.

Он охнул и полетел кувырком, расшвыряв по полу осколки зубов. Не знаю, что за заклятие он там готовил, но давать ему довершить начатую работу я точно не хотел. Я взломал его круг и духовно, усилием воли, и телесно, ворвавшись в него с разбега и высвободив заключенные в нем энергии прежде, чем они успели сложиться во что-то определенное. Взмахом посоха я сшиб его кубок из черепа так, что тот улетел в один из огромных аквариумов, и, продолжая движение, нацелился им в оглушенного динарианца.

— *Forzare!* — рывкнул я.

Часть кипевшей во мне энергии, вырвалась из моего тела и, наведенная на цель посохом, невидимым пушечным ядром устремилась в динарианца. Треснули и разлетелись брызгами миниатюрных молний статические разряды. Энергии получилось больше, чем я рассчитывал. Попади она в него, и он улетел бы куда-нибудь на середину озера Мичиган.

Однако пока смертная пара глаз динарианца оставалась совершенно ошалелой от неожиданности, светящиеся зеленые вспыхнули гневом. Утыканный колючками динарианец поднял левую руку, чуть встряхнул пальцами, поднес руку ко рту и...

...и просто-напросто *проглотил* мое заклятие.

Он его проглотил. А потом призрачное, напоминающее скелет лицо расплылось в зубастой... нет, уже щербатой после моего удара улыбке.

— Надо же, — пробормотал я, — какая возмутительная несправедливость.

Я успел вскинуть левую руку — динарианец припал к полу и выплюнул клубящееся облако черных нитей, описавших в воздухе несколько десятков крутых арок. Я выставил щит, но ни одна из нитей его так и не коснулась. Вместо этого они приземлились, сложившись на полу в почти идеально правильный круг.

Мгновением спустя мой щит дрогнул и сошел на нет. Энергия для его подпитки у меня еще имелась — заклятие динарианца не отрезало меня от внешних источников энергии. Однако каким-то неизвестным мне образом оно разрушало магию, стоило той покинуть мое тело. Я попытался швырнуть в него новый заряд энергии и ощутил себя полным дураком, размахивая посохом без мало-мальски заметного эффекта.

— Помехи, — произнес динарианец со странным, незнакомым мне акцентом. — Вечно помехи.

Левая рука его снова нырнула в сумку, а человеческая пара глаз вернулась к тому, что осталось от заклятия после моего вмешательства. Мое присутствие его явно не беспокоило. Впрочем, взгляд пары зеленых глаз оставался прикован ко мне, а вокруг указательного пальца поднятой правой руки внезапно соткалась темнота.

Время замедлило бег.

Темный свет устремился в мою сторону.

Чистое упрямство заставило меня сделать шаг вперед, пытаясь прорваться сквозь окружавший меня частокол тонких, вращающихся колонн темноты — только для того, чтобы обнаружить, что они прочны как стальные стержни и холодны как холодильник в доме у йети. Я тщетно колотил по ним своей магией, а тем временем поток тьмы приближался ко мне, целясь прямо в сердце.

Что-то случилось.

Я не знаю, какими словами это описать. Я пытался расшатать стержни моей сотканной заклятием клетки очередным зарядом энергии, когда... когда в это вмешалось что-то еще. Вам приходилось нести что-нибудь, и чтобы кто-то намеренно, но неожиданно подхватил вас за локоть? Вот что-то в этом роде ощутил тогда и я: несильный, но точно рассчитанный толчок — как раз в мгновение, когда я в отчаянии бросил на прутья все свои силы, всю свою волю.

Энергия с визгом вырвалась из моего тела. Она разнесла в клочья сотканые из черных нитей прутья моей тюрьмы и на мгновение воздух за ними осветился вспышкой металлического света, соткавшейся затем в сгусток жидкого хрома. Он на глазах превратился в увеличенное серебристое подобие моего кулака и обрушился на динарианца.

Я буквально осязал, как смыкаются мои пальцы на костлявом теле, ощущал, как впиваются в мою плоть торчащие из его суставов шипы. Я вскрикнул, отшвырнул его прочь, и огромная серебряная рука размазала динарианца по ближайшей стене. Тот выкрошил несколько квадратных футов дорогой каменной облицовки, довольно точно изобразив рекламу «Пасифик-Нортвест».

Секунду я оцепенело таращил глаза — сначала на оглушенного динарианца, а потом на собственные растопыренные пальцы... и на парившую в воздухе серебряную руку, в

точности воспроизводившую все мои движения. Похожий на скелет динарианец тем временем пришел в себя и вскочил, быстрый как дьявол. Он мог бы улизнуть, если бы я не подвинул руку вперед и не сунул его костлявую задницу дюймов на шесть в каменную стену.

— Ого-го, детка! — услышал я собственный безумный вопль. — Поговори-ка с ручкой!

Я схватил своего шипастого приятеля за ногу и расхохотался, глядя на то, как он барахтается, царапает и кусает иллюзорную руку, которая удерживает его. Я ощущал боль от его укусов, но не сильную. Так мог бы кусать меня какой-нибудь мелкий грызун. Неприятно, конечно — но мне доводилось терпеть и много, много менее приятные вещи, и потом, это было просто ерундой по сравнению с тем огнем, которым жгла меня изнутри накопленная энергия. Я еще раз двинул его хорошенько о стену, потом подкинул футов на двадцать в воздух, поймал, сунул сквозь толстенное стекло витража, втащил обратно и тут же сунул его в следующий пролет, а потом в следующий, полосуя его о битое стекло.

На какие-то полсекунды мои и без того перегруженные нервы взвыли, говоря о том, что Знак почти завершен. Источник энергии, питавшей его, находился к какой-то дюжине ярдов от меня — теперь я ощутил это наверняка. Времени выстроить щит у меня не оставалось.

Значит, это сделает за меня Колючка.

Я швырнул его между собой и тем местом, откуда, как говорили мои инстинкты, исходила эта энергия, а потом послышался рев, словно дюжина реактивных движков разом раскрутили свои турбины. В тридцати футах от меня стены разлетелись фонтаном обломков, света и Адского Огня. Жар, свет и неодолимый шквал энергии с размаху ударили по моим чувствам и сбили меня с ног. В воздухе свистели раскаленные каменные осколки, смертоносные как пули... да что там, смертоноснее.

Большая часть их пришлась на Колючку. Они прошли его насквозь, оставив за собой дымящиеся дыры. Я видел их сквозь серебристую дымку иллюзорной руки, продолжавшей удерживать его, ощущал жар в местах, где осколки пронизали ее, а потом...

...а потом голова моя с силой ударилась об пол, отчего в глазах моих вспыхнули звезды. Я поднялся на ноги и едва не свалился через парапет в бассейн с китами. Пару секунд я постоял, тяжело опершись на посох и задышав.

Я был еще жив. Я все еще сохранял болезненно большой запас энергии. Значит, подумал я оглушенно, пока что все идет абсолютно в соответствии с планом.

Шипастый скелет-динарианец валялся, дергаясь, на полу футах в десяти или двенадцати от меня. В теле его зияло несколько дымящихся сквозных отверстий. Одна из его рук еще шевелилась. И голова тоже. Однако ноги и нижняя часть туловища не шевелились. Из двух отверстий в его спине, пришедшихся точно в позвоночник, торчали осколки костей. Он — или она, не вижу особой разницы — вряд ли делся куда-нибудь отсюда в обозримом будущем.

Два мощных потока энергии, каждый футов восемь или девять в диаметре, пересекались в полусотне футов от меня. Это походило на... как если бы смотреть на пересечение двух полноводных рек — если, конечно, бывают реки из огня, а не из воды, и если реки вообще способны пересекаться, не нарушая течения друг друга. Я повернул голову и увидел сквозь разбитые витражи еще несколько таких же лучей, окружавших океанарий.

Самым жутким во всем этом было то, что все эти чудовищные потоки энергии не издавали не единого звука. Совершенно ни единого. Ни треска огня, ни рева перегретого воздуха, ни шипения пара. Ну, конечно, кое-где обваливалась кирпичная кладка, но и эти звуки стихли через пару секунд.

Именно тогда до меня дошло две вещи.

Серебряное иллюзорное воспроизведение моей руки, которым я схватил динарианца, исчезло.

И я не ощущал своей правой руки.

Я в ужасе опустил взгляд, но она оказалась на месте, только бессильно болталась. Я не чувствовал ничего ниже запястья. В ответ на команду пошевелиться мои пальцы только слегка дернулись — и все.

— Вот черт, — пробормотал я. Потом собрался немного с мыслями, крепче перехватил посох левой рукой и, сделав несколько быстрых шагов, остановился над Шипастым.

А потом врезал ему несколько раз по башке дубовым дрыном, пока он не перестал шевелиться.

В конце концов, обездвиженный — это не совсем то же самое, что оглушенный. Таких, как он, в здании находилось еще не один и не два, и мне вовсе не улыбалось, чтобы он криком выдал мое местонахождение, стоило мне повернуться к нему спиной.

Одним меньше. Еще бы знать, сколько их там еще осталось.

Я затаился в коридоре. Справа от меня была стена, слева выходившие на улицу витражи, и луч Адского Огня за спиной. Искать более безопасную позицию мне было некогда. Шума пока так и не было слышно, из чего следовало, что они еще не пытались захватить Архив. Кинкейд просто так не сдастся.

Но они были здесь — там же, где и я. А как же иначе?

Но им совершенно не обязательно знать, что я тоже здесь, вместе с ними.

Это могло бы стать преимуществом. Даже серьезным преимуществом.

Еще бы, Гарри. Какая кошка ожидает, что на нее начнет охотиться мышь?

Я сунул онемевшую правую руку в карман ветровки и, стараясь не обращать внимания на пронизывавшую меня до костей боль от неизрасходованной энергии и на леденивший живот ужас, бесшумно двинулся вперед — расквасить носы кое-кому из падших ангелов.

Глава ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я читал, что дельфины, возможно, не менее разумны, чем люди. Я даже читал как-то статью про исследовательницу, которая утверждала, что по результатам ее опытов стало ясно: дельфины нарочно проваливают тесты, и ей потребовалось несколько лет, чтобы понять это — выходит, они могут оказаться даже *умнее* нас. Ну, конечно, читал я и статьи, в которых утверждалось, что они глупее, чем о них думают. Поскольку сам я в шашки с дельфинами не играл, а для меня шашки одно из основных мерил сообразительности, у меня как-то не имелось собственного мнения на этот счет — до того самого дня в океанарии Шредда.

До момента, когда эти мелкие дельфины проплыли мимо меня в совершенной тишине — ну, не считая негромких всплесков, когда спинные плавники их вспарывали поверхность воды — а потом вдруг подняли невообразимую бучу футах в семидесяти впереди, за поворотом опоясывавшего аквариумы коридора, плескаясь, щелбеча и пища во всю свою дельфинью мочь.

Наверное, секунду я тупо тарасился в ту сторону, пока до меня не дошло: нехорошие парни засечены в непосредственной близости от меня. Судя по всему, водоплавающие американцы решили, что я из нашей команды. Щелбет и плеск оборвались так же неожиданно, как начались, и дельфины ушли под воду.

Я услышал поскрипывающий, похрустывающий звук, и инстинкт заставил меня задрать голову. По заснеженным с наружной стороны зенитным фонарям океанария скользила тень.

Еще один повод попытки Никодимуса отвлекать меня как можно дольше сделался мне совершенно ясен. Ему требовалось время расставить своих людей как внутри здания, так и на его крыше — после того, разумеется, как он более-менее установил местонахождение Архива.

Я бросился в мох у дорожки между аквариумами и съезжил под самым густым кустом, какой сумел найти. При этом я все еще старался удержать в себе остатки накопленной энергии, надеясь на то, что ее хватит больше чем на одну хорошую плюху.

Мгновением спустя послышался звон, и вниз полетели осколки стекла. Сверху бесшумно свалилось несколько темных, не похожих на человеческие фигур.

Я выбрал дальнего от центра активности и, соответственно, внимания динарианца,

прицелился в него своим посохом из укрытия и с возгласом «*Forzare!*» разрядил в него еще одну порцию энергии. Невидимая сила поймала его на лету. Я так и не успел как следует разглядеть его; в памяти запечатлелись только мощная мускулатура и гребень кожистых пластин вдоль позвоночника.

В свободном падении от мышц немного пользы, сколько бы падших ангелов в тебе ни сидело. Если только у тебя нет крыльев, все за тебя решают Матушка Земля и сэр Исаак Ньютон.

Я не пытался закинуть его в центр бассейна. Я только немного подправил траекторию его полета, чтобы он, отклонившись от курса футов на тридцать, приземлился точнехонько в один из этих лучей титанической энергии.

Последовала вспышка белого света, на короткое мгновение на сетчатке моей отпечаталась тень человеческого скелета, а потом из луча вывалилось, вращаясь, что-то раскаленное добела. Оно плюхнулось в один из бассейнов и злобно зашипело, окутавшись облаком пара. Дельфины врассыпную бросились прочь от этого места.

А потом я застыл, не шевелясь.

Динарианцы сыпались с потолка как дождь. Примерно полтора десятка их приземлились с тяжелым, глухим стуком, парой всплесков...

...и шлепком. Один из них, ящероподобная тварь, упал в листву в каких-нибудь пяти футах за моей спиной, и у него недоставало двух третей головы. Несколько секунд он отчаянно дергался, разбрызгивая вокруг себя очень похожую на человеческую кровь, потом застыл неподвижно, просто истекая кровью.

Я обшарил взглядом потолок и обнаружил в одном углу темное пятно.

Кинкейд висел как паук, только роль паутины исполняли какие-то тросы, и не шевелился. Я сообразил, что у него в голове то же самое, что у меня: убрать как можно больше врагов, пока те не сообразили, что бой уже начался, пока они еще придерживают силу для главного заклания. Он хмуро улыбнулся мне, чуть дернул головой, словно говоря «после тебя», и приложился щекой к прикладу винтовки с навинченным на ствол тяжелым, непропорционально большим глушителем.

Помнится, Кинкейд как-то сообщил мне — совершенно спокойно, — что если захочет убить меня, сделает это из винтовки с расстояния в милю. Здесь дистанция выстрела не превышала сотни футов, но Кинкейд убрал динарианца прямым попаданием в голову, может, даже не одним, в момент, пока тот падал среди града стеклянных осколков. Я боялся его как черт лаdana, и он запросто мог обрушиться на меня, как мои нынешние противники, но каким-то неведомым мне образом мой страх преобразился во что-то знакомое — и очень, очень опасное.

Ясное дело, числом враг мог и превосходить меня, но в том, что он превосходит меня умением, я начал сомневаться. Похоже, Падшие до предела самонадеянны, а также совершенно не привыкли к импровизации или переменам темпа. Конечно, носители монет опасны — но ненамного опаснее тех, с кем мне уже приходилось скрещивать, так сказать, шпаги.

Выходит, Никодимус опасен потому, что он Никодимус — не потому, что он падший ангел или еще кто-нибудь. И хотя я был бы полным идиотом, забыв о той смертельной угрозе, которую он собой представляет, я пережил уже одну встречу с ним, да и на этот раз разглядел подвох, пусть и в самую последнюю минуту.

Я бросил взгляд на окровавленные, слабо дергающиеся на мху останки обезглавленного динарианца. Возможно, поверх плеч у этих уродов и выглядывали жуткие ангелы — но следующую пару минут приглядывать за ними буду и я.

От этого они не становились менее опасными. Просто теперь я знал, что у меня есть шанс выстоять в поединке с ними.

Значит, никаких громов и молний. Для этого у меня оставалось слишком мало энергии. И времени терять я тоже не мог. Я встал и побрел по мху туда, куда по моим расчетам должен был упасть следующий из ближних ко мне динарианцев — к пологому склону

искусственного холма, пытаться идти по которому бесшумно было бы верным самоубийством. Впрочем, приземлившись на нее динарианец неподвижным не оставался. В месте его падения я обнаружил на земле отпечатки растопыренных когтистых ног. Вроде индюшачьих, только крупнее.

Я застыл: где-то справа от меня плеснула вода. Краем глаза я увидел динарианца, выбирающегося из бассейна с дельфинами. Девица-Богомол, Тесса. Она перебралась через поручни мостика для посетителей — ловко, но не без опаски. В когтях одной из лап — или рук? — блеснуло серебро. Она подобрала монету того динарианца, которого я толкнул в силовой луч. Она знала, что они не одни. Меня от нее ничего не закрывало, но я стоял, не шевелясь, и, похоже, она меня не заметила.

Девица-Богомол прыгнула на бетон и скрылась из вида. Где-то послышался и тут же стих щебечущий, похожий на обезьяний звук.

Я осторожно, напрягая слух, двинулся дальше. Где, черт подери, действие? Где взрывы, крики, вопли, где весь положенный саундтрек? Пока что все это напоминало какую-то огромную, зловещую игру в прятки.

Что, вдруг сообразил я, возможно, является ответной стратегией Архива. Поддерживать силовое поле исполинского символа долго невозможно — слишком много энергии для этого требуется. Сумей она прятаться от врагов до тех пор, пока символ не перестанет действовать, и она сможет бежать отсюда. Ей не потребуется расходовать драгоценную энергию в последней, отчаянной попытке защититься — если, конечно, она сумеет сохранять спокойствие и сосредоточенность, необходимые для поддержания завесы. Это может заставить динарианцев искать ее вслепую, пытаться пробить ее завесу, а Кинкейд тем временем будет отстреливать их поодиночке. Чертовски... нет, божественно умная тактика.

Где-то в дальнем конце зала раздался полный боли вопль динарианца. Взгляд мой метнулся к тому месту, где висел Кинкейд. Он исчез. С потолка свешивалась, касаясь кустов, веревка, но он оставил открытую позицию — похоже, убрав перед этим еще одного врага.

Я невольно ухмыльнулся. Класс. Если игра заключается в этом, я тоже могу в ней поучаствовать. Кто не успел спрятаться, я не виноват.

Я срезал через мох и кусты дорогу к зрительскому амфитеатру, но застыл на полпути, пригнувшись, когда совсем рядом послышались приглушенные голоса.

— Да где же она? — спрашивал низкий, гулкий мужской голос.

Искусственная зелень мешала мне увидеть источник голосов, пока я не поднял взгляд к потолку. Свет и тени, объединившись, создали для меня отличный экран на одной из оставшихся целыми стеклянных поверхностей потолка. Трое динарианцев сидели на скамье амфитеатра. Говоривший мало чем отличался от огромной, кожистой гориллы — разве что козлиными рогами и тяжелыми когтями.

— Заткнись, Магог, — огрызнулась Девица-Богомол. — Я не могу соображать, пока ты мелешь своим дурацким языком.

— Время почти вышло, — буркнул Магог.

— Она это знает, — прорычал третий динарианец. Я узнал его... ее. Она вполне сошла бы за женщину, если не считать ног коленками назад, заканчивавшихся когтистыми кошачьими лапами, ярко-красной кожи и массы десятифутовых металлических полос-лезвий на месте волос. Дейдре, милая дочурка Никодимуса. Она повернулась обратно к Тессе. — Но Магог говорит правду, мама. Поиск по запаху ничего не дал, — она помахала в воздухе маленьким красным носком. — Ключки одежды с ее запахом раскиданы по всему залу.

— Это все работа Адского Пса, — злобно прошипел Магог. Зеленые глаза ярко светились над тускло-коричневыми звериными. — Он уже бился с нами.

— Он охотится на нас, — сказала Дейдре, — пока она заставляет нас сосредоточиться на попытках прорвать ее завесу. Они слишком хорошо сработались. Он убил двоих из нас. Трех, если считать Урумвиила.

Тесса подбросила серебряную монету на ладони-клешне.

— Тело Урумвиила, возможно, погибло из-за его собственного идиотизма, — возразила

она. Ее фасетчатые глаза, казалось, чуть прищурились. — Или, возможно, это чародей сумел вернуться прежде, чем замкнулся Знак.

— Ты думаешь, *этот* жалкий пьянчуга одолел *отца*? — возмутилась Дейрдре.

Я ошетинился.

— Ему не нужно одолевать его, дура, — сказала Тесса. — Достаточно просто бежать быстрее. И это объясняет еще и то, почему так и не появился Намшиил Колучий.

Ага. Если Шипастый и очнется, он будет сильно мучиться похмельем имени Дрездена. *Забей это себе в трубку и выкури-ка, Диди.*

— Чародей — ерунда, — пробурчал Магог. — Если девчонку не найдут, и быстро, все это нам безразлично.

Тесса щелкнула пальцами и повторила свой отвратительный фокус, когда богомол открывал рот, а из него высовывалась хорошенькая девичья головка.

— Конечно, — произнесла она, глядя на Дейрдре. — Я могла бы догадаться и раньше.

Дейрдре склонила голову набок, зловеще лязгнув волосами-лезвиями.

— О чем?

— Весь этот план рассчитан, исходя из атаки на девчонку, не Архив, — сказала Тесса, и улыбка ее сделалась угрожающе-свирепой. — К черту девчонку. Достаньте мне Адского Пса.

Глава ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мне потребовалась секунда, чтобы увидеть, что задумала Девница-Богомол, и вдвое меньше времени, чтобы возненавидеть ее за это.

У Ивы не было семьи. У нее и имени-то не было, пока я его ей не дал. Она была просто Архивом. Все, что у нее имелось — это некоторая власть, ответственность, и знания, и опасность — и Кинкейд. При том, что Архив понимал: наиболее рационально позволить Кинкейду умереть ради спасения Архива, *Ива* не смогла бы принять решения с той же холодной, рациональной отрешенностью. Из всех, с кем она имела дело, Кинкейд больше всего подходил под определение «семья». Она не позволила бы причинить ему вред. Просто не смогла бы.

Будь они прокляты — типы, способные обернуть одиночество маленькой девочки против нее же.

Великие замыслы и апокалиптические планы — все это прекрасно, но все это имеет одно преимущество: это не относится к кому лично. Это же представляло собой примитивную, расчетливую жестокость, сознательно нацеленную на ребенка — и это взбесило меня сверх всякой меры.

Дейрдре стояла ко мне ближе остальных. Отлично.

Я выступил из кустов, сделал широкий взмах посохом и выпустил еще часть энергии из той, что удерживал с таким болезненным усилием.

— *Ventas servitas!* — рявкнул я.

Порыв ветра подхватил Дейрдре, сорвал со скамейки и швырнул через бассейн с силой шарика, выплюнутого детским духовым пистолетом. Я бы с удовольствием бросил ее на ближний луч пентаграммы, но стоило ей оторваться от земли, как змееподобные ленты ее волос растопырились наподобие парашюта и, затормозив полет, изменили его траекторию.

Я не стал смотреть, куда она приземлилась. Не успели ноги Дейрдре оторваться от земли и на ярд, как Магог резко повернулся и бросился в мою сторону через спинки скамеек так, словно их и не было вовсе. Забудьте, что я говорил насчет замедленной реакции. Время реагирования Магога равнялось нулю... ну, или даже немного меньше. Он выступал в весовой категории от семисот до восьмисот фунтов, и он одолел разделявшие нас сорок футов за пару секунд. Ни за что бы не поверил в такое, когда бы не видел этого собственными глазами.

Но, конечно, быстрая реакция не всегда одно и то же, что реакция разумная. Похоже,

Магог привык к тому, что сила его неодолима.

Я изготовил свой браслет-оберег и вставил в него еще немного из оставшейся во мне энергии. Потом произнес слова заклинания — высоким, звенящим от напряжения голосом, почти неслышным на фоне боевого рева Магога. Обыкновенно мое защитное поле искрится и переливается бело-голубым сиянием.

На этот раз я оставил его прозрачным — пусть Магог не поймет, что причинило ему боль. Динарианец врезался в невидимый барьер, рассыпав фонтан серебряных искр. Опыт показал, что с таким же успехом он мог бы пытаться сдвинуть с места горный склон. Впрочем, натиск этой гориллоподобной твари не ограничивался одной физической составляющей, и к серебряным вспышкам моей обороны добавилось неприятное багровое свечение. Энергия столкновения передалась через браслет потоком жара, ошпарившего мне кожу на запястье — однако барьер устоял, и оглушенный Магог отшатнулся назад.

— Эй, — произнес я, убирая щит. — Где тут у нас места для восьмисотфутовых горилл? — я сделал шаг вперед и со всей силы врезал ему ногой в самое что есть его, так сказать, достоинство, сразу же добавив посохом по шее. Магог взвыл от боли и повалился на скамейки. — Там, где подушек побольше, да, морда обезьянья?

Мои инстинкты взвыли, предупреждая меня об опасности, и я бросился ничком между скамьями за долю секунды до того, как эта сучка-Богомол уставила в меня палец и взвизгнула: — *Амаль-бижаль!*

Громыхнул гром, полыхнула вспышка, меня обожгло жаром, и там, где только что стояла секция зрительских скамей, вспухло облако огня, из которого летел дымящийся головешки.

Блин-тарарам. Чернокнижница. И ведь сильная, чтоб ее...

Я снова изготовил щит, уже очень хорошо понимая, как мало осталось у меня энергии. Поэтому щит я выстроил маленький, не больше трех футов в диаметре, и начал, было, вставать, когда краем глаза уловил над собой какое-то движение: Тессу в высоком прыжке. Она снова закричала, я охнул и свернулся калачиком, прикрываясь щитом от нового удара молнии.

Ударная волна больно двинула меня плечами о бетонный пол. Вспышка ослепила меня, гром оглушил, и на некоторое время весь мир превратился для меня в белое марево. Легкие на пару секунд забыли, что им положено делать, а вот ноги еще трепыхались, пытаясь оторвать меня от земли.

Я как раз начал соображать, кто я и где я, когда новый оглушительный взрыв грянул где-то совсем рядом и швырнул меня обратно на бетон. И еще раз. Я попытался выставить щит, но не видел ничего, кроме желтых пятен, да и энергии для щита не осталось совсем. Это было как если бы я шел, и пол под ногами вдруг даже не провалился, а просто исчез. Собственно, буквально это и произошло секундой спустя, когда я перевалился через спинку скамейки и свалился на пару рядов вниз, больно приложившись по дороге.

Какая-то из оглушенных частей меня сообразила-таки, что я ошибался в своих предположениях. Тесса вовсе не собиралась убирать меня сама. Она просто старалась держать меня оглушенным и дезориентированным на достаточный срок, чтобы успели подтянуться ее люди. Та же часть меня сообразила (еще более запоздало), что я позволил себе втянуться в бой исключительно из-за того, что услышал, что позволил эмоциям возобладать над рассудком — и, похоже, зря.

Что-то выбило посох у меня из руки. Я потянулся за пистолетом, но тут какая-то чудовищная сила швырнула меня на землю, а потом что-то вроде стального рельса сдавило мне шею.

Вспыхнувшие в глазах звезды, наконец, начали гаснуть, позволив мне разглядеть стоявшего надо мной динарианца. Этого я не видел еще ни разу: бесполоая, гладкая, выточенная из обсидиана статуя стояла, наступив ногой мне на горло; зеленые глаза светились поверх ярко-голубых человеческих. Вторая тварь, покрытая серыми, пыльными на вид перьями, с пучком серых извивающихся щупалец на месте лица, прижимала мои

запястья к земле.

Рядом стояла и, прищулив глаза, вглядывалась куда-то в дальний конец зала Тесса.

— Смотрите, не задушите его, — бросила она. — Он не сможет говорить, если потеряет сознание.

Обсидиановая статуя ослабила давление на мое горло.

— Докладывайте, — приказала Тесса.

— Мы полагаем, Адский Пес прячется в туалетах, — послышался напряженный, резкий женский голос.

— Вы полагаете?

— Вартиэль и Ордиил повержены, а МакКаллен мертв. Они вели поиски там. Выход перекрыт. Бежать из помещения он не мог.

— Их монеты? — спросила Тесса.

— Все у нас, госпожа.

— Спасибо, Розанна. Еще что-нибудь?

— Мы обнаружили Намшиила Колючего, без сознания, смертельно раненого. Место, где он лежит, сильно разрушено.

— Да. И при этом все проделано довольно тихо. Похоже, наши сведения о юном чародее не соответствовали истине.

Кто-то, предположительно сучка-Богомол, пнул меня ногой в ребра. Больно. Впрочем, я все равно ничего не мог с этим поделать, кроме как попытаться вздохнуть.

— Очень хорошо, — сказала Тесса. — Возьмите Магога и Дейдре и займитесь Адским Псом. Захватите его живым. Сделайте это в ближайшие пять минут.

— Да, госпожа, — проскрежетала Розанна. Что-то, по звуку напоминающее цокот копыт, удалилось от нас в направлении туалетов.

В поле моего зрения снова появилась Тесса, из чудовищного хитинового тела которой торчало очаровательное девичье личико. Она улыбалась.

— Ты храбр во всех отношениях, мальчик. Это очень мило. Мой муж любит видеть такое в своих рекрутах, — она снова лягнула меня в ребра. — Лично меня это бесконечно раздражает. Но я согласна вести себя хорошо, тем более, если нам в будущем предстоит работать вместе. Я дам тебе шанс исправиться. Скажи нам, где девчонка.

— Самому хотелось бы знать, — прохрипел я. — Тогда бы я совершенно осознанно вместо этого посоветовал бы тебе угребывать на хрен.

Она весело, игриво даже рассмеялась и нагнулась, чтобы подергать меня за сломанный нос.

Ладно.

Ух...

— Говорят, мужчине положено дать три шанса сказать «нет», — сообщила она.

— Так побереги нам обоим время и силы, — посоветовал я. — Дважды «нет». Вместе три раза.

— Как тебе угодно, — кивнула Тесса.

Она сунула руку в карман моей ветровки, достала мой револьвер, навела его на мою голову и нажала на курок.

Я успел еще дернуться и подумать: *стой, стой, это неправильно!*

Ствол полыхнул огнем.

Послышался громкий, очень громкий звук.

Я попробовал прикрыться щитом, но у меня не вышло ничего, абсолютно ничего. Вся магия *пропала*.

Значит, это чье-то другое заклятие аккуратно изменило траекторию полета пули, направив ее точно в ту покрытую перьями тварь, что держала меня за руки.

В животе у меня похолодело, когда я понял, что произошло.

Должно быть, Ива все это время находилась рядом, тихо сидя на скамейке, надежно укрытая завесой от всего происходящего. Теперь она стояла футах в десяти от нас. Обычная

маленькая девочка, только выражение лица очень серьезное — и щеки ее блестели от слез.

— Отойдите от него, — тихо произнесла она. — Все отойдите. Я не позволю вам делать ему больно.

До сих пор мне в голову не приходило никого кроме Кинкейда. Но если подумать, из всех людей, имевших дело с Архивом, я, похоже, один-единственный проявил интерес к ней самой, а не только к заключенным в ней знаниям. Я тоже заботился о ней. Я дал ей имя. Как это ни печально, но факт: я был ближе всего к тому, что девочка могла бы называть своим другом.

Со мной она тоже не могла позволить ничему случиться.

И я только что взял и выдал ее динарианцам.

Тесса откинула голову назад и испустила долгий, торжествующий крик.

Глава ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Ива, — произнес я тоном, каким обращаются к детям, не желающим ложиться спать. У меня это получается лучше, чем вы могли бы ожидать — все-таки я не первый день работаю с ученицей. — Прикройся снова занавесой и убирайся отсюда.

Тесса еще раз лягнула меня в ребра с силой, достаточной для того, чтобы я на некоторое время задохнулся и утратил дар речи.

— Когда мне захочется узнать твое мнение, Дрезден, — сообщила она, — я прочту это по твоим потрохам.

Ива сделала два шага вперед и сощурила свои голубые детские глаза.

— Повторяю для недостаточно сообразительных, Полония Лартесса. Я не позволю тебе причинять ему боль. Отойди от него.

Взгляд Тессы вдруг недобро сузился.

— Тебе известно мое имя.

— Мне известно о тебе все, Лартесса, — ответила Ива ровным, бесстрастным тоном. — Разумеется, все это записано. В те времена в Фессалониках все записывалось. И убыточная торговля твоего отца. И то, как тебя продали в храм Исиды. Если тебе угодно, я могу построить график расходов и прибыли за твой первый, учебный год в храме до появления Никодимуса. Или могу представить это в виде таблиц, если тебе так будет понятнее. И раскрасить их фломастерами. Я люблю фломастеры.

Не могу сказать наверняка, но все весьма смахивало на то, что девочка пыталась преподавать нехорошим парням ту трепку, которую не мог преподавать им в силу обстоятельств я. Конечно, она могла бы поработать еще немного над качеством исполнения, и все равно эта мысль грела душу. Если бы я мог дышать, я бы даже немного поперхнулся.

— Думаешь, меня может оскорбить то, другое что ты знаешь, откуда я, а, детка? — огрызнулась Тесса.

— Я знаю о тебе больше, чем ты сама, — ответила Ива все тем же уверенным голосом. — Мне гораздо точнее, чем тебе, известно число людей, которым ты причинила вред. Как много плохих ситуаций ты сделала еще хуже. Камбоджа, Колумбия и Руанда в числе самых последних твоих деяний, но будь то конфликты прошлого века, или война Алой и Белой Роз, или Столетняя война, твоя история в них — это все та же глупая история, повторяемая снова и снова. Ты выучила свои уроки еще в детстве и с тех пор ни разу не отступила от шаблона. Ты стервятница, Лартесса. Падалыщица. Ты кормишься зараженной или протухшей плотью. Все целое или здоровое тебя страшит.

Девочка не видела динарианца, который, крадучись, вынырнул из кустов за ее спиной и обрушился на нее несколькими сотнями фунтов чешуи и клыков.

— Ива! — поперхнулся я.

Она контролировала ситуацию. Блеснула вспышка, резко пахнуло озоном и глаженным бельем, и из кучки пепла, осевшей на землю (при этом в радиусе трех футов от маленьких ножек не упало ни крупинки), выкатился серебряный динарий. Монетка катилась по прямой,

направляясь к Тессе, но Ива прижала ее к земле башмачком.

— Маленькая, — произнес я, имитируя Санин русский акцент и борясь с нездоровым хихиканьем. — Но *сви́ренная*.

Тесса смотрела на прижатую к земле монету с легкой улыбкой на губах.

— Расточительно. Как ты думаешь, много ли таких заклятий тебе удастся прежде, чем ты останешься без энергии, малышка?

Ива пожала плечами.

— Много ли у тебя миньонов, которыми ты готова пожертвовать? И многие ли из них желают умереть за тебя?

— Эй, все, — крикнула Тесса. — Сделайте так, чтобы она вас увидела.

И в ответ на ее зов со всех сторон возникли кошмарные фигуры, огромные по сравнению с ее одинокой, хрупкой фигуркой. Дейдрре, насквозь промокшая, воняющая тухлой рыбой и водорослями, недобро покосилась в мою сторону, поднимаясь по ступеням амфитеатра, чтобы встать рядом с матерью. Пернатая тварь, продолжавшая удерживать меня за руки, тихо истекала кровью, негромко поскуливая, но хватки на моих запястьях не ослабляла. С искусственного склона, ковыляя по-обезьяньему, спустился с нехорошей ухмылкой на морде Магог, и я подумал еще, куда, черт подери, запропастился Кинкейд. Обсидиановая статуя чуть сменила позу, удерживая меня за грудь рукой — у меня сложилось впечатление, что при желании динарианец мог бы без особого усилия продавить мою грудную клетку вплоть до позвоночника.

Вокруг стояло с полдюжины других. Розанна оказалась довольно красивой женщиной, классической демонессой с алой кожей и козлиными ногами, черными кожистыми крыльями и изящно изогнутыми рожками. Вот только глубоко посаженные карие глаза терялись под парой горящих зеленых. На плече ее висела сумка, такая же, как у Шипастого — Тесса называла его Намшиилом Колючим. Ну, и остальные тоже отличались, каждый по-своему, зловещей, опасной и просто жуткой внешностью.

Подозреваю, даже в Аду проще найти крепкие спины, чем крепкие мозги.

Ива повернулась к ним лицом и подняла руки в отдаленном подобии оборонительной стойки из восточного единоборства. На самом деле это было не так. Она готовилась управлять защитными энергиями. Просто до сих пор мне не приходилось видеть никого, кто готовился наводить каждой рукой по два заклятия одновременно.

Тут в голову мне пришло два вопроса. Во-первых, если план динарианцев заключается в том, чтобы истощить у Ивы запасы магии, а потом одолеть ее грубой силой, почему они не сделали этого до сих пор? И во-вторых...

Что это за шипящий звук такой?

Он нарастал постепенно — я вообще едва слышал его, пока не сосредоточился на нем, отстранившись от исходящих от Пернатого животной вони и запаха крови, от ледяной незыблемости руки Обсидиановой Статуи.

Негромкий, но ровный шипящий звук вроде выходящего из пробитой шины воздуха или...

Или струи дезодоранта из баллона.

Я поднял голову и завертел ею, пытаюсь заглянуть поверх конечностей Пернатого, которые оказались не руками, не ногами, а чем-то средним между ними как у паука. Я не видел, чем именно он удерживает мои запястья, но и не хотел этого видеть. Зато я увидел пару листков, трепетавших на кусте, из-под которых поблескивало что-то металлическое; именно оттуда доносилось загадочное шипение.

Газ.

Весь этот план рассчитан, исходя из атаки на девчонку, не Архив.

По сравнению со взрослыми масса тела ребенка очень невелика.

Отравляющее вещество, распыленное в воздухе, окажет гораздо более сильное действие на Иву, нежели на динарианцев — или даже на любого взрослого. Все, что оставалось сделать нехорошим парням, это найти обездвиживающий состав, эффективность

которого зависит от веса тела — и у них в руках окажется идеальное оружие против нее. Должно быть, Тесса с Никодимусом заставили нескольких самых старательных своих лакеев притащить сюда баллоны с газом, открутить в нужный момент вентили и подождать, пока она свалится.

Мои мысли метнулись назад, к заклятию Намшиила Колючего, которым он занимался под прикрытием своей завесы. Маленькая деталь, на которую я тогда почти не обратил внимания, вдруг всплыла в моей памяти. Тогда меня волновало то, что за заклятие он готовит. А стоило бы беспокоиться о том, *где* он этим занимался: прямо под пучком мощных воздуховодов. Возможно, он собирался привести в действие какое-нибудь воздушное заклятие, которое бы разгоняло газ по всему пространству океанария.

Может, мне померещился запах каких-то медикаментов? Или кончик моего носа онемел? *Блин-тарарам, Гарри, тебе некогда ни ударяться в панику, ни валиться в обморок.* Нужно предупредить Иву.

Я повернул голову обратно и поймал на себе взгляд Тессы.

— Догадался, умник? — пробормотала Девица-Богомол. — Если он заговорит, — приказала она Обсидиановой Статуе, — раздави ему грудь.

Голос, прозвучавший со стороны головы изваяния-андрогина, отличался причудливой модуляцией.

— Слушаюсь, гос...

Послышалось звонкое «чпок!», комок спрессованного воздуха легонько прошелся по моей коже, и головы Статуи — равно как и Пернатого — разом взорвались облачками разноцветных брызг. Статуя превратилась в подобие вышедшего из повиновения асфальтоукладчика, разбрызгивая на все стороны черную, напоминающую горячий асфальт жижу, и, наконец, повалилась сначала на спину, потом перекатилась на четвереньки и принялась колотить кулаками по бетонному полу. Наверное, она все еще пыталась разможить меня, только без головы ей было трудно сообразить, что нас разделяет шесть футов, и она просто крушит ни в чем не повинный пол.

Пернатый просто рухнул, обливаясь очень напоминающей человеческую по цвету — и запаху, и, могу утверждать смело, вкусу — кровью, и придавил меня всей своей трехсотфунтовой тушей.

— Ива! — заорал я. — Газ! Уходи!

А потом сделалось очень шумно.

Серия трескучих ударов прозвучала быстрее, чем вы успели бы щелкнуть пальцами, и со всех сторон послышались полные боли и злобы вопли динарианцев. Придавленный телом Пернатого, я все-таки увидел сквозь застилающую глаза пелену разбегающихся в поисках укрытия динарианцев и вспышку очередного выстрела в дальнем углу зала. Что ж, по крайней мере я знал теперь, где находится Кинкейд — в точке, откуда он смог убрать разом *двоих* одержимых демонами психов, причем *одной -единственной* пулей; любое другое решение означало бы мою мгновенную смерть.

— Он больше не нужен, — взывала Тесса. — Тарсиэль, убери Адского Пса! Все остальные — взять девчонку!

Ну, давай, Гарри. Самое время вернуть долг Кинкейду, вытащив отсюда Иву. Интересно еще, как. Моя правая рука действовала неважно, а моя увечная левая рука тоже не пришла от этого в восторг, но я упирался, толкал, тянул и смог-таки выбраться из-под мертвого динарианца достаточно, чтобы лучше оглядеться по сторонам. Я уже собрался вылезти из-под него окончательно, когда из клубка щупалец, что заменяли этой твари лицо, выпала прямо на меня серебряная монета, и я в ужасе отдернул голову.

Динарий пролетел в какой-то доле дюйма от моего лица и отлетел от бетонного пола. Моя левая рука дернулась быстрее и точнее, чем я от нее ожидал, и перехватила монету в воздухе, не дав ей звякнуть о бетон еще раз. Казалось, рука в кожаной печатке снова вернула себе былую ловкость, словно ожога и шрамов не было и в помине.

Секунду я переводил взгляд с нее на онемевшую правую и обратно.

Ка-Ко-Го Чер-Та?

Что-то в этом было *не так*.

Беспокоиться об этом будешь потом, Гарри. То есть, с тобой Что-то Случилось, но сейчас не время отвлекаться. Сосредоточься. Спаси девочку.

Я сунул проКлятую древность в карман, надеясь, что в нем не окажется дырки, и повернулся к Иве.

Конечно, я знаю, что я чародей, официальный, с удостоверением член Белого Совета и все такое. Я знаю, что я — Страж, специалист по боевым чародейским искусствам, коп, солдат — у меня есть посох, и если вам так захочется, я смогу надрать вам задницу. Мне казалось, я успел на своем веку повидать, как дерутся профессионалы, боевая чародейская элита.

Я ошибался.

При этом Ива вовсе не размахивала тоннами магической энергии. Вовсе нет. Вы только задумайтесь на минуту, что произведет на вас большее впечатление: огромный грузовик, грохочущий по шоссе, дымя раздолбанным многоцилиндровым дизелем? Или крошечная легковушка, приводимая в движение парой пальчиковых батареек?

Семеро динарианцев атаковали Иву с помощью своей магии, и она отбивала их всех. Всех до одного.

Магог пер на нее так же в лобовую, как на меня. Она не стала останавливать его кирпичной стеной. Она поймала его в какое-то подобие лишенного трения пузыря, и он бестолково дергался внутри него, описывая круги в полудюйме от пола, и каждый рывок только заставлял его вращаться быстрее. При этом руки ее, непрерывно делавшие пассы, оперируя заклятиями, не забывали то и дело подкручивать удерживавшее его поле, чуть меняя направление его вращения, только для того, чтобы его тошнило сильнее.

Живые волосы Дейдре, переливаясь пурпурными огнями Святого Эльма, клубком разъяренных змей наседали на Иву, но та мгновенно сплела какую-то замысловатую вращающуюся фигуру из силовых нитей, и они не столько останавливали нападения злобных волос, сколько сбивали их с толку, пока они не запутались и не повисли бесполезными прядями. Ну, случаются такие неудачные для прически дни.

Нападавшая с противоположной стороны Розанна атаковала более традиционно: с ее ладоней срывались языки огня вроде тех, которые я...

...чудовищная боль на секунду сдавила голову... *вот сукин сын* ...

...но Ива рассеяла их искусно пущенными порывами воздуха, так что огонь не коснулся ее тела. Правда, двоим динарианцам, пытавшимся прорваться к ней, щелкая акульными челюстями, и вовсе не повезло: огонь Адской Девицы изрядно их опалил.

Шестая, мелкая сморщенная тварь, этакая карикатура на женщину, изваянная из сухой коряги, держала в руках сплетенную из теней веревку, которая свивалась в кольца как голодная змея и время от времени делала выпады, целясь Иве в голову. Ива справлялась с ней играючи, то уклоняясь от выпадов, то отбивая их маленькими вспышками серебряной энергии.

Но больше всего ей пришлось иметь дело с Тессой. Тесса забавлялась. Единственно для развлечения она время от времени швыряла в девочку своей молнией. Это говорило о многом. Мне, во всяком случае, это говорило о том, что Тесса — не какая-нибудь там мелкая магическая шпана. Классом она не уступала Белому Совету, если могла устраивать столько бума-тарарама, расходуя при этом так мало энергии. Или так, или она умела удерживать на порядок больше энергии, чем я набрал в себя до того, как она дала стартовую отмашку. Так или иначе, она играла в высшей лиге, и это подтверждалось реакцией Ивы на ее атаки. Каждый раз Архиву приходилось поворачиваться к Тессе лицом, и каждый раз ей приходилось отбивать удар движением не пальцев, не кисти, а всей руки.

Ого.

Чтоб меня... Одно дело абстрактно сознавать, что мне есть еще чему поучиться в магии. Совсем другое — видеть наглядно, как много я еще не умею. При других

обстоятельствах это могло бы меня подавлять. Здесь это просто наводило на меня ужас. Наверное, целых десять или пятнадцать секунд я не двигался с места, пытаюсь прикинуть, как мне помочь Иве, не будучи при этом испепеленным, разможенным или уничтоженным десятком других методов в первую же секунду.

Голова немного закружилась. Должно быть, это повышался уровень концентрации газа. Плевать. Единственная причина, по которой меня еще не убили — это то, что я оставался настолько беспомощен, что мое присутствие никого не беспокоило. Возможно, я мог бы перенести девочку в другую часть здания, свободную от газа — и если бы кто-нибудь убил меня по дороге, я мог бы по крайней мере расквитаться за это своим смертным проклятием. Главное, вытащить ее из этой каши.

Поэтому я бросился к ней, стараясь прикрываться от динарианцев продолжавшим вертеться в своем пузыре Магогом и прочими временно выведенными из боя врагами.

— Бежим, Ива! — скомандовал я.

Что-то дернуло меня за полу ветровки, и в нескольких футах от меня грянул мой револьвер. Я пригнулся, но стрелок из Тессы, похоже, был неважный. В меня, по крайней мере, она не попала. Секундой спустя я схватил Иву за талию и потащил подмышкой прочь.

— Не мешайте моим рукам, пожалуйста, — скомандовала Ива.

Я честно старался не мешать. Голова кружилась сильнее, но все было лучше, чем оставаться на месте.

— Цельтесь ему по ногам! — рявкнула Тесса.

У меня сложилось впечатление, что все эти ребята пытались проделать с моими ходулями множество неприятных вещей, но я не стал задерживаться и смотреть, что именно. Я бежал к лестнице, целиком положившись на ловкость Архива. И, в общем-то, не прогадал. Все это время Ива бормотала заклинания, двигала руками, и я ощущал, как вибрирует ее детское тельце под напором энергии, которой она манипулирует.

Запас этот был велик, но не бесконечен. Он иссякал. Бой подходил к концу.

Время, задыхаясь, подумал я. Нам всего-то нужно еще чуть-чуть времени.

Земное притяжение предложило, чтобы я продолжал движение вниз, и эта идея показалась мне неплохой. Шатаясь, спустился я по лестнице на нижний ярус и побежал дальше мимо расположенных ниже уровня воды иллюминаторов, за которыми плавали киты и дельфины, мимо нарядных пингвинов и морских выдр. Динарианцы преследовали нас, паля из всех своих магических орудий, а Ива прикрывала нас обоих последними частицами оставшейся у нее энергии. Я почувствовал, как она иссякла окончательно, но думал только о том, чтобы переставлять ноги, не подпускать погоню ближе. Все в океанарии почему-то встало на бок.

Нет, погодите. Возможно, набок повалился я.

Я запоздало сообразил, что, с учетом того, что валялся на земле рядом с тем самым баллоном, учащенно дыша от боли и усталости, я наглотался этой дряни гораздо больше, чем мне казалось. Более того, если газ этот был тяжелее воздуха, концентрация его у земли не могла не оказаться выше, чем у скамеек амфитеатра.

Я выиграл несколько секунд. Просто этого оказалось недостаточно.

Ива упала рядом со мной. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, они сделались круглые от страха. Она снова подняла руки, но вышло это медленно, вяло, и пальцы ее остались сложены щепоткой, как у спящего ребенка.

Черная веревка-заклятие захлестнулась на ее шее, еще несколько десятков щупалец Дейдрре обвились вокруг рук и ног, и ее рывком утащили куда-то за пределы моего зрения.

Я поднял взгляд. Динарианцы столпились в проходе, освещенные зловещим синим светом из иллюминатора. Несколько секунд Розанна пристально смотрела на Иву, потом поежилась и зябко завернулась в свои кожистые крылья. Прищулив свои светящиеся глаза, она сунула руку в сумку и достала из нее еще один баллон, который без лишних напоминаний вручила Тессе.

Тесса взяла его и вежливо улыбнулась Иве. Потом сунула трубку буквально в рот

девочке и повернула вентиль.

Ива испуганно забилась и вскрикнула. Я видел, как она пыталась лягнуть Тессу. Должно быть, она прикусила язык или рассадила губу о железный раструб баллона: по подбородку ее стекала струйка крови. Она дергалась еще несколько секунд и обмякла тряпичной куклой.

— Ну наконец-то, — раздраженно выдохнула Тесса. — Неужели это нельзя было сделать чуть менее драматично?

— Будь ты проклята, — прохрипел я. Напрягая все силы, я смог-таки привстать на колено и свирепо буравил Тессу взглядом. — Вы все будьте прокляты. Вы ее не получите.

— Старо, — нараспев протянула Тесса. — И скучно, — она задумчиво побарабанила по подбородку своей клешней. — Постой-ка... На чем мы кончили, когда нам так невежливо помешали? А! — она шагнула ко мне подняла клешню с зажатым в ней моим револьвером.

В это самое мгновение я ощутил, как волны магии снова захлестнули помещение океанария: огромная пентаграмма рухнула, а вместе с ней и невидимый барьер.

Я скатал в комок всю свою злость, всю досаду и превратил их в струю бешеной энергии.

— *Forzare!* — выкрикнул я.

Я направил ее не на Тессу или ее команду.

Я направил ее на стеклянный иллюминатор, отделявший нас всех от трех миллионов галлонов воды.

Невидимая сила ударила в толстенное стекло и разнесла его в пыль.

Вода обрушилась на нас с ревом, физически ударившим по всем квадратным дюймам моего тела с силой кузнечного молота.

Потом сделалось холодно.

И темно.

Глава ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Следующее, что я помню — это что я кашлял, и у меня болело в груди, и у меня болела голова, и все остальное тоже болело, и я был холоднее ада. Я с трудом вдохнул и почувствовал, что меня сейчас вывернет наизнанку. Я попытался перевернуться набок и не мог, пока кто-то не помог мне, потянув за ветровку.

Воняющая рыбой соленая вода и все, что я ел за последние пол-дня, вылетели из меня почти в равных пропорциях.

— Ох, — произнес кто-то. — Ох, благодарение Господу.

Значит, Майкл.

— Майкл! — послышался откуда-то неподалеку голос Сани. — Ты мне нужен!

Тяжелые башмаки бегом протопали в ту сторону.

— Спокойно, Гарри, — произнесла Мёрфи. — Не спеши, — она помогла мне перевернуться обратно на спину, когда меня кончило тошнить. Я лежал на верхней площадке лестницы, ведущей на нижний уровень. Собственно, ноги мои лежали непосредственно на ступеньках. Левая нога по щиколотку уходила в воду.

Я прижал руку к груди и поморщился. Мёрфи провела рукой мне по лбу, смахнув с глаз воду и мокрые волосы. Морщинки на ее лице, казалось, сделались глубже, а глаза потемнели от тревоги.

— Искусственное дыхание? — спросил я у нее. Голос мой звучал слабовато.

— Угу.

— Что ж, квиты, — заметил я.

— Черта с два мы квиты, — возмутилась она, хотя голоса не повысила. — Ну, плюнула тебе пару раз в рот.

Я слабо рассмеялся, и это тоже оказалось больно.

Мёрфи наклонилась и осторожно прижалась лбом к моему.

— Ты просто чудовищная заноза в заднице, Гарри. Никогда больше меня так не пугай, слышишь?

Пальцы ее нащупали и крепко сжали мои. В ответ я сжал ее; я слишком устал, чтобы делать что-либо еще.

Что-то скользнуло по моей ноге, и я едва не взвизгнул. Я резко сел, выставив перед собой правую руку, вокруг которой переливающимися волнами уже сгущалась энергия.

В воде плавал лицом вниз, раскинув руки, обнаженный труп. Это был незнакомый мне мужчина с длинными, спутанными седыми волосами. Одна из его рук и касалась время от времени моей ноги.

— Господи, Гарри, — дрожащим голосом произнесла Мёрфи. — Он мертв. Все в порядке, Гарри, он мертв. Мёртв, Гарри.

Еще пару секунд я сидел, выставив перед собой правую руку с растопыренными пальцами, вокруг которых переливались волны мерцающего света. Потом пальцы начали дрожать. Я снова опустил руку, убрав собранную в нее энергию, и пальцы начало колоть, и они снова онемели.

Я озадаченно уставился на них. Это было неправильно. Я не сомневался в том, что мне стоило бы переживать из-за этого гораздо сильнее, чем я делал в ту минуту, но я как-то не мог собраться с мыслями, чтобы понять, почему именно.

Мёрфи продолжала говорить — ровно, успокаивающе. Еще через несколько секунд до меня смутно дошло, что таким тоном обращаются к сумасшедшим или напуганным животным, и что я тяжело, учащенно дышу, хотя непосредственного повода для этого, вроде, нету.

— Все в порядке, Гарри, — говорила она. — Он мертв. Можешь меня отпустить.

Только тут до меня дошло, что левой рукой я с силой прижимаю Мёрфи к себе, прикрывая своим телом от трупа, которого едва не... не знаю, чего я собирался с ним делать. В общем, получалось, что она почти сидит у меня на коленях. В тех местах, где она касалась меня, я почти согрелся. Я даже не сразу сообразил, с какой стати мне ее отпускать. Но, конечно, я сделал, как она сказала.

Мёрфи осторожно слезла с меня и покачала головой.

Боже, — произнесла она. — Что с тобой случилось, Гарри? Что они с тобой сделали?

Я сидел, слишком усталый, чтобы вытащить ногу из воды, слишком усталый, чтобы даже пытаться объяснить, что мне не удалось помешать демонам утащить маленькую девочку.

— Ясно, — сказала Мёрфи после минутного молчания. — Значит, так. Я везу тебя к врачу. Мне плевать, что о себе думают эти типы. Они не имеют права просто так заваливаться к нам в город и рвать на части моего... — она вдруг осеклась. — Грр. Что ты скажешь об этом, Гарри?

Она шагнула на ступеньку вниз, в воду, и наклонилась.

— Нет! — рявкнул я.

Она застыла.

— Иисусе, этого можно было ожидать, — пробормотал я. — Серебряная монета только что выпала у этого трупа из пальцев?

Мёрфи заморгала и повернулась ко мне.

— Да.

— Это гадость. На ней проклятие. Не трогай ее, — я тряхнул головой и встал. Мне пришлось прибегнуть к помощи стены, но я все же поднялся, рассуждая вслух по дороге. — Ладно, в первую очередь нам нужно удостовериться в том, что здесь больше нет других таких же. Одна уже у меня. Мы ограничим риск. Я пока заберу их все. До тех пор, пока от них нельзя будет избавиться как положено.

— Гарри, — оборвала меня Мёрфи. — Ты бормочешь себе под нос, а в том, что я могу разобрать, тоже не слишком много смысла.

— Потом объясню. Потерпи пока, — я наклонился и нашел еще один потемневший

динарий, тускло поблескивавший под водой. — Вот зараза, — буркнул я монете и положил ее в карман вместе с первой. *С миру по нитке, ха-ха-ха...*

Черт, все-таки я хитер, ага!

Послышались шаги, четкие, ровные, и в поле зрения показались Люччо и Гард. Что-то едва заметно, но изменилось в том, как держалась Гард по отношению к Люччо — возможно, чуть добавилось уважения. Командующая Корпусом Стражей вытирала свою шпагу о серый плащ — кровь не оставляет на нем пятен, что делает его очень полезным для такого рода вещей. Увидев меня, Люччо остановилась, с подчеркнуто невозмутимым лицом всмотрелась в меня и кивнула.

— Как вы себя чувствуете, Страж?

— Жить буду, — прохрипел я. — Что у вас?

— Двое динарианцев, — ответила за нее Гард и кивнула в сторону Люччо. — Оба мертвы.

Люччо мотнула головой.

— Оба наполовину утонувшие, — сказала она. — Я их только добила. Не хотелось бы мне встретиться с ними свежими.

— Отведите меня к телам, — тихо произнес я. — Быстро.

За спиной у нас послышался звук, напоминающий вздох. На этот раз я не купился и не стал поднимать панику, зато это сделала Мёрфи, в руке которой будто сам собой появился пистолет. Справедливости ради надо сказать, что Люччо тоже наполовину достала шпагу из ножен. Я повернулся и обнаружил то, что более-менее ожидал увидеть: тело бывшего динарианта, лишившись монеты, разлагалось с невероятной скоростью — даже в холодной воде. Возможно, падший ангел в монете и сдерживал разрушительное действие времени, но старикашка с хронометром терпелив, и уж причитавшееся ему столько лет он забирал с особенным интересом.

— Капитан, нам нужно собрать все до единой монеты, все, какие получатся, и нам нужно сделать это сейчас же.

Люччо вопросительно склонила голову набок.

— Зачем?

— Послушайте, я не знаю, какие меры предосторожности предпринял Кинкейд, но кто-нибудь да заметит чего-нибудь, и очень скоро, а потом сюда понаедут всякие аварийные службы. Мне не хотелось бы, чтобы какой-нибудь бедный коп или пожарник ненароком поднял одну из них.

— Тоже верно, — согласилась она и покосилась на Мёрфи. — Сержант, вы не против?

Мёрфи поморщилась.

— Черт, вечно всякое... — она развела руки, словно расправляя слишком туго обернутое вокруг нее одеяло. — Да, да, конечно. Соберите их.

— А Майкл? — спросил я. — Саня?

— Когда мы сюда подоспели, — ответила Мёрфи, — толпа этих тварей тащила тебя из воды.

— Они бежали, — добавила Гард. — Мы разбежались в разные стороны, преследуя их.

— А где Куджо? — спросил я.

Гард непонимающе смотрела на меня.

— Хендрикс.

— А-а, — кивнула она. — На стреме. Даст нам знать, когда начнут прибывать службы.

Что ж, по крайней мере, хоть кто-то думает как преступник. Пожалуй, она действительно подходила для этой работы.

Я повысил голос, насколько мог. Получилось все равно хрипло.

— Майкл!

— Я здесь, — донесся до меня ответ. Он вышел из-за угла через пару секунд; синяя джинсовая куртка его была надета прямо на майку. До сих пор мне ни разу еще не приходилось видеть его одетым столь легкомысленно. Все-таки мощная у него мускулатура.

Надо, надо подкачать пресс на досуге. В руках он держал кулек, свернутый из обрывка его бело-голубой рубахи.

Следом за ним шел мокрый до нитки Саня, в расстегнутом на голой груди пальто. Забудьте, что я говорил о Майкловой мускулатуре. По сравнению с Саней мы выглядели так, будто нам необходимо усиленно питаться. На одном плече он нес «*Эспераккиус*» и «*Амораккиус*»; на другом — Кинкейда.

Кинкейд находился не в самом подвижном состоянии, хотя честно пытался помогать Сане. Кожа его побелела как мел... ну, там, где ее было видно из-под крови. Оставшаяся часть Майкловой рубахи и вся Санина пошла на перевязку, и лоскуты их, стянутые поверху изолентой, сплошь покрывали обе руки Кинкейда, живот и одну ногу выше колена.

Мёрфи зашипела и бросилась к нему.

— Джеред, — произнесла она севшим голосом.

Джеред. Так-так.

— Дрезден, — выдохнул Кинкейд. — Дрезден.

Его опустили на пол, и я, шатаясь, подошел к нему. Мне даже удалось не упасть на него, опускаясь рядом с ним на колени. Мне приходилось видеть его раненым и прежде, но, конечно, не так погано. Как и в прошлый раз, он активно пользовал изоленту. И точно, среди прочей амуниции на его жилете-разгрузке висел еще один рулон.

— Как в том логове вампиров, — вполголоса заметил я.

— Здесь мин не было, — возразил Кинкейд. — Я ждал мин, — он потрянул головой и пару раз моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. — Дрезден, времени мало. Девочка. Они ушли с ней. Она жива.

Я поморщился и отвернулся.

Его окровавленная рука метнулась и схватила меня за ворот ветровки.

— *Смотрите* на меня.

Я посмотрел.

Я ожидал увидеть ярость, ненависть, укор. На деле же его взгляд был полон только... страха, отчаяния и страха.

— Найдите их. Верните ее. Спасите ее.

— Кинкейд, — мягко произнес я.

— Поклянитесь, — произнес он. Взгляд его на мгновение затуманился, потом снова обжег льдом. — Поклянитесь, или я займусь вами. Поклянитесь мне, Дрезден.

— Я слишком устал, черт подери, чтобы вас бояться, — буркнул я.

Кинкейд закрыл глаза.

— У нее больше никого нет. Ни души.

Мёрфи опустилась на колени с противоположной от меня стороны. Мгновение она смотрела на меня, потом повернулась к Кинкейду.

— Джеред, отдохни. Он обязательно ей поможет.

Я обменялся с Мёрфи бледными, усталыми улыбками. Она меня знает.

— Но... — начал Кинкейд.

Она наклонилась и поцеловала его в окровавленный лоб.

— Тс-сс. Я обещаю.

Кинкейд покорился. Или потерял сознание. Одно из двух.

— Дрезден, отойдите-ка, — негромким, но не терпящим возражения голосом произнесла Гард.

— Только не говорите мне, что вы еще и врач, — не выдержал я.

— Я повидала больше боевых ранений, чем любой из смертных коновалов, — заявила Гард. — Отвалите.

— Гарри, — звенящим от напряжения голосом произнесла Мёрфи. — Пожалуйста.

Я с усилием поднялся на ноги и похромал к Майклу и Сане — они стояли и наблюдали за дельфинами и китами в большом бассейне. Уровень воды в нем упал на семь или восемь футов, и обитатели его старательно держались подальше от вновь затопленных территорий.

Если присутствие плававшего в воде трупа ощущалось в ней так же, как в воздухе, я не могу винить их за такое поведение.

— Вид у него неважный, — сообщил я им.

Майкл покачал головой; взгляд его оставался отрешенный.

— Его час еще не пробил.

Я покосился на него, заломив бровь. Что характерно, Саня посмотрел на него почти с таким же сомнением во взгляде.

Майкл посмотрел на меня и снова вернулся к созерцанию воды.

— Я спрашивал.

— Ну-ну, — хмыкнул я.

Саня с легкой улыбкой покачал головой.

Я покосился на него.

— Вы все еще агностик, да?

— Есть вещи, которые я предпочитаю принимать на веру, — пожал плечами Саня.

— Лючко убрала двоих, — сообщил я Майклу. — Так каков счет? — мне не потребовалось уточнять, что я имею в виду.

Ухмылка Сани сделалась шире.

— Это хорошая новость.

Я повернулся к Сане.

— Эти говнюки только что похитили ребенка, которого рассчитывают пытками превратить в павшего ангела, — тихо произнес я. — Какие уж тут хорошие новости.

Улыбка исчезла с лица русского.

— Хорошее там, где его находишь, — ответил он.

— Одиннадцать, — тихо сообщил Майкл.

Я даже зажмурился.

— Чего?

— Одиннадцать, — повторил он. — Одиннадцать их пало здесь сегодня. Судя по характеру ранений, Кинкейд убил пятерых. Капитан Лючко убила еще двоих. Мы с Саней перехватили пару их на выходе. Один из них нес сумку с монетами тех, кто уже погиб.

— Мы обнаружили монету Урумвиила. — добавил Саня, — но тела не нашли.

— Этот на моей совести, — признался я. — Он теперь превратился в кучку золы и пепла. Таким образом, выходит десять.

— Еще один утонул, когда лопнуло стекло аквариума, — сказал Майкл. — они все плавают там, Гарри. Одиннадцать, — он покачал головой. — Одиннадцать. Вы понимаете, что это значит?

— Что если мы шандарахнем еще одного, нам причитается бесплатный набор столовых ножей?

Он повернулся ко мне; глаза его возбужденно горели.

— Тесса бежала в сопровождении всего четверых из своей свиты, и Никодимуса так и не нашли. Тринадцать монет уже находились в нашем распоряжении, а сегодня к ним добавилось еще одиннадцать, если исходить из того, что мы нашли их все.

— Только шесть монет осталось, чтобы причинять зло, — сказал Саня. — Только шесть. Эти шесть последние. И они все *здесь*, в Чикаго. Все вместе.

— Падшие в монетах вели войну за умы и жизни человечества на протяжении двух тысяч лет, Гарри, — сказал Майкл. — А мы бились с ними. Война может окончиться. Все может *окончиться*, — он снова повернулся к бассейну и немного ошалело покачал головой. — Я смогу ходить на школьные матчи Алисии. Учить маленького Гарри ездить на велосипеде. Я могу *строить дома*, Гарри.

Страсть в его голосе звучала так явственно, что я почти физически ощущал ее давление на своем лице.

— Давайте-ка пересчитаем монеты и уйдем отсюда, пока мигалки не понаехали, — предложил я. — Майкл, развяжите узел.

Он нахмурился, но послушался, открыв взгляду почерневшие серебряные кружочки. Одетой в перчатку левой рукой я достал из кармана две найденные мною монеты и добавил их в общую кучку.

— Спасибо, — сказал я. — Пошли.

Я повернулся и зашагал к выходу. Майкл снова старательно завязывал узелок с монетами, а глаза его смотрели куда-то вдаль — предположительно в мечту о том, как он сбросит эти монеты в бездонную черную яму и заживет нормальной, простой, занудной жизнью с женой и детьми.

Я решил дать ему потешить себя этой мечтой, пока возможно.

Потому что, черт подери, собирался отнять у него эту мечту.

Вне зависимости от того, согласится он с этим или нет.

Глава ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Всю дорогу до дома Майкла я проспал в кабине его пикапа, прислонившись виском к окошку. Саня сидел посередине. Сквозь дрему я понимал, что они говорят о чем-то вполголоса, но голоса их сливались в низкий гул, особенно Санин, и я не пытался вникнуть в суть их разговора, пока машина, хрустнув шинами по снегу, не остановилась.

— Это ничего не меняет, — терпеливым тоном говорил Майкл. — Саня, мы не вербуем людей. Мы же не масонская ложа. Это должно быть внутреннее побуждение.

— Мы действуем в интересах Господа в повседневном режиме, — возражал Саня. — Если он не спешит призвать нового носителя «Фиделакиуса», возможно, это намек на то, что мы должны принять эту ответственность на себя.

— Разве не ты продолжаешь уверять меня, что не решил еще для себя, существует Он или нет? — поинтересовался Майкл.

— Я просто оперирую твоей терминологией, чтобы тебе было привычнее, — ответил Саня. — Из нее вышел бы отличный Рыцарь.

Майкл вздохнул.

— Возможно, причина, по которой нового носителя меча не призывают, заключается в том, что наша задача почти выполнена. Возможно, в нем просто нет уже потребности.

Санин голос сделался суше, холоднее.

— Да. Возможно, все зло мира почти уничтожено, уничтожено навсегда, а вместе с ним и необходимость защищать тех, кто не в состоянии защитить себя сам, — он вздохнул. — или, возможно... — он осекся, покосившись меня. Я как раз моргал, пытаясь стряхнуть сон. — Дрезден? Как вы?

— Ничего такого, чего не вылечили бы несколько дней на больничной койке, новая пара легких, пузырь Макова темного и пара рыжеволосых красоток, — пробормотал я. То есть, я-то хотел пошутить, но вышло немного мрачнее, чем я рассчитывал. — Жить буду.

Майкл кивнул и медленно зарулил на стоянку.

— Когда мы за ними отправимся?

— Не отправимся, — тихо произнес я. — Они разработали какую-то стелс-технологию, не позволяющую обнаруживать или поражать их магическими средствами.

Майкл нахмурился.

— Вы уверены?

— Я уверен, что чрезвычайно трудно победить того, кого вы не можете *отыскать*, Майкл, — я устало потер глаза и едва не отдернул руку, так это оказалось больно. *Ох. Чертов сломанный нос. И дважды чертова Тесса которая за него дергала.*

— Вам надо немного поспать, Гарри, — посоветовал Майкл.

— И, возможно, принять душ, — добавил Саня.

— От вас тоже пахнет дельфиньей мочой, — парировал я.

— Но не так сильно, — возразил он. — И еще, я не облевался.

Некоторое время я испепелял его взглядом, потом меня осенило.

— Скажите, а разве Саня — не девчачье имя?

Майкл фыркнул.

— Вы все-таки поспите сначала, Гарри.

— Потом, — отмахнулся я. — Всему свое время. Военный совет на кухне. И если кто-нибудь не приготовит мне чашку горячего кофе, я буду вытираться о всех и вся. Как Мыш.

— Мыш слишком хорошо воспитан, чтобы делать это в моем доме, — заметил Майкл.

— Значит, как чья-нибудь другая собака. Черт, посох забыл.

Майкл отворил дверцу, выбрался из кабины и достал из кузова мой посох. Я тоже вышел, и он бросил его мне через кузов. Я поймал его левой рукой и благодарно кивнул.

— Благослови вас господь. Изготовить такой просто жуть как трудно. Всю эту фигню вырезать тяжелее, чем... чем... — я тряхнул головой, пытаюсь поймать ускользающую мысль. — Извините. Тяжелый день.

— Идите в дом, пока не замерзли, — вполголоса посоветовал Майкл.

— Хорошая мысль.

Мы ввалились в дом. Остальные подъехали минут через двадцать. Гард настояла на том, чтобы завезти Кинкейда в один из домов Марконе — возможно, в одно из тех мест, где он хранил медикаменты во избежание расспросов полиции насчет того, где, как и почему его подчиненные получили огнестрельные или ножевые ранения. Забавно, но Мёрфи настояла на том, чтобы сопровождать его — впрочем, это означало еще, что копам станет известно расположение еще одного тайного убежища Марконе, а может, даже имя врача, состоявшего на его содержании. А поскольку ехали они на Мёрфиной машине, а Мёрфи была со мной, а без моей помощи Гард обойтись не могла, последней ничего не оставалось, как с этим смириться.

Вот такова она, моя Мёрфи — своими руками ломает ситуацию под себя, если этого не делает за нее судьба.

Мыш обрадовался, увидев меня, и выражал эту радость, тараня лбом меня под коленки, вытираясь о моги и виляя хвостом. По крайней мере хоть он решил, что от меня пахнет интересно. Немного уступала ему по части энтузиазма и Молли, которая немедленно принялась готовить нам еду. Правда, тут же выяснилось, что по этой части она пошла явно не в мать. На кухне Черити была подобна суперагенту МакГайверу. Она запросто могла, например, сообразить обед из пяти перемен на двенадцать персон из яйца, двух пакетиков спагетти, какой-то там бытовой химии и пластинки жвачки. Молли...

Молли как-то раз ухитрилась сжечь яйцо, которое варила для меня всмятку. До сих пор не знаю, как.

Но, конечно, чашку кофе она приготовить могла.

Уложив Кинкейда на гостевую кровать в пошивочной комнате Черити, все остальные собрались на кухне. Мёрфи держалась напряженно. Я налил ей чашку радости, и она подошла и остановилась рядом со мной. Я предложил кофе и Люччо, и она приняла чашку с легким, благодарным кивком.

— Как он? — спросил я у Мёрфи.

— Спит, — ответила она. — Гард вколола ему обезболивающее.

Я отхлебнул кофе, гоня от себя всякие неприятные мысли.

— Ладно, ребята. Вкратце ситуация выглядит вот как: мы связаны по рукам и ногам, и Никодимус и его команда вот-вот загонят один из этих японских сверхскоростных поездов в нашу коллективную задницу. Без смазки.

В помещении воцарилась тишина.

— Они захватили Иву, — объяснил я. — Это погано.

— Гарри, — подала голос Мёрфи. — Я понимаю, я новенькая в этом классе, но тебе все-таки придется объяснить мне про эту девочку еще раз.

— Ива — это Архив, — тихо ответил я. — Давным-давно (нам неизвестно точно, когда) кто-то (нам неизвестно, кто) создал Архив. Своего рода интеллектуальную конструкцию.

— Что? — не понял Саня.

— Объект, состоящий исключительно из информации. Можете считать его программным обеспечением для мозга, — объяснила за меня Люччо. — Чем-то вроде исключительно совершенной базы данных.

— А-а, — кивнул Саня.

Я удивленно покосился на Люччо.

Она с легкой улыбкой пожала плечами.

— Я люблю компьютеры. Я все про них читаю. Это... это мое хобби, правда. Я понимаю теорию, на которой все они основаны.

— Ладно, — кивнул я. — Гхм. Хорошо. Архив передается от поколения к поколению, от матери к дочери — вся совокупная память прошлых носителей Архива и все факты, что набирают в дополнение к этому нынешние.

— Весь этот багаж знаний дает Архиву огромную силу — и создавался он как хранилище знаний, банк данных на случай какого-либо глобального катаклизма, утери цивилизацией всех своих знаний. Сам Архив обязан соблюдать нейтралитет и занят лишь сохранением и сбором информации.

— Сбором? — удивилась Мёрфи. — То есть... Архив очень много читает?

— Все гораздо глубже, — ответил я. — Архив представляет собой магию столь сложную, что она сама практически живое существо — и она просто *знает*. Все, что напечатано или хотя бы написано — все это становится известно Архиву.

Хендрикс произнес непечатное слово.

— Вот именно, — согласился я. — Именно поэтому Ники и его Монетоголовые ее и захватили.

— Обладая такой информацией, — задыхнулась Мёрфи, — они могут... Боже мой, они могут шантажировать власти. Контролировать правительства.

— Запускать ракеты с атомными боеголовками, — добавил я. — Мысли шире, — я кивнул в сторону Майкла. — Помните, вы говорили мне, что Никодимус играет в лото «Армагеддон». Он строит далеко идущие планы, но так, чтобы попутно извлекать из них и побочные дивиденды. Это просто одна из таких его комбинаций.

Майкл нахмурился.

— Так он с самого начала охотился за Архивом? Он целенаправленно прибыл сюда и спровоцировал конфронтацию, чтобы вы пригласили ее в качестве арбитра?

— Странный какой-то план, — заметила Люччо. — Вы могли бы выбрать с десятков других независимых арбитров.

— Но это же Дрезден, — фыркнула Мёрфи. — Сколько я его знаю, он живет в одной и той же подвальной квартире. Ездит на той же машине. Выпивает в том же маленьком кабаке. Любимый ресторан у него — «Бургер-Кинг». И заказывает он в этой чертовой забегаловке тоже всегда одно и то же.

— Совершенство не улучшить, — возразил я. — На то оно и совершенство. И к чему ты клонишь?

— Ты живешь привычками, Гарри. Ты не любишь перемен.

Отрицать это было бы бесполезно.

— Даже в случае, если бы я не обратился к Иве, Никодимус остался бы в выигрыше. Возможно, завербовал бы Марконе. Или убил Майкла или Саню. Или очистил бы собственную организацию от бесполезного балласта. Как знать? Но факты таковы: я *пригласил* Иву, а он *воспользовался* возможностью захватить ее, и это ему удалось.

— Но Архив запрограммирован на нейтралитет, — возразил Саня. — Вы же сами сказали.

— Архив — да, — подтвердил я. — Но не Ива, а Ива контролирует Архив. И она еще *ребенок*. Ребенку можно причинить боль. Запугать. Совратить. Искусить, — я потер переносицу. — Они хотят сделать ее одной из своих. Ну, и Марконе им в подобном качестве тоже не помешает.

— Да поможет нам Бог, если они захвачены, — прошептала Мёрфи.

— Господь до поможет *им*, если они захвачены, — возразил Майкл. — Их надо отыскать, Гарри.

— Даже Мэб не смогла бы отыскать динарианцев с помощью магии, — покачал головой я. — Скажите, Гард, ваша фирма могла бы справиться с этим?

Она мотнула головой.

Я покосился на Майкла.

— Не думаю, чтобы кто-либо начертал в небе большую светящуюся стрелку, видимую только вам двоим, нет?

Майкл тоже помотал головой.

— Я смотрел, — без тени улыбки ответил он.

— Что ж, значит, так. Без божественной помощи нам их не найти, — я сделал глубокий вдох. — Итак... В таком случае мы сами заставим их нас найти.

— Отменный будет фокус, если нам это удастся, — заметил Саня. — Что вы задумали? Хендрикс вдруг поднял голову.

— Монеты.

Все повернулись и уставились на него.

Секунду-другую Хендрикс считал на пальцах.

— Монет у них всего шесть. И людей шесть. И как они дадут этой вашей девчонке-ужастику монету? И еще одну моему боссу?

— Правильная логика, Куджо, — кивнул я. — Это их задержит, но ненадолго. Нам надо действовать быстро, если хотим добиться успеха. Никодимус не может себе позволить новых потерь в живой силе, но не будет колебаться ни одной гребаной секунды, чтобы убить кого-нибудь из своих ради его монеты. Поэтому мы предложим ему обмен. Одиннадцать старых пятаков в обмен на девочку.

Майкл с Саней разом вскочили на ноги, выражая возмущение на двух разных языках. Разобрать отдельные слова я почти не мог, но смысл их явно сводился к *«вы что, спятили?»*

К чертовой матери, Майкл! — вскинулся я, поворачиваясь к нему с упрямо выпяченной челюстью. — Если Никодимусу удастся поставить Архив под свой контроль, совершенно *безразлично* будет, сколько этих чертовых монет хранится у вас взаперти.

Наступило молчание, только очень громко тикали часы в прихожей.

Я не ослаблял натиска.

— Вот в эту самую минуту шесть демонов пытаются одиннадцатилетнюю девочку. Так, как пытали меня. Так, как пытали Широ.

Майкл дернулся как от удара.

— Посмотрите мне в глаза, — сказал я ему, — и скажите мне, что считаете: мы должны позволить этой девочке страдать, хотя в наших силах спасти ее.

Тик-так.

Тик-так.

Майкл мотнул головой.

Саня обмяк и снова с мрачным видом привалился спиной к буфету.

— Никодимус никогда не пойдет на такую сделку, — тихо произнес Майкл.

Люччо улыбнулась, блеснув молодыми зубами.

— Еще как пойдет. Зачем жертвовать полезными вассалами, когда он может согласиться на обмен, обмануть или уничтожить нас, похитить монеты и сохранить у себя Архив?

— Очко, — одобрительно кивнул я. — Только мы будем к этому готовы. Капитан, вам известно, как связаться с ним по официальным каналам?

— Да, — ответила она.

— Гарри, — мягко произнес Майкл. — Мы идем на чудовищный риск.

Они с Люччо переглянулись. Оба не сказали ни слова, но напряжение в воздухе между ними повисло изрядное.

— В этой ситуации, — произнесла, наконец, Лючко, — есть только одна более рискованная вещь, которую мы можем предпринять, — она пожала плечами и развела руки в стороны. — Не делать ничего.

Майкл поморщился и перекрестился.

— Да пребудет с нами Господь.

— Аминь, — добавил Саня и подмигнул мне через плечо.

— Тогда звоните Никодимусу, — сказал я. — Скажите ему, что я предлагаю сделку.

Глава ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На то, чтобы сообщение прошло по всем каналам, требуется время.

Меньше всего на свете мне хотелось снова намочнуть, но я все еще не согрелся, меня колотило, и, как выяснилось, имеется еще куча неудобных и неприятных побочных эффектов приема внутрь нескольких галлонов морской воды. Если кто не знает, именно мелочи доставляют больше всего.

В общем, прошло часа два, прежде чем мой организм более-менее пришел в себя, принял душ и занял горизонтальное положение, и к этому времени я так вымотался, что в глазах все расплывалось. К этому времени Молли с помощью и, можно сказать, под руководством Сани соорудила обед. Саня, похоже, испытывал чисто национальное, недоступное другим угрюмое удовольствие от созерцания последствий катастрофы. Я рухнул на диван и честно пытался спорить насчет того, стоит ли подвергать опасности остальных, но вырубился и словно Рип ван Винкль пропустил большую часть разговора.

Мне не хотелось просыпаться. Мне снился сон, в котором у меня ничего не болело, и в котором меня никто не колошматил. Стены во сне были белые, и гладкие, и чистые, освещенные только холодным лунным светом, и кто-то обращался ко мне мягким, ровным голосом. Но тут в мою правую руку впилась тысяча иголок, и сон начал таять. Хоть и постепенно, я просыпался. В комнате говорили.

— ...это *в самом деле* так? — сердитым шепотом спрашивала Мёрфи.

— Это не по моей части, — пророкотал в ответ Майкл. — Мэм?

— Эта область нашего искусства деликатна, — осторожно произнесла Лючко. — Но у девочки несомненный дар.

— Тогда нам нужно что-то сообщить.

— Нельзя, — тихо, с горечью возразила Молли. — Это не поможет. Это может только ухудшить положение дел.

— А ты-то откуда это знаешь? — вскинулась Мёрфи. — Ты в этом совершенно уверена?

Я так устал, и я, похоже, пропустил часть разговора. Я поморгал, пытаюсь разлепить веки.

— Девочка знает, о чем говорит, — произнес я заплетающимся языком. Я пошарил рукой, и обнаружил, что Мыш лежит на полу рядом с диваном. Подумав, я решил, что с переходом в сидячее положение можно немного повременить. — О чем разговор?

Молли бросила на Мёрфи взгляд, недвусмысленно говоривший: «Вот видите?»

Мёрфи тряхнула головой.

— Пойду, посмотрю, не проснулся ли Кинкейд, — сказала она и вышла, всем видом выражая неодобрение.

Мыш занялся методичным вылизыванием моей правой руки — ритуалом, который он исполняет редко, но очень старательно. Иголок в руке поубавилось, так что возражать я не стал. Собственно, я так и не разобрался пока, что же произошло с моей рукой. Я не слышал, чтобы с кем-либо случалось что-то подобное — но терпеть это неудобство я все-таки мог, и в списке моих неотложных проблем оно находилось далеко не на первом месте.

Однако же, на мой вопрос так никто и не ответил.

Тишина становилась зловещей. Я неловко покашлял.

— Э... Кто-нибудь знает, который час?

— Почти полночь, — тихо ответила Люччо.

Я подождал минуту, но никто, похоже, не собирался оказать мне услугу, вырубив точным ударом, поэтому я как мог постарался не обращать внимания на разнообразную боль в разнообразных точках моего тела и сел.

— Что слышно от Никодимуса?

— Он пока не ответил на наше предложение, — сказала Люччо.

— Ну, в этом нет пока ничего неожиданного, — пробормотал я, взъерошив волосы пятерней. Уснул я в одной из Майкловых футболок и двух его же свитерах, поэтому запястья торчали из рукавов на несколько дюймов, и вообще, по размеру и футболка, и свитера подходили мне как, скажем, туристическая палатка. — Что бы ни ни делали, чтобы обуздать Иву, это должно быть продумано очень тщательно. Я бы тоже медлил с ответом, пока не убедился бы в твердости моих позиций.

— Как и я, — согласилась Люччо.

— Она и правда *так* опасна? — поинтересовался Майкл.

— Да, — спокойно подтвердила Люччо. — Совет оценивает ее силу как очень серьезную, сопоставимую с младшими Королевами династий сидхе.

— Если уж на то пошло, — так же тихо заметил я, — я считаю, информаторы корпуса Стражей ее сильно недооценивают. При практически полном отсутствии внешних источников энергии она держалась так, что по сравнению с ней Тесса и ее команда смотрелись пигмеями, пытающимися отловить слона. Если бы они не отрезали ее от магии, подозреваю, она бы их заживо съела.

Люччо беспокойно нахмурилась.

— Правда?

— Жаль, что вы ее не видели. Я лично с таким прежде никогда... Такое надо видеть своими глазами.

— Если она настолько сильна, — заметил Майкл, — ее вообще можно удерживать в плену?

— О да, — сказал я. — Абсолютно. Но это требует очень мощного круга и очень изощренного ритуала на заранее подготовленном месте. И все должно быть сделано без сучка и задоринки, иначе она в состоянии сломать удерживающее заклятие.

Молли огорченно сморщила нос.

— Она... она ведь не возьмет одну из этих их монет. Ведь правда? — она с надеждой переводила взгляд с меня на Люччо и обратно. — Потому что... Это же ужас что будет, если возьмет.

Я посмотрел на Майкла.

— Падшие не могут разом прыгнуть и овладеть кем-то, так? Напрямую, нахрапом?

— Обычно нет, — ответил Майкл. — Хотя случаются обстоятельства, способные это изменить. Например, люди с отклонениями психики могут быть более восприимчивы. Другие обстоятельства тоже могут открыть душу для вторжения. Наркотики, участие в темных ритуалах, длительный контакт с потусторонними существами. И тому подобное.

— Наркотики, — устало произнес я. — Господи.

Майкл поморщился.

— Простите.

— Даже если душа более уязвима к вторжению извне, — сказал Майкл, — разум и воля могут сопротивляться духу-агрессору. И уж Архив наверняка обладает серьезными разумом и волей.

— Конечно. Только из этого совершенно не обязательно следует, что ими же обладает *Ива*. Она была Архивом с самого момента своего рождения. У нее не имелось ни одного шанса развить *собственный* разум, *собственную* личность, — я встал, тряхнул головой и беспокойно зашагал по комнате взад-вперед. — Она окажется там совершенно беспомощна, возможно, впервые с тех пор, как начала ходить. Одна. Запуганная, — я посмотрел на

Майкла. — Вы полагаете, эти... люди... не знают, как напугать девочку?

Он снова поморщился и низко опустил голову.

— А потом на сцену выходит Падший и говорит, как может ей помочь. Как он хочет стать ее другом. Как может заставить нехороших людей перестать ее мучить, — я тряхнул головой и сжал кулаки. — Возможно, ей известны факты. Но эти факты вряд ли сильно ее утешат. Она не воспримет их так как...

Я зажмурился, открыл глаза и посмотрел на Майкла. Потом на Молли. Потом пулей пронесся мимо них на кухню и сорвал с холодильника листок бумаги, прикрепленный к его дверце магнитом — Черити держала его там, чтобы составлять список покупок. На холодильнике лежала шариковая ручка, я взял ее и, усевшись за кухонный стол, принялся лихорадочно писать.

Ива,
Ты не одна.
Кинкейд жив. Со мной все в порядке. Мы за тобой придем.
Не слушай их. Держись.
Мы идем.
Ты не одна.
Гарри.

— Ого, — сказала Молли, заглянув через мое плечо. — Умно.

— Если это сработает, — заметила Люччо. — Она это получит?

— Не знаю, — признался я. — Но я не знаю, что еще мог бы сделать прямо сейчас, — я снова потер переносицу. — Еда какая осталась?

— Я тушу мясо, — сказала Молли.

— Но еда какая-нибудь есть?

Она дала мне подзатыльник — несильный — и пошла к холодильнику.

Я соорудил сэндвич из всякой всячины. Я американец. Мы, американцы, можем есть все, что угодно, лишь бы это было положено между двумя ломтями хлеба. А с достаточным количеством горчицы даже безразлично, что там еще напихано. Несколько минут я занимался исключительно едой. Я настолько проголодался, что даже получил самое что есть удовольствие в момент кульминации — когда за сэндвичем последовало обещанное Моллино тушеное мясо, и мой рычащий желудок, наконец, заткнулся.

Зазвонил телефон.

Трубку снял Майкл. Несколько секунд он слушал молча, потом ответил — очень мягким, почти ласковым тоном:

— Слишком поздно искать покаяния. Даже вам.

На другом конце провода кто-то весело рассмеялся.

— Минуточку, — произнес Майкл. Он повернулся, прикрывая микрофон рукой, и кивнул мне. — Гарри.

— Он, — предположил я.

Майкл кивнул.

Я подошел к телефону и взял у него трубку.

— Дрезден.

— Я впечатлен, Дрезден, — произнес Никодимус. — Я ожидал впечатляющего спектакля от Адского Пса, но вы меня поразили. Ваше мастерство совершенствуется впечатляющими темпами. Тесса от вас просто в ярости.

— Я устал, — буркнул я в ответ. — Вы собираетесь говорить о деле, или нет?

— В противном случае я бы не позвонил, — отозвался Никодимус. — Только давайте сделаем это проще, ладно? Вы и я, никого больше. У меня нет желания втягивать в это дурацкое дельце чикагский криминалитет или Белый Совет в полном составе. Разумеется, при взаимных гарантиях безопасности.

— Это мы уже проходили, — напомнил я.

— И несмотря на то, что вы нарушили нейтральный характер встречи задолго до того, как я или мои люди перешли к активным действиям — что лично я воспринимаю как весьма многообещающий факт — я не против довериться вам еще раз.

Я даже усмехнулся.

— Ага. Вы просто святой.

— Придет такой день, — заявил Никодимус. — Придет день. Но пока я предлагаю встречу с глазу на глаз. Разговор. Только вы и я.

— Чтобы вы и ваша братия навалились на меня одного? Спасибо, не надо.

— Ну же, Дрезден. Как вы говорите, я действительно желаю сделки. Если вы готовы гарантировать мне беспрепятственный проход, мы можем встретиться даже на вашей территории.

— Да ну? — восхитился я. — И где же?

— Признаюсь, мне это совершенно безразлично, только бы меня не видели в вашем обществе, пока на вас этот костюмчик с чужого плеча.

По спине моей побежали мурашки. Я чуть повернул голову. Выходящие на задний двор Карпендеров окна были задернуты занавесками и шторами, но не плотно. Горевший на кухне свет превращал их в зеркала. Что там, за ними, я не видел.

— Так как мы решим, Дрезден? — поинтересовался Никодимус. — Дадите ли вы мне гарантии свободного прохода для беседы? Или мне приказать моим людям открыть огонь по той милой юной даме у раковины?

Я покосился через плечо на мывшую посуду Молли. Она, разумеется, тоже наблюдала искоса за моим телефонным разговором, хотя и старалась не показать этого.

Вряд ли мне удалось бы предупредить кого-либо прежде, чем люди Никодимуса открыли бы огонь — и я верил, что они там действительно находятся. Возможно, в домике на дереве. С него открывается неплохой вид на кухню.

— Ладно, — произнес я громко, чтобы слышали все. — Я даю вам гарантии свободного прохода. На десять минут.

— В надежде на смерть? — предположил Никодимус.

Я оскалил зубы в улыбке.

— При таких ставках кому-нибудь обязательно придется.

Он снова рассмеялся.

— Сохраните содержание этого разговора между нами двоими, и это будет не кто-либо из находящихся у вас на кухне.

В трубке послышались гудки.

Мгновением спустя кто-то постучал в дверь.

Рычание Мыша слышали, наверное, и на улице, хотя он оставался в гостинной.

— Гарри? — спросил Майкл.

Я нашел свои башмаки и сунул в них босые ноги.

— Я выйду поговорить с ним. Следите за нами, но не предпринимайте ничего, если только он не начнет первым. И следите за тылами. Прошлый аналогичный разговор с ним был отвлекающим маневром, — я встал, накинул ветровку и взял свой посох. Потом посмотрел Майклу в глаза. — Следите за тылами.

Майкл чуть заметно кивнул. Потом взгляд его скользнул поверх моего плеча, на окна.

— Будьте осторожны.

Я достал из кармана браслет-оберег, застегнул его на запястьи и поморщился, когда маленькие серебряные щиты царапнули по старым ожогам.

— Вы меня знаете, Майкл. Я всегда осторожен.

Я подошел ко входной двери и выглянул в окно.

Уличные фонари не горели — все, кроме одного, напротив дома Майкла. Никодимус стоял посреди улицы. Длинная, темная тень протянулась от него по снегу в направлении, прямо противоположном тому, куда ей полагалось бы падать, исходя из положения источника света.

Мыш подошел и решительно остановился рядом со мной.

На мгновение я положил руку на мощный загривок моего пса, вглядываясь в темноту. Я не увидел ничего — что, разумеется, ничего не означало. В темноте мог скрываться абсолютно кто угодно.

Единственное, что я *знал* точно — это что где-то там находится маленькая напуганная девочка.

— Идем, пес, — сказал я Мышу и вышел на снег.

Глава ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Снова начался снегопад. Пять или шесть дюймов снега напало с тех пор, как кто-то в последний раз чистил дорожку от крыльца Карпентеров. Снег под подошвами моих башмаков звонко хрустел в ночной тишине. Должно быть, мои шаги было слышно в соседнем квартале.

Никодимус ждал меня в по обыкновению небрежном, но стильном наряде: темно-зеленой шелковой сорочке и черных брюках. Он стоял, наблюдая за нашим приближением, с нейтральным выражением лица, чуть прищулив глаза.

Я поежился, когда меня коснулось дыхание холодного ветра, и мои усталые мышцы едва не отказались мне повиноваться. Черт подери, ведь это *я*, вроде как, работаю на Зимнюю Королеву. Так какого черта кому-то другому куда уютнее, чем мне, в этом эпицентре метели?

Я остановился у калитки Майклова палисадника и уперся посохом в снег. Некоторое время Никодимус смотрел на меня молча. Тень подвинулась, закрыв его лицо, так что выражения его я почти не видел.

— Что, — негромким, убийственно-ледяным тоном произнес он, — *это*?

Мыш пристально посмотрел на Никодимуса и испустил рык, такой низкий, что вокруг него взвились с земли снежные хлопья. Мой пес оскалился, выставив на обозрение свои белые клыки, и зарычал громче.

Блин-тарарам. Я никогда еще не видел, чтобы Мыш реагировал так на кого-либо... ну, если не считать конкретного махалова.

И, похоже, Никодимусу Мыш тоже не очень понравился.

— Отвечайте на мой вопрос, Дрезден, — прорывал Никодимус. — Что *это* такое?

— Мера предосторожности. Чтобы не увязнуть в снегу, — сказал я. — Он учится на сенбернара.

— Прошу прощения? — не понял Никодимус.

Я сделал вид, что прикрываю уши пса рукой.

— Только не говорите ему, что на самом деле они не таскают на шее бочонки бухла, — произнес я театральным шепотом. — Это разобьет ему сердце.

Никодимус не трогался с места, но тень его поползла по снегу, пока не улеглась бесформенной лужей между ним и Мышом. Лицо его снова выступило на свет, и он улыбался.

— Гм. Так мне в лицо не дерзили уже довольно давно. Позвольте задать вам один вопрос?

— Почему нет?

— Вы всегда прячетесь за дерзость, когда вам страшно, а, Дрезден?

— Я не считаю, что прячусь. Я считаю это наступлением здорового юмора. Позвольте задать вам один вопрос?

Улыбка сделалась шире.

— О, почему нет?

— Как получается, что часть вас, лузеров, похоже, сохраняет собственные имена, тогда как других зовут лишь по имени Падшего в монете?

— Ничего сложного, — отозвался Никодимус. — Некоторые члены нашего ордена

обладают активным, волевым сознанием, которому хватает силы сохранить свою личность. Другие же, — он элегантно, надменно пожал плечом, — обладают значительно меньшей ценой. Просто носители, расходный материал, не более того.

— Как Расмуссен, — пробормотал я.

На мгновение на лице Никодимуса мелькнуло что-то, похожее на растерянность. Потом глаза его сощурились, вонзившись в меня взглядом. Его тень снова подвинулась, и что-то произвело звук, неприятно напоминающий змеиное шипение.

— Ах да, носитель Урсиэли. Да, конечно, — он посмотрел мимо меня, на дом. — Ваши друзья еще не начали шептаться у вас за спиной?

Будь я проклят, если не начали, хотя я не имел ни малейшего представления, почему. На всякий случай я изобразил на лице маску игрока в покер.

— С чего это?

— Попробуйте представить события в Аквариуме с их точки зрения. Они входят в здание вместе с вами — и еще с тем, кого они сами ни за что бы с собой не взяли — но вы настояли на том, чтобы с вами пошел полицейский офицер. В результате вы уходите для частного разговора, при котором присутствуют — по их мнению — только вы, я и сторожевой пес Архива. Потом активируется символ, и все, что они слышат — это шум чудовищного конфликта. Так быстро, как только позволяют обстоятельства, они спешат к месту событий и обнаруживают моих людей, вытаскивающих вас из воды — с целью отобрать монету лежащую у вас в кармане, но ваши друзья-то этого не знают. Выясняется, что Архив исчез, ее телохранитель убит или ранен, а вам оказывали несомненную помощь мои люди.

— *И они так и не видели того, что произошло на самом деле,* — продолжал Никодимус. — С точки зрения подозрительного рассудка все это выглядит, по меньшей мере, неоднозначно.

Я кашлянул.

— Не уверен.

— Правда? — удивился Никодимус. — Даже когда вы собираетесь предложить вернуть мне монеты, захваченные в Аквариуме? Одиннадцать монет, Дрезден. Стоит мне получить их, и все, чем ваши люди занимались последние несколько дней, окажется лишним смыслом. Я верну себе свою силу... нет, стану сильнее, позаимствовав могущество Архива. Не так уж сложно сделать из всего этого вывод, что вы получили идеальную возможность предать их в критический момент — каковой и наступил.

Я... я не думал об этом в таком ракурсе.

— «Что, если он все-таки попал под влияние этой ее тени?» — вот как они думают. «Что, если он не полностью свободен в своих решениях?» — вот как они думают. Предательство — оружие, на порядок мощнее магии, Дрезден. У меня за плечами два тысячелетия практики по этой части, и вашим друзьям-рыцарям это известно.

Внезапно мне сделалось гораздо более ясным поведение Майкла, и тушеное мясо сразу же попросилось обратно. Я пытался сохранить маску игрока в покер, но получалось это у меня неважно.

— Ого, — сказал Никодимус, округлив глаза. — После стольких лет необоснованных подозрений и враждебности со стороны вашего же собственного Совета осознать *это*, должно быть, особенно болезненно, — он ухмыльнулся, покосившись сначала на Мыша, потом на меня. — Это разбивает ваше сердце.

Мышь прижался плечом к моей ноге, свирепо рыкнул на Никодимуса и сделал шаг вперед.

Никодимус не обратил на него ни малейшего внимания, глядя только на меня.

— Соблазнительное предложение, — произнес он. — Обменять монеты на Архив? Предоставить мне возможность уйти со всеми сокровищами из сейфа? Такое трудно оставить без внимания. Отменно проделано.

— Ну? — спросил я. — Где вы хотите осуществить обмен?

Он покачал головой.

— Обмена не будет, — тихо произнес он. — Это эндшпиль, Дрезден, пусть даже вы и ваши друзья не можете смириться с этим. Как только я получил Архив, все остальное перестало иметь особое значение. Конечно, потеря монет причиняет некоторые неудобства, но я могу без них обойтись. От Намшиила Колючего в его нынешнем состоянии немного толка, и я трудился последние две тысячи лет не для того, чтобы в последнюю секунду поставить все на карту. Сделки не будет.

Я поперхнулся.

— Тогда зачем вы здесь?

— Чтобы дать вам шанс передумать, — ответил Никодимус. — Мне кажется, мы с вами не так сильно отличаемся друг от друга. Мы оба личности волевые. Оба живем ради идеалов, а не материальной выгоды. Оба готовы пожертвовать собой ради достижения своей цели.

— Возможно, нам стоило бы и одеваться похоже?

Он развел руками.

— Я мог бы стать союзником, более эффективным и опасным, чем любой из тех, что у вас есть сегодня. Я хотел бы найти точки соприкосновения наших с вами интересов — как знать, может, часть ваших целей станет и моими. Я могу предложить вам поддержку, превышающую все, что когда-либо делал для вас ваш Совет. Конечно, материальная выгода от подобного партнерства — вещь второстепенная, но разве вам не хотелось бы жить какому-нибудь другом месте, а не в вашем сыром подвале? Разве вам не надоело, возвращаясь домой, мыться под холодным душем, питаться дешевой едой, спать в одиночестве?

Я молча смотрел на него.

— В мире столько работы для вас, Дрезден — и далеко не вся она будет для вас отвратительна. Честно говоря, я вполне могу представить себе, что значительная часть ее будет абсолютно соответствовать вашим понятиям добра и зла.

К черту маску. Я ослабил.

— Ну, например?

— Например, Красная Коллегия, — сказал Никодимус. — Их много, они хорошо организованы, они представляют собой угрозу моим планам, смертельную опасность для человечества — и они совершенно омерзительны эстетически. Это паразиты, которые неудобны с сиюминутной точки зрения, опасны с тактических позиций и смертельно опасны в стратегическом разрезе. Рано или поздно их в любом случае придется уничтожить. Я не испытываю ни малейших сомнений, предлагая вам свою помощь в этом вопросе, а вместе с вами — и Белому Совету.

— То есть, хотите устранить Красную Коллегию руками Совета, не замарав своих? — поинтересовался я.

— Можно подумать, вы ни разу не служили орудием в их руках.

— Для того, чтобы оказаться орудием, Совету не нужна моя помощь, — буркнул я.

— И все же отказ будет противоречить вашим понятиям о справедливости, требующим отмщения. Особенно с учетом того, что они сделали со Сьюзен Родригес, — он склонил голову набок. — Ведь ей еще можно помочь, вы знаете? Если кому-то и известны способы избавить ее от последствий общения с вампирами, так это Падшим.

— Почему бы вам сразу не предложить мне плавучих замков и мира во всем мире, если это в ваших силах, Ник?

Он развел руками.

— Я всего лишь констатирую открывающиеся перед вами возможности. Однако одно совершенно очевидно: у нас с вами множество общих врагов. Я хочу помочь вам сражаться с ними.

— Позвольте мне уточнить, — произнес я. — Вы говорите мне, что хотите, чтобы я работал с вами, и что я при этом останусь одним из хороших парней. Так?

— Добро и зло — понятия относительные. Вы и сами это уже знаете. Однако я никогда

не предложу вам действовать против вашей совести. Мне нет необходимости поступать так, чтобы использовать ваши способности. Просто прикиньте, скольким людям вы сможете помочь, обладая силой, которую я вам предлагаю.

— Угу. Похоже, вы просто настоящий филантроп.

— Я уже сказал, я хочу работать с вами, и говорю это совершенно искренне, — он встретился со мной взглядом. — Загляните мне в душу, Дрезден. Сами увидите.

Мое сердцебиение участилось до тысячи ударов в секунду, и я в ужасе опустил взгляд. Я не желал видеть того, что скрывалось за темными, спокойными, древними глазами Никодимуса. Там могло обнаружиться что-то чудовищное, что-то, что порвало бы в хлам мой рассудок или просто оставило бы на нем след — словно мазок жирной копоти.

Или это могло оказаться еще хуже.

Что, если он говорил правду?

Я оглянулся на дом Карпентеров, ощущая себя ужасно замерзшим и ужасно усталым. Усталым от всего. Вообще от всего. Я опустил взгляд на свой наряд с чужого плеча, на торчавшие из-под штанин голые лодыжки, припорошенные уже снегом.

— Я не имею ничего лично против вас, Дрезден, — заявил он. — Я уважаю вас за цельность. Я с удовольствием поработал бы с вами. Но не заблуждайтесь: если вы попытаетесь встать у меня на пути, я смету вас вместе со всеми остальными.

Наступила тишина.

Я думал о том, что я вообще знаю о Никодимусе.

Я думал о моих друзьях и о шепоте за спиной. Я думал о умолчаниях и недоговорках.

Я думал о том, во что может превратиться мир, если Никодимусу удастся обратить Иву.

Я думал о том, как, возможно, страшно девочке именно в эту минуту.

И я думал о старике с Окинавы, который в буквальном смысле этого слова отдал свою жизнь ради моей.

— Вы и я, — произнес я негромко, — оба готовы жертвовать ради достижения своей цели.

Никодимус выжидающе склонил голову набок.

— Основная разница между нами заключается в выборе того, кто будет жертвовать, и кем пожертвуют, — я тряхнул головой. — Нет.

Он сделал медленный, глубокий вдох.

— Жаль, сказал он. — Спокойной ночи, Дрезден. Удачи вам в новом мире. Но я подозреваю, что в этой жизни мы с вами больше не увидимся.

Он повернулся, чтобы уходить.

И мое сердце снова заколотилось быстрее.

Широ говорил, я буду знать, кому отдать меч.

— Пойдите, — сказал я.

Никодимус задержался.

— У меня есть еще кое-что предложить вам помимо монет.

Он повернулся. Теперь уже его лицо застыло как маска.

— Вы отдаете мне Иву, а я отдаю вам одиннадцать монет, — тихо сказал я. — Плюс «Фиделаккиус».

Никодимус застыл. Его тень беспокойно дергалась.

— Он у вас?

— Угу.

Снова слышался этот противный шепчущий звук, на этот раз громче и напряженнее. Никодимус покосился на свою тень и нахмурился.

— Предположим, вы удержите у себя Иву, — сказал я. — Предположим, вам удастся обратить и контролировать ее. Это само по себе непросто. Предположим, вы получите свой апокалипсис и свой новый Темный Век. Вы думаете, это остановит Рыцарей? Вы думаете, постепенно, один за другим, новые мужчины и женщины не возьмут Мечи и не начнут

биться с вами? Вы думаете, Небеса не будут вмешиваться в то, что вы задумали и творите?

В том, что касается маски игрока в покер, Никодимус превосходил меня на голову, но я взял его за живое, точно. Он слушал.

— Сколько раз Мечи срывали ваши планы? — спросил я. — Сколько раз они заставляли вас сдавать одну позицию за другой? — я сделал выпад в темноту, которая казалась наиболее подходящей для этого. — Вам не надоело просыпаться от кошмаров, в которых вам протыкают мечом сердце или горло? Превращают вас в еще один брошенный кубок из черепа для Падших? Или в ужасе от того, с чем вам придется столкнуться, как только вы лишитесь смертного тела?

— У меня есть Меч, — заявил я. — Я хочу обменять его вместе с монетами.

Он блеснул зубами.

— Нет, не хотите.

— Мне этого хочется не больше, чем вам — отдавать Архив, — буркнул я. — Я дарю вам возможность, Ник. Шанс навсегда уничтожить один из Мечей. Как знать, может, если все сложится для вас удачно, вы смогли бы попытаться убрать и два остальных меча.

Шепот снова сделался громче и выше тембром.

Никодимус смотрел на меня. Я не мог прочесть его лица, но правая рука его медленно сжималась и разжималась, словно ей не терпелось схватиться за оружие, и ненависть исходила от него как жар от плиты.

— Ну, — произнес я как мог небрежнее, — где вам хотелось бы произвести обмен?

Глава ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Я вернулся в дом спустя несколько минут. Мыш шел рядом со мной. Майкл говорил правду: прежде, чем мы вошли, пес старательно отряхнулся. Я решил последовать его примеру и хорошенько потоптался на крыльце, стряхивая с почти онемевших от холода ног максимум снега.

Я вошел в гостиную и обнаружил там всех, ожидавших моего возвращения: Лючко, Майкла, Молли, Саню и Мёрфи. Все вопросительно смотрели на меня.

— Он купился на наши условия. Через пару минут нам придется хорошенько пошевеливаться. Но прежде мне надо поговорить с вами, Майкл.

Майкл повел бровью.

— О, конечно.

— С глазу на глаз, — тихо произнес я. — И захватите с собой меч.

Я повернулся и пошел через дом, через открывавшуюся с усилием после того, как ее покорежил бебека, дверь на двор — и через двор в мастерскую. Я не задерживался, чтобы оглянуться. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать: все многозначительно переглядываются за моей спиной.

Если Никодимус и держал людей в домике на дереве, они наверняка ушли. Впрочем, с этого ублюдка хватило бы и наврать мне про них с три короба — просто чтобы наверняка вытащить меня из дома. Я вошел в мастерскую и положил посох на верстак. Я вложил в него много сил и денег. Одних инструментов для резьбы по дереву пришлось купить целый набор, а сколько я потратил на его обработку шкурки... а терпения...

Майкл молча вошел за мной минутой спустя. Я повернулся к нему. Он снова переоделся в свою подбитую цигейкой джинсовую куртку; на ремне, перекинутом через плечо, висел в ножнах «Амораккиус».

Я снял ветровку и положил ее на верстак рядом с посохом.

— Достаньте его из ножен, будьте добры.

— Гарри, — произнес Майкл. — Что вы делаете?

— Подхожу к делу серьезно, — ответил я. — Просто сделайте, как я прошу.

Он нахмурился, но меч вынул.

Я добавил к вещам на верстаке свои энергетические перстни. Потом браслет-оберег.

Последней я снял с шеи доставшуюся от матери серебряную пентаграмму на цепочке и тоже положил в общую кучу. Потом повернулся и подошел к Майклу.

Я спокойно встретился с ним взглядом. Я уже заглядывал в душу Майклу. Я знал, чего стоит его душа, а он знал то же самое о моей.

Я протянул левую руку, осторожно взял «Амораккиус» за клинок и, приподняв его, приставил кончик к моей шее, чуть ниже уха. К яремной вене. Или сонной артерии. Все время их путаю.

Майкл побледнел.

— Гарри...

— Заткнитесь, — сказал я. — Последние два дня вы старательно избегали разговора со мной. Можете помолчать и еще чуть-чуть, пока я не исполню свою партию.

Он покорился и стоял очень, очень тихо, со встревоженным взглядом.

Что я могу сказать? Ну, умею я привлечь чье-то внимание.

Я смотрел на него вдоль сияющего стального клинка. Потом медленно, очень медленно опустил руку, оставив Меч упираться в пульсирующую на шее жилку. Я развел руки в стороны и остался стоять в этой позе.

— Вы мой друг, Майкл, — произнес я тихо, почти шепотом. — Я вам доверяю.

Глаза его блеснули, и он опустил веки.

— И вы хотите знать, — с усилием сказал он, снова поднимая взгляд, — могу ли я сказать вам то же самое.

— Слова недорого стоят, — я чуть повел подбородком в сторону Меча. — Я хочу знать, готовы ли вы показать мне это.

Он осторожно отвел меч от моей шеи и опустил его. Руки его чуть дрожали. Зато мои — ни капельки.

— Все не так просто.

— Куда уж проще, — возразил я. — Я или ваш друг, или нет. Вы или доверяете мне, или нет.

Он убрал Меч в ножны и отвернулся к окну.

— Ведь именно поэтому вы не хотели сразу подхватиться и броситься на динарианцев, как я хотел от вас. Вы опасались, не веду ли я вас в западню.

— Я не лгал вам, Гарри, — сказал Майкл. — Но я соврал бы сейчас, если бы не признался, что да, такая мысль мелькнула у меня в голове.

— Почему? — спросил я абсолютно спокойным голосом. — Разве я когда-либо подавал вам повод к такому?

— Все не так *просто*, Гарри.

— Я дрался и проливал кровь, защищая вас и вашу семью. Я сунул голову в петлю ради Молли, когда Совет едва не казнил ее. Я даже не могу сказать, сколько выгодных дел я упустил, тратя время на ее обучение. Что же именно подтолкнуло вас к мысли о моем коварстве?

— Гарри...

Никодимус был прав в одном: больно, когда тебя подозревают в измене твои друзья. Черт знает как больно. Я даже не заметил, что повысил голос, пока едва не сорвался на визг.

— Да смотрите на меня, когда я с вами разговариваю!

Майкл повернулся ко мне. Лицо его было сурово.

— Вы что, думаете, я решил переметнуться к Никодимусу и его друзьям? — рычал я. — Вы действительно так считаете? Потому что если так, вы бы лучше проткнули мне глотку своим Мечом.

— Я не знаю, что думать, Гарри, — тихо ответил он. — Вы ведь много чего недоговорили.

— Я не всем с вами делюсь, — согласился я. — Я вообще не всем с людьми делюсь. В этом нет ничего нового.

— Я знаю, — сказал он.

— Тогда почему? — запал в моем голосе поостыл, и я ощущал себя наполовину сдувшимся воздушным шариком. — Вы же меня не один год знаете, дружище. Мы черт знает сколько раз прикрывали друг друга в бою. Почему же теперь вы усомнились во мне?

— Из-за тени Ласкиэли, — тихо ответил Майкл. — Потому что до тех пор, пока она живет в вас, она будет искушать вас — и чем дольше, тем больше у нее шансов добиться успеха.

— Я отдал монету Фортхиллу, — возразил я. — Я полагал, это говорит само за себя.

Майкл поморщился.

— Тень может подсказать вам, как вернуть монету. Такое уже случалось. Именно поэтому мы прикладываем столько усилий к тому, чтобы не прикасаться к ним.

— Все кончено, Майкл. Нету больше тени.

Майкл покачал головой, и в глазах его мелькнуло что-то вроде жалости.

— Так не бывает, Гарри.

Запал разом вернулся. Единственное, чего я не хотел сейчас и без чего мог обойтись — это жалости. Я сам делаю свой выбор, живу своей собственной жизнью, и даже если выбор мой не всегда умен, я очень мало о чем жалею.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— За две тысячи лет никому еще не удавалось избавиться от тени одного из Падших — если только человек не принимал демона окончательно, забирая монету, а уже потом раскаивался и избавлялся от нее. И вы утверждаете, что не принимали монеты.

— Это так, — подтвердил я.

— Тогда либо тень никуда не делась, — сказал Майкл, — и она продолжает искажать ваши мысли. Продолжает нашептывать вам. Либо вы лжете мне, будто не брали монету. Других вариантов нет.

Некоторое время я молча смотрел на него.

— Блин-тарарам, — произнес я наконец. — А я-то думал, это у чародеев монополия на самонадеянность.

Он удивленно заморгал.

— Или вы серьезно думаете, я поверю в то, что Церковь протоколировала все до единого случаи, когда кто-либо подбирал одну из проклятых монет? Что все искушавшиеся тенью Падшего давали ей свои показания? В нескольких копиях, заверенных нотариусом? Особенно с учетом того, о чем вы мне сами говорили — что Никодимус приложил максимум усилий к тому, чтобы уничтожить записи и церковные архивы?

Майкл чуть покачнулся на каблуках и нахмурился.

— Они ведь именно этого и хотят, Майкл. Они добиваются, чтобы мы вцепились в глотку друг другу. Чтобы мы не доверяли друг другу, — я тряхнул головой. — И уж *сейчас* самое неудачное время делать им такой подарок.

Майкл скрестил руки на груди, глядя на меня.

— Она могла делать что-то с вашим сознанием, — тихо прознес он. — Вы можете не полностью контролировать себя, Гарри.

Я сделал глубокий вдох.

— Это... возможно, — признал я. — Залезть и копаться можно в чью угодно голову. Однако попытка перестроить чужие мозги приводит к их тяжелым поражениям. Они действуют иначе, чем прежде. Чем больше изменений вы делаете, тем больше это разрушает рассудок.

— Так, как делала моя дочь со своими друзьями, — кивнул Майкл. — Я помню.

— Поэтому это заметно, — сказал я. — Если вы достаточно хорошо знаете этого человека, это почти всегда заметно. Он по-другому себя ведет. Я вел себя по-другому? Скажите, я вел себя при вас как псих?

Он изогнул бровь.

— Больше, чем обычно, — поправился я.

Он мотнул головой.

— Нет.

— Значит, скорее всего, никто не ковырялся в моей башке, — сказал я. — Не говоря уже о том, что проглядеть такое довольно сложно, и как чародей первого класса заверяю вас, ничего такого со мной не случилось.

Секунду казалось, будто он хочет что-то сказать, но он промолчал.

— Что возвращает нас к изначальному, единственно важному вопросу, — продолжал я. — Считаете ли вы, что я переметнулся к ним? Считаете ли вы, что я вообще *способен* на такое после всего, что повидал?

Мой друг вздохнул.

— Нет, Гарри.

Я шагнул к нему и положил руку ему на плечо.

— Тогда поверьте мне еще немного. Помогите мне еще немного.

Он снова взглянул на меня в глаза.

— Хорошо, — прошептал он. — Если вы ответите мне на один вопрос.

Я нахмурился и склонил голову набок.

— Ну?

Он сделал глубокий вдох.

— Гарри, — тихо спросил он. — Что случилось с вашим жезлом?

Какую-то секунду смысл вопроса до меня вообще не доходил. Слова представлялись просто набором звуков вроде тех, какие издают младенцы прежде, чем научатся говорить. Особенно последняя часть предложения.

— И-извините, — пробормотал я. — Что вы сказали?

— Где, — мягко повторил он, — ваш жезл?

На этот раз я расслышал слова.

Боль пронзила мою голову, воткнулась ледяными иглами в виски. Я пошатнулся и едва не упал. Жезл. Знакомое слово. Я пытался вызвать в памяти зрительный образ, соответствующий этому слову, но у меня не получилось ничего. То есть, я *понимал*, что у меня имелись воспоминания, связанные с этим словом, но как ни пытался, не мог их найти. Словно кто-то укрыл этот образ в мозгу тяжелым брезентом — очертаний не различить. Я знал, что под брезентом что-то есть, но пробиться сквозь него у меня не получалось.

— Я не... я не... — я задышал чаще. Боль усилилась.

Кто-то сидел у меня в голове.

Кто-то сидел у меня в голове.

О Господи.

Должно быть, я все-таки упал, потому что пол мастерской холодил мою щеку, а потом я почувствовал, как широкая, мозолистая рука Майкла осторожно легла мне на лоб.

— Отче, — прошептал он, просто и без всякого пафоса. — Отче, прошу, помоги моему другу. Отче светлый, разгони мрак, который он может видеть. Отче истинный, обнажи ложь. Отче милосердный, уйми его боль. Отче любящий, не оставь доброго сердца этого человека. Аминь.

Ладонь Майкла вдруг сделалась обжигающе-горячей, и я ощутил, как вскипела в воздухе вокруг его энергия. Не магическая — во всяком случае, не та магическая, с которой работаю обычно я. Эта была другой, гораздо древнее, мощнее, чище. Энергия веры, жар которой проник куда-то под мои глаза, и что-то треснуло и рассыпалось у меня в мыслях.

Боль исчезла так же внезапно, как появилась. Я даже охнул от неожиданности, и перед моим мысленным взглядом разом возник образ деревянного стержня длиной в пару футов, сплошь покрытого резными знаками и рунами. А вместе с образом в мозгу всплыли тысячи воспоминаний, все, что я когда-либо знал о магии огня, о ее основах, заклинании, управлении огнем, о боевой магии. Все это огрело меня ударом кувалды.

Минуты или две я лежал, дрожа, пока все это заполняло зиявшую пустоту в моем мозгу, о существовании которой я даже не подозревал.

Майкл не убрал руки с моего лба.

— Спокойно, Гарри, спокойно. Отдохните еще минуту. Я здесь.

Я решил с ним не спорить.

— Ладно, — слабо прохрипел я через минуту и открыл глаза. Майкл сидел по-турецки на полу рядом со мной. — Кто-то должен перед кем-то извиниться.

Он мягко, заботливо улыбнулся.

— Вы мне ничего не должны. Возможно, мне стоило бы поговорить с вами раньше, но...

— Но спорить с кем-то, у кого мозги съехали набекрень, на эту самую тему может оказаться вредно для здоровья, — тихо договорил я. — Особенно, если одним из последствий этих фокусов с мозгами стало то, что этот кто-то не помнит ни хрена о том, как это вообще произошло.

Он кивнул.

— Молли забеспокоилась на этот счет вчера. Я попросил ее осмотреть вас, пока вы спали сегодня. Я приношу вам свои извинения, но я не придумал никакого другого способа проверить, не залезал ли к вам в голову кто-то другой.

Я поежился. Ох. Молли, игравшая у меня в голове. Думать об этом было не слишком чтобы приятно. Молли обладала способностями к нейромантии — магии, связанной с сознанием. Однако в прошлом она использовала эти свои способности не лучшим образом — с самыми благими намерениями, да, и все равно это оставалось самой что есть настоящей, честной и откровенной черной магией. К таким вещам очень быстро пристращаются, и это не лучшая из забав, каких я пожелал бы этой девочке.

Особенно с учетом того, что игровым инвентарем в данном случае являлся я.

— Блин-тарарам, Майкл, — пробормотал я. — Вам не следовало делать этого с ней.

— Ну, на самом деле это предложила она. И вы правы, Гарри. Мы не можем себе позволить разобщенности. Что вы можете вспомнить?

Я тряхнул головой и нахмурился, пытаюсь разобраться в гуде спутанных воспоминаний.

— В последний раз я помню, как держал его в руке сразу после того, как бебеки напали на нас здесь. А потом... ничего. Я не знаю, где он теперь. И нет, я не помню, кто это сделал со мной или почему.

Майкл нахмурился, но кивнул.

— Ладно. Он не всегда дарует нам то, что мы просим. Только то, что необходимо.

Я провел рукой по лбу.

— Надеюсь, что так, — устало пробормотал я. — Да. Гм. Немножко все это страшно. После этих штучек, когда я приставлял ваш Меч к своему горлу... и всего такого.

Майкл откинул голову назад и от души рассмеялся.

— Вы не из тех людей, кто делает что-то впольсилы, Гарри. Включая эффектные жесты.

— Пожалуй что так, — тихо согласился я.

— Я все-таки не могу не спросить, — произнес Майкл, пристально глядя на меня. — Тень Ласкиэли. Она правда ушла?

Я кивнул.

— Как?

Я отвернулся от него.

— Мне не хотелось бы об этом говорить.

Он нахмурился, но медленно кивнул.

— Но хоть почему не хотите, можете сказать?

— Потому, что то, что с ней случилось, несправедливо, — я покачал головой. — Знаете, Майкл, почему динарианцы не любят ходить в церковь?

Он пожал плечами.

— Полагаю, потому что им неуютно в присутствии Всевышнего. Или что-нибудь вроде этого.

— Нет, — сказал я, закрывая глаза. — Потому что это заставляет Падших

чувствовать, Майкл. Заставляет их вспоминать. Причиняет им боль.

Даже с закрытыми глазами я ощущал на себе его пристальный взгляд.

— Только представьте себе, как это, должно быть, ужасно, — продолжал я. — Прожив тысячелетие уверенным в своих действиях, вдруг вы начинаете сомневаться. Вдруг вы начинаете спрашивать себя, не было ли все, что вы делали, огромной, чудовищной ложью. Все принесенные вами жертвы принесены впустую, — я слабо улыбнулся. — Вряд ли это положительно скажется на вашей уверенности в себе.

— Нет, — задумчиво согласился Майкл. — Положительно не скажется.

— Широ сказал мне, что я буду знать, кому передать Меч, — сказал я.

— Да?

— Я включил его в сделку с Никодимусом. Монеты и Меч за девочку.

Майкл со свистом втянул в себя воздух.

— Иначе он ушел бы, — объяснил я. — Ушел бы, и мы не смогли бы найти его вовремя. У меня не было другого выхода. Широ как будто предвидел это. Еще тогда.

— Кровь Господня, Гарри, — выдохнул Майкл. Он сидел, прижав руку к животу. — Я совершенно уверен, что азартные игры — грех. Но даже если это не так, *это* — уж наверняка.

— Я намерен вернуть эту девочку, Майкл, — сказал я. — Любой ценой.

Он встал, продолжая хмуриться, и застегнул на талии пояс с мечом.

Я протянул ему правую руку.

— Вы со мной?

Майклова пятерня крепко сжала мою, и он рывком поднял меня на ноги.

Глава ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Как и положено военным советам, наше совещание было недолгим, но шумным. Иначе и быть не могло.

После собрания я выследил Мёрфи. Она вернулась в швейную проверить, как там Кинкейд.

Несколько секунд я молча стоял в дверях. Собственно, там и стоять-то особенно было негде. Повсюду громоздились пластиковые контейнеры с тканями и прочими нитками. Помимо контейнеров обстановку комнаты составляли швейная машинка на столе, стул, кушетка и узкие проходы к этим предметам. Меня как-то укладывали в этой комнате. Это довольно уютное место: все здесь мягкое и разноцветное, и пахнет здесь стиральным порошком и смягчителем ткани.

Кинкейд напоминал дублера Мумии. Он лежал с катетером в руке, от которого тянулась трубочка к пластиковому пакету с кровью, подвешенному к маленькой металлической стойке у его кушетки — позаимствованной из подпольной клиники Марконе, предположил я.

Мёрфи сидела у кровати, и вид она имела встревоженный. Я уже видел подобное выражение у нее на лице, только тогда в горизонтальном положении находился я. Я ожидал ощутить укол ревности, но этого не случилось. Мне просто было жаль Мёрфи.

— Как он? — спросил я.

— Это уже третье переливание, — отозвалась Мёрфи. — Цвет лица уже здоровее, и он дышит ровнее. Но ему нужен врач. Может, нам позвать Баттерса?

— Если мы позовем его, он посмотрит на нас, изобразит из себя такого Маккоя и скажет тебе: «Чтоб тебя, Мёрфи. Я медицинский эксперт, а не повар из пиццерии».

Мёрфи издала негромкий звук, что-то среднее между всхлипом и усмешкой.

Я шагнул вперед и положил руку ей на плечо.

— Майкл говорит, он выберется.

Она сидела, сжавшись под моей рукой.

— Он не врач.

— Но у него хорошие связи.

Кинкейд вздрогнул, и его дыхание на несколько секунд участилось, сделавшись чуть хриплым.

Плечо Мерфи окаменело от напряжения.

Дыхание раненого снова выровнялось.

— Эй, — негромко произнес я. — Спокойно.

Она мотнула головой.

— Ненавижу такое.

— Он покрепче нас обоих вместе взятых.

— Я не об этом.

Я промолчал, ожидая продолжения фразы.

— Я ненавижу *чувствовать* себя так. Мне страшно до усера, и я это ненавижу, — она стиснула зубы на мгновение. — Вот почему я не хочу больше привязываться к кому-либо. Слишком это больно.

Я мягко сжал ее плечо.

— Привязываться, так?

— Нет, — сказала она и тут же мотнула головой. — Да. Не знаю. Сложно это все, Гарри.

— Заботиться о ком-то несложно, — возразил я. — Это не просто. Но несложно. Вроде как снимать движок с машины.

Она неодобрительно покосилась на меня.

— Чисто мужской подход — описывать интимные переживания терминами автомеханики.

— Угу. Этим своим сравнением я, типа, тоже горжусь.

Она тихо вздохнула, закрыла глаза и прижалась щекой к моей руке.

— Самое глупое, — сказала, — то, что он не заинтересован в... в серьезных отношениях. Нам было неплохо вместе. Мы получали удовольствие. Ему этого достаточно. А я просто дура, что продолжаю цепляться за него.

Ну, не думаю, чтобы это было так уж глупо. Мёрфи ведь сама не хочет особой уж близости, при которой становится слишком уязвимой. Вот и Кинкейд не хотел таких отношений — так ему безопаснее. Так что пусть ее заботится.

Собственно, этим же объясняется и то, почему мы с ней так ни к чему не пришли.

На случай, если вы сами об этом еще не догадались, я не из тех людей, которые легко сближаются с женщинами.

Впрочем, словами я это высказать не мог. Поэтому я просто нагнулся и осторожно поцеловал Мёрфи в затылок.

Она вздрогнула. Тыльной стороне моей кисти сделалось мокро от ее слез. Я опустился на колени. Так моя голова оказалась более-менее на одном уровне с ее. Я обнял ее за плечи и притянул к себе, так ничего не говоря. Для Мёрф одно то, что я видел ее плачущую, уже перебор. Поэтому она притворялась, будто не плачет, а я притворялся, будто не замечаю этого.

Она плакала недолго. Пару минут, не больше. Потом дыхание ее успокоилось, и я почувствовал, что она берет себя в руки. Еще минута, и она выпрямилась и отстранилась от меня. Я отпустил ее.

— Они говорили, ты находишься под чьим-то влиянием, — сказала она спокойным, деловым почти тоном. — Будто кто-то сделал что-то с твоей головой. Твоя ученица сказала. Но Майкл, мне показалось, не хотел говорить этого при твоей начальнице. И никто не хотел говорить ничего при мне.

— Секретничанье входит в привычку, — заметил я. — И Молли говорила правду.

Мёрфи кивнула.

— Она сказала, что мы должны выслушать первые слова, которые ты скажешь, проснувшись. Что если кто-то возился с твоей головой, твое подсознание сможет проявлять

себя именно тогда, на грани сна. И ты сказал, что мы должны слушать ее.

Я обдумал это и надул губы.

— Гм. Правда. Пожалуй, я хитрее, чем думал.

— Им не стоило подозревать тебя, — сказала Мёрфи. — Вот я, параноидальная сучка — и то сто лет как перестала тебя подозревать.

— У них имелся повод, — возразил я и сделал глубокий вдох. Это далось мне нелегко, но я выдавил из себя эти слова. — Никодимус бросил одну из этих своих монет ребенку Майкла. Я схватил ее прежде, чем тот успел дотронуться до нее. В результате фотокопия Падшего ангела несколько лет жила у меня в голове, пытаюсь уговорить меня взять монету и запустить в себя все остальное.

Мёрфи покосилась на меня.

— Ты хочешь сказать... ты мог превратиться в одну из этих тварей?

— Угу, — кивнул я. — Пару раз висел на волоске.

— Это... Это еще... Там?

Я мотнул головой.

— Уже нет. Она ушла. Я думаю, все то время, что она пыталась изменить меня, я пытался в ответ изменить ее. И в прошлом году, в Провале Рейтов она, можно сказать, приняла на себя пулю, предназначавшуюся мне. Психическую пулю. В самом конце, после того, как все другие успели уйти, — я пожал плечами. — Я... Мы, типа, с ней сдружились. Я привык к ее присутствию, — я покосился на Мёрфи и слабо улыбнулся. — Псих, правда? Переживаю из-за воображаемого друга.

Ее пальцы нашли мои и сжали их.

— Мы все в той или иной степени воображаемые друзья, Гарри, — секунду она сидела, не шевелясь, потом искоса посмотрела на меня. — Ты ведь не говорил Майклу подробностей?

Я снова помотал головой.

— Не знаю, почему.

— Я знаю, — сказала она. — Помнишь, когда Кравос совал пальцы мне в голову?

Я поежился. В момент, когда он делал это, он принял мою внешность.

— Угу.

— Ты говорил, это нанесло мне травму. Как ты ее называл?

— Просто психическую травму, — ответил я. — Примерно то же происходит, когда у кого-то умирает близкий человек. При эмоциональных драмах, типа того. Требуется некоторое время, чтобы это прошло.

— Но ты-то с этим справился, — заявила Мёрфи. — Знаешь, Дрезден, мне кажется, очень хреново бывает, когда кто-то принимает на себя настоящего настоящую, предназначенную тебе пулю. Когда нападение на тебя ограничено психикой, и твой воображаемый друг погибает лишь у тебя в сознании, справиться с этим все-таки легче. Такое случается время от времени — что ж теперь, помирать от этого?

Я нахмурился и опустил взгляд на свои руки.

— Ни разу не думал об этом в таком разрезе.

Она негромко фыркнула.

— Надо же, сюрприз какой. Дрезден забывает, что он не неуязвим.

Что ж, не лишено логики.

— Этот твой план, — сказала она. — Ты серьезно веришь, что он сработает?

— Я думаю, я обязан попытаться, — я набрал в грудь воздуха. — Мне кажется, тебе не стоит впутываться в этот раунд, Мёрф. У динарианцев есть смертные поклонники. Фанатичные.

— Ты думаешь, нам придется убить кого-то из них? — предположила Мёрфи.

— Я думаю, у нас почти нет выбора, — ответил я. — И потом, я вполне могу ожидать от них, что они пошлют кого-нибудь сюда.

Мёрфи пристально посмотрела на меня.

Я пожал плечами.

— Им известно, что я, Майкл и Саня уедут на встречу. Им известно, что здесь находится еще несколько человек, и по меньшей мере часть их беззащитна. Вне зависимости от того, получит он монеты или нет, Никодимус может послать кого-нибудь сюда, чтобы расправиться с ранеными.

Секунду Мёрфи молча смотрела на меня, потом опустила взгляд на Кинкейда.

— Ты ублюдок, — ровно, без удара произнесла она.

— Я не собираюсь разыгрывать из себя старшего брата, Кэррин, — ответил я. — Но мы имеем дело с очень погаными людьми. Молли останется с Кинкейдом. Мыша я тоже оставлю здесь. Я бы предпочел, чтобы здесь находился еще и кто-нибудь, более опытный. Хотя бы чтобы при необходимости посоветовать что-нибудь девчонке.

Она нахмурилась и посмотрела на Кинкейда.

— Пытаешься усовестить меня, чтобы я изображала верную подругу, защитницу дома и суррогатную мамашу в одной упаковке, да?

— Я решил, что так будет лучше, нежели посоветовать тебе заткнуться и возвращаться на кухню.

Она сделала глубокий вдох, глядя на спящего. Потом осторожно коснулась его руки пальцами, встала и повернулась ко мне.

— Нет. Я иду с тобой.

Я хмыкнул, поднимаясь на ноги.

— Уверена?

— Девочка для него сейчас важнее всего, — сказала Мёрфи. — Важнее, чем что-либо за много, много лет, Гарри. Он отдал бы жизнь за нее. Если бы он находился в сознании, он потребовал бы, чтобы вы взяли его с собой. Но он этого не может. Значит, это должна сделать для него я.

— Там может выйти настоящее мочилов, Мёрф.

Она кивнула.

— Переживать на этот счет можно и позже, когда девочка окажется в безопасности.

На стене тихо тикали часы.

— Встреча через час.

Мёрфи кивнула и потянулась за пальто. Слез и след простыл, и ничто в ее лице не выдавало того, что она недавно плакала.

— Тогда извини. Если нам предстоит вечер на выезде, мне нужно переодеться в что-нибудь поудобнее.

— Не в моих привычках давать советы дамам, как им одеваться.

* * *

Скажем честно, одно дело идти на бой с силами тьмы; совсем другое дело заниматься этим в паре чужих тренировочных штанов и в тесной футболке. К счастью, Молли, честь ей и хвала, хватило ума сунуть мои шмотки в стиральную машину. Я даже готов простить ей за это ее тушеное мясо.

Забравшись в постирочную, я стянул с себя Майклову одежду и как раз сунул ноги в мои старые джинсы, когда дверь отворилась, и в комнату сунула голову чем-то изрядно возбужденная Люччо.

— Дрезден мне кажется, я знаю, поче... ой!

Я рывком вздернул джинсы в положенное им положение и застегнул молнию так быстро, как только мог, не причиняя себе при этом неоправданных неудобств.

— Ох. Гм. Прощу прощения, — сказал я.

Люччо улыбнулась; благодаря ямочкам на щеках она казалась ненамного старше Молли. Она не покраснела. Вместо этого она скрестила руки на груди и прислонилась плечом к косяку. Темные глаза ее смотрели на меня с нескрываемым удовольствием.

— О, право же, не за что, Дрезден. Не за что.

Я помолчал, но через пару секунд ответил ей подобным же взглядом.

— Разве вам не полагалось бы смутиться, извиниться и тихонько выйти?

Улыбка ее сделалась шире, и она повела плечом.

— Когда я была маленькой девочкой — возможно. Впрочем, даже тогда мне стоило большого труда вести себя сдержанно, когда я видела что-то, приятное моему взгляду, — она склонила голову набок и шагнула в мою сторону. Потом вытянула руку и осторожно провела пальцами вдоль шрама у меня на руке ниже локтя.

— След от пули, — пояснил я в ответ на ее вопросительный взгляд. — Обратни из ФБР.

Она кивнула. Потом ее пальцы коснулись ложбинки чуть ниже моего кадыка и медленно скользнули вниз, по груди, и дальше, по животу. Волна обжигающей дрожи катилась по телу эхом ее прикосновения. Она снова подняла на меня взгляд.

— Нож-крюк, — сказал я. — Один чернокнижник пытался освежать меня в музее Филда.

Ее прикосновения прошли по моим обнаженным рукам, задержавшись у запястий, на которых багровели зловещими браслетами широкий, дюйма в полтора шрамы.

— Наручники с шипами. Это когда Мадригал Рейт пытался продать меня с *eBay*.

Она подняла мою обожженную левую руку и погладила пальцами мою исковерканную ожогом плоть. К тому времени я уже неплохо мог шевелить пальцами, да и внешне рука уже не напоминала жуткий, наполовину оплавленный восковой муляж, хотя вид у нее все равно оставался не из приятных для глаза.

— В стае вампиров из Черной Коллегии оказался один очень изобретательный ренфилд. Он вооружился самодельным огнеметом.

Она покачала головой.

— Я знаю мужчин на несколько столетий старше вас, так у них и половины такой коллекции шрамов нет.

— Может, они и прожили столько, потому что у них хватило ума не заполучить столько, — заметил я.

Она снова улыбнулась. С близкого расстояния эта ее улыбка производила сокрушительное действие, а глаза ее показались мне еще темнее.

— Анастасия, — произнес я. — Через несколько минут нам предстоит сделать такое, что может убить нас обоих.

— Да, Гарри. Может.

Я кивнул.

— Но до этого еще целых несколько минут.

Взгляд ее чуть затуманился.

— Несколько, да.

Я поднял правую руку (ее, кстати, так и продолжало покалывать), осторожно взял пальцами за подбородок и, чуть пригнув голову, прижался губами к ее рту.

Она издала тихий, довольный стон и прижалась к мне всем телом, откликнувшись на мой поцелуй своим, еще более чувственным. Пальцы одной ее руки зарылись в волосы у меня на затылке, а ногти другой наугад касались моей груди и плеча. Каждое их прикосновение отдавалось на моей коже огнем, и я непроизвольно погрузил пальцы правой руки в мягкие завитки ее волос и притянул ее к себе еще крепче.

Не знаю, как долго это продолжалось, но это было восхитительно. Когда она, наконец, оторвала свои губы от моих, мы оба задыхались, и сердце у меня в груди стучало в грудную клетку с силой кузнечного молота. Ну, и в джинсах эти удары тоже отдавались.

Она не открывала глаз еще пять, может, даже десять секунд, а когда открыла, они оказались огромными и полными желания. Анастасия запрокинула голову и медленно, с томным, довольным вздохом потянулась.

— Вы не возражаете? — спросил я.

— Ни капельки.

— Хорошо. Я просто... хотел понять, на что это похоже. Я ведь чертовски давно ни с кем не целовался. Почти забыл уже, что это такое.

— Вы даже не представляете, — прошептала она, как давно я не целовалась с мужчиной. Не уверена даже, что я сама это точно помню.

Я негромко рассмеялся.

На щеках ее снова заиграли ямочки.

— Вот и отлично, — произнесла она, скользя по мне взглядом с ног до головы и обратно. На этот раз я почему-то не стеснялся.

— У вас славная улыбка. Вам стоило бы чаще улыбаться.

— Когда мы разберемся с сегодняшними делами, — кивнул я, — мы могли бы обсудить это. За обедом.

Ее улыбка сделалась шире, и щеки чуть порозовели.

— С большим удовольствием.

— Хорошо, — сказал я, выразительно выгнув бровь. — Если все в порядке, я, с вашего позволения, одену рубашку.

Анастасия весело рассмеялась и отступила от меня на пару шагов, хотя пальцев от моей кожи не отрывала, пока это позволяло расстояние.

— Очень хорошо, Страж. Как вам удобнее.

— Что ж, спасибо, капитан, — я натянул на себя оставшуюся одежду. — Так что вы хотели мне сказать?

— А? — зажмурилась она. — Ах, да. До того, как я так удачно отвлеклась. Мне кажется, я знаю, где динарианцы держат Архив.

Я изумленно заморгал.

— Вам повезло с поисковым заклятием?

Она мотнула головой.

— Нет, оно позорнейшим образом провалилось. Поэтому мне пришлось пошевелить мозгами, — она расстегнула обтянутый кожей тубус, висевший у нее на поясе рядом со шпагой. Она достала из него пластиковый футляр, из которого вытряхнула скрученные в тугой рулон бумаги. Порывшись в них, она нашла нужный листок и убрала остальные обратно. Она развернула листок — на нем оказалось нарисовано что-то вроде карты — и положила его на крышку сушильной машины.

Я всмотрелся в листок. Это и была карта, только вместо границ штатов, шоссе, железных дорог и городов, виднее всего на ней стали естественные детали — в первую очередь, береговая черта Великих Озер. Реки, леса и болота тоже доминировали на ней. А еще всю карту прочерчивала паутина пересекающихся разноцветных линий.

К двери приблизились шаги, и в комнату вошла Молли с пластиковой корзиной, полной детской одежды. При виде нас она удивленно заморгала, но улыбнулась.

— Ой, что это? — спросила она, глядя на карту.

— Карта, — отвечал я, как и положено исполненному знаний наставнику.

— Это я и сама вижу, — фыркнула она. — Но что за карта?

Тут до меня, наконец, дошло.

— Потоки, — произнес я, посмотрев на Лючко. — Это направления потоков.

Молли, надув губы, всматривалась в бумагу.

— Что еще за потоки?

— Это... Ну, представь себе что-то вроде подземных трубопроводов. Только вместо воды или нефти по ним течет магия. Они опутывают весь мир, соединяя как правило точки концентрации сверхъестественных энергий.

— Соединяя их с помощью магии, — поняла Молли. — Круто.

— Совершенно верно, — кивнула Лючко. — Единственный способ обуздать энергию Архива — заключить ее в чрезвычайно мощный круг, а для этого требуется огромное количество энергии.

Я хмыкнул в знак согласия.

— И выполнен круг должен быть идеально, иначе она взломает его, нащупав слабое место.

— Верно.

— О каком количестве энергии вообще идет речь? — поинтересовался я.

— Вы, наверное, смогли бы поддерживать такой круг в течение получаса или даже часа. Мне бы так долго не удалось, даже до моего... — она провела рукой по своему телу, — ЧП.

— В общем, чертова куча энергии, — попытожил я. — И откуда же они ее берут?

— Хороший вопрос, — кивнула она. — Однако Знак, с помощью которого они изолировали Аквариум, предполагает, что такой источник энергии у них есть.

Я мотнул головой.

— Нет, — заявил я. — Там это питалось Адским Огнем.

Лючко надула губы.

— Вы в этом совершенно уверены?

— Я в этом совершенно уверен, — кивнул я. — Он могуч как Ад в буквальном смысле этого слова, но он нестабилен. Его интенсивность все время колеблется. Только поэтому им не удалось сохранять Знак дольше.

— Чтобы держать в заключении Архив, им необходим ровный, без сбоев поток энергии, — сказала Лючко. — И не забывайте, им необходимо поддерживать одновременно очень мощную и сложную завесу, способную блокировать любое поисковое заклятие. Без надежного источника энергии такое тоже невозможно.

— Потоки, — выдохнул я.

— Потоки, — удовлетворенно подтвердила она.

— Мне в наших краях известны два-три, но я не знал, что их *так* много, — признался я.

— Район Великих Озер изобилует ими, — сказала Лючко. — Это энергетическая аномалия.

— И что? — не поняла Молли. — Что это означает?

— Ну, это одна из причин, по котором в нашем регионе так высока сверхъестественная активность, — ответил я. — Ты знаешь, например, что в озере Мичиган пропало втрое больше кораблей и самолетов, чем в Бермудском треугольнике?

— Уау, — восхитилась Молли. — Вы это серьезно?

— Угу.

— Как бы мне летом в бассейне без вести не пропасть.

Лючко тем временем водила по линиям на карте кончиком пальца.

— Цвета линий означают преобладание того или иного типа энергии. Разрушительные энергии здесь, созидательные здесь и здесь... ну и так далее. Толщина линии означает ее относительный потенциал.

— Ясно, ясно, — кивнул я, заметно возбуждвшись. — Значит, мы ищем источник энергии, сопоставимый по мощности со Знаком в Аквариуме, но стабильный.

— Здесь, на карте, четыре места, которые кажутся мне наиболее вероятными, — сказала Лючко, подвинув палец к северной части озера Мичиган. — У островов Северный и Южный Маниту в наличии концентрация потоков темной энергии.

— Угу, — кивнул я. — С ними связано множество зловещих преданий. Только до них больше двухсот миль. На месте Никодимуса я бы побоялся везти ее так далеко.

— Согласна. Третий узел потоков находится прямо под музеем Филда, — она покосилась на меня, выгнула бровь, и голос ее сделался суше. — Правда, полагаю, с этим вы уже хорошо знакомы.

— Я собирался вернуть динозавра обратно, — заявил я. — Но я лежал без сознания.

— Что приводит нас к точке номер четыре, — кивнула Лючко. — Палец ее остановился на грозди маленьких островков в самом центре озера, в северо-востоке от города,

перечеркнутых жирной темно-лиловой линией. — Здесь.

Молли перегнулась через мое плечо и, нахмурившись, уставилась на карту.

— В этой части озера, вроде, нет островов. Открытая вода, и все.

— Эту карту мне дал Слушающий-Ветер, мисс Карпентер, — серьезно ответила Люччо. — Он несколько столетий прожил в этих краях.

Я хмыкнул.

— Я про них много чего слышал. В нескольких войнах их использовали в качестве своих баз инсургенты. Потом они служили перевалочными пунктами для бутлегеров, перевозивших бухло из Канады в годы Сухого Закона. И с этими местами тоже связаны рассказы про всякую нечисть.

Молли нахмурилась.

— Какие рассказы?

Я пожал плечами.

— Обычные страшилки. Призраки. Люди, сведенные с ума неведомыми силами. Люди, утнутые в воду неизвестными чудищами или найденные зарубленными допотопным оружием.

— Тогда почему их нет на картах? — поинтересовалась Молли.

— Эти острова опасны, — ответил я. — До помощи далеко, и зимой озеро часто штормит. Из воды торчат скалы, о которые легко пробить дно. Может, кто-то в городских верхах решил, что острова будут меньше искушать людей, если их будут считать просто легендой, и приложил некоторые усилия к тому, чтобы их стерли с карт.

— Такое невозможно, — заявила Молли.

— Вполне возможно, — возразила Люччо. — Тем более, что концентрация магических энергий вокруг них заставляет людей подсознательно избегать их. Если плыть туда без определенной цели, судоводитель непроизвольно обогнет это место, даже не заметив, что делает.

— И если там, действительно, столько нехорошей магической ауры, она должна творить черт-те что с навигационным оборудованием. Готов спорить на двадцать баксов, что над ними и воздушных маршрутов нет, — я постучал пальцем по точке на карте. — Что ж, убедительно. Она здесь.

— Если она там, — спросила Молли, — тогда что мы можем с этим поделать?

Люччо, хмуря брови, склонила голову набок и посмотрела на меня.

— Капитан, полагаю, вы уже связались с Советом насчет подкреплений?

— Да, — подтвердила она. — Они прибудут в максимально короткий срок — то есть, часов через девять.

— Быстро, но недостаточно быстро, — буркнул я и задумчиво наморщил лоб. — Значит, мы попросим об одолжении.

— Одолжении? — удивилась Люччо.

— Угу, — кивнул я. — Я знаю парня, у которого есть катер.

Глава СОРОКОВАЯ

Следующие полчаса я занимался тем, что лихорадочно утрясал детали предстоящей операции. Все разъехались по намеченным позициям — все кроме меня, Молли и Кинкейда. И Мыша.

Пес не скрывал своего огорчения по поводу того, что я не беру его с собой. При том, что он покорно опустился на пол у ног Молли, вид он имел самый что есть жалкий.

— Извини, малыш, — сказал я ему. — Ты нужен мне здесь — помогать Молли и предупреждать ее об опасности.

Он вздохнул.

— Попробую как-нибудь справляться без тебя некоторое время, — продолжал я. — Обо мне не беспокойся.

Он перевернулся пузом вверх и бросил на меня еще один отчаянный взгляд.

— Ха. И не напрашивайся, не пожалею. Знаем таких, — я наклонился и почесал ему ляжки.

Минутой спустя отворилась дверь со двора, и вошел Томас.

— Ну наконец-то, — сказал он. — Я так долго торчал в машине, что думал, дырку в сидении попой прокручу.

— Извини.

— Ничего, выживу как-нибудь. Чем могу помочь.

— Возвращайся в машину и подбрось меня до дома.

Томас испепелил меня взглядом. Потом пробормотал что-то себе под нос, вынул из кармана ключи и снова вышел на улицу.

— Вы невыносимы, — с ухмылкой заметила Молли.

— Чего? — возмутился я. — Я просто выражаю свою братскую привязанность.

Я облачился в ветровку и взял посох.

— План помнишь?

— Отвечать на звонки, — кивнула Молли, загибая пальцы. — Держать ухо остро. Следить, чтобы Мыш находился в одной комнате со мной. Проверять Кинкейда каждые пятнадцать минут.

Было время, когда она сидела бы, надувшись из-за перспективы торчать дома, пока где-то происходит что-то захватывающее — но теперь она достаточно повзрослела, чтобы понимать, насколько серьезно все может обернуться, и осознавать ограниченность собственных возможностей. В том, что касается различных магических энергий, Молли отличается необычайной чувствительностью. Собственно, это одна из причин, благодаря которым она так сильна в психо- и нейромантии. Еще это означало, что в случае, если дело дойдет до серьезных сверхъестественных потрясений, она будет воспринимать их с такой болезненной ясностью, что это может вывести ее из строя, по крайней мере, на несколько минут. Боевая магия никогда не относилась к ее сильным сторонам, и в реальном бою от нее могло оказаться больше вреда, чем пользы.

Но, по крайней мере, девочка сама это понимала. Это могло ей не нравиться, но она честно изыскивала другие способы принести пользу. Я ей гордился.

— И не забудь про домашнее задание, — напомнил я.

Она нахмурилась.

— Я так и не понимаю, чего вы так хотите разобраться в нашем фамильном древе.

— Не смейся меня, Кузнечик. Сделаешь все как надо — куплю тебе мороженого.

Она выглянула в окошко. Весь мир на улице сделался белым.

— Лады, — она оглянулась на меня и улыбнулась — немного, скажем прямо, кривовато. — Вы уж там это... осторожнее.

— Эй, не забывай: у Шедда этих лузеров было почти два десятка. Теперь только шестеро.

— Шестеро самых хитрых, сильных и древних, — напомнила Молли. — Тех, с кем надо считаться.

— Спасибо за оптимизм, — хмыкнул я и повернулся к двери. — Запрешь за мной.

Молли прикусила губу.

— Гарри?

Я задержался. Голос ее звучал едва слышно.

— Приглядите там за папой, ладно?

Я повернулся и заглянул ей в глаза. Потом перекрестил пальцем сердце и кивнул.

Она моргнула несколько раз и снова улыбнулась.

— Хорошо.

— Запри дверь, — напомнил я еще раз и вышел на заснеженный двор. За моей спиной щелкнул замок, и, оглянувшись, я увидел, как Молли наблюдает за мной из окна. Подъехал, хрустя шинами по снегу, Томасов чудо-пикап, и я забрался в кабину.

Пока я стряхивал снег с подошв, Томас чуть добавил оборотов отопителю.

— Ну? — спросил он, трогая машину с места. — Что у тебя за план?

Я рассказал.

— Плохой план, — сказал он.

— Времени не было придумывать хороший.

Он хмыкнул.

— Ноябрь — *не* самый удачный месяц для прогулок по озеру, Гарри.

— Не уверен, что после ядерного апокалипсиса плавать станет намного легче.

Томас нахмурился.

— Ты ведь не просто так меня пугаешь, нет? Все так серьезно?

— Ну, это худший из возможных сценариев, — признался я. — Но Никодимус способен и на такое, так что придется нам исходить из того, что его намерения лежат в этой плоскости. Динарианцы хотят разрушить цивилизацию, а поставив под свой контроль Архив, они вполне могут это сделать. Или, может, используют вместо ядерного химическое или биологическое оружие. Или обрушат мировую экономику. Или сделают так, чтобы по всем телеканалам крутили одни реалити-шоу.

— Это уже почти так, Гарри.

— Правда? Ох. Я-то хотел верить, что мир стоит того, чтобы его спасали, — мы обменялись немного натянутыми улыбками. — Вне зависимости от того, что они задумали, потенциальная угроза Очень Большой Пакости слишком велика, чтобы ее игнорировать, поэтому любая возможная помощь нам не помешает.

— Даже одного из враждебной Белой Коллегии? — поинтересовался Томас.

— Вот именно.

— Это хорошо. А то мне уже осточертело прятаться от Люччо. И помощи от меня будет не слишком чтобы много, если мне придется все время держаться вне поля зрения.

— Тут уж ничего не поделаешь. Если Совету станет известно, что мы с тобой родственники...

— Знаю, знаю, — хмуро буркнул Томас. — Нечистый, прокаженный изгой.

Я вздохнул и покачал головой. С учетом того, что основой деятельности Белой Коллегии является манипулирование человеческим сознанием, я прилагал все усилия к тому, чтобы никто из Совета не заподозрил, что мы с Томасом дружим, не говоря уже о наших родственных отношениях. Все немедленно заподозрили бы худшее: что Белая Коллегия контролирует меня и мой рассудок с помощью Томаса. И даже если бы мне удалось убедить их, что это не так, это все равно выглядело бы подозрительно как черт знает что. Совет потребовал бы доказательств лояльности, попытался бы использовать Томаса для шпионажа за коллегией — и в общем, вел бы себя по обыкновению заносчиво и хамски.

Жить с этим тяжело для нас обоих, но изменений на этом фронте не предвидится.

Мы приехали ко мне, и я поспешил в дом. Там было холодно. Огонь в камине за время моего отсутствия прогорел окончательно. Я поднял руку, прошептал несколько слов заклинания и зажег с полдюжины свечей. Потом схватил все, что собирался, погасил свечи и так же, бегом вернулся в машину к Томасу.

— Мамина пентаграмма у тебя с собой? — спросил я его. У меня на шее висела почти такая же — если не считать самого Томаса, это все, что осталось у меня в наследство от матери.

— Разумеется, — кивнул он. — Я тебя найду. Куда теперь?

— К Святой Марии, — сказал я.

— Заметано.

Томас тронул машину с места. Я сломал свой двуствольный дробовик со стволами, отпиленными до абсолютно противозаконной длины, и сунул в него два патрона. Тесса, Девица-Богомол, как-то позабыла вернуть мне мой револьвер сорок четвертого калибра после заварухи в Аквариуме, а я не собирался идти на дело, обещавшее обернуться самым серьезным образом, безоружным.

— Здесь, — сказал я, когда до церкви оставался квартал. — Выбрось меня здесь.

— Есть, — откликнулся Томас. — Эй, Гарри.

— Ну?

— Что, если они держат девочку не на острове?

Я покачал головой.

— Тогда тебе просто придется что-нибудь придумать. Я буду разбираться на месте.

Он нахмурился и тряхнул головой.

— А эти громилы из Летних? Что ты собираешься делать, если они снова покажутся?

— Если? Если мне повезет дожидаться этого... — я подмигнул ему и выбрался из «Хаммера». — Вопрос в том, что я буду делать, если они *не* покажутся в самый неподходящий момент? Умру от огорчения, не иначе.

— Ладно, до встречи, — сказал Томас.

Я кивнул брату, хлопнул дверцей и зашагал по снегу через улицу на стоянку у церкви Св. Марии и Ангелов.

Это большая церковь. Очень, очень большая церковь. Она занимает целый городской квартал, и — за исключением небоскребов, конечно — является одной из самых заметных деталей городского ландшафта, такая чикагская версия Нотр-Дам де Пари. Проезд к заднему, служебному входу церкви оказался расчищен, равно как и маленькая служебная стоянка, на которой стоял белый пикап Майкла. В отраженном от снега свете я разглядел его и Санину фигуры — они стояли рядом с машиной, одетые в длинные белые плащи с вышитым на груди алым крестом поверх белых же курток. В общем, в воскресном платье Рыцарей Креста. На поясах у обоих висели мечи. Майкл облачился также в классическую кирасу, тогда как Саня выбрал более современный бронежилет. Здоровяк-русский, всегда отличавшийся практичностью, вооружился также висевшим на ремне «Калашниковым».

Интересно, подумал я, знает ли Саня, что архаичная на вид кираса Майкла подбита изнутри кевларовыми пластинами. Обычный бронежилет неважно защищает от мечей и когтей.

Я тоже внес некоторые усовершенствования в свое снаряжение. На петле под моей ветровкой, на которой обыкновенно висит мой жезл, болтался теперь обрез. Еще я привязал кожаный ремень к концам ножен «Фиделакиуса», так что святой клинок висел теперь у меня на плече.

Майкл кивнул мне и покосился на часы.

— Вы не слишком спешили, — заметил он.

— Пунктуальность — для тех, кому нечего делать, — безмятежно улыбнулся я.

— Или для тех, кто позаботился о других деталях заранее, — послышался женский голос.

Высокая, потрясающе красивая женщина в кожаном костюме мотоциклиста выступила из тени на противоположной стороне улицы. Глаза ее имели необычный оттенок горячего шоколада; темные волосы были сплетены в тугий пучок. Даже лишенное макияжа, лицо ее производило сногшибательное впечатление. Только выражение ее лица подсказало мне, кто это на самом деле: горечь мешалась на нем с жалостью и стальной решимостью.

— Розанна, — негромко произнес я.

— Чародей, — она подошла к нам, надменная и собранная разом. Под расстегнутой почти до пояса кожаной курткой не было ничего, кроме голого тела. Смотрела она, однако, не на меня, а на Рыцарей. — Эти двое не входили в наши договоренности.

— А со мной должен был встречаться Никодимус, — парировал я. — Не вы.

— Обстоятельства потребовали замены, — ответила Розанна.

Я пожал плечом — тем, на котором висел «Фиделакиус».

— То же и здесь.

— Что за обстоятельства? — поинтересовалась Розанна.

— То, что я имею дело со стаей двуличных, лживых, кровожадных психов, которым я доверяю не дальше, чем могу отшвырнуть пинком.

Она невозмутимо смирила меня взглядом своих красивых глаз.

— И какая роль отводится вами Рыцарям?

— Они здесь для того, чтобы повесить степень доверия.

— Доверия? — переспросила она.

— Именно так, — подтвердил я. — В их присутствии я могу швырнуть вас пинком значительно дальше.

Слабая, едва заметная улыбка коснулась ее губ. Она чуть наклонила голову в мою сторону и повернулась к Сане.

— Эти цвета тебе не идут, зверь. Хотя более чем приятно видеть тебя снова.

— Я больше не тот человек, Розанна, — отозвался Саня. — Я изменился.

— Нет, не изменился, — возразила Розанна, глядя на него в упор. — Ты до сих пор такой же забияка. Любишь подраться. Любишь кровопролитие. Магог таким не был. Таким был только ты, мой зверь.

Саня с легкой улыбкой покачал головой.

— Я люблю подраться, — подтвердил он. — Просто теперь я разборчив, с кем именно.

— Ты ведь знаешь, еще не поздно, — сказала Розанна. — Подари свою игрушку моему господину и моей госпоже. Они примут тебя с простертыми объятиями, — она шагнула в его сторону. — Ты мог бы снова быть со мной, зверь. Ты мог бы снова обладать мной.

Что-то очень странное произошло с ее голосом на последних двух предложениях. Он сделался... богаче, что ли? Сочнее, музыкальнее. Издаваемые ей звуки, казалось, имеют меньше значения, нежели само звучание ее голоса, полного медовой чувственности и страсти. У меня возникло ощущение, что они затекают в мои уши и начинают разгораться у меня в мозгу — и это при том, что я стоял в стороне и получал заметно смягченную дозу того, что предназначалось Сане.

Он откинул голову назад и басовито расхохотался — так громко, что смех его отдался эхом от замерзших камней церкви и окружавших нас зданий.

Розанна сделала шаг назад, и на лице ее появилось удивленное выражение.

— Я же сказал тебе, Розанна, — произнес он, все еще смеясь. — Я изменился, — лицо его сделалось совершенно серьезным. — Ты ведь тоже можешь измениться. Я знаю, как многое из того, что ты совершила, не дает тебе покоя. Я ведь помню твои ночные кошмары. Тебе не обязательно продолжать терзаться этим.

Она молча смотрела на него.

Саня развел руки.

— Отдай монету, Розанна. Прошу тебя. Дай мне помочь тебе.

Она опустила веки. Потом поежилась, не поднимая взгляда.

— Для меня уже слишком поздно, Саня, — произнесла она наконец. — Уже очень, очень давно слишком поздно.

— Никогда не поздно, — искренне возразил Саня. — Пока ты дышишь — не поздно.

Что-то вроде презрения мелькнуло на лице Розанны.

— Да что ты понимаешь, глупый мальчишка, — взгляд ее метнулся обратно ко мне. — Покажи мне Меч и монеты, чародей.

Я похлопал рукой по эфесу Меча Широ, висевшего у меня на плече. Потом достал из кармана алый мешочек из-под «Кроун-Ройял» и встряхнул его. Внутри звякнуло.

— Отдай мне монеты, — сказала Розанна.

Я скрестил руки на груди.

— Нет.

Она снова недобро сощурилась.

— Согласно уговору...

— Вы увидите их после того, как я увижу девочку, — ответил я. — До тех пор хватит с вас и звона, — я снова встряхнул мешочек.

Она злобно смотрела на меня.

— Ну, решайте, — буркнул я. — Я не собираюсь торчать здесь всю ночь. Вы хотите

объяснять Никодимусу, как вы выбросили в помойку его шанс уничтожить Мечи? Или тронетесь, наконец, с места и отвезете нас к девочке?

Взгляд ее вспыхнул, и глаза ее из карих сделались ослепительно-золотыми. Однако она ограничилась легким, немного неловким кивком.

— Я отвезу вас к ней, — произнесла она. — Сюда. Прошу.

Глава СОРОК ПЕРВАЯ

Несколько следующих минут выдались напряженными; я только старался не выказать этого. Если я ошибался в своих выводах — что было весьма вероятно... Бог свидетель, такое случалось прежде, и не раз — нам с Майклом и Саней предстояло вступить в клетку со львами. Да, Даниилу Праведнику это удалось без последствий, но он все-таки, скорее, исключение из правил. По большей части везет больше львам. Наверное, поэтому персы использовали их в качестве орудия казни.

Конечно, Майкл работал на того же заказчика, да и Саня — по крайней мере, технически — тоже, даже хотя сам не до конца решил, так ли это. Однако у нас со Всевышним отношения сложнее. Как-то не складывается у нас разговор. Я не совсем уверен, стоит ли Он на стороне Гарри Дрездена, и как следствие мои теологические взгляды весьма просты. Я стараюсь не попадаться на глаза ничему Божественному, просто божественному или хотя бы отдаленно с ними связанному. Мне кажется, нам всем так проще.

Хотя с другой стороны, с учетом того, против кого мы выступили, я не отказался бы и от их помощи. Я надеялся только, что Майкл замолвил за меня словечко.

Розанна прошла несколько десятков ярдов по улице и подняла руку. Из ночи вынырнул фургон, за рулем которого сидел одинокий водитель, тип с бычьей шеей, сломанным носом и взглядом, устремленным куда-то в пространство. Один из фанатиков Никодимуса, наверное. Сколько я помнил, у них ритуально вырваны языки — это и знак почести, и очень практично... во всяком случае, с точки зрения Никодимуса. Я подумал, не попросить ли его открыть рот, но решил, что это было бы немного несерьезно.

Майкл сунул голову в дверь и осмотрел фургон. Потом галантно отворил правую пассажирскую дверь Розанне. Мгновение динарианка, прищурившись, смотрела на него, потом кивнула и скользнула в машину.

Саня вошел в боковую, откатную дверь первым и занял заднее место. Я вошел следом за Майклом. Розанна бросила что-то водителю, и фургон тронулся с места.

С минуту я нервничал: фургон направлялся на запад, в прямо противоположную сторону от озера. Потом водитель свернул на север, и через несколько минут я сообразил, что мы направляемся в одну из гаваней на северном конце Лейк-Шор-драйв. Я заставил себя успокоить дыхание. Стоило бы нехорошим парням заподозрить, что мы догадываемся о их местонахождении, и ситуация могла измениться, и очень быстро.

Майкл сидел спокойно, с непроницаемым лицом, положив руки на рукоять зачехленного «Амораккиуса» — ни дать, ни взять, олицетворение святого покоя. Сидевший у меня за спиной Саня негромко похрапывал. По части святости это, конечно, уступало Майклу, но уверенности это вселяло, пожалуй, не меньше. Я старался подражать их спокойствию — с переменными результатами. *Не дергайся, Гарри. Спокойно. Считай, что в венах твоих ледяная вода.*

Фургон остановился у гавани напротив Нортерли-Айленд. Не говоря ни слова, Розанна вышла из машины, и мы последовали за ней. Она вышла к воде и направилась к относительно небольшому катеру, пришвартованному в дальнем конце причала. Мы с Майклом вступили на борт следом за ней. Саня отвязал концы, удерживавшие катер на месте, оттолкнул его от причала и небрежно перепрыгнул через быстро расширяющуюся полосу воды на борт.

У Розанны ушло минуты две на то, чтобы оживить два старых подвесных мотора, но в конце концов они взревели, и она, отвернув нос катера от городских огней, направила его в

ночную темноту.

Просто не верится, как быстро мир становится непроницаемо-черным. Станный, призрачный свет, отражающийся ночью от снега, исчез вместе с самим снегом, просто-напросто тонувшим в воде. Некоторое время далекие городские огни отражались еще от низких туч, но по мере того, как катер уходил все дальше от берега, гасло и это слабое свечение, и в конце концов я едва разбирал очертания катера и моих спутников на фоне воды.

Не знаю, как долго мы плыли так сквозь темноту. Мне показалось, около часа, но это могло быть и раза в полтора дольше. Днище катера хлопало по волнам, разбрасывая пену, оседавшую на корпусе слоем льда. Живот мой неприятно сжимался с каждым хлопком.

Потом шум моторов начал стихать и стих окончательно. Наступившая тишина сбивала с толка. Всю свою взрослую жизнь я прожил в Чикаго. Я привык к городу, его ритмам, его музыке. К гулу и шипению уличного движения, стуку колес надземки, воплям радио, гудкам клаксонов, верещанию мобильных, полицейским сиренам, музыке, животным и людям, людям, людям.

Но здесь, в центре холодной озерной пустоты, не было ничего. Ни сердцебиения города, ни голосов, ни *вообще ничего*, если не считать шлепков воды по корпусу катера.

Я подождал пару минут, пока катер качался на озерных волнах. Теперь, когда мы не пересекали их, мне казалось, что они начинают кренить его на угрожающе опасный угол, но я не собирался начинать хныкать первым.

— Ну? — спросил Саня секунд за пять до того, как я готов был сломаться. — Чего мы ждем?

— Сигнала, — невозмутимо ответила Розанна. — Я не имею ни малейшего желания пробить дно о камни и потопить нас всех, дорогой мой зверь.

Я полез в карман ветровки и достал химический фонарь. Я сорвал упаковку, согнул пластиковую трубку и встряхнул ее. Разгоревшийся зеленоватый свет позволил разглядеть наше непосредственное окружение, отчего все за его пределами сделалось еще темнее.

Розанна обернулась посмотреть на свет. Где-то по дороге ее человеческая фигура изменилась, превратившись обратно в краснокожую, козлоногую, крылатую демонессу, какой видел я ее в Аквариуме. Ее глаза, и карие человеческие, и светящиеся зеленые, уставились на химический свет, и она улыбнулась, выставив белые, остроконечные клыки.

— Никакой магии, а, чародей? Неужели ты так страшишься того, что сила твоя окажется тебе неподвластна?

На таком расстоянии от берега, в окружении водных масс трудно сложить даже небольшое заклятие — но я не сомневался: Розанне это известно не хуже моего, если только огонь, который она на моих глазах разбрасывала вокруг там, в Аквариуме, мог служить этому подтверждением. Однако же я напомнил себе о ледяной воде, которая течет в моих жилах.

— По большей части мне кажется, эти химические огни просто красивы, — ответил я. — Кстати, знаете ли вы, что эти штуки использовались в качестве крови Хищника в том кино с Арнольдом Шварценеггером?

Улыбка ее немного померкла.

— О чем это вы говорите?

— Вот она, проблема с вашей почти бессмертной братией, — вздохнул я. — Цитаты из поп-культуры вы не заметите даже тогда, когда она разжевана и положена в рот вашему носителю.

Сидевший на корме Саня закашлялся.

Мгновение Розанна с непроницаемым видом смотрела на него. Потом по лицу ее пробежала едва заметная тень досады, она отвернулась от него и пошла на нос катера. Там она замерла, глядя в темноту, охватив плечи руками, завернувшись в крылья как в плащ или одеяло.

Это не укрылось от Сани. Сначала он пытался скрыть ухмылку, но реакция Розанны

привела его в неловкое замешательство. Он открыл рот, словно собираясь сказать что-то, но нахмурился, тряхнул головой и, отвернувшись, принялся смотреть в воду. С неба продолжали, вращаясь, падать крупные хлопья снега, окрашенные химическим фонарем в изумрудный цвет. Майкл начал вполголоса напевать псалом. Должно быть, слышал эту песню в исполнении каких-нибудь баптистов. Голос у него оказался приятный — сочный, ровный.

Я подошел к Розанне.

— Скажите мне кое-что, — тихо сказал я ей. — Этот ваш образ скорбящей девы — много ли Рыцарей убито с его помощью?

Взгляд ее глаз — обеих пар — метнулся вбок, на секунду скользнув по мне, и снова устоялся в темноту.

— Что вы хотите сказать?

— Вы прекрасно меня понимаете. У вас замечательная аура безутешного горя. Вы выглядите скорбной, трагической и красивой. Вы буквально излучаете «спаси меня, спаси меня!» Такие вещи как магнитом притягивают отважных молодых людей, так и рвущихся увезти вас от беды на белом коне.

— Вы обо мне так думаете? — удивилась она.

— Леди, — ответил я. — Год или три назад я сам бы стоял в этой очереди первым. Блин, если мне покажется, что вы серьезно подумываете выйти из игры, я, возможно, до сих пор помог бы вам. Но я не думаю, что вы желаете выйти из игры. Я думаю, если бы вы и впрямь были такими жалостными, вы бы не контролировали своего Падшего — он контролировал бы вас. Я думаю, вы неспроста стали правой рукой Тессы. Из чего следует, что либо эта трагическая, попавшая в беду дева мало чем отличается от крокодиловых слез, либо лицемерие такого эпического масштаба говорит о каких-то серьезных психологических проблемах.

Она молча смотрела в темноту.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил я.

— Почему вы не произнесете этого громче? — спросила она не без горечи в голосе. — Если вы считаете меня такой, ваших друзей необходимо предупредить о моем предательстве.

— Верно, — кивнул я. — Я сделаю это, и тогда ваши глаза наполнятся слезами, и вы отвернетесь от меня. Вы дадите им увидеть, как по вашей щеке катится слеза, а потом немного повернете голову, чтобы ветер сбил волосы, закрыв лицо. Может, позвольте дрогнуть плечам. И в результате налицо большой, злой и подозрительный чародей, не способный ни простить, ни понять, нападающий на бедную маленькую девочку, попавшую в неприятную ситуацию и желающую единственно любви. Имейте ко мне хоть немного уважения, Розанна. Я не собираюсь помогать вам подставлять их.

Светящиеся зеленые глаза повернулись и внимательно посмотрели на меня. Рот Розанны шевельнулся, но голос из него послышался другой, хотя тоже женский.

— Ласкиэль научила тебя многому о нас.

— Можно сказать и так, — согласился я.

Где-то впереди и чуть правее вспыхнул в темноте огонь — сигнальный костер, решил я. Трудно сказать, как далеко от нас он находился: ночь и снегопад мешали определить расстояние.

— Вон, — пробормотала Розанна. — Туда. С вашего позволения...

Она вернулась к штурвалу, и тут над озером пронесся порыв ветра. Собственно, в этом не было ничего нового. Ветер дул с самого начала снегопада. Однако что-то насторожило меня в этом ветре. Что-то в нем ощущалось неправильное.

Мне потребовалось три или четыре секунды, чтобы понять, что не так.

Ветер дул с юга. И он был теплый.

— Ого, — произнес я, поднял светящуюся трубку и принялся вглядываться в воду рядом с катером.

— Гарри? — спросил Майкл. — Что случилось?

— Чувствуете этот ветер?

— Да, — ответил Саня по-русски. В голосе его слышалось замешательство. — Он теплый. А что?

Майкл, наконец, понял.

— Лето идет, — сказал он.

Розанна глянула на нас через плечо.

— Что?

— Доставьте нас на сушу, — сказал я. — Твари, которые охотятся на меня, не особенно будут переживать, если уберут вместе со мной и вас.

Она повернулась обратно к штурвалу и включила зажигание. Моторы лязгнули, кашлянули, но не завелись.

Ветер крепчал. Теперь с неба падал уже не снег, а холодный дождь. Слой льда, которым обрастал катер, становился толще почти на глазах. Волнение тоже усилилось, и катер плясал на воде как пробка.

— Ну, давай, — услышал я свой собственный голос. — *Давай же!*

— Смотрите! — воскликнул Саня, указывая куда-то за борт.

Что-то длинное, коричневое, скользкое и пористое выметнулось из воды и обвилось вокруг руки русского чуть ниже локтя.

— *Боже мой!* — охнул он по-русски.

Еще два щупальца, вынырнув из воды с разных сторон, схватили Саню — одно за запястье той же руки, второе за голову. Мощным рывком они потянули его за борт в то самое мгновение, когда я опомнился и бросился ему на помощь. Мне удалось схватить его обутую в башмак ногу прежде, чем он перевалился в воду. Упершись ногой в фальшборт, я изо всех сил потянул Саню обратно.

— Майкл!

Подвесные моторы снова почихали, окутались дымом и стихли.

— *In nomine Dei Patri!* — взревел Майкл, выхватывая «Амораккиус» из ножен. Сияющий клинок описал дугу и одним взмахом отсек удерживавшие Саню щупальца. При соприкосновении со сталью «Амораккиуса» бурая ткань щупалец обугливалась и сжеживалась как тонкая бумага от открытого огня.

Я затащил Саню обратно в катер, и русский выхватил из ножен саблю — как раз вовремя, чтобы аккуратно перерубить еще одно коричневое, словно выросшее из мха щупальце.

— Что это?

— Келпи, — прорычал я. Стоило бы щупальцам намотаться на винты, и катеру уже не тронуться с места. — *Давайте же!* — рывкнул я Розанне.

Катер неожиданно накренился на другой борт. Я повернул голову в ту сторону и увидел, что несколько келпи лезут к нам на борт. Формой они отдаленно напоминали людей, слепленных из тины и водорослей, с зияющими провалами ртов и маленькими точками серебристых огоньков на месте глаз.

Я крутанулся на месте, описав рукой широкую, рубящую дугу в воздухе.

— «*Forzare!*» — выкрикнул я.

Невидимая сила сорвала келпи с бортов катера, и они с отвратительными, булькающими воплями полетели обратно в воду. На стеклопластиковом корпусе остались лишь лохмотья мокрых водорослей.

Наконец завелись моторы. Корма катера чуть погрузилась в воду, нос задрался вверх, и мы рванулись вперед.

Что-то с силой рвануло меня за ногу. Бестолково взмахнув руками, я полетел навзничь, уже на лету сообразив, что одна из келпи успела-таки схватить меня щупальцем за лодыжку. Резкими, болезненными рывками она вытащила меня на корму, и я успел еще осознать, что набирающий скорость катер вот-вот выдернется из-под меня. Дальнейшая моя судьба сводилась к одному нехитрому вопросу: что прикончит меня раньше, ледяная вода или

удушающие объятия плавающих в ней чудищ.

Перед глазами моими мелькнуло алое с белым, что-то свистнуло, зашипело, и ногу обожгло огнем. Я пролетел еще пару футов по инерции, врезался в кормовой транец и покатился на палубу. В лицо хлестали ледяной дождь и брызги ледяной же воды из-за борта. Я опустил взгляд и увидел, как с моей лодыжки сваливается почерневшее, извивающееся как червяк щупальце. Саня наклонился, сорвал с моей ноги последние клочки дымящихся бурых водорослей и швырнул их в пенившуюся за кормой воду. Из пореза на лодыжке сочилась черная в зеленом химическом свете кровь. Такие же потеки темнели на клинке «Эспераккиуса».

Шипя от боли, я стиснул лодыжку руками.

— Чтоб вас, Саня!

Саня всмотрелся в черноту за кормой, потом перевел взгляд на меня.

— Ох. Упс.

Майкл подошел и опустился рядом со мной на колени.

— Гарри, не дергайтесь, — он ощупал мою лодыжку, и это было так больно, что я не удержался от пары невоспроизводимых междометий. — Не страшно. Длинная, но неглубокая, — он расстегнул кожаную поясную сумку и достал из не маленькую аптечку. Джинсы ему взрезать не пришлось: это уже сделала Санина сабля, но Майкл разорвал их чуть сильнее, чтобы ткань не мешала ему обрабатывать рану. Он очистил разрез влажной салфеткой, полил ее чем-то из пластикового пузырька, накрыл полоской белой впитывающей материи и туго замотал пластырем. На все это у него ушло две или три минуты, и действовал он с ловкостью и точностью профессионала. Когда он кончил, шок начал проходить, и рана разболелась.

— С болью ничего поделать не могу, — вздохнул Майкл. — Извините, Гарри.

— Как-нибудь перетерплю, — буркнул я, морщась. — Дайте мне только минуту прийти в себя.

— Мне очень жаль, Дрезден, — сказал Саня.

— Угу. Только не смейте даже и думать спасать меня еще раз, — буркнул я ему. Потом закинул ногу на одно из кормовых сидений, чтобы кровь отекала от раненой лодыжки, и закрыл глаза. Существует множество способов справляться с болью без применения лекарств. Конечно, большая часть их поможет вам не слишком сильно, если только вы не упражнялись несколько лет в искусстве концентрации. К счастью, я упражнялся. Тень Ласкиэли обучила меня методам ментального блокирования боли, столь эффективным, что даже страшно становится. В прошлом я ухитрялся держаться на этих приемах до тех пор, пока мое тело не вырубалось, поскольку я даже не осознавал, насколько хреново мое состояние. И мне еще повезло: в принципе, так можно и перекинуться.

Тело или разум, сердце или душа — все мы люди, а людям свойственно чувствовать боль. И отсекай от себя эту боль можно только на свой страх и риск.

При всем этом, с учетом того, что нам предстояло (ну, и того, что при малейшей возможности с радостью бы нас догнало), я вряд ли увеличил бы степень риска, а позволить себе отвлекаться на мелочи вроде боли не мог никак. Поэтому я закрыл глаза, задержал дыхание, сосредоточился и начал методично отгораживаться от боли в лодыжке, в сломанном носу, во всем моем чертовом избитом теле. На это у меня ушла пара минут, а когда я закончил, тональность рыка подвесных моторов изменилась — точнее, это был уже не рык, а негромкое урчание.

Я открыл глаза и увидел, что Саня и Майкл стоят по обе стороны от меня с мечами наголо. Розанна еще немного убавила обороты моторам и повернула голову, чтобы смерить меня долгим взглядом. Уголки ее губ чуть изогнулись в улыбке — она узнала методику. А потом она снова повернулась к штурвалу, и я заметил, что вокруг сделалось светлее. Ненамного, но достаточно, чтобы я мог разглядеть ее силуэт с изящно изогнутыми рожками.

Я встал и в первый раз увидел остров, выраставший из волновавшихся все сильнее озерных вод. Он порос обычным для этих мест лесом: чахлыми деревьями с густым

подлеском. Снег укрыл его целиком, и именно отраженный от этого белого одеяла свет позволял мне видеть темный силуэт Розанны.

На берегу виднелось нечто, напоминающее города-призраки Дикого Запада, только это поселение забросили так давно, что сюда, на отвоеванную у них землю вернулись деревья. Большая часть зданий давно обрушилась. Сквозь те, что остались стоять, проросли деревья, и это зрелище напомнило мне коллекцию насекомых: пустые хитиновые оболочки, прищипленные булавками к страницам. Какая-то вывеска, выцветшая до полной неразборчивости, висела боком на единственной уцелевшей ржавой цепи. Ветер раскачивал ее, и покрытые ржавчиной звенья с противным скрежетом терлись друг о друга. У берега ошестинился бревнами скелет давно истлевшего причала, и черные сваи торчали из воды обломками гнилых зубов.

При виде этого запустения я словно ощутил на себе чужой, бездушный, но все равно враждебный взгляд. Я не нравился этому месту. Оно не хотело моего присутствия. Оно не питало ко мне ни малейшего уважения, и останки маленького городка безмолвно напоминали о том, что в прошлом это место уже вступило в борьбу с людьми вроде меня — и победило.

— Эй, — окликнул я Розанну. — Вы уверены, что это нужное нам место?

Она молча ткнула пальцем куда-то поверх городка. Я скользнул глазом в указанном направлении и разглядел огонь, который мы уже видели издалека. Теперь я не сомневался в том, что это горит сигнальный костер — горит на вершине высившегося над городком холма, судя по всему, на верхней точке острова. Что-то неясно темнело там на фоне неба, то ли дом, то ли башня; яркий огонь мешал разобрать очертания.

Розанна окончательно заглушила моторы, и катер тихо скользил к обломку деревянного столба у самого берега. Она перебралась на нос катера и ждала там с мотком каната в руке, когда катер несильно стукнулся о столб носом. Набросив на столб петлю, она привязала к нему катер, после чего спрыгнула с него, погрузившись почти по пояс в воду, и направилась к берегу.

— Ну отлично, — буркнул я. — Снова мокнуть.

Откуда-то сзади продолжавший усиливаться ветер донес kloкочущий крик. Я несколько раз бывал на севере и мог бы сравнить его с криком гагары, но мы-то все знали точно. Лето продолжало идти по нашему следу.

— Мы вряд ли просохнем, если будем ждать здесь, — негромко заметил Майкл.

— В деревьях спрячутся люди, — сообщил Саня, убирая меч в ножны и снимая с плеча «Калашников». — В тридцати ярдах от берега, и еще вон там. Хорошие позиции для пулеметчиков.

— Ладно, пошли, — буркнул я. — А то им делается скучно и они решат поиграть в Нормандию.

— Господь да пребудет с нами, — тихо произнес Майкл.

— Аминь, — откликнулся я, доставая из-под ветровки свой обрез.

Глава СОРОК ВТОРАЯ

Майкл, как всегда, предусмотрел все заранее. Он захватил с собой с дюжину специальных химических грелок — ну, таких пакетиков, которые охотники подкладывают в рукава своих курток. Оказавшись на берегу, он первым делом раздал их нам, и мы сунули их себе в носки. В противном случае я плохо представляю себе, как бы мы вообще добрались по снегу на вершину холма в промокших до колен штанах.

Розанна, разумеется, не испытывала с погодой никаких затруднений. Закутавшись в крылья как в плащ, она в своей демонической форме, казалось, невосприимчива к холоду, и ее копыта ступали по заснеженному, каменистому склону с ловкостью горной козы, а хвост с кисточкой на конце метался вправо-влево, помогая поддерживать равновесие. Следом за ней шел Саня, потом я, и замыкал наше шествие Майкл. Городок оказался, на поверку, скорее

заводским поселком, выстроенным при консервном заводе — длинном, наполовину разрушенном здании в дальнем конце заснеженной улицы.

Уже поднимаясь по склону, мы вышли на тропу, которой явно пользовались на протяжении нескольких последних дней. Кто-то даже расчистил на ней снег до самого камня — включая ступени, которые вели нас на вершину. По мере того, как мы приближались к вершине, силуэт стоявшего на ней сооружения становился все яснее, а горевший там огонь — ярче.

— Маяк, — пробормотал я. — Или то, что от него осталось.

Когда-то башня имела в высоту футов пятьдесят, не меньше, но верхние два десятка футов обрушились, словно снесенные рукой великана. Вообще-то маяков по берегам и на островах Великих Озер достаточно много, и, как часто случается с подобными сооружениями, с ними связано множество странных историй. Ничего такого про этот конкретный маяк я не слышал, но глядя на шершавые камни, я почему-то подумал, что для рассказа о странных приключениях требуется одна малость: остаться в живых.

Все это зловещее место навело мысли о том, что я ступаю не просто по заколдованной земле — что я ступаю по земле, заколдованной по высшему колдовскому разряду. По местам, так и не склонившим головы под натиском прогресса и цивилизации и питающими к их нынешним представителям не больше уважения, чем к их предкам. Остров казался почти *живым*, реагирующим на мое присутствие, хотя каким именно образом, я уловить не мог. В одном я не сомневался: относится он к этому моему присутствию откровенно враждебно.

Но не это было самым страшным.

Самым страшным в нем было то, что он казался мне знакомым.

Мои ноги поднимались со ступеньки на ступеньку словно сами собой, с такой уверенностью, словно проделали этот путь тысячу раз. Одну ступеньку я по непонятной мне самому причине перешагнул — и тут же поднимавшийся следом за мной Майкл негромко охнул, когда каменная ступень подалась под его ногой. Я вдруг поймал себя на том, что веду про себя обратный отсчет ступеней, и когда досчитал до нуля, ступил с лестницы на ровную горизонтальную площадку.

Еще не увидев этого своими глазами, я откуда-то знал, что одна стена старого маяка обрушена, открывая взгляду его интерьер, пустой и голый как ружейный ствол изнутри. Я знал, что маленький каменный домик у основания башни окажется почти цел, хотя почти половина крыши из плоской черепицы провалилась и требует ремонта. Я знал, что домик выстроен из камней обрушившегося маяка. Я знал, что входная дверь скрипит, и что задняя дверь, которую с того места, где я стоял, не было видно, набухает в дождь и застревает в раме — прямо как дверь...

...как дверь у меня дома.

И еще я знал, что — как бы дико это все ни было — я не могу позволить себе отвлекаться на всю эту фигню.

Никодимус со товарищи ждали нас.

Непрекращавшийся дождь начал покрывать все тонким слоем льда, однако сигнальный костер на земле перед обрушившейся стеной маяка был достаточно велик, чтобы не обращать на это внимания. Неестественно фиолетовые языки пламени поднимались в небо на десять или двенадцать футов, и облепивший все поверхности лед казался в их свете пурпурным маревом, льнувшим ко всему неодушевленному.

Рядом с костром из камней кто-то сложил подобие трона древнего туземного царя. На нем сидел, разумеется, сам Никодимус. По правую руку от него стояла в своем человеческом облики — впервые за время нашего знакомства — Тесса. Она предстала перед нами совсем юной, только-только со школьной скамьи девушкой, одетой во что-то черное и туго обтягивающее. У ног Никодимуса преклонила колена Дейдре. Я впервые видел их троих одновременно, и не мог не обратить внимания на то, как сплелись в дочери родительские черты. Особенно наглядно это демонстрировали ее глаза. Глаза Дейдре сполна сочетали

бездушную расчетливость Никодимуса и бессердечный эгоизм Тессы.

У основания каменной пирамиды припал к земле Магог. Глубоко посаженные глазки обезьяноподобной твари горели кровожадным огнем. Шипастый динарианец, которого я измолотил серебряной магической рукой, растянулся на снегу рядом с Магогом. Лицо его перекосилось от ненависти, кулак сжимался и разжимался, но во всех остальных отношениях его искалеченное тело оставалось неподвижным.

Сердце мое вдруг возбужденно подпрыгнуло. Их оставалось все еще шестеро. Значит, они еще не сломили Иву.

Я поднял руку. Мы остановились, только Розанна легко вспорхнула по камням и опустилась на колени по правую руку от Тессы.

— Ух ты, — произнес я. — Ни дать, ни взять живая картина. Вы здесь по делу или просто заблудились по дороге на съемки «Семейной Вражды»?

— Стрелок в доме, — чуть слышно сообщил Саня.

— Звери в тени за башней, — так же тихо добавил Майкл.

Я сдержался, чтобы не покоситься туда. Если мои друзья говорят, что там нехорошие парни, значит, они там есть, и все.

— Добрый вечер, Дрезден, — сказал Никодимус. — Вы принесли оговоренный товар?

Я встряхнул в воздухе мешочек из-под «Кроун-Ройал» и постучал затылком по эфесу меча Широ, висевшего у меня за плечом.

— Ага. Но это вы и сами уже знаете, иначе Роза не тащила бы нас в такую даль. Так что давайте промотаем вступительные разговоры. Покажите мне девочку.

— С удовольствием, — кивнул Никодимус. Он сделал жест рукой, и тень — *его* тень — вдруг сползла вниз, открыв интерьер разрушенного маяка.

Внутреннее пространство башни заполнял красный свет, струившийся из знаков и рун самого большого и совершенного магического круга, какого только видел я за свою практику — а мне приходилось видеть круги и серебряные, и золотые, и выложенные из драгоценных камней. Этот включал в себя и то, и другое, и третье в сочетании с музыкой — по большей части гротескной, исполнявшейся на камертонах и трубчатых колокольцах — и светом, преломившимся в призмах и кристаллах, разложенным на все цвета радуги, которые сплелись идеальными геометрическими фигурами в воздухе над кругом.

Внутри была заключена Ива.

За свою жизнь я насмотрелся всяких жестокостей, но видеть очередную от этого не становится легче. Ребята Никодимуса использовали большую часть классических приемов, добавив к этому несколько фокусов, недоступных обычным смертным. Для начала они лишили Иву одежды, что в эту погоду уже являлось изощренным садизмом. Они обрили ей голову, оставив только две-три спутанных золотых пряди. Она свернулась калачиком и висела в воздухе, медленно вращаясь в нескольких плоскостях. Глаза ее были крепко зажмурены, на бледном личике застыли страх и смятение.

По периметру круга сидели на цепи несколько этих жутких охотничьих чудищ, безволосых тварей, не имеющих прямых аналогов в животном мире, но сочетавших черты крупной пантеры и волка. Вид они имели донельзя голодный, и они истекали слюной, глядя на вращающийся перед ними в воздухе лакомый кусочек. Одна из них с рыком бросилась, натянув цепь, в попытке достать лапой хрупкую плоть девочки. Цепь не позволила ей сделать этого, но Ива вздрогнула и негромко всхлипнула.

По мере того, как она вращалась — что само по себе явно перекликалось с тем, как она поступила с Магогом в Аквариуме, — взгляду открывались десятки мелких синяков и царапин, свидетельств того, как с ней обращались. Уже одно это наверняка должно было казаться достаточно кошмарным ребенку, который практически никогда не испытывал боли. Вообще, все это — боль, беспомощность, неопределенность — не могли не страшить Иву еще сильнее именно из-за их новизны. Забудьте то, что я говорил насчет боли как неопременного условия человеческого существования — на детей это не распространяется. Видите, как легко я меняю свою точку зрения?

Некоторые вещи просто не имеют права случаться.

— Вот, видите? — спросил старший динарианец. — Жива и здорова, как и договаривались.

Я повернулся к Никодимусу, находившемуся на волосок от мордобоя...

...и увидел в его глазах крошечный огонек злорадного предвкушения, заставивший мой боевой порыв почти мгновенно остыть.

Пытки, которым подвергли Иву, имели целью не только довести ее до кондиции, позволявшей манипулировать ею.

Они имели целью манипулировать и *мною*. Мне не составило особого труда понять, зачем. В конце концов, я уже попадал раз в подобную ситуацию.

Динарианцем недостаточно было просто заполучить в свои руки Меч. Они не могли ни сломать «*Фиделакиус*», ни перековать его, ни расплавить — точно так же, как Церковь не могла проделать ничего этого с тридцатью древними серебряными монетами. Мощь Меча не ограничена чисто физическими характеристиками, и до тех пор, пока его носитель чист сердцем и помыслами, требуется больше, нежели физическое воздействие, чтобы уничтожить ее.

Конечно, если вы вручите Меч, скажем, чародею с темными пятнами в биографии, известному своим неважным характером и тем, что периодически теряет контроль над собой, а также, возможно, спалил по злобе один или два дома, это может совершенно изменить ситуацию. Поставьте его в критическое положение, дайте ему отменный повод разозлиться, подсуньте ему под руку могущественное магическое оружие, и он вполне может схватить его и начать мочить им гадов направо и налево — несмотря на тот факт, что движут им не обязательно только благородные побуждения. В конце концов, я явился сюда якобы с миром, дабы предложить Меч в качестве жертвы за жизнь ребенка. Если я возьму это самое оружие и использую его не для обмена, а для нападения на Никодимуса и К., получится, что я, законный носитель «*Фиделакиуса*», вовлеку его, Меч Веры, в акт предательства.

И если я сделаю это, Меч превратится в обычный меч, предмет из стали и дерева. Если я сделаю это, Никодимус и его безумная семейка уничтожат священное оружие. Им просто необходим был кто-нибудь, кто совершил бы эту ошибку, кто-нибудь, кто сделал бы этот выбор, с целью лишить оружие святости — точно так же, как любой носитель монеты волен сделать выбор и отдать монету, освободившись от живущего в нем Падшего. Им необходим был кто-нибудь, обладавший правом на меч, чтобы он сам использовал это свое право во вред.

Я уже совершил раз такую ошибку, в ненастную ночь вроде этой, когда Майкл попросил меня поддержать «*Амораккиус*». Я использовал Меч Любви в попытке спасти мою задницу от последствий собственных же неверных действий и в результате едва не уничтожил его. То есть, так бы и случилось, если бы не вмешательство моего брата — хотя я тогда еще не знал о нашем с ним родстве. Томас знал. Он уже тогда присматривал за своим младшим братишкой.

Поймите меня правильно: порой я бываю немного туповат — особенно в случаях, когда дело касается женщины. Но я не настолько глуп. Чтобы совершить *такую* чудовищную ошибку *дважды*.

Хотя...

Никодимус ведь не знает, что я совершал ее хотя бы *однажды*, не так ли?

О, он знал обо мне довольно много. Он знал, как бесят меня его действия, как я должен отреагировать на то, что они сделали с Ивой — и он целиком полагался на то, что я отреагирую в соответствии со своей натурой. Что я сам помогу ему лишить «*Фиделакиус*» святости.

Поэтому я дал ему то, чего он хотел.

Левой рукой я упер посох в землю, а правой потянулся к эфесу «*Фиделакиуса*».

— А ну вынь ее, черт подери, из этой штуки, Никодимус! — рявкнул я. — Сейчас же!

Они рассмеялись мне в лицо, все до одного — лениво, оскорбительно. Сделай они это

хоть капельку вразнобой, и этот смех показался бы отлично отрепетированным. Однако это вышло у них так, словно они столько раз проделывали это на протяжении тысячелетий, что теперь смех кажется совершенно естественным.

— Посмотрите на его лицо, — пробормотала Тесса, хихикая как школьница. — Оно все красное.

Я стиснул зубы как мог крепче. Собственно, мне не требовалось слишком притворяться, чтобы казаться разъяренным, но я все равно приложил к этому все свои актерские способности. *Изволь же получить, сэр Жан*. Я рывком вытащил меч на пару дюймов из ножен.

— Я вас предупредил, — заявил я, стараясь при этом получше оглядеться по сторонам. — Отпустите девочку по-хорошему.

Должно быть, я играл вполне убедительно. Голос Майкла у меня за спиной звучал на порядок выше обычного от тревоги.

— Гарри, — настойчиво произнес он. — Пойдите.

Не обращая внимания на Майкла, я сделал два шага вперед и выхватил Меч из ножен. «Фиделаккиус» — классический меч-катана, и ножны у него напоминают старую деревянную прогулочную трость. Все время, пока он хранился у меня, я чистил и смазывал клинок. Он вылетел из ножен беззвучно и холодно блеснул в фиолетовом свете костра.

— Я принес Меч, — сказал я Никодимусу, добавив в голос еще немного угрозы. — Видите? Вы ведь этого хотели, да? В обмен на девочку?

Глаза его сощурились при взгляде на клинок, и я только теперь заметил, что у него на бедре тоже висит меч — как и у Тессы, кстати. Супер. Я сделал зарубку на памяти не пытаться фехтовать с кем-либо из них. Вообще-то я рослый и быстрый, и мой выпад может достать до середины штата, но когда дело доходит до реального боя, я просто щенок по сравнению с настоящими мечниками вроде Майкла — а сам Майкл утверждает, что вряд ли представляет собой серьезную угрозу для Никодимуса.

— С чего ты взял, что он собирается осуществить сделку, чародей? — вкрадчиво промурлыкала Тесса. — Теперь, когда ты здесь, и Меч здесь, и монеты?

— Может, ты не заметила, сучка, — огрызнулся я, — но Меч и правда *здесь*. И *два остальных* тоже. Ты бы подумала хорошенько, прежде чем затевать драку.

Шипастый Намшиил разразился квакающим смехом.

— Ты думаешь, шестеро нас побоятся сразиться с двумя Рыцарями?

— Я думаю, вас не шестеро, а пять с половиной, обрубков, — парировал я, приблизившись к ним еще на шаг. Отсюда я мог лучше разглядеть внутренности башни. — И кстати, если вы вдруг не знаете, Рыцарей трое.

Никодимус улыбнулся, блеснув зубами.

— И кстати, если этого не знают Майкл и Саня, двоим Рыцарям противостоят *семеро* динарианцев. В конце концов, это *ты* заманил их сюда.

— Гарри, — напряженным голосом повторил Майкл.

Магог рокочуще заурчал и подобрался ко мне на ярд ближе, скребя землю когтями и угрожающе трясая тяжелой башкой.

Я поднял Меч и оскалился в недоброй ухмылке.

— Хочешь отвратить, Магилла? — издевательски спросил я, делая еще два шага вперед. — Подходи, получай. Я покажу тебе, что случается с Кинг-Конгами.

Ага! У самого основания стены маяка виднелась съежившаяся человеческая фигура — окровавленная, избитая, полузамерзшая, но живая. При виде меня человек поднял лицо, и я встретился взглядом с Джентльменом Джонни Марконе.

Они привязали его к стене веревками — с учетом погоды, металлические цепи, возможно, просто убили бы его. Половина его лица распухла от ссадин, но оба глаза были открыты. Волосы его слиплись от крови. Точнее...

Блин-тарарам. Кто-то оторвал верхнюю половину его правого уха. Не отрезал, а именно оторвал, судя по бесформенным лохмотьям. Костяшки пальцев на его правой руке тоже

покрывала запекшаяся кровь. Марконе явно разбил кулак, прежде чем его связали. Он отбивался.

Я сразу перестал нести ахиною и начал пятиться к Майклу и Сане.

Магог застыл, комично склонив обезьянью морду набок.

Никодимус тоже выпрямился у себя на троне: план, который, как ему казалось, осуществлялся без сучка и задоринки, вдруг начал разваливаться на глазах.

— Майкл! — окликнул я и бросил «Фиделакиус» в воздух себе за спину.

— Убейте их! — рявкнул Никодимус так, что снег посыпался с камней. — Убейте сейчас же!

Тесса завизжала как от оргазма, и сегменты хитинового панциря буквально вырвались из-под ее человеческой кожи, превращая ее в богомола. Дейдрре шипела, вторя матери; волосы ее на глазах удлинялись, превращаясь в стальные лезвия, кожа темнела. Розанна взывала, и ладони ее наполнились огнем — Адским Огнем, не иначе. Шипастый Намшиил поднял руку вверх, и между пальцами его заплескали маленькие зеленые молнии.

Магог просто взревел и ломанулся вперед, а за ним очертя голову бросились на нас из темноты десятка полтора безволосых тварей. И, словно этого было недостаточно, по камням вокруг нас заплескали красные точки лазерных лучей — штук шесть невидимых нам сквозь снег и слякоть стрелков брали нас на прицел.

Вот это да, Гарри. Отмененный план.

Я поймал их именно там, где это было мне нужно.

Глава СОРОК ТРЕТЬЯ

Я не задержался, чтобы посмотреть, что случилось с мечом, который я, не глядя, кинул Майклу. Вместо этого я сунул руку за отворот ветровки, и она вынырнула обратно, сжимая двустольный обреза. Я отпустил посох, схватил обреза обеими руками, вскинул его и отвернулся.

— Гори все пламенем! — заорал я и спустил оба курка.

Давным-давно, на стадионе Ригли-филд мне довелось видеть, как Кинкейд палит по вампирам зарядами под названием «Драконов Дых». Вид дробовиков, выплевывающих сорокафутовые языки огня, произвел на меня чертовски сильное впечатление. С тех пор у меня была возможность вволю поэкспериментировать по части разнообразных штук, которыми можно стрелять из дробовика, и как выяснилось, палить по людям можно много чем. Право же, диву даешься, насколько изобретательны люди в деле уничтожения себе подобных, и почти все поды их творчества можно свободно купить.

Мой персональный выбор: заряд под названием «Метеор».

При каждом выстреле из ствола выбрасывается пучок раскаленных металлических частиц — мелкой, очень мелкой магниевой стружки, достигающей при горении температуры в три тысячи градусов. Они разлетаются огромным огненным конусом, достигающим в длину двухсот пятидесяти футов, и он ярче и горячее любого виденного вами фейерверка. Лесники используют его для выжигания подстилки при лесных пожарах, а спецподразделения — для организации привлекающих максимум внимания диверсий.

Я разрядил два «Метеора» один за другим в воздух перед собой, и на мгновение на окрашенной колдовским костром в фиолетовый цвет вершине сделалось светло как в летний полдень.

Даже зажмурившись и отвернувшись от выстрела, я не смог избежать розовых пятен в глазах. До меня донеслись выстрелы со стороны домика и более далекая стрельба на лесной опушке, но каких бы метких стрелков ни разместил там Никодимус, вспышка ослепила их, и требовалось некоторое время, чтобы их зрение восстановилось.

Это одна причина, по которой я рекомендую использовать «Метеор» для стрельбы в темноте. Это выиграло нам совсем немного времени, не больше десятка секунд, но и за десяток секунд может произойти уйма всякого, если вы умеете грамотно ими распорядиться.

Я отшвырнул обрез в сторону, схватил посох и, вопя как безумный, ринулся вперед.

Майкл с Саней следовали за мной по пятам. Майкл держал «Амораккиус» в правой руке и «Фиделаkkiус» в левой, и оба клинка вдруг засияли неярким, серебристым светом. Одна из безволосых тварей, притаившихся за домом, по команде Никодимуса ринулась на нас, хотя вспышка ослепила и ее. На беду она промахнулась мимо меня и напоролась точно на Майкла. Рыцарь Креста повернулся чуть влево, потом чуть вправо, взмахнув обоими мечами по очереди. Тварь коротко взвыла от боли и тут же стихла, а Майкл продолжал бег, почти не задержавшись, оставив на земле за собой продолжавшее еще дергаться тело.

Воздух содрогнулся от боевого рева Магога, и я увидел, что огромный динарианец несется прямо на меня. Я уже мерился своей магической силой с кинетической энергией Магога и знал, что при необходимости я могу остановить его. Еще я знал, что это потребует изрядного усилия и ослабит меня, сделав более уязвимым для его спутников. Поэтому вместо того, чтобы останавливать его, я чуть напряг волю и, дождавшись пока эта горилла приблизится на достаточное расстояние, сделал посохом взмах снизу вверх — словно клюшкой для гольфа — и выкрикнул: — *Forzare!*

Невидимая сила, соединившись с инерцией Магога, оторвала его от земли. Магог с воем пронесся над нашими головами и, описав в воздухе дугу, покатился по каменистому склону вниз, туда, откуда мы только что поднялись. Звериный вой сменился исполненной чувства фразой на незнакомом мне языке, то и дело прерываемой полными злобы и боли вскриками: судя по всему, динарианец продолжал свое движение вниз. Злобы в его голосе, правда, слышалось больше, чем боли, и я понимал, что вывел его из боя лишь временно и очень ненадолго.

Я надеялся только, что этого времени нам хватит.

С трона скатилась Дейрдре — она перемещалась на всех четырех, помогая себе при этом еще и стальными лентами своих волос, в результате чего походила на огромного, причудливого паука — до тех пор, пока Саня не поднял свой «Калашников» и не открыл по ней огонь. Не слепой огонь длинной очередью. Русский остановился и прицелился. Одну пулю он вогнал в камень в дюйме слева от Дейрдре, вторая пронзила ей бедро, а третья высекла сноп искр из ее стальных волос. Дейрдре вскрикнула от боли и страха и отпрянула в тень со скоростью таракана, застигнутого светом посередине кухни.

По нам продолжали стрелять с обеих сторон, пока еще вслепую и наугад, что было ненамного менее опасно. Пули, скажу я вам, препротивнейшая штука. В них нет никакого драматизма. Шум они производят на манер больших жуков, каких можно услышать где-нибудь за городом в жаркий летний полдень. Их даже трудно бояться, пока до вас не дойдет по-настоящему, что это такое. Это по-своему кстати — правда! — потому что благодаря этому существует зазор между моментом, когда ваши чувства говорят вам, что смерть порхает в воздухе в паре футов от вас, и моментом, когда ваш рассудок все-таки заставляет вас понять, что ходить под пулями — худшая из худших идей. Это дает вам время действовать прежде, чем вам станет так страшно, что в голове не останется ни одной мысли, кроме как об укрытии.

— Вперед, вперед, вперед! — крикнул я, продолжая движение. Единственная наша надежда заключалась в том, чтобы двигаться вперед, заставляя Никодимуса и К. убраться с дороги к единственному укрытию на этом чертовом холме.

— Убить их! — в ярости ревел Никодимус, а потом над головой зашумел нарастающий ветер. Должно быть, он взмыл в небо, паря на этой своей тени как на огромных перепончатых крыльях.

На Майкла снова навалилось несколько тварей, и ему пришлось пустить в ход оба Меча. Серебряное свечение их клинков сделалось ярче. Саня выкрикнул что-то по-русски, и на вершине холма сразу стало светлее — это вступил в бой «Эспераkkiус», а хор полных боли воплей тоже усилился.

Прямо передо мной завывал от страха и досады Шипастый Намшиил. Тесса и адская девица Розанна, не сговариваясь, исчезли, будто их не было.

— Вернитесь! — в отчаянии вскричал Намшиил, простирая руки в направлении трона. Наверное, он услышал мои шаги по мокрому снегу, потому что повернулся ко мне. Зеленые молнии все еще змеились между его пальцами, и он, оскалив зубы в полной ненависти ухмылке, взмахнул рукой и швырнул в меня брызгавший электрическими искрами изумрудный шар.

Я успел изготовить свой браслет-оберег, и уж страха, злости и решимости у меня имелось в достатке, так что я укрепил защитное поле их энергией. Я выстроил поле под углом к траектории шара, и тот, не причинив никому вреда, ушел в небо.

— Щенок! Дилетант! — прорычал Намшиил, накапливая в руках новый заряд своей зловещей зеленой энергии. Он сделал странный жест, щелкнул пальцами, и внезапно пять тонких нитей зеленого света сорвались с его руки и устремились ко мне, каждая по своей извилистой траектории.

Я чуть подправил щит, чтобы отразить и эту атаку, и в самый последний момент сообразил, что каждая из нитей отличается от других по спектру, а может, по длине волны магической энергии... в общем, что моего щита не хватит, чтобы отразить их всех. Во всяком случае, одновременно. Я отбил три, с трудом уклонился от четвертой и ничего не смог поделаться с пятой.

Что-то, напоминающее ледяную, засаленную рояльную струну, обвилось вокруг моей шеи, лишив меня возможности дышать.

— Несносная, заносчивая мартышка, — шипел Намшиил. — Играешь с огнем созидания. Подстраиваешь под него свою душу, словно ты один из *нас*. Да как ты только смеешь? Как ты посмел прикрываться Огнем Души от *меня* — меня, жившего уже тогда, когда ваша жалкая порода едва выползала из навоза...

Пожалуй, больше всего меня бесила не перспектива задохнуться и даже не тот маниакальный монолог, который мне пришлось выслушивать в процессе этого. Я просто совершенно не понимал, о чем он, черт его подери, вообще говорит. Ну, конечно, я изрядно отмутил его этой серебряной рукой, но даже так он принимал это слишком близко к сердцу... если оно у него, конечно, имелось.

Потом я утратил нить своих размышлений. Голова гудела как котел. Шея болела. Шипастый Намшиил нес какую-то ахинею. Он распинался буквально с пеной у рта — а потом в воздухе мелькнул серебряной молнией «Амораккиус», и голова Шипастого Намшиила слетела с плеч и, дважды перевернувшись, упала в снег.

Я вдруг смог сделать вдох, и мир снова начал выстраиваться в положенном порядке. Майкл шагнул вперед, бросил взгляд на тело Намшиила и отсек ему правую кисть. Потом подобрал ее и сунул в полотняный мешок, висевший на поясе. Тем временем Саня закинул автомат за плечо и помог мне подняться.

— Пошли, — прохрипел я, едва складывая слова своим полураздавленным горлом. Я отцепился от Сани, сделал шаг вперед и махнул ему рукой. — Маяк. Быстро.

Саня перевел взгляд с меня на башню и, сунув меч в ножны, снова взял в руки автомат. Потом, вскинув «Калашникова» к плечу, начал методично отстреливать одиночными выстрелами тварей, прикованных цепями по периметру круга с продолжавшей парить в нем Ивой.

Я старался не отставать от Сани. Дыхание давалось мне с трудом. Ко времени, когда мы с Майклом ступили под укрытие камней полуразрушенного маяка, огонь по нам сделался гуще и точнее: зрение у стрелков почти восстановилось. Маленькое окошко, подаренное нам двумя зарядами «Метеора», закрылось.

— Откуда вы знали? — задыхаясь, спросил Майкл. — Откуда вы знали, что они бегут, стоит нам атаковать их?

— В играх, подобных этой, трудно оставаться в живых две тысячи лет, если вы не обладаете рефлексам хищника, — объяснил я. — И любой хищник на свете реагирует на громкий звук, яркую вспышку или внезапное нападение одинаково. Он спешит убраться оттуда к чертовой матери. Это сильнее их. Чертовски трудно отделаться от привычки, если

ей две тысячи лет.

Саня спокойно прикончил еще одну тварь.

Я пожал плечами.

— Никодимус и К. были уверены, что все пойдет только так, как они рассчитали, а когда все обернулось по-другому, они просто смешались. Поэтому монетоголовые удрали, — я надул губы. — Разумеется, они очень скоро вернутся. В очень раздраженном состоянии. Как дела, Марконе?

— Дрезден, — произнес Марконе таким тоном, словно мы случайно встретились напротив знакомой кофейни. Голос у него звучал немного устало, но спокойно. С учетом обстоятельств это лишний раз демонстрировало характер короля криминального Чикаго. — Вы можете помочь девочке?

Черт. Чтоб его. Наверное, больше всего я ненавижу в Марконе именно это. Время от времени он говорит или делает что-то такое, из-за чего я не могу приклеить на него ярлык «преступный подонок» и спокойно убрать его куда-нибудь в шкаф. Я испепелил его взглядом. Он ответил мне слабой, понимающей улыбкой. Я выругался про себя и принялся изучать устройство круга, пока Саня разбирался с последней из сторожевых тварей.

— В жизни не видел ничего подобного, — тихо признался Майкл.

Я мог его понять. Даже на мой профессиональный взгляд круг вышел впечатляющим. Он сплетался из множества светящихся линий и завитков, а это всегда смотрится потрясающе, особенно ночью. Золото, серебро и драгоценные камни тоже не портили впечатления. Светомузыка в исполнении колокольчиков и кристаллов придавали этому зрелищу гротескной фантастичности, выгодно оттенявшей магическую символику.

— Работа высший класс, — так же тихо пробормотал я. — Мне еще лет сто или двести не дорасти до такого уровня мастерства. И точность потрясающая. Стоило бы какой-то мельчайшей детали сесть на долю дюйма мимо положенного места, и вся эта штука взлетела бы на воздух. С такой-то мощностью... Любая ошибка могла привести к тому, что на месте этого холма остался бы кратер. Только гребаный гений мог собрать и запустить такое, Майкл.

Я поднял посох.

— К счастью, — продолжал я, взяв его обеими руками и замахиваясь, — чтобы взломать его, достаточно одной обезьяны с большой палкой.

Посох с силой опустился на ближний от меня кристалл хрусталя. Кристалл разлетелся на мелкие осколки, и свечение, окутывавшее круг, дрогнуло и начало меркнуть.

Я двинулся по кругу, сокрушая все направо и налево своим посохом. Действие это оказывало на меня прямо-таки терапевтическое. Одному Богу известно, сколько раз нехорошие парни уничтожали плоды человеческого труда, оставляя людей без домов, любимых, самой жизни. Приятно было вернуть им хоть часть этого долга. Я громил кристаллы, преломлявшие свет в клетку для плененного Архива. Я корежил и отшвыривал в сторону камертоны, превращавшие звук в невидимые цепи. Я разносил к чертовой матери все хитроумные приспособления, лишавшие жертву свободы — слоновьи бивни с вырезанными на них рунами, самоцветы с магическими иероглифами, золотые пластины с колдовскими символами.

Не знаю, в какой именно момент я начал орать. Где-то в разгар процесса разрушения мне пришло в голову, что эти гады, взяв магию, энергию жизни и созидания, и извратили ее, превратив в нечто постыдное и отвратительное. Они использовали ее в качестве орудия заключения и пыток, порабощения и уничтожения. Хуже того, они обратили магию против Архива, против хранителя знаний — еще хуже, против *ребенка*.

Я не останавливался, пока не погромил всю их роскошную, изысканную, элегантную камеру пыток, пока не пробил посохом последний, гладкий золотой круг, служивший основой конструкции, окончательно сломав заклятие.

Удерживавшая пленницу энергия со злобным ревом вырвалась в воздух, и на мгновение над развалинами маяка вырос столб зловещего фиолетового света. На долю

секунды мне показалось, что я вижу в нем отчаянно дергающиеся и вертящиеся лица, но потом свет померк, и Ива безвольно повалилась на землю — просто маленькая обнаженная девочка, избитая, исцарапанная и полуживая от холода.

Майкл уже оказался рядом, срывая с плеч свой плащ. Я взял его и завернул в него Иву. Она протестующе всхлипнула раз или два, но почти бессознательно. Я поднял ее на руки и прижал к себе, пытаясь дополнительно укутать полами своей ветровки.

Я поднял взгляд и увидел, что Марконе, не отрываясь, смотрит на меня. Саня освободил его, перерубив веревки, и отдал ему свой рыцарский плащ, так что теперь тот съежился, защищаясь от дождя, с зажатой в замерзших пальцах химической грелкой. Роста он лишь ненамного выше среднего, и сложение тоже не слишком чтобы богатырское, поэтому Санин плащ укрыл его как одеяло.

— С ней все будет в порядке? — спросил Марконе.

— Обязательно, — убежденно ответил я. — Обязательно, черт подери, будет в порядке.

— Ложись! — рывкнул Саня.

Пули высекли снопы искр, ударившись о камни маяка и десятком обезумевших пчел зашумели между стенами. Все залегли. Как мог, я постарался прикрыть Иву ветровкой и своим телом от шальной пули. Саня высунулся на секунду из-за камня, дал пару ответных очередей и поспешно нырнул обратно. Интенсивность огня с улицы росла с каждой секундой.

— Они подтягивают подкрепления с берега, — сообщил Саня. — И вооружение у тех потяжелее.

Марконе огляделся по сторонам в руинах маяка.

— Если у кого-нибудь из них есть гранаты, спасательная операция завершится очень быстро.

Саня снова высунулся и выпустил еще пару очередей. На этот раз едва он успел укрыться, как ответная очередь раскрошила камень в том месте, где только что находилась его голова. Он выругался себе под нос и сменил опустевший рожок автомата на свежий.

Совершенно неожиданно неприятельский огонь стих. Секунд двадцать или тридцать на вершине холма царила тишина. Потом до нас донесся полный злобы голос Никодимуса.

— Дрезден!

— Чего нужно? — откликнулся я.

— Я намерен дать вам еще один шанс выйти отсюда живым. Отдайте мне девочку. Отдайте мне монеты. Отдайте мне меч. Сделайте это, и я позволю вам уйти живым и невредимым.

— Ха! — бросил я в ответ; надеюсь, это прозвучало увереннее, чем я себя чувствовал в тот конкретный момент. — А если я просто уйду отсюда?

— В Небывальщину? — поинтересовался Никодимус. — С того места, где вы находитесь? На вашем месте я, скорее, попросил бы вашего русского пустить вам пулю в голову. Я-то знаю, кто живет с той стороны.

С учетом того, что место для круга они выбрали именно из-за наличия здесь мощного источника темной энергии, я без особого труда поверил в то, что он связан с не самыми приятными местами Небывальщины. Все говорило в пользу того, что — по крайней мере по этому вопросу — Никодимус не блефует.

— Как мне знать, не убьете ли вы меня тотчас же, как получите все, что хотели? — крикнул я в темноту.

— Гарри! — Прошипел Майкл.

Я шикнул на него.

— Нам обоим известно, чего стоит мое слово, — сухим тоном заметил Никодимус. — Право же, Дрезден. Если мы не можем доверять друг другу, к чему все эти разговоры?

Хи-хи. К тому, чтобы выиграть время в ожидании того, второго, ради чего я использовал «Метеоры» — вот к чему.

Две двухсотфутовых огненных струи временно ослепили наших врагов, это так.

Но они сделали и кое-что другое.

На мгновение Марконе склонил голову набок, прислушиваясь.

— Скажите, — произнес он неуверенно. — Мне одному слышатся... скрипки?

— Ага! — вскричал я и вскинул кулак. — Агагага! Вы когда-нибудь слышали что-нибудь энергичнее и помпезнее *этого*?

Низкие, звучные звуки валторн добавились к струнным, отражаясь эхом от склонов.

— Что это? — пробормотал Саня.

— Это Вагнер, детка, — прокаркал я. — Это Вагнер!

Не верьте тому, кто говорит, будто Несущая Смерть не умеет обставить выход.

Мисс Гард вела списанный армейский «Ирокез» с восточной стороны острова. Лыжи вертолета едва не цепляли за вершины деревьев, а из подвешенных ко днищу машины динамиков грохотал «Полет Валькирий». Несмотря на ветер, мокрый снег и прочую подобную мерзость, она мастерски вывела вертолет на цель, ориентируясь только по вспышке «Метеоров». Я же говорил, что ночью эти штуки видно за много миль? Зависнув над вершиной, «Ирокез» развернулся к нам бортом; звук из динамиков сдувал снег с древесных верхушек не менее эффективно, чем поток воздуха от винтов.

Боковая дверь вертолета была сдвинута назад, и в проеме сидел мистер Хендрикс собственной персоной, наполовину скрытый от взгляда привинченным к полу шестиствольным пулеметом Гатлинга — совершенно противозаконным, разумеется.

Впрочем, полагаю, в этом и состоит главное преимущество сотрудничества с криминальными элементами. Им на такого рода ограничения просто наплевать.

Стволы «Гатлинга» повернулись, и из них вырвался язык пламени. В земле перед стволом возникла длинная траншея, а в воздух полетели снег и комки земли. Я рискнул высунуть голову из-за стены и увидел людей в черном, разбегавшихся в поисках укрытия, пока шквал свинца полосовал вершину холма.

— Карета подана, — объявил я. — Пошли!

Первым шел Саня, отстреливая тех, кто еще не залег в попытке укрыться от огня с вертолета. Несколько человек из Никодимусова воинства оказались безумнее других и попытались напасть на наш маленький отряд. Если кто не знает, изначально шестиствольные пулеметы проектировались для стрельбы по самолетам. То, что остается после попадания из такого по человеку, опознанию практически не поддается.

Места для приземления вертолета на вершине не было, но с противоположного борта разматался и повис, почти касаясь земли, трос спасательной лебедки. Я задрал голову и увидел Лючко с пультом лебедки в руке. Лицо ее было бледно, но глаза возбужденно сияли. Именно с ее помощью Гард вывела вертолет в точку ожидания сигнала: я дал Анастасии пару моих волосков для поискового заклятия, и она следила за моим перемещением с момента нашей встречи с Розанной у церкви.

На конце троса болталась сбруя для эвакуации людей.

— Марконе, — крикнул я сквозь шум лопастей и грохот пулемета. Не уверен, что меня слышали, так что для надежности я ткнул в него пальцем. — Вы первый. Таков уговор.

Он мотнул головой и ткнул пальцем в Иву.

Я зарычал, сунул девочку ему в руки и принялся застегивать на нем лямки подъемного устройства. Спустя секунду до него дошло, а еще через пару секунд мы пристегнули его к лебедке. Я дал отмашку Лючко, и Марконе в белом с ярко-красными крестами рыцарском плаще на голое тело, крепко прижимая к себе Иву, взмыл вверх. Лючко помогла затащить их в кабину, и секундой спустя пустой трос снова спустился вниз.

— Саня! — объявил я.

Русский отдал мне «Калашников», пристегнулся к тросу и взвился вверх, к вертолету. Трос снова спустился. Теперь откуда-то снизу, со склона по вертолету бил крупнокалиберный — судя по трассирующим пулям, время от времени рикошетивших о камни — пулемет. Хендрикс отвечал на это шквалом огня своего «Гатлинга», но было совершенно очевидно, что Гард не сможет долго удерживать вертолет на месте.

— Гарри! — окликнул меня Майкл, протягивая мне сбрую. Я совсем было взял ее, но по чистой случайности поднял взгляд и увидел лицо Гард, глядевшей на нас сквозь выпуклый плексиглас пилотской кабины. Она смотрела на Майкла прстальным взглядом, который я видел уже как-то раз на ее лице, и сердце мое в ужасе замерло.

В прошлый раз, когда я видел этот взгляд, я лежал на мостовой в переулке за книжной лавкой Бока, а некромант по прозвищу Собиратель Трупов и вурдалак по имени Ли Хань как раз собирались меня прикончить. Спустя несколько минут Гард сообщила Марконе, что видела мою судьбу, и на ней мне было написано погибнуть в тот день, в том переулке. Собственно, я остался жив только потому, что в дело вмешался Марконе.

Однако даже если бы этот взгляд был мне незнаком, я мог бы сообразить, что всякий раз, когда парящая над полем боя валькирия начинает интересоваться одним конкретным воином, это не к добру.

Я ведь дал обещание Кузнечнику. Если дела вот-вот обещали обернуться погано для того, кто оставался на земле, значит, оставаться наедине с этими делами должен не отец Молли.

— Сначала вы, — сказал я.

Он попытался спорить.

Я сунул сбрую ему в руки.

— Черт подери, Майкл!

Он поморщился, кивнул мне и убрал *«Амораккиус»* в ножны. Так и продолжая держать в руке *«Фиделаккиус»*, он быстро влез в постромки и с моей помощью застегнул карабины. Я махнул Лючо, и Майкл начал подниматься. Выражение лица Гард изменилось на просто чуть хмурое, и сдавливавшее мою голову напряжение слегка ослабло.

Тесса и Розанна выступили из завесы, не уступавшей самым удачным Моллиным, и мне не обязательно было обладать проницательностью Шерлока Холмса, чтобы понять, кто выполнил большую часть работы по кругу, в котором удерживали Архив. Возможно, у меня еще имелось полсекунды на то, чтобы как-то отреагировать, но я запутался в ремне Саниного автомата, который он оставил мне, чтобы я отбивался в случае как раз такого нападения. Вот спасибо, Саня.

Тесса с торчавшим из-под хитиновой оболочки улыбающимся девичьим лицом, взмахнула клешней, целясь мне в голову, и мне ничего не оставалось, кроме как прикрыться автоматом, пока она не снесла мне голову. Только вместо того, чтобы ударить в него, может, покорежив магазин или сломав приклад, она с легкостью взрослого, отнимающего конфету у младенца, вырвала его у меня из руки и вскинула к плечу.

А потом она подмигнула мне, послала мне издевательский воздушный поцелуй и, сдвинув рычажок предохранителя в положение автоматической стрельбы, разрядила рожок в Майкла с расстояния в десять футов, не больше.

Мой друг даже не вскрикнул. Он дернулся, когда пули ударили в него, выбросив в воздух облачко алых брызг, и безвольной тряпкой повис на тросе.

«Фиделаккиус» выпал из его пальцев и звякнул о камни.

Новая очередь ударила в борт *«Ирокеза»*, и из пробоины над дверью повалил дым. Вертолет резко накренился, и секунду мне казалось, что он завалится набок и рухнет на землю, но он все же выровнялся, вихляясь как-то по-пьяному, набрал скорость и, продолжая волочить на тросе безжизненное тело моего друга, скрылся в темноте.

Глава СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Пока некоторая часть меня отмечала все происходящее, все остальное начало визжать от ослепительной, багровой ярости, от боли, от нежелания верить в увиденное.

Я не сомневался уже, что знаю, кто забрал мой жезл. Я не сомневался, что знаю, зачем это сделали. Я даже подумал, что с определенной точки зрения это даже не так глупо.

Но в тот момент мне было на это наплевать.

У меня не было с собой моего жезла, и я не знал наверняка, хватит ли у меня энергии, чтобы прорвать защиту, данную Тессе Падшими. Мне никогда не удавалось добиться необходимой мне точности без вспомогательных средств.

Однако в тот момент мне и на это было абсолютно наплевать.

Я собрал в комок мою злость, мой гнев, мою ненависть, мое упрямство и мою боль. Я отогнал прочь мысли обо всем во вселенной кроме мысли об окровавленном теле моего друга, висевшем на том канате, а еще о точке радиусом два дюйма в центре Тессиной груди.

А потом я набрал в грудь воздуха и взмахнул рукой над головой.

— *Fuego, pyrofuego!* — взревел я во всю мощь моего охрипшего горла. Потом выставил вперед два пальца правой руки и высвободил накопленную энергию. — Гори, сука!

Струя иссиня-белого огня, плотностью почти не уступавшего твердому предмету, метнулась от меня к Тессе и огромным копьём ударило ей в грудь.

Похожая на богомола динарианка запрокинула свое хорошенькое личико и завизжала от невыносимой боли: огненная струя прожгла ее насквозь, и края зловещей дырки в ее хитиновом теле продолжали гореть. Продолжая визжать и колотиться, она упала на землю. Признаюсь, ни разу прежде, ни с жезлом, ни без него мне не удавалось вызывать огонь такой разрушительной силы... Адский Огонь Ласкиэли не в счет.

Краем глаза я заметил движение сбоку от себя и, упав на землю, перекатился по ней — и вовремя, потому что одно из раздвоенных копыт Розанны полоснуло по воздуху в том месте, где только что находилось мое бедро. С такими-то копытами она наверняка рассекла бы мне ногу до кости. Я замахнулся посохом, метаясь ей в лицо, и теперь уже ей пришлось уклоняться от удара. Развивая атаку, я выбросил руку вперед и рявкнул: — *Forzare!*

Вряд ли это можно назвать лучшим из моих кинетических ударов, но и этого хватило, чтобы поток невидимой энергии отшвырнул ее на десяток футов от меня.

Я бросился к месту, где упал «*Фиделаккиус*» и схватил его за рукоять. Стоило моим пальцам сомкнуться на эфесе Меча, как до меня дошло несколько непреложных фактов — словно мне их объяснил спокойный, рациональный, мудрый старик, совершенно невосприимчивый к тому нервическому состоянию, в котором я находился.

Во-первых, я сообразил, что остался один на не отмеченном на картах острове посередине озера Мичиган, и компанию мне составляют исключительно психи и падшие ангелы.

Во-вторых, у меня все еще находились монеты и Меч, за которыми охотился Никодимус — и это значило, что он еще постарается их добыть.

В-третьих, теперь, когда я лишил динарианцев их главной добычи, они, наконец, разозлились по-настоящему.

В-четвертых...

Земля вздрогнула, словно от тяжелых шагов.

В-четвертых, с момента, когда я лишил Летних возможности отслеживать меня с помощью заколки-листочка, Старший Братец Бебека, возможно, выжидал, пока я использую в бою свою магию — ту самую магию, которой я пользовался два года назад в Арктис-Горе. Это же, вероятно, служило причиной тому, зачем Мэб — наиболее вероятная подозреваемая в штучках с моей памятью — лишила меня жезла и моих знаний о методике пользования огненной магией в бою. Затем, чтобы помешать мне открыть свое местоположение Летним.

Но поскольку я только что это совершил, до визита Старшего Бебеки, возможно, оставались считанные минуты.

И в-пятых, до меня дошло, что у меня нет иного способа покинуть этот дурацкий, до жути знакомый остров, кроме как прорваться к берегу и катеру, на котором я попал сюда.

Меня все еще жгло желание расправиться с людьми, расстрелявшими моего друга, но я понимал, что у меня нет шансов напасть на них и остаться при этом в живых — а погибнув, я, можно сказать, преподнесу им оружие для продолжения той войны, которую Майкл всю свою жизнь старался остановить.

Единственным реальным выходом для меня было бежать. Собственно, и так шансы на

успех представлялись довольно-таки призрачными, но других вариантов я не видел.

Поэтому я сунул меч в ножны, так и болтавшиеся у меня на плече, сориентировался на местности и побежал. Быстро.

Если подумать, я не так силен, как по-настоящему серьезные бойцы вроде Майкла или Сани. Фехтую я не так хорошо, как, скажем, Никодимус или Широ. Даже магического опыта у меня меньше, чем у по-настоящему зрелых чародеев, которые занимались этим много столетий, вроде Привратника или Намшиила Колючего.

Однако в беге я сделаю любого из них. Верняк. Я умею бегать — ну, может, не так, как олимпийские чемпионы. Главное, когда кто-то или что-то гонится за мной чтобы убить, я бегу *очень* хорошо. Ну, и ноги у меня длинные, и вес не избыточный, и я стараюсь держаться в форме. Я ворвался в лес со скоростью оленя и понесся по тропе, которой мы шли к маяку. Расчищенная тропа хорошо выделялась на снегу, и хотя часа через два она обещала покрыться ледяной коркой, для бега она пока подходила почти идеально.

Появление на поле боя Гард внесло в ряды врага смятение, и я старался сполна использовать это. В темноте слышались крики: люди пытались понять, что происходит, помочь раненым или выполнять противоречивые приказы: Хендрикс и его «Гатлинг» явно нарушили командную цепочку неприятеля. Трещали помехами рации, голоса из динамиков причудливо искажались, чего и можно было ожидать в месте сосредоточения магических энергий.

Тот факт, что у большинства людей отсутствовали языки, тоже вряд ли содействовал наведению порядка. Нику стоило бы послушать меня и почитать записки того чернокнижника. Нет, правда.

Кто-то в нескольких ярдах справа от меня крикнул мне что-то. Собственно вместо слов у него вышла полная тарабарщина. Я промычало ему в ответ что-то очень похожее, притворяясь, будто у меня тоже вырван язык, и добавил к этой тираде выразительный жест рукой. Не знаю, убедила ли его эта шарада или просто застала врасплох, однако на эффекте это не сказалось. Я миновал его, не встретив и попытки помешать.

Я уже решил, было, что почти спасся, когда на всем бегу ворвался в разрушенный поселок, и до катера мне оставалось одолеть последний прямой отрезок вдоль берега.

И тут до меня донесся рев Магога, спускавшегося с холма следом за мной. Судя по звуку, скорость он развивал раза в два больше моей. Вот черта, которую я терпеть не могу в этих типах, что сотрудничают с демонами. Не утруждая себя физической подготовкой, они тем не менее бегают быстрее чем мы, подходящие к этому профессионально, пыхтя и потев на тренировках. Извращенцы чертовы.

Не было сомнений в том, что Магог целенаправленно гонится за мной — ну, или, по крайней мере, спешит к пристани и катеру, чтобы лишить меня шансов бежать. У меня оставалось совсем немного времени, чтобы найти, где укрыться от него, и я на бегу свернул в длинное, темное здание, судя по всему служившее прежде консервным заводом.

Крыша цеха провалилась в нескольких местах, и снег укрыл почти треть помещения. Стены сохранились почти полностью, но я сильно не доверял прочности пола. Подвал в здании, расположенном так близко к воде, вряд ли был глубоким, но для того, чтобы сломать ногу, хватило бы и просто прогнившей доски. Мне оставалось только держаться поближе к стене и надеяться на лучшее.

В первый раз численное превосходство противника работало на меня. Если бы Никодимус захватил с собой только свою динарианскую братию, на снегу не виднелось бы ничего, кроме отпечатков копыт, и членистых ног, и обезьяньих рук, и кто там у них еще. Однако он нагнал на остров несколько десятков вооруженных человек, и в результате все было истоптано их башмаками. Одним следом больше, одним меньше... Поэтому я надеялся, что мне всего-то придется затаиться в доме и переждать, пока Магог не пронесется мимо.

Едва я успел пригнуться и начать изображать из себя маленькую мышку, как старые, наполовину истлевшие доски старого цеха содрогнулись подо мной, потом еще и еще раз, словно кто-то не спеша, шаг за шагом приближался ко мне.

А почти сразу за этим я услышал приближавшегося Магога — тяжелое шарканье ног — или рук? — по снегу, сопровождавшееся ровным, мерным дыханием, напоминавшим работу кузнечного меха. Неожиданно Магог остановился, удивленно фыркнул — и тут же оглушительно взревел, бросая вызов невидимому мне противнику.

И голос, низкий, зычный голос произнес:

— Прошу тебя, изыди, зверь ужасный. Я не с тобой намерен биться нынче.

Магог отозвался на это новым оглушительным ревом и фразой на даже отдаленно не знакомом мне языке.

— Пусть даже так, о зверь, Старейший, — произнес низкий голос мягко и даже почтительно, — Есть долг и у меня, и я его исполню. Нам нет нужды с тобой вступать в раздоры. Ступай же с миром, о Старейший, не ищи себе беды.

Магог прорычал что-то еще на том же языке.

Низкий голос окреп.

— Я ссоры не ищу с тобой, о Падший. Однако же молю тебя, не путай мирные намерения мои со слабостью. Я не страшусь тебя, поверь мне. Изыди, иначе придется мне смести тебя с пути.

Гориллоподобный динарианец взревел, и я услышал, как он, взрыв когтями снег, ринулся на обладателя зычного голоса.

Похоже, когда дело доходило до осмысленного ответа, динарианцу не доставало словарного запаса.

Что последовало за этим, я не видел. Вспыхнул на мгновение золотисто-зеленый свет — так солнце отражается от свежей весенней травы — грянул гром... нет, не гром и даже не треск огня. Я даже не могу назвать этот звук особенно *громким*, скорее, резким, и ощутил я его не только барабанными перепонками, но всем телом.

Стена цеха разлетелась градом кирпичных осколков, и в пролом, вращаясь, влетел Магог — точнее, то, что от него осталось. Он приземлился футах в двадцати от меня. У него не доставало почти половины тела: бедер, передней части торса, и еще всякого по мелочам. Впрочем, рана не производила впечатления рваной. Все изуродованные части тела Магога светились изнутри неярким зеленовато-желтым сиянием, останавливавшим кровь. Магог дернулся раз и затих. Из тела его вытянулись тонкие зеленые побеги, распустились листьями и, не прошло и пары секунд, расцвели клумбой разноцветных полевых цветов.

Наверное, именно этот цветущий ковер освободил от останков обезьяньего тела того, кто находился внутри: мускулистого молодого мужчину, тело которого показалось из-под растительной вуали. Остекленевшие глаза не оставляли сомнений в том, что он абсолютно мертв, и на груди его, на месте сердца зияло отверстие, из которого росли самые пышные цветы. Шею его охватывал кожаный ошейник, на котором болтался маленький пластиковый медальон, какие вешают собакам, только вместо бумажки с кличкой и адресом хозяина в этом поблескивал потемневший серебряный динарий. Совсем еще мальчишка, не старше Молли.

С улицы донесся низкий, гулкий вздох. Потом земля снова содрогнулась от тяжелого шага. И еще.

Ближе и ближе.

Мое сердце подскочило, едва не застряв в зубах. Честно говоря, я не успел сообразить, кто там, снаружи, но все эти «изыди» не оставляли сомнений в том, что это один из сидхе. Они все время сползают на архаичную речь — точнее, они *из* нее никогда не выползали. Так или иначе, наконец сообразил я, скорее всего, это явился, чтобы разобраться с эмиссаром Зимних, Старший Братец Бебека — и с учетом легкости, с которой он убрал одного из динарианцев, ничего хорошего мне это тоже не сулило.

Я вдруг заметил, что непроизвольно пячусь дальше от входа. Пол содрогнулся от нового шага, и доска под моей ногой предательски скрипнула.

Это навело меня на мысль. Если Старший Бебека даже больше того, с которым я встречался в прошлый раз, может, мне удастся использовать эти гнилые доски против него

— хотя бы на время, достаточное, чтобы добежать до лодки и убраться с этого чертова острова. Открытая вода, в конце концов, замечательно нейтрализует любые преимущества, которые дает избыточный рост. Признаюсь, одна из причин, по которым я чаще всего добиваюсь успеха — это то, что я ставлю перед собой совершенно реалистические задачи. И вообще, никто не сказал, что мне нужно победить эту тварь. Мне достаточно просто оставаться в живых достаточно долго, удерживать чтобы успеть смыться.

Я решил рискнуть, выбрал наиболее крепкую на вид половицу и потихоньку попятился к дальнему концу цеха, ближнему к воде — не отводя взгляда от пролома, проделанного телом Магога по дороге в дом.

Топ. Топ. Топ.

Я сконцентрировался и встряхнул браслет-оберег, готовя его к работе. Потом поднял посох и прицелился его концом в место, где по моим расчетам должна была появиться голова Старшего Бебеки — пусть его знает, что я настроен серьезно.

Топ. Топ. Топ.

Я подвинул точку прицела чуть выше.

Топ. Топ. Топ.

Капля пота скатилась по моему лбу.

Топ. Топ.

Как далеко сумеет уйти этот парень?

Топ. Топ.

Все это становилось просто смешным.

Топ. Топ.

И в проеме возник Старший Бебека.

Роста в нем было пять футов. Ну, пять футов два дюйма, максимум.

Он щеголял в плаще с капюшоном, откинутаго назад, так что я без труда разглядел его бараньи рога, длинную козлиную бороду — белую или седую, кто его разберет, — и его желтые глаза со зрачками размером с хорошие карманные часы.

А в правой руке он держал деревянный, покрытый резными рунами посох, очень похожий на мой собственный.

Прихрамывая, он двинулся вперед. Когда он оперся на посох, тот вспыхнул зеленым светом, разбежавшись по земле кругами как от брошенного в воду камня. *Топ.*

Половицы скрипнули под его ногами. Он опасливо остановился и молча повернулся ко мне, взявшись за посох обеими руками. Плащ его был подпоясан куском потрепанной веревки. С этого импровизированного пояса свешивалось три накидки — некогда красные, они наполовину выцвели и истлели от времени.

Такие накидки носят члены Совета Старейшин, руководители Белого Совета. То есть, проще говоря, старейшие и сильнейшие чародеи планеты.

И этих трех, судя по всему, Старший Братец Бебека победил в бою один на один.

— М-да, — произнес я. — Сегодня явно не мой день.

Бебека смерил меня невозмутимым взглядом.

— Приветствую тебя, о юный чародей, — низкий, звучный голос его плохо вязался с телом, из которого он исходил. — Тебе известно, для чего сюда явился я.

— Вероятнее всего, чтобы убить меня, — предположил я.

— Ты истину глаголешь, — кивнул Бебека. — По приказу моей Королевы и во славу Лета.

— Зачем? — спросил я у него. — Зачем Летние хотели, чтобы динарианцы захватили Марконе? Зачем Летние хотели, чтобы те пытались поставить под свой контроль Архив?

Долгую секунду Бебека молча смотрел на меня, но когда заговорил, в голосе его мне послышалась неуверенность. Может, даже тревога.

— Не в том я положении, чтоб знать причину, или хотя б спросить.

— Но ведь бебеки — эмиссары Летних в этом деле, не так ли? — поинтересовался я. — Если не ты, тогда кто волен знать?

— И что тебе с того, о чародей? — возразил Бебека. — Иль ты спросил у Королевы Зимних, зловредной старухи, с чего она желает, чтобы помешал ты слугам тьмы темнейшей захватить Марконе? И почему она, что смерть и разрушение олицетворяет, спасти и сохранить Архив желала?

— Вообще-то, спросил, — заявил я.

— И что ты за ответы получил?

— Послушай, Бебека, — вздохнул я. — Я и в поступках смертных женщин редко вижу логику. Требуется человек умнее меня, чтобы понять, что творится в голове у женщины-фэйре.

Старший Бебека снова помолчал, глядя на меня. А потом он запрокинул голову и издал звук, который... ну, больше всего это походило на ослиный крик. *Хи-ха, хи-ха, хи-ха!*

Он смеялся.

И я тоже рассмеялся. Я ничего не мог с собой поделать. Слишком уж тяжелым выдался этот день, так что смех хоть немного снимал сковывавшее меня напряжение. Я смеялся, пока у меня не заболел живот, а когда Бебека увидел, что я тоже смеюсь, он захохотал еще громче — и еще больше похоже на осла, — что, в свою очередь, еще сильнее подогрело мой смех.

Прошло не меньше двух, если не трех минут, прежде чем мы немного успокоились.

— О вас ведь рассказывают детям, знаешь? — спросил я.

— До сей поры? — удивился он.

Я кивнул.

— Историю про маленького, но умного барашка, который привел в ужас всех зверей. Всего-то черкнув пару строчек про то, как он забодал медведя.

Бебека хмыкнул.

— Мы легенды про тебя слыхали, о юный чародей, — сообщил он.

Я зажмурился.

— Вы... э... чего?

— Мы тоже сказки любим слушать про... — взгляд его заметался на пару секунд в поисках правильного слова; потом он удовлетворенно улыбнулся. Это выражение выглядело на его лице до приятного ненасильственным. — Про лузеров.

Я фыркнул.

— Что ж, полагаю, вот вам еще одна.

Улыбка бебеки померкла.

— Я не люблю служить зверям страшилкой.

— Так смени роль, — посоветовал я.

Бебека покачал головой.

— Такого не могу я совершить. Я Лету преданно служу. И Королеве.

— Но все уже кончено, — возразил я. — Марконе уже на свободе. И Ива тоже.

— Но ты ведь здесь еще, на поле боя, — мягко напомнил бебека. — Равно как и я. И, значит, дело не закрыто. И, стало быть, я долг свой выполнить обязан — к большому, право, сожаленью. Ведь лично я к тебе, о чародей, лишь уважение питаю.

Я склонил голову набок и пристально посмотрел на него.

— Ты говоришь, что служишь Лету и Королеве. Именно в таком порядке?

Бебека повторил мое движение, только смотрел он на меня теперь вопросительно.

Я порылся в кармане и достал из него второй предмет из тех, за которыми заезжал к себе домой — маленькую серебряную брошку в виде дубового листа, ту самую, которую Мистер валял по всему Маленькому Чикаго. Я решил, что бебеки, устав мотаться по местам, услужливо подсказанным Мистером, перестанут преследовать меня с ее помощью.

Взгляд бебеки расширился.

— Заклятие, которым отразил ты наши чары, воистину могучим назвать могу я. Надеялся я втайне, что смогу тебя я расспросить о нем.

— Профессиональная тайна, — вздохнул я. — Но ты ведь знаешь, что означает эта брошь.

— Воистину, — кивнул он. — Ты титул получил Эсквайра Летних, и тебе содействие оказывать должны все наши, но... — он покачал головой. — Содействие, но не в таком вопросе. Не можешь ты просить меня о нем, когда на карте — отношения Династий.

— И не буду, — пообещал я. — Но ведь наши отношения предельно ясны. Стоит нам обоим покинуть этот остров, и мы в расчете?

— Когда в Чикаго снова ты вернешься — да будет так.

— Раз так, я попрошу Летних об одной услуге — за то мое нападение на самое сердце Зимних, что я совершил в их интересах.

Бебека наострил уши.

— Правда?

— Я хочу, — сказал я, — чтобы ты достал мне пончик. Настоящий, хороший чикагский пончик. Не какой-нибудь глазированный, в вакуумной упаковке. Настоящий. С пылу, с жару.

Бебека блеснул зубами, снова улыбнувшись.

— Конечно, — продолжал я, — ты можешь отказать мне в услуге, которую я заслужил огнем и кровью, и убить меня. Но это будет означать, что Лето не исполняет своих обещаний, отвечая на услугу неблагодарностью. Не думаю, чтобы это улучшило репутацию Летних. А ты?

— Воистину, я тоже, чародей, — согласился бебека. — Не улучшит, — он склонил голову. — Скажи, ты с кремом пончик свой желаешь?

— Нет, — серьезно отвечал я. — Не с кремом, но, прошу тебя, румяней. И чтоб пудры сахарной побольше.

— Возможно, отыскать такой смогу не сразу, — серьезно признался бебека.

Я почтительно склонил голову.

— Я доверяю эмиссару Летних, что в самый подходящий он момент его доставит.

Он поклонился в ответ.

— Я понял все, о юный чародей. Но только более тебе помочь не в силах буду.

— Ты и так что в силах выполнил, не нарушая правил, — сухо произнес я. — Поверь мне. Я знаю, каково это.

Глаза Старшего Бебеки блеснули золотом. Потом он поднял свой посох и несильно стукнул им по половицам. Снова вспыхнул зеленый свет, снова гроыхнул тихий гром — и он исчез.

А вместе с ним и серебряная брошка-листок. Просто исчез из моих пальцев, а я ничего и не почувствовал. Надо отдать должное фэйре: исчезать они умеют, как никто другой.

Может, мне стоило бы у них поучиться. Это могло бы здорово помочь мне выбраться из этой заварухи живым.

Я осторожно подошел по скрипучему полу к телу юноши. Смерть придала ему спокойствия, умиротворения. Мне почему-то казалось, что бы там ни делал с ним Старший Бебека, это было безболезненно. Старые фэйре умеют проделывать такое. Лево́й, одетой в перчатку рукой я взялся за медальон с почерневшим динарием Магога, резким рывком оторвал от ошейника и сунул его себе в карман, старательно избегая касаться его голой кожей. Я начал уже привыкать обращаться с этими чертовыми монетами, но трудно заставлять себя бояться одного и того же снова и снова, особенно с учетом обстоятельств. Риск еще раз подставить свою бессмертную душу присутствию враждебной силы казался не самой страшной угрозой в сравнении с тем, что пряталось в ночи за стенами старого цеха.

Кстати об этом... я набрал в грудь воздуха и осторожно высунул голову на улицу. Где-то на склоне холма еще слышались крики. С противоположной стороны острова до меня доносился шум лодочного мотора. Должно быть, где-то дальше по берегу были пришвартованы и другие катера.

Что ж, я знал только об одном, и он находился совсем рядом. Я выскользнул из двери и поспешил по улице — по возможности быстрее и бесшумнее.

Катер все еще покачивался, привязанный к обломку деревянного столба у нижней ступени неровной каменной лестницы. Я подавил острое желание заулюлюкать от восторга и

поспешил спуститься по обледенелым ступеням, стараясь не сломать при этом шею. Вода обожгла меня холодом, но я его почти не ощущал — возможно, и к лучшему. Потом, конечно, я сполна расплачусь за это чудовищной болью, но не раньше, чем все это окажется позади. В сравнении с другими неотложными проблемами, думать об этой было почти приятно.

Я добрался до катера, бросил в него свой посох и перевалился через борт. Относительно близко, у подножия холма кто-то закричал, и я застыл. Луч фонарика скользнул туда-сюда по деревьям, потом нацелился в противоположную от меня сторону. Меня не заметили. Ухмыляясь как полоумный, я пробрался к водительскому сиденью. Когда я заведу моторы, это, конечно, привлечет внимание, но мне всего-то потребуется вести катер на восток до тех пор, пока не наскочу на берег. Все восточное побережье озера плотно заселено, и я без труда найду место, достаточно людное, чтобы не опасаться вмешательства всякой нечисти.

Я взялся одной рукой за баранку штурвала, а второй потянулся к ключу зажигания.

Его не оказалось на месте.

Я проверил еще раз. Розанна оставила его в замке. Я специально запомнил, что она ушла, оставив его там.

С соседнего кресла сползла тень, открыв взгляду Никодимуса. Он спокойно сидел в своей черной шелковой рубаше и темных брюках, с серой веревкой вместо галстука на шее. На коленях у него лежал обнаженный меч, а левой рукой он облокотился о колено. В пальцах левой руки он держал кольцо, на котором болтался испачканный машинным маслом ключ зажигания.

— Добрый вечер, Дрезден, — сказал он. — Вы не это искали?

Глава СОРОК ПЯТАЯ

Дождь перестал, и с неба снова падал крупными, сырыми хлопьями снег. Катер мягко покачивался на волнах. Вода хлопала по его бокам и булькала под днищем. Борта и нос катера начали обледеневать. Кажется, для обледеневавших мест имеются специальные морские слова вроде «привальный брус» и «скула», но я в них слабо разбираюсь.

— Гарри Дрезден, лишившийся дара речи, — заметил Никодимус. — Полагаю, такое не каждый день увидишь.

Я молча смотрел на него.

— На случай, если вы сами еще не догадались, Дрезден, — продолжал Никодимус, — игре конец. Так сказать, эндшпиль, — пальцы его правой руки побарабанили по эфесу его меча. — Вы как, сами догадаетесь, каков будет следующий ход, или мне подсказать?

— Вы хотите монеты, меч, девочку, деньги и ключи от Монте-Карло, — сказал я. — В противном случае вы застрелите меня и вышвырнете за борт.

— Что-то вроде этого, — согласился он. — Монеты, Дрезден.

Я полез в карман ветровки и...

— Какого черта, — сказал я.

Мешок из-под «Кроун-Ройял» исчез.

Не забывая про монету, снятую с Магога — и стараясь не выдать ее наличия у меня Никодимусу — я проверил другие карманы. Мешка не было.

— Пропали.

— Дрезден, даже не пытайтесь так жалко лгать мн...

— Они пропали! — повторил я с изрядным раздражением, причем абсолютно искренним. Одиннадцать монет. Одиннадцать гребаных проклятых монет. Последний раз я держал мешок в руках, когда звенел ими для Никодимуса.

Мгновение он смотрел на меня, шаря по моему лицу взглядом, потом пробормотал что-то себе под нос. Тени вокруг него тоже зашептались. Языка этого я не узнал, зато узнал интонацию. Интересно, подумал я, имеются ли в ангельском языке бранные слова, или же

они просто говорят приличные слова задом наперед? Онвалс! Ёнечо онвалс!

Меч Никодимуса метнулся в воздухе со скоростью змеиного язычка и уперся острием мне в горло. Я даже вздрогнуть не успел, так быстро это произошло. Я втянул сквозь зубы глоток воздуха и сидел очень, очень тихо.

— Эти отметины... — пробормотал он. — Следы удушающего заклятия Намшиила Колючего, — взгляд его скользнул с красного следа на моем горле к карману ветровки, в котором полагалось находиться мешку с монетами. — А-а. Удушение всего лишь отвлекало внимание от главного. Он обобрал ваш карман одной из других нитей прежде, чем его... гм... обездвигили. Он проделал такое со святым... как там его... в Глазго, в тринадцатом веке.

Обидно, конечно, попасться на старый трюк, решил я. Однако из этого следовало, что Намшиил работал в паре с кем-то другим — тем, кто наверняка ошивался поблизости и подобрал монеты после того, как он вытащил их у меня из кармана и, пользуясь замешательством, бросил в сторону. Кем-то, кто до поры до времени не лез на первый план.

— Тесса и Розанна, — тихо произнес я. — Это они заполучили вашу коллекцию громил. И это они воспользовались самым удобным моментом, чтобы сорвать ваш план.

— Презренные шлюхи, — пробормотал Никодимус. — Одна из них — Иуда в наших рядах; я и раньше в этом не сомневался.

Я повел бровью.

— Что?

— Именно потому я доверил им самые... скажем так, запоминающиеся аспекты посвящения Архива в наш мир, — ответил Никодимус. — Полагаю, теперь, когда девочка свободна, с этими двумя у нее связаны не самые приятные ассоциации.

— И вы мне все это говорите? Зачем?

Он пожал плечами.

— Это, действительно, не лишено иронии, Дрезден — то, что я *могу* говорить с вами о подобных аспектах наших семейных отношений. Вы единственный, в ком я уверен, что он не переметнулся к новой силе — этому вашему Черному Совету.

— С чего это вы во мне так уверены? — поинтересовался я.

— Ох, прошу вас. Не было случая, чтобы человек, столь буйный, совращался с пути истинного чем-либо, если не считать его собственного ослиного упрямства, — Никодимус покачал головой, не спуская с меня пристального взгляда. — И тем не менее. Мое время потрачено не зря. Рыцари забрали монету Намшиила, значит, Тесса лишилась своего наставника в вопросах магии. Всего пару минут назад я слышал, как резко оборвался рев Магога, так что, смею надеяться, главный Тессин громил тоже временно выведен из игры, так? — Никодимус довольно улыбнулся мне. — Возможно, его ошейник лежит у вас в кармане. И я получил «Фиделаккиус». Устранение одного из Трех уже окупает операцию, даже если я и лишился шанса установить контроль над Архивом.

— С чего вы взяли, — негромко спросил я, — что вы получили «Фиделаккиус»?

— Я же сказал, — вздохнул Никодимус. — Это эндшпиль. Игра окончена, — интонация его голоса изменилась, и хотя он продолжал смотреть в мою сторону, стало ясно, что он обращается уже не ко мне. — Тень, будь так добра, нейтрализуй Дрездена. Мы поговорим с ним позже, в более спокойной обстановке.

Он обращался к тени Ласкиэли.

Блин, все-таки по части самонадеянности мы, чародеи, не монополисты, нет.

И Рыцари Креста тоже.

Я застыл на месте с полуоткрытым ртом. Потом повалился на бок, привалившись к штурвалу катера, словно одеревенев. Я не шевелился, даже не дышал.

Никодимус еще раз вздохнул и покачал головой.

— Поверьте, Дрезден, я искренне сожалею о подобной необходимости, но времени остается в обрез. Я должен действовать, и ваши способности могут мне пригодиться. Вы сами увидите. Как только мы уберем с дороги хоть часть этих благонамеренных

идиотов... — он потянулся за «Фиделаккиусом».

И я врезал ему по шее.

А потом схватил его за удавку и рывком затянул ее. Я тянул ее что было сил. Удавка, еще одно наследие Иуды, делала Никодимуса более-менее неуязвимым — для всего, кроме ее самой. Никодимус носил эту штуку много веков. Насколько мне известно, я единственный, кто догадался, как можно причинить ему боль. Я единственный, кто хоть раз по-настоящему напугал его.

На короткое мгновение его полный ужаса взгляд встретился с моим.

— Тень Ласкиэли, — сообщил я ему, — здесь больше не живет. Падшие не властны надо мной. И вы тоже.

Я затянул удавку еще немного сильнее.

Наверное, Никодимус визжал бы, если бы только мог. Он бестолково дергался, он попытался схватиться за свой меч. Я отшвырнул его в сторону. Он пытался вцепиться мне в глаза, но я низко опустил голову и не отпускал удавки, да и движения его были скорее паническими, чем ловкими. Его тень попробовала навалиться на меня — но стоило ей окружить меня для броска, как из разрезов деревянных ножен висевшего у меня за спиной священного меча ударил яркий белый свет, и тень с шипящим, змеиным каким-то воплем отпрянула от него.

Я не Рыцарь, но меч сделал для меня то же, что всегда делал для них — он расчистил поле, разогнал все сверхъестественные ловушки и оставил только поединок разума с разумом, воли с волей, человека с человеком. Мы с Никодимусом бились за меч — и за жизнь.

Он несколько раз с силой лягнул меня в раненую ногу, и я почувствовал его удары даже сквозь блокаду, которой обучила меня Ласкиэль. Я хорошо держал его за шею, поэтому в ответ я врезал ему лбом по носу. Тот сломался с радующим душу хрустом. Он замолотил кулаками мне по ребрам, и он умел сделать больно.

К несчастью для него, я знаю, что такое боль. Я *хорошо* знаю, что такое боль. Требуется гораздо больше боли, чем мог причинить мне этот лузер за то время, что у него оставалось, чтобы уложить меня, и я знал это. Я это *знал*. Я затягивал эту древнюю веревку все туже — и держался.

Когда его лицо покраснело, удары его сделались отчаяннее. Он попал-таки мне по колену, но к этому времени лицо его сделалось из красного багровым. Когда оно из багрового сделалось почти черным, я орал от боли — и тут он свалился, обмякнув как мешок.

Нормальный человек отпустил бы врага, стоило тому лишиться чувств. Но он мог только притворяться.

Даже если это было не так, я все равно не собирался отпускать его.

Я *не* Рыцарь.

Вместо этого я затянул петлю еще сильнее.

Я не знаю точно, сколько я держал его так. Может, тридцать секунд. Может, полторы минуты. Но я увидел вспышку зловещего зеленого света. Поднял взгляд и увидел Дейдрре, спускавшуюся ко мне по склону на своих волосах, руках и одной ноге — вторую, перевязанную, она поджимала под себя. С ней спускалось двадцать или тридцать безъязыких солдат, и глаза ее горели зеленой злобой — ни дать, ни взять пара противотуманных фар. Она скользнула по мне взглядом и зашипела как дикая кошка.

— Отец! — завизжала она.

Блин.

Я схватил Никодимуса за воротник и перевалил его через борт. Он упал почти без всплеска, сразу же сделавшись в своих черных рубаше и брюках невидимым на фоне воды.

Потом я принялся лихорадочно шарить по дну катера. Ага, вот он, ключ. Я схватил его и сунул в замок зажигания.

— Не стрелять! — визжала Дейдрре. — Вы можете попасть в отца!

Она взвилась в воздух. Волосы ее сложились на лету за спиной в подобие акульего хвоста, и она почти без всплеска ушла под воду.

Я повернул ключ. Моторы чихнул и провернулись раз-другой, прежде чем стихнуть.

— Ну, давайте, — выдохнул я. — Давайте же!

Если я не строну катер с места прежде, чем Дейрдре найдет своего папашу, игре конец. Она прикажет своим солдатам открыть огонь. Мне придется прикрыться щитом, и стоит мне это сделать, как и без того капризный мотор гарантированно не заведется. Я останусь на месте, а дальше усталость, боль, число нападающих и мстительная дочь либо вместе взятые, либо по отдельности меня да прикончат — это всего лишь вопрос времени.

Дейрдре вынырнула, огляделась по сторонам, чтобы сориентироваться, и снова ушла под воду.

Свечи поймали искру, и винты неуверенно провернулись.

— Йохо-хо! — заорал я и тут же вспомнил, что забыл отвязать катер.

Я с опаской пробрался на нос и, ощущая себя на прицеле у нескольких десятков стволов, отвязал конец. Потом оттолкнулся от столба, и катер начал лениво поворачивать. Я пробрался обратно за штурвал, вывернул его в противоположную сторону и осторожно добавил газ. Катер дернулся, взревел и начал набирать скорость.

Дейрдре вынырнула футах в двадцати по курсу; в руках она держала своего отца.

— Убейте его! Стреляйте! Убейте его! — завизжала она, даже не успев оглядеться.

Я не без удовольствия направил нос катера прямо на нее. Что-то с силой ударилось о корпус. Я очень надеялся услышать со стороны винта звук перемалывающей траву газонокосилки, но его не последовало.

С берега по катеру начали стрелять, и на этот раз огонь велся метко, наверняка: никто больше не слепил стрелявших, да и паника у них прошла. Пули звонко лупили по стеклопластиковому корпусу. Я выругался и пригнулся. Несколько пуль попало мне в ветровку. Несколько секунд я оставался на опасном от них расстоянии — во всяком случае, с учетом того, что палили по мне из табельного армейского оружия. Моя ветровка рассчитана на то, чтобы останавливать такие пули, но назвать приятным это ощущение я никак не могу. Спина моя наверняка разукрасилась целым соцветием шикарных синяков.

А ноги захлестнуло ледяной водой.

Спустя полминуты вода доходила мне уже до щиколоток.

Блин. Блин.

Моторы тоже издавали какие-то не слишком нормальные звуки. Я повернулся посмотреть, и спина моя откликнулась на это движение возмущенной болью. По мере того, как я удалялся от острова, становилось все темнее и темнее, но очертания холма с маяком то и дело куда-то пропадали, и спустя секунду до меня дошло, что их закрывает густой дым, валивший из обоих моторов.

Блокировка боли начала сходить на нет. Все тело болело как черт знает что. Вода на дне катера доходила мне уже почти до колен, и...

И со стороны острова в мою сторону направлялось три прожектора.

Они выслали погоню.

— Несправедливо это, — буркнул я сам себе. Я повернул рычаг газа до предела, но судя по тому, как лязгали и фыркали моторы, я вполне мог этого не делать. Жить моторам оставалось считанные минуты, к тому же катер явно погружался.

Я понимал, что, оказавшись я в воде, жить мне останется с учетом ее температуры минуты четыре или пять. Еще я понимал, что мне предстоит каким-то образом пройти каменные рифы — Розанна, относительно знакомая с этими водами, смогла сделать это только ориентируясь по свету маяка.

Впрочем, мне все равно ничего не оставалось, как двигаться вперед.

Внезапно меня осенила мысль: Боб-череп просто с ума сойдет от досады, что пропустил это, настоящее пиратское приключение. Для полноты эффекта я заорал во всю глотку «Пятнадцать человек на сундук мертвеца».

Потом послышался жуткий скрежет, и катер просто остановился. Баранка штурвала больно ударила меня в грудь, а потом меня отшвырнуло назад, на спинку сидения.

Вода начала прибывать с удвоенной силой.

— Эй, на борту! — пьяно выкрикнул я. — Рифы!

Я проверил, не выпала ли из кармана монета и хорошо ли держатся на плече ножны с мечом. Потом покрепче взялся за посох и снял с шеи цепочку с амулетом-пентаграммой. Огни преследовавших меня катеров приближались с каждой секундой. М-да, положеньице.

Старый катер буквально разваливался подо мной на части. Он напоролся носом на широкий, зазубренный камень, вспоровший ему левую скулу. Старая каменная гряда поднималась со дна озера, не доходя до поверхности воды каких-то двух футов, не больше. Это позволяло мне сделать еще кое-что, прежде чем сдохнуть от переохлаждения.

А еще это была твердая земля, на которую я мог стать ногами, и из которой мог черпать силу. Озерная вода смывала часть этой энергии — не так эффективно, как проточная вода, но все-таки, — и даже так у меня оставался шанс попытаться себя защитить.

Поэтому прежде, чем катер успел перевернуться и выбросить меня в воду, я стиснул зубы и сам прыгнул за борт.

Мое тело немедленно оповестило меня о том, что решение я принял совершенно безумное.

Вы даже представить себе не можете, *как* холодно может быть, пока не прыгнете в близкую к нулевой температуре воду.

Я с визгом забултыхался в ней, но почти сразу нашел, куда поставить окоченевшие ноги. Расставив их пошире — и стараясь не подвернуть ногу, над которой успел немного потрудиться Никодимус, — я взял в правую руку материнский амулет и начал осторожно, понемногу накачивать в него энергию. Получалось медленно — как все на этом холоде — но мне удалось набрать еще немного энергии из камня у меня под ногами, и амулет засветился серебристо-голубым светом, ярче и ярче, пока не засиял ярким как день маяком: *вот он я!*

— Т-Т-Томас, — пробормотал я, дрожа так сильно, что едва держался на ногах. — Т-ты б-бы п-п-поспешил, а?

Потому что люди Дейдрде спешили.

Прожектора быстро нащупали меня своими лучами, и катера — надувные лодки, способные скользить мягким дном по камням — понеслись, прыгая по волнам, в мою сторону.

Собственно, потопить одну или две этих лодки было бы не так уж и сложно. Но это наверняка убило бы всех, кто в них сидел. А сидели в них люди, сотрудничавшие с демонами вовсе не по порочной природе своих душ. Обыкновенные люди, большинство которых с детства воспитывали для работы на Никодимуса и К., и которые, вероятно, искренне верили в то, что поступают единственно правильным образом. Я запросто мог убить Никодимуса и спокойно спать потом без угрызений совести. Но не уверен, что смог бы и дальше жить в мире с собой, потопив эти лодки вместе с экипажами. Не для этого существует магия.

Более того, убив их, я не обязательно спасся бы. Даже если бы я сумел потопить все катера, сбросить всех, кто в них сидел, в воду, это не помешало бы мне замерзнуть и утонуть с ними за компанию.

Я не Рыцарь. Но это вовсе не значит, то у меня нет своих принципов.

Они открыли огонь, когда их отделяло от меня футов сто, и я прикрылся щитом. Выстраивать и удерживать защитное поле, стоя в ледяной воде, трудно, но я все-таки сделал это, и надо мной вспыхнул мерцающий купол серебристого света. Пули ударяли в него и рикошетом уходили в сторону, оставляя на его поверхности разбегающиеся круги возмущенной энергии. Правда, большая часть пуль прошла мимо: стрельба с несущейся по волнам надувной моторки редко отличается особой точностью.

Они приближались, а я замерзал.

Я удерживал светящийся амулет и щит.

Ну же, братец. Не подведи меня.

Я так ничего и не слышал, пока вал ледяной воды не ударил меня промеж лопаток, едва не сбросив с ног. А потом вода вокруг меня содрогнулась от басовитого урчания мотора «Жучка-Плавунца», и я, повернувшись, увидел нависающий надо мной борт старого, видавшего виды кораблика — брат подвел его опасно близко к рифу.

Я люблю подшучивать над Томасом и его катером — вид у последнего такой, будто его угнали со склада реквизита «Челюстей». Но грех отрицать очевидное: я ни хрена не понимаю в плавсредствах, и то, как Томас ухитрился провести этот свой антиквариат по зимнему озеру, произвело на меня должное впечатление.

— Гарри! — окликнула меня Мёрфи. Она спешила ко мне по замерзшей палубе, то и дело поскользываясь на полосках льда. Она зацепила карабин на одном конце троса, который держала в руках, за леер, а другой конец бросила мне. — Держи!

— Тебе пора было уже выйти за полосу рифов, — упрекнул меня Томас, стоявший на крыше рубки. На моих глазах он схватил свой «Дезерт-Игл», прицелился и нажал на курок. Темная фигура на носу ближнего к нам катера вскрикнула и с плеском сорвалась в воду.

Я ревниво насупился. Томас даже не ходит в тир.

Едва не свалившись, я сделал шаг вперед, схватил брошенный мне конец и намотал его на правое запястье. Собственно, сил у меня оставалось ровно столько, чтобы проделать это, не больше. Мёрфи потянула меня наверх, но почти сразу же крикнула Томасу, чтобы он помог ей.

— Прикройте меня! — рявкнул Томас.

С ловкостью отчаянного пирата прыгнул он с рубки на палубу, не обращая внимания на качку, холод и лед. Мёрфи, широко расставив ноги, пристегнула свой спасательный жилет тросиком к фальшборту и сорвала со спины П-90, маленький пистолет-пулемет, подаренный ей Кинкейдом. Она вскинула его к плечу, приложила глазом к окуляру прицела и открыла огонь одиночными, реже двойными выстрелами. *Фам. Фамфам. Фам. Фамфам. Фам. Фам.*

Один из катеров перевернулся. Может, она попала в того, кто правил им, и тот неловко вывернул штурвал. А может, он просто неудачно напоролся на волну. Не знаю. Однако второй катер немедленно сбавил ход и свернул, подбирая попадавших в воду людей. Мёрфи перенесла огонь на третий катер.

Томас принялся тянуть меня из воды с такой легкостью, будто я не взрослый мужик в насквозь промокшей одежде, а малое дитя. Он даже не особо напрягался.

Я так устал, что просто позволил ему делать это. В результате у меня хватило внимания заметить, что мои ноги оторвались от воды — и в это же мгновение из темноты вырвалась Дейдрде и схватила меня за лодыжки.

— Убью! — рычала она. — Убью за то, что ты с ним сделал!

— Срань господня! — взвыл Томас.

— Эк! — согласился я.

Большая часть ее стальных волос цеплялась за каменное дно под водой, но несколько свободных лент метнулись к Томасу. Он с воплем увернулся, едва не выпустив трос, на котором болтался я.

Все шло к тому, что она оторвет мне ноги ниже щиколотки. Я орал и пытался отбрыкиваться от нее, но ноги мои так онемели, что я едва мог шевелить ими, не говоря уже о том, чтобы стряхнуть ее. Томас тоже мог разве что удерживать трос и не давать стальным лезвиям Дейдрде перерубить его.

— Кэррин! — заорал он.

Мёрфи, все еще пристегнутая к лееру, перекинула ноги через фальшборт и прыгнула вниз, повиснув рядом со мной.

А потом навела свой П-90 на Дейдрде и перекинула селектор в положение «автоматическая стрельба».

Прежде, чем она успела нажать на курок, Дейдрде зашипела, и блестящая стальная лента, выметнувшись из воды, полоснула Мёрфи по лицу. Та вскрикнула и сделала попытку уклониться, но лезвие S-образным движением прошло в волоске от ее горла, легко рассекло

ремень, на котором висел П-90, и тот плюхнулся в воду.

— Сука! — зарычала Мёрфи с залитым кровью лицом. Она попыталась дотянуться до пистолета — тот находился в наплечной кобуре под спасжилетом, под мокрой курткой. С таким же успехом он мог находиться на поверхности Луны.

— Мёрф! — крикнул я. Я дернул плечами и повернулся так, чтобы рукоять «Фиделакиуса» оказалась от нее на расстоянии вытянутой руки.

Пальцы Мёрфи сжались на рукояти священного клинка.

Она успела вытянуть его из ножен на дюйм, не больше.

Белый свет ослепил меня. Ослепил Дейдрре. Ослепил Мёрфи. Ослепил Томаса. Ослепил всех.

— Нет! — взвизгнула Дейдрре, и в голосе ее не осталось ничего, кроме совершеннейшего отчаяния и ужаса. — Нет, нет, нет!

Хватка на моих лодыжках ослабла, и я услышал, как динарианка плюхнулась в воду.

Мёрфи отпустила меч. Свет померк. Прошло, должно быть, не меньше минуты, пока я смог разглядеть хоть что-нибудь. Томас, разумеется, оправился быстрее и к этому времени вытащил нас обоих на палубу «Плавунца». Дейдрре поблизости не наблюдалось, а два катера с солдатами на полной скорости удирали обратно к берегу.

Мёрфи с кровоточащим порезом над правой бровью потрясенно переводила взгляд с меня на меч и обратно.

— Твою мать, Гарри, что это было?

Я дернул плечом, скидывая ремень. Я ощущал себя ужасно усталым. У меня болело все, что могло болеть. Что не могло, тоже болело.

— Говоря коротко, — пробормотал я, — предложение работы.

— Надо уходить, пока нас не бросило на камни, — пробормотал Томас. Все с той же пиратской ловкостью он скользнул к штурвалу. У него это красиво получалось. Еще бы. Он ведь даже не потеет.

Мёрфи смотрела на меч еще секунду. Потом посмотрела на меня, и ее окровавленное лицо тревожно нахмурилось.

— Господи, Гарри, — она подхватила меня со стороны, на которую я хромал, и помогла доковылять до рубки. — Заходи. Тебя необходимо согреть.

— Ну? — спросил я, пока она помогала мне стянуть мокрые шмотки. — Как насчет этого? Этот меч находился у меня в ожидании кого-то, кто сумеет им пользоваться.

Она усадила меня на одну из скамей-рундуков. Еще несколько секунд она серьезно смотрела на меч. Потом покачала головой.

— У меня уже есть работа, — тихо произнесла она.

Я слабо улыбнулся и закрыл глаза.

— Так и знал, что ты это скажешь.

— Заткнись, Гарри.

— Идет, — сказал я.

Я так и сделал. На несколько часов. Это было восхитительно.

Глава СОРОК ШЕСТАЯ

Я проснулся, укрытый двумя ватными спальниками и неисчислимым множеством одеял. Было утро. Лавку-рундук «Жучка-Плавунца» разложили и превратили в довольно удобную кушетку. В противоположном конце рубки горел керосиновый обогреватель. Не могу сказать, чтобы от него приятно пахло, зато в рубке даже запотели от тепла иллюминаторы.

Я просыпался медленно. У меня болели все до одного мускулы, суставы и члены. Похмелье после боя оказалось ни на градус не слабее, чем я ожидал. Я попытался напомнить себе, что с учетом всех обстоятельств, справляться с этой конкретной проблемой мне должно быть просто приятно. Не могу сказать, чтобы мне это удалось особенно хорошо. Я охал,

ругался про себя, и в конце концов заставил-таки себя сесть и выбраться из-под одеял. Я доплелся до крошечного туалета — хотя на кораблях он по какой-то дурацкой причине называется, кажется, «гальюн», — а когда полуживым трупом выбрался обратно, в рубку с палубы скользнул Томас. Он прятал в карман свой мобильник, и выражение лица у него было серьезным.

— Гарри, — произнес он. — Как дела?

Я посоветовал ему, что он может сделать со своими репродуктивными органами.

Он заломил бровь.

— Лучше, чем я ожидал.

Я хмыкнул.

— Спасибо, — добавил я, подумав.

Он фыркнул. У нас всегда так.

— Пошли. У меня в машине для тебя кофе.

— Я отпишу тебе все свое имущество в завещании.

— Супер. В следующий раз оставлю тебя в воде.

Я со стоном натянул ветровку.

— Почти жалею, что ты этого не сделал. Монета? Меч?

— Надежно спрятаны внизу. Хочешь их забрать?

Я мотнул головой.

— Подержи их пока здесь.

Прихрамывая на больную ногу, я доплелся следом за ним до пикапа. Только тут я заметил, что кто-то умыл меня, перевязал раненую ногу и заклеил пластырем кучу царапин и ссадин, которые я даже не помнил, как и где получил. Одет я тоже был во все свежее. Томас. Он не обмолвился об этом ни словом. Я тоже. Мы же братья.

Мы забрались в слегка помятый «Хаммер», и я первым делом схватил бумажную чашку кофе, поджидавшую меня рядом с коричневым бумажным пакетом. Я насыпал в кофе побольше сахара и сухих сливок и, почти не размешав, отпил глоток. Потом заглянул в мешок. Пончик. Я набросился на него.

Томас завел мотор, но застыл и уставился на пончик.

— Эй, — сказал он. — Откуда, черт подери, это взялось?

Я откусил еще кусок. Настоящий пончик. Румяный. Хорошо посыпанный сахарной пудрой. Еще теплый. И кофе запить его у меня тоже имелся. Райское наслаждение. Я одарил брата загадочным взглядом и откусил еще кусок.

— Господи, — буркнул он, трогая машину с места. — Ты ведь не снисходишь до объяснения всяких мелочей, нет?

— Это как наркотик, — пробормотал я, набив рот счастьем.

Я как мог наслаждался пончиком, позволив ему занять все мои ощущения без остатка. Только разделавшись с ним, когда кофе начал оказывать действие на мои мыслительные способности, я сообразил, почему это доставило мне столько удовольствия. Все шло к тому, что это последние приятные ощущения, отведенные мне на несколько следующих часов, если не дней.

Томас не сказал мне ни слова о том, куда мы едем — или как вообще обстоят дела после событий минувшей ночи.

Строгер-билдинг, новое больничное здание, сменившее старую больницу графства Кук на посту главного медицинского центра Чикаго, расположено всего в нескольких ярдах от старого комплекса зданий. Оно слегка напоминает замок. Стоит чуть прищурить взгляд, и легко представить себе зубцы на стенах, и башни, и бастионы — этакую средневековую цитадель, защищающую граждан Чикаго от чумы и мора.

Во всяком случае тех, у кого в порядке медицинская страховка.

Я допил кофе и подумал про себя, что настрой у меня немного пессимистичный.

Томас повел меня в отделение интенсивной терапии. В коридоре перед входом он задержался.

— Информационной координацией занимается Люччо, так что подробностей я пока не знаю. Но там Молли. Она тебе все расскажет.

— Что известно тебе? — спросил я.

— Майкл в плохом виде, — ответил он. — Последний раз, когда я звонил, он лежал еще на операционном столе. Я думаю, пули шли снизу, и доспехи на нем не дали одной из них выйти навывлет. Она металась внутри брони, не находя выхода.

Я поморщился.

— Мне сказали, в него попало всего две или три пули, — продолжал Томас. Но все равно просто чудо, что он вообще остался жив. Они не знают, вытянет он или нет. Ничего конкретнее Саня говорить не стал.

Я закрыл глаза.

— Послушай, — сказал Томас. — Я в этих краях не самый желанный гость. Но если хочешь, подожду тебя здесь.

Томас не сказал мне всей правды. Мой брат неуютно чувствует себя в больницах, и я совершенно уверен в том, что знаю причину этого: больницы полны больных, раненых и пожилых людей, то есть тех, кого хищник инстинктивно относит к слабейшим, а следовательно, более легким жертвам. Мой брат не любит напоминаний о том, что он по природе тоже хищник. Сам он, возможно, не в восторге от этого, но инстинкты его реагируют на происходящее, хочет он этого или нет.

— Нет, — мотнул головой я. — Справлюсь как-нибудь сам.

Он нахмурился.

— Ладно, — сказал он, помолчав. — Мой телефон ты знаешь. Позвони потом — подброшу тебя домой.

— Спасибо.

Он положил на мгновение руку мне на плечо, потом повернулся, ссутулился, опустил голову так, что волосы почти полностью закрыли ему лицо, и быстро пошел к выходу.

Я вошел в отделение и отыскал холл для ожидающих.

Молли сидела рядом с Черити. Мать и дочь сидели бок о бок, держась за руки. Вид они имели напряженный, усталый. Черити была в джинсах и Майкловой фланелевой рубаше. Волосы она собрала в хвост, и явно не красилась. Судя по всему, ее подняли с постели посередине ночи, и она как была принеслась в больницу. Глаза ее смотрели перед собой, в никуда.

Ничего удивительного. Самый страшный ее сон вдруг сбывался наяву.

Обе подняли взгляд, когда я вошел, и лица у обоих сделались одинаковыми: нейтральными, отрешенными, окаменевшими.

— Гарри, — произнесла Молли тусклым, глухим голосом.

— Привет, девочка, — сказал я.

Черити потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать на мой приход. Она сфокусировала взгляд на дальней стене, поморгала немного, потом перевела его на меня. Она кивнула и не сказала ни слова.

— Я... э... — тихо пробормотал я.

Молли подняла руку, останавливая меня. Я заткнулся.

— Так, — сказала она. — Э... Дайте подумать, — она закрыла глаза, сосредоточенно нахмурилась и заговорила, разгибая пальцы по мере перечисления. — Люччо говорит, что Архив вне опасности, хотя в сознание не приходила. Она сейчас дома у Мёрфи и хотела с вами поговорить. Мёрфи просила передать вам, что с ее лицом все будет в порядке. Саня тоже хотел поговорить с вами — по возможности, скорее, в церкви Святой Марии.

Я отмахнулся от всего этого.

— С этим разберусь позже. Как папа?

— Seriously повреждена печень, — произнесла Черити лишенным выражения голосом. — И одна из почек, настолько серьезно, что ее не спасти. Одно из легких. Поврежден позвоночник. Одно из ребер раздроблено на мелкие осколки. Двойной перелом

таза. Перелом челюсти. Мозговая гематома. Травма одной из глазных ниш. Они еще не знают, сохранит он глаз или нет. Возможно, повреждение мозга. Этого они тоже еще не знают, — глаза ее наполнились слезами и снова уставились куда-то вдаль. — И сердце задето. В нем осколок кости. Ребра, — она вздрогнула и зажмурилась. — Его сердце. Его ранили в сердце.

Молли придвинулась ближе к матери и обняла ее за плечи. Черити прижалась к ней; из глаз продолжали течь слезы, но ни звука она не проронила.

Я не Рыцарь.

И не герой.

Герои держат свои обещания.

— Молли, — тихо произнес я. — Мне очень жаль.

Она подняла на меня взгляд, и губы ее дрогнули. Она мотнула головой.

— Ох, Гарри, — сказала она.

— Я пойду, — пробормотал я.

Лицо Черити оживо, и она произнесла неожиданно ясно и разборчиво: — Нет.

Молли потрясенно уставилась на мать.

Черити встала. Лицо ее блестело от слез, глаза потемнели от тревоги и усталости. Долгую секунду она смотрела на меня.

— Семьи держатся вместе, Гарри, — сказала она и вдруг гордо задрала подбородок. Даже горечи в ее глазах немного поубавилось. — Он бы остался ради вас.

В глазах моих все немного расплылось, и я сел на ближний стул. Возможно, это просто наступила реакция на все напряжение последних дней.

— Угу, — хрипло произнес я. Комок в горле мешал говорить. — Он бы остался.

Я обзвонил всех из списка Молли и попросил подождать меня до тех пор, пока не прояснится с Майклом. Все за исключением Мёрф огорчились отсрочке. Я посоветовал им идти к черту и повесил трубку.

А потом уселся рядом с Молли и Черити и стал ждать.

Больничные холлы всегда наводят тоску. Тот факт, что рано или поздно почти каждому из нас доводится торчать в таких, не делает их приятнее. В них всегда немного холоднее, чем стоило бы. В них всегда пахнет чем-то резким и чистотой. В них всегда тихо — так тихо, что слышно жужжание люминесцентных трубок — вот, кстати, еще одна обязательная примета больничных холлов: люминесцентные трубки. Почти все сидящие в них пребывают в таком же плохом настроении, как вы, так что приятно побеседовать с ними, скорее всего, не удастся.

И всегда перед глазами маячат настенные часы. Не простые часы, особенные. Кажется, будто они всегда идут слишком медленно. Посмотрите на них раз, и они скажут вам время. Посмотрите на них спустя полтора часа, и они скажут вам, что прошло две минуты. При всем этом они каким-то образом ухитряются напоминать вам о том, как быстротечна жизнь или как мало времени, возможно, осталось тем, кого вы любите.

День тянулся медленно, словно ползком. Дважды выходил врач сообщить Черити, что все пока еще неважно, но что они работают. Второй выход пришелся на обеденное время, и док предложил ей выйти поесть, и что они смогут сказать что-нибудь определенное часа через три-четыре.

Еще он спросил, не знает ли она, соглашался Майкл на то, чтобы его органы использовались в качестве донорских, или нет. Так, на всякий случай, сказал он. Он не смог найти его водительское удостоверение. Я точно знал, что Черити очень хотелось сказать врачу, что он может сделать с этим своим вопросом, куда засунуть и как глубоко, но вслух она сказала, что Майкл сказал бы ему — да, конечно согласен. Врач поблагодарил ее и ушел.

Я спустился в кафетерий вместе с Черити и Молли, но есть мне что-то не очень хотелось. Я решил, что Черити помогает держаться материнский инстинкт — в конце концов, она уже несколько дней не общалась с детьми. По дороге я улизнул, сославшись на

то, что мне нужно размять ноги — что было истинной правдой. Порой, когда в голове творится слишком много всякого, полезно немного прогуляться.

Поэтому я бродил по коридорам, никуда специально не направляясь, стараясь только не оказываться в непосредственной близости от больничного оборудования, от которого могла зависеть чья-то жизнь.

В результате я оказался в больничной часовне.

Обстановка здесь не отличалась от многих подобных помещений: неяркие, приглушенные цвет и свет, скамьи с проходом посередине и подиумом у дальней стены. Стандартная обстановка, подходящая почти для любой религии. Ну, может, склонялась к католицизму чуть больше, чем к остальным — так ведь это вполне можно понять. Больница находится под попечительством ордена иезуитов, и они регулярно служат здесь мессу.

Здесь царила тишина, а в моем тогдашнем состоянии это было важно. Я опустил на скамью, вытянул ноги и закрыл глаза.

Множество мыслей роилось у меня в голове. Майкл поступил в больницу с огнестрельными ранениями. Копы наверняка будут задавать кучу вопросов на этот счет. В зависимости от обстоятельств возвращения вертолета в Чикаго, все это может приобрести по-настоящему запутанный характер, и быстро. С другой стороны, с учетом участия в этом деле Марконе, эти проблемы могли просто рассосаться. Он обладал такими связями в городских органах, что мог бы при желании закрыть расследование.

С учетом того, от какой участи спасли Марконе, вполне в его характере было бы отплатить людям, оказавшим ему помощь. Мне даже подумалось, что Марконе мог бы оказать существенную помощь Майклу.

Разумеется, для этого требовалось в первую очередь, чтобы Майкл остался в живых.

Мои мысли описали круг и вернулись к этому.

Оказался бы он в нынешнем положении, если бы я не настоял, чтобы он первым пристегнулся к тросу? Лежал бы он сейчас на операционном столе под скальпелем? С чего я вообще возомнил себя таким провидцем при взгляде на лицо Гард? Как взял на себя право решать, кому и что делать дальше?

Возможно, это мне полагалось бы сейчас лежать в интенсивной терапии. Тем более, у меня не было жены и детей, ожидавших моего возвращения.

Я ожидал, что Черити будет визжать и швыряться в меня попавшими под руку предметами. Может, я даже хотел этого. Ибо даже понимая умом, что я никак не мог предугадать того, что должно произойти, и что я искренне пытался защитить друга, изрядная часть меня чувствовала: Черити имеет полное право ненавидеть меня. В конце концов, все сводилось к тому, что причиной смерти ее мужа послужил я. Все равно, что убил бы его своими руками.

Ну, если не считать того, что он еще не умер — а думать так тоже было все равно что расстаться с надеждой. Такого я себе позволить не мог.

Я поднял взгляд на подиум — подразумевалось, что там находится Тот, кому посвящается служба.

— Я знаю, мы с Тобой почти не разговаривали, — произнес я, обращаясь к пустой комнате. — И я как-нибудь обойдусь без такого друга по переписке. Но мне казалось, Тебе стоит знать, что Майкл о Тебе высокого мнения. И если после всего, что он совершил, это закончится для него вот так, Ты упадешь в моих глазах. Он заслуживает большего. Мне кажется, Тебе стоило бы постараться, чтобы с ним все было хорошо. Если Ты после этого выставишь счет мне, я не буду возражать. Нет проблем.

Никто, разумеется, не ответил.

— И раз уж разговор зашел об этом, — продолжал я, — мне кажется, что установленные Тобой правила — отстой. Похоже, Ты относишься к ним не так серьезно, с душой, как прежде. И Твоим ангелам не позволено вступать в игру прежде, чем это сделают нехорошие парни. Но я тут прикинул кое-что в уме, и мне кажется, когда динарианцы проворачивали эти свои штуки со Знаками, им для этого требовалась уйма энергии. Чертова

уйма. Больше, чем я мог бы когда-либо накопить, даже с помощью Ласкиэли. Такое под силу только архангелу. И я могу представить себе только одного парня, способного помочь этой компании.

Я встал и, внезапно рассвирепев, уставил палец в подиум.

— Принц гребаной Тьмы, — заорал я. — Сам Принц Тьмы приперся на землю со своей гребаной силой — дважды уже! А Ты со всей своей святостью сидишь там, пока мой друг, всю свою жизнь сражавшийся за Тебя, лежит и умирает! *Что*, черт подери, случилось с Тобой?

— Мне кажется, просто момент неудачный, — произнес голос у меня за спиной.

Я повернулся и увидел низенького старичка в темно-синем комбинезоне уборщика. На бэджике красовалась надпись «ДЖЕЙК». Он тянул за собой тележку с мусорным контейнером и обычным набором щеток, тряпок и чистящих жидкостей. У него был округлый пивной животик; коротко остриженные курчавые седые волосы и борода хорошо контрастировали с темной кожей.

— Простите. Я позже зайду.

Ощущая себя полным идиотом, я замотал головой.

— Нет, нет. Я ничем не занят. То есть, вы ни от чего такого меня не отвлекаете, правда. Лучше я пойду, не буду мешать вам.

— Вы мне не мешаете, молодой человек, — отозвался Джейк. — Ни капельки. Вы не первый, кого я вижу расстроенным в больничной часовне. И наверняка не последний. Вы уверены, что я вам не помешал?

— Нет, — сказал я. — Заходите.

Он вошел со своей тележкой, направился к мусорной корзинке в углу и вытащил из нее наполовину наполненный полиэтиленовый мешок.

— У вас здесь друг лежит, а?

— Угу, — кивнул я, снова садясь.

— Нет ничего страшного в том, чтобы злиться за это на Бога, сынок. Не Его вина в том, что случилось, но Он все понимает.

— Может, и понимает, — пожал плечами я. — Но Ему все равно. Не знаю, почему все так уверены, что Ему есть до них дело. Да и с какой стати?

Джейк промолчал, внимательно глядя на меня.

— Я имею в виду, всю эту вселенную, да? Все эти звезды, все эти миры, — продолжал я, возможно, более горько, чем намеревался. — Возможно, их так много, людей, и они такие разные, что мы даже не в состоянии сосчитать. Как может Бог по-настоящему переживать за то, что происходит с одним отдельно взятым человечком, когда того окружает бесконечное количество других?

Джейк затянул узел на горловине мусорного мешка и кинул его в контейнер. Потом с задумчивым видом вложил в корзину новый мешок.

— Ну, — произнес он, — я, видите ли, школ особо не кончал. Но сдастся мне, вы исходите из того, из чего исходить не надо.

— Из чего это? — поинтересовался я.

— Из того, что Бог, будто бы, видит мир как видите его вы. Отдельными фрагментами в отдельно взятые моменты. С одной точки. Мне же кажется, Он предположительно находится везде и знает все, — он закрыл контейнер крышкой. — Поразмыслите над этим. Ему ведомо, что вы чувствуете, ведомо, как вам больно. Он чувствует вашу боль, мою боль — так, словно это Его собственная, — Джейк покачал головой. — Черт возьми, дружище. Вопрос не в том, как может Бог заботиться об одном отдельно взятом человеке. Вопрос в том, как может Он *не* делать этого.

Я фыркнул и покачал головой.

— Это оптимистичнее, чем вам хотелось бы слышать сейчас, — сказал Джейк. — Я вас слышал, дружище, — он повернулся и принялся толкать тележку по направлению к двери. — О, — произнес он. — Позвольте старику подкинуть вам еще одну мысль?

— Конечно, — кивнул я, не оборачиваясь.

— Подумайте, не может ли здесь быть подобия баланса, что ли, — произнес он. — Может, один архангел вложил в эту ситуацию свою силу — открыто и одновременно. Может, другой просто действует тише. Мыслит, так сказать, в долговременном плане. Может, он протягивал уже вам руку.

В мою правую руку разом снова впились десятки игл и булавок.

Я со свистом втянул в себя воздух и, вскочив, резко обернулся.

Джейк исчез.

Тележка уборщика так и стояла у двери. Тряпка, свисавшая с ручки, продолжала еще покачиваться взад-вперед. Между контейнером и ручкой была зажата книга в бумажной обложке. Я подошел к тележке и повертел головой, глянув вправо-влево вдоль коридора.

Я не увидел ни души. Равно как мест, куда можно было бы исчезнуть.

Я взял книгу. Это был старый, потрепанный экземпляр «Двух Твердынь». Уголок одной страницы оказался загнут, и, раскрыв книгу на ней, я увидел подчеркнутый карандашом фрагмент диалога.

— Обожженная рука учит лучше, — прочитал я вслух. Захватив с собой книжку, я вернулся на скамью, сел и покачал головой. — И что, черт подери, это значит?

— То, — промяукал Грималкин за моей спиной, — что твой опыт сопротивления тени Падшего заслужил уважение Дозорного, мой эмиссар.

Я вздрогнул с такой силой, что подлетел в воздух на дюйм, на два, и крикнул, двинувшись о скамью при приземлении. Потом скользнул к самому краю скамьи, подальше от голоса. Все равно недостаточно далеко. Я выиграл всего лишь пару дюймов дистанции, и только потом повернулся и посмотрел на Мэб.

Она сидела как ни в чем ни бывало в темно-синем деловом костюме, вся унизанная небольшими, но чертовски элегантными алмазами. На этот раз она собрала свои белоснежные волосы в плетеный пучок, заколотый шпильками слоновой кости с лазурным орнаментом. Грималкин сидел у нее на коленях как любимый питомец, хотя только псих мог спутать эту тварь с домашней киской. Подумать, так я в первый раз видел Грималкина при ярком свете. Он оказался неожиданно большим, мускулистым — по сравнению с ним рысь показалась бы чахлым трущобным котом. Должно быть, он весил шестьдесят или семьдесят фунтов — все костяк и мускулатура. На темно-серой шерсти виднелись напоминающие водяные знаки черные разводы. Глаза у него были желто-зеленые, очень большие, слишком умные для зверя.

— Дозорного? — неуверенно переспросил я.

Голова Мэб чуть шевелилась в такт словам, но вслух продолжал вещать голос Грималкина.

— Принц-Глашатай суть пышность и ритуал. Когда он делает шаг, это сопровождается громом крыл армии серафимов, барабанной дробью и звоном фанфар. Трубач тоже не перемещается тихо, если он может явиться в сиянии. Победитель Демонов взваливает все проблемы на свои плечи и решает их собственноручно. Но Дозорный... — Мэб улыбнулась. — Из всех архангелов он мне симпатичнее всего. Он тих. Скромн. Наименее известен. И, сколько я знаю, наиболее опасен.

Я порылся в информации, отложившейся у меня в мозгу об архангелах. Ее оказалось немного, но хватило и этого.

— Уриил, — тихо произнес я.

Мэб предостерегающе подняла палец.

— Позволь призвать тебя к осмотрительности, мой эмиссар. Будь я на твоем месте, я бы не злоупотребляла его именем. Если бы вообще произносила вслух.

— Что он со мной сделал? — спросил я.

Мэб смотрела на меня своими переливчатыми глазами.

— Ответить на этот вопрос можешь ли ты один. Но я могу открыть вот что: он дал тебе возможность стать более тем, чем ты есть.

— Э...

Она улыбнулась, пошарила рукой по скамье с противоположной от меня стороны и подняла мой жезл.

— Возвращение твоей собственности, — произнес Грималкин. — Необходимость держать тебя в отрыве от нее миновала.

— Значит, я догадался верно, — кивнул я, принимая жезл. — Его забрали вы. Вместе с воспоминаниями об этом.

— Да.

— Зачем?

— Затем, что я считала это нужным, — отозвалась она, словно говоря с ребенком-тугодумом. — Не заberi я твой огонь, ты бы рисковал своей жизнью — а значит, моими интересами — защищая своих драгоценных смертных. Летние выследили и убили бы тебя еще два дня назад.

— Отсутствие его тоже запросто могло бы убить меня, — возразил я. — И тогда все время, что вы потратили на попытки завербовать меня на должность нового Зимнего Рыцаря, пошло бы псу под хвост.

— Пустяки, — отмахнулась Мэб. — Если бы ты погиб, я просто завербовала бы твоего брата. Тем более, у него имелась бы мотивация — отмщение твоим убийцам.

Меня пробрал легкий озноб. Я не догадывался, что Мэб известно, кем приходится мне Томас. Впрочем, подумал я, это не лишено логики. Моя крестная, Леанансидхе, тесно общалась с моей матерью. Если об этом знала Леа, не вижу причин, почему бы об этом не знать и Мэб.

— Он не смертный, — тихо произнес я. — Мне казалось, Рыцарей избирают только из смертных.

— Он влюблен, — промяукал Грималкин за Мэб. — На мой взгляд, это свойство более чем характерно для смертного, — она склонила голову набок. — Хотя, пожалуй, я могла бы сделать ему это предложение и пока ты жив. Он на многое пойдет, лишь бы снова обнять свою любовь, не так ли?

Я пристально посмотрел на нее.

— Держитесь подальше от него, — сказал я.

— Я буду поступать так, как считаю нужным, — заявила она. — И с ним, и с тобой.

Я недовольно нахмурился.

— Не будете. Я не ваша собст...

Когда я очнулся, я стоял на коленях в центральном проходе, а Мэб шла от меня к двери.

— Очень даже моя, смертный. До тех пор, пока ты не отработал свой долг, ты мой. Ты остался должен мне еще одну услугу.

Я сделал попытку встать — и не смог. Ноги просто отказались повиноваться мне. Сердце билось отвратительно часто, и мне даже не хотелось думать о том, как мне страшно.

— Почему? — спросил я. — Почему вы хотели, чтобы я помешал динарианцам? Почему посылали хобов убить Архив? Почему вербовали меня, чтобы спасти Архив и Марконе после того, как потерпели неудачу хобы?

Мэб задержалась, повернулась, небрежно выставив на обозрение безукоризненную ногу, и посмотрела на меня.

— Никодимус и ему подобные открыто нарушили договоренности со мной и явно намеревались злоупотребить ими в своих корыстных целях. Этого уже довольно, чтобы я изыскала средства нарушить его планы. И еще, один из Падших лично нес ответственность за нападение на мой дом.

— Нападение Черного Совета на Арктис-Тор, — кивнул я. — Один из них использовал Адский Огонь.

Мэб блеснула белоснежными зубами.

— Мы, я и Дозорный, — промяукал Грималкин, — имели общего врага в этом деле.

Нельзя позволить, чтобы враг обрел силу, представленную ребенком-Архивом.

Я нахмурился и вспомнил серебряную руку, измолотившую падшего ангела так, словно тот был набивной куклой-мишенью.

— Намшиил Колючий.

Взгляд Мэб вспыхнул внезапным, ледяным гневом, и все, находившееся в часовне — включая мои ресницы — покрылось инеем.

— Есть и другие, кому предстоит ответить за то, что они совершили, — прорычала Мэб своим собственным голосом. Звучал он устрашающе. Не то, чтобы ему не хватало музыкальности — вовсе нет. Но его переполняли такая ярость, такой гнев, такая боль и такая ненависть, что каждая гласная в этих словах, казалось, царапала мне кожу, тогда как каждая согласная стреляла из степлера мне в ухо.

— Я — сидхе, — прошипела она. — Я — Королева Воздуха и Тьмы. Я — Мэб, она задрала подбородок, и глаза ее расширились, сделавшись совсем безумными. — И я возвращаю свои долги, смертный. Все до единого.

Послышался оглушительный треск, словно лопался толстый лед на озерной поверхности, и Мэб вместе с переводчиком исчезли.

Я стоял на коленях, продолжая трястись от эха ее голоса. Через минуту до меня дошло, что у меня идет носом кровь. Еще через минуту до меня дошло, что кровь сочится и из моих ушей. Глаза болели от напряжения, словно я слишком долго провел на ярком солнечном свете.

Мне потребовалась еще минута, чтобы заставить ноги слушаться меня. После этого я доплелся до ближайшего туалета и умылся. Еще некоторое время я наугад тыкал в свою память в попытке найти в ней дырки, которых там не было раньше. Потом еще несколько минут пытался понять, могу ли я вообще обнаружить, не забрала ли она чего-нибудь еще.

— Господи Иисусе, — выдохнул я, продолжая дрожать.

Ведь при том, что это не я осуществил первое нападение на цитадель Мэб, а когда на нее напал я, то делал это в ее же, Мэб, интересах, факт остается фактом: я нанес ей такое же оскорбление, как Шипастый Намшиил. И испепеляющий гнев, превративший ее голос в острое лезвие, в ближайшем же будущем вполне мог обратиться на меня.

Я встряхнулся и поспешил обратно в кафетерий.

Перспектива поесть — даже при отсутствии аппетита — показалась мне значительно привлекательнее, нежели десять минут назад. Особенно в сравнении с другими перспективами.

* * *

Врач вышел в холл в четверть одиннадцатого вечера. Точнее, в десять семнадцать. Черити поднялась на ноги. Большую часть дня она провела, низко склонив голову, молясь про себя. Слезы у нее иссыкали — по крайней мере, на тот момент — и она обняла дочь, прижав ее к себе.

— Он в реанимации, — сказал врач. — Состояние его... — он вздохнул. Вид он имел не менее усталый, чем мать и дочь Карпентеры. — Насколько это возможно, удовлетворительное. Нет, даже лучше. Я боюсь обещать что-либо, но состояние его, похоже, стабильно, и если в ближайшие час или два с ним не случится никаких осложнений, я думаю, он выкарабкается.

Черити прикусила губу почти до крови. Молли обвила мать руками.

— Спасибо, доктор, — прошептала Черити.

Врач устало улыбнулся.

— Вы должны понимать, что... полученные им травмы весьма серьезны. Маловероятно, чтобы он оправился от них целиком. Вероятны нарушения мозговой деятельности — мы не можем сказать наверняка, пока он не очнется. Но даже если с этим обойдется, достаточно и других травм. Ему необходима будет помощь — возможно, до

конца жизни.

Черити кивнула.

— Он ее получит.

— Конечно, — согласилась Молли.

— Когда я смогу посмотреть на него? — спросила Черити.

— Мы вывезем его через час или два, — ответил врач.

Я кашлянул.

— Прошу прощения, док. Он будет на искусственном дыхании?

— В ближайшее время — да, конечно.

Я кивнул.

— Спасибо.

Доктор кивнул в ответ, и Черити еще раз поблагодарила его. Он ушел.

— Ладно, Кузнечик, — вздохнул я. — Нам с тобой пора.

— Но его же скоро приве... Ох, — плечи у Молли немного поникли. — Искусственные легкие.

— Лучше не рисковать, правда? — спросил я ее.

— Все в порядке, малышка, — тихо произнесла Черити. — Я позвоню домой, как только он очнется.

Они крепко обнялись. Мы с Молли пошли к выходу.

— Ой, — устало вспомнила Молли. — Я ведь сделала то домашнее задание.

Я тоже ощущал себя ужасно усталым.

— Ну?

Она кивнула и устало улыбнулась мне.

— Шарлемань.

* * *

Я позвонил Томасу, и он отвез нас с Молли к Мёрфи домой.

Ночь стояла ясная. Пелену туч отнесло в сторону от города, и луна, звезды и снежный ковер превратили Чикаго в сказочную зимнюю страну на пару месяцев раньше графика. Снегопад, соответственно, прекратился. Я решил, что это Мэб перенесла свое внимание куда-то в другое место. Томас высадил меня на подъезде к Мёрфи, развернулся и повез Кузнечика домой. Последнюю сотню ярдов я проделал на своих двух.

Мёрфи живет в маленьком уютном домике, некогда принадлежавшем ее бабушке. Он одноэтажный, с двумя спальнями, гостиной и маленькой кухней. Он строился для проживания в нем одного человека — ну, максимум, семьи с одним ребенком. В описываемый момент он трещал по швам, с трудом вмещая толпу Стражей. Прибыли подкрепления Люччо.

В маленькой гостиной сидело четверо Стражей, закаленных ветеранов; на кухне — двое новичков, и я не сомневался, что еще как минимум двое дежурят на улице, скрытые завесами. Когда я вошел в дом через кухонную дверь, меня остановил один из новобранцев и потребовал пароль. Я посоветовал ему сделать что-то не совсем приличное, добавил «пожалуйста» и спросил, где мне найти Люччо.

— Сомневаюсь, чтобы это было возможно с анатомической точки зрения, — отозвался юнец с выраженным британским акцентом. Он налил чашку горячего чая и сунул ее мне в руки. — Пейте. Я сообщу ей, что вы здесь.

— Спасибо.

Я сидел за Мёрфиным столом и пил чай. Через несколько минут на кухню вышла Люччо.

— Чендлер, Костикос, будьте добры, оставьте нас двоих.

Юнцы удалились в гостиную — исключительно в качестве вежливого жеста. Мёрфин дом слишком мал для приватного уединения.

Лючко налила себе чашку чая и села за стол напротив меня.

Я ощутил, как мои плечи немного напряглись. Я заставил себя сохранять спокойствие и сделал еще глоток.

— Меня беспокоит, — тихо сказала Лючко, — Архив.

— Ее зовут Ива, — напомнил я.

Она нахмурилась.

— Это... отчасти и поэтому беспокоит, Гарри. Ваша личная близость к ней. Это опасно.

Я удивленно приподнял брови.

— Опасно? Мне грозит опасность, потому что я отношусь к ней как к живому человеку?

Лючко поморщилась, словно в рот ей попало что-то горькое.

— Честно? Да.

Я подумал насчет вежливости и дипломатичности. Нет, честно подумал. Однако думая об этом, я, должно быть, нажал ненароком кнопку, переключавшую мой язык на автопилот, потому что он — язык — заговорил сам собой.

— Это полная фигня, капитан, и вы это прекрасно понимаете.

Ее лицо чуть застыло, так пристально она вглядывалась в меня.

— Правда?

— Да. Она ребенок. Она одинока. Она не компьютерная база данных, и просто бесчеловечно обращаться с ней как с электронным девайсом.

— Да, — ровным голосом сказала она. — Бесчеловечно. И еще это самый безопасный способ общаться с ней.

— Безопасный? — спросил я. — Для кого?

Лючко отхлебнула чай.

— Для всех.

Я хмуро уставился на свою чашку.

— Объясните мне.

Она кивнула.

— Архив... ему много столетий. Он всегда передавался по материнской линии — от матери к дочери. Обычно Архив достается в наследство взрослой женщине старше тридцати, когда умирает ее мать, но уже после того, как она сама в свою очередь родила дочь. Отклонения от этого редки. Часть сопутствующих Архиву инстинктов побуждают его носительниц беречь себя, избегать рискованных ситуаций, угрожающих существованию и Архива, и его носительницы. И с учетом объема знаний, Архиву как правило это удается. А в случае, когда избежать их невозможно, доступная Архиву энергия также гарантирует его выживание. Ранняя смерть носительниц Архива чрезвычайно редка.

— Продолжайте, — буркнул я.

— Когда Архив передается... Гарри, попробуйте представить себе, что вы живете собственной жизнью со всеми ее торжествами и трагедиями — и вдруг вы обнаруживаете у себя второй комплект воспоминаний, по части реальности ни в чем не уступающих вашим собственным. Второй набор переживаний, увлечений, побед, поражений. А потом третий. И четвертый. И пятый. И так далее, почти до бесконечности. Идеальная память, хранящая все воспоминания всех Архивов, живших до вас. Пять тысяч лет, сохраненных вместе.

Я уставился на нее.

— Блин-тарарам. Это же...

— Сводит с ума, — договорила Лючко. — Да. Как правило, так и случается. Вот вам причина, по которой исторические записи, касающиеся прорицательниц и пророчиц рисуют их сумасшедшими. Пифии и многие, многие другие были в жизни Архивом, и они пытались использовать обширные знания прошлого для того, чтобы предсказать наиболее вероятное будущее.

— В качестве защиты от подобного отношения Архивы начали дистанцироваться от остальных людей. В эмоциональном отношении. Они рассудили, что если смогут перестать

добавлять к грузу знаний опыт собственных переживаний, собственных страстей, это положительно скажется на их функционировании. И так оно и оказалось. Архив не случайно держится эмоционально отстраненно: иначе страсти, и предубеждения, и ненависть, и ревность тысяч жизней могут сконцентрироваться в одном носителе.

— В нормальной ситуации собственный житейский опыт будущей носительницы Архива служит хорошей изоляцией от чужих эмоций и воспоминаний, солидной основой для противопоставления себя им.

До меня вдруг дошло.

— Но у Ивы его нет.

— У Ивы его нет, — согласилась Лючко. — Ее бабка погибла в результате глупого несчастного случая — если не ошибаюсь, автокатастрофы. Ее матери исполнилось тогда семнадцать лет, она была влюблена и ждала ребенка. Она возненавидела мать за то, что та погибла и обрекла на проклятие носить Архив, когда она хотела жить собственной жизнью — и она возненавидела ребенка за то, что той предстояла свободная жизнь. Мать Ивы покончила с собой, чтобы не становиться носительницей Архива.

Мне сделалось немного дурно.

— И Ива это знает.

— Знает. Знает и чувствует. Она родилась, абсолютно точно зная, как ее мать относилась к ней.

— Оттуда вам известно о ее... — я нахмурился, размышляя. — Кинкейд, — предположил я. — Девушка была влюблена в Кинкейда.

— Нет, — мотнула головой Лючко. — Но Кинкейд работал тогда на бабуку Ивы, и девушка делилась с ним своими переживаниями.

— Черт, как все запутано, — заметил я.

— Ива всю свою жизнь оставалась отрешенной, — продолжала Лючко. — Если она начнет вовлекать в свои обязанности как Архива — даже просто в свою жизнь — эмоции, переживания, это чревато серьезным риском. Переживания, страсти могут захлестнуть ее, а справляться с ними она не умеет — ей просто неоткуда знать, как.

— Вы боитесь, она может выйти из-под контроля.

Архив создавался как сугубо нейтральная сила. Как хранилище знаний. Что, если уникальные обстоятельства, в которых оказалась Ива, помогут ей игнорировать эти ограничения? Представьте себе результаты, к которым могут привести злость, горечь и желание отомстить за все те жизни, помноженные на мощь Архива и непосредственность двенадцатилетнего ребенка.

— Даже пробовать не хочется, — тихо признался я.

— Вот и мне тоже, — кивнула Лючко. — Это было бы настоящим кошмаром. Все эти знания, лишённые сдерживающего их рассудка. У некроманта Кеммлера имелся подобный дух, своего рода миниатюрная версия Архива. Не такой мощный, конечно, но он служил многим поколениям чародеев, набираясь от них знаний, и вещи, на которые он был способен, устрашали, — она тряхнула головой.

Я отхлебнул чая, иначе мой судорожный глоток мог вызвать у нее подозрения. Она говорила про Боба. И она не ошибалась, говоря о том, на что Боб способен. Когда я раз высвободил личность, в которую он превращался у некоторых из его прежних владельцев, он едва не убил меня.

— Разумеется, Стражи уничтожили его, — добавила она.

Вовсе нет. Джастин ДюМорн, бывший Страж, не стал уничтожать череп. Он тайком вынес его из лаборатории Кеммлера и хранил у себя — пока я не сжег его и в свою очередь не забрал череп себе.

— Слишком много силы и слишком мало контроля — вот что представлял себе этот мини-архив Кеммлера. И вполне вероятно, Архив может превратиться в подобную же угрозу, только гораздо больших масштабов. Я знаю, вы переживаете за девочку, Гарри. Но я обязана предупредить вас. Возможно, вы оказываете ей плохую услугу, изображая из себя ее

друга.

— Кто изображает? — возмутился я. — И где она?

— Мы держали ее спящей, — ответила Лючко, — до вашего или Кинкейда возвращения.

— Я понял, — заявил я. — Вы считаете, я не должен сближаться с ней. Но вы беспокоитесь о том, что может случиться, когда вы разбудите ее, а она проснется в страхе и смятении.

Щеки Лючко порозовели, и она отвернулась.

— У меня нет готовых ответов, Дрезден. Я просто беспокоюсь.

Я вздохнул.

— Как бы то ни было, — сказал я. — Пустите меня повидаться с ней.

Лючко отвела меня в Мёрфину гостевую спальню. Ива казалась ужасно маленькой в двуспальной кровати. Я присел на край кровати, а Лючко, наклонившись, положила руку Иве на лоб. Потом пробормотала что-то и убрала руку.

Ива негромко всхлипнула и, моргнув, открыла глаза. Дыхание ее сделалось частым-частым. Она дико оглядывалась по сторонам, потом вскрикнула.

— Ш-шшш, тише, — мягко произнес я. — Все в порядке, Ива. Ты в безопасности.

Она заплакала и крепко прижалась ко мне.

Я обнял ее. Она плакала и плакала, а я обнимал ее, покачивая.

Лючко сочувственно смотрела на меня.

Прошло довольно много времени.

— Я получила ваше письмо, — прошептала, наконец, Ива. — Спасибо.

Я сжал ее чуть сильнее.

— Они делали со мной всякие штуки, — сказала она.

— Я знаю, — тихо отозвался я. — Я попадал к ним в руки. Но я выздоровел через некоторое время. И ты выздоровеешь. Все прошло.

Она обняла меня крепче и плакала, пока не уснула.

Я посмотрел на Лючко.

— Вы все еще хотите, чтобы я отталкивал ее от себя? Чтобы основой ее было то, что объединяет ее с этими тварями?

Лючко нахмурилась.

— Совет Старейшин...

— Не способен найти сердце, даже вооружившись «Анатомией» Грея, рентгеном и стетоскопом, — сказал я. — Нет. Они могут устанавливать законы, касающиеся магии. Но они не будут диктовать мне, с кем дружить, а с кем нет.

Долгую секунду она молча смотрела на меня, потом губы ее изогнулись в легкой улыбке.

— Морган предупреждал их, что вы так и скажете. И МакКой, и Слушающий-Ветер. Мерлин не желал этого слышать.

— Мерлин не желает слышать ничего, что не укладывается в его картину мира, — сказал я. — Японский.

— Простите?

— Японский. Есть тут недалеко один японский ресторанчик, куда я захожу иногда отметить что-нибудь знаменательное. Выживание в этой заварухе вполне заслуживает, чтобы его отметить. Приглашаю отобедать со мной завтра. Теряки там — помереть можно.

Она улыбнулась еще шире и коротко кивнула.

Дверь отворилась, и вошли Мёрфи с Кинкейдом. Кинкейд перемещался самостоятельно, хотя и с опаской, с помощью костыля. Я убрался с дороги, и он, проковыляв к кровати, сел на мое место. На этот раз она достаточно проснулась, чтобы прошептать что-то насчет печенок и «Хэппи-Мил». Он вытянулся на кровати рядом с ней, и она, прижавшись к его руке, снова заснула. Кинкейд, и сам явно утомленный до изнеможения, достал пистолет, снял его с предохранителя, положил себе на грудь и тоже уснул.

— Как мило, — прошептал я Мёрфи. — У него плюшевый «Глок».

Она смотрела на Кинкейда и Иву со странным выражением на лице. Потом покачала головой и повернулась ко мне, словно не слышала моих слов.

— Ммм. Да, ха. Очень смешно. Кстати, я попросила откопать твою тачку из-под снега. Я устался на нее.

— Спасибо.

— Ключи у тебя с собой?

— Угу.

— Могу подбросить до нее, — предложила она.

— Клево.

Мы вышли.

— Мне нравится Люччо, — заявила Мёрфи, когда мы сели в ее машину и тронулись с места.

— Угу?

— Но она тебе совсем не подходит.

— Так-так, — хмыкнул я.

— Вы с ней принадлежите разным мирам. И она твой босс. Тебе придется держать что-то в тайне от нее. Это здорово осложняет жизнь. Ну, и потом еще что-нибудь может всплыть.

— Постой-ка, — сказал я и сделал вид, будто прочищаю уши. — Ладно, валяй дальше. Потому что на секунду мне показалось, будто ты даешь мне советы, как выстраивать с ней интимные отношения.

Мёрфи, прищурившись, покосилась на меня.

— Не обижайся, Дрезден, но если ты хочешь помериться общей протяженностью хороших отношений и плохих, я обставлю тебя по обеим категориям.

— Туше, — произнес я. Довольно кисло произнес. — Кинкейд прямо идеальный папочка, правда?

— Ох, да ну тебя, — насупилась Мёрфи. — Как Майкл?

— Выкарабкается, — ответил я. — Хотя его здорово покорежило. Не знаю, насколько подвижен он будет после всего этого.

Мёрфи прикусила губу.

— Что будет, если он не сможет... заниматься дальше этим своим рыцарским бизнесом?

Я покачал головой.

— Представления не имею.

— Я просто... мне казалось, принять один из этих мечей — это не та работа, от которой можно отказаться.

Я уставился на Мёрфи.

— Нет, Мерф. Тут не может быть никакого обязалова, никаких принудительных жертвоприношений. Ты всегда вольна в выборе. Это... на этом основана вера, если я ее правильно понимаю.

Некоторое время она молча переваривала это.

— Это не потому, что я не верую, — сказала она, наконец.

— Я знаю, — сказал я.

Она кивнула.

— Понимаешь, Гарри, это не потому, что это не для меня. Просто я уже выбрала себе дорогу. Я принесла присягу. Это для меня важнее, чем любая новая работа.

— Я знаю, — повторил я. — Если бы ты была не та, какая ты есть, Мёрф, Меч Веры не реагировал бы на тебя так сильно, как он это сделал. И уж если это ясно даже такому толстокожему чурбану, как я, мне кажется, Всевышний тоже мог бы это понять.

Она фыркнула и слабо улыбнулась мне. Остаток пути мы ехали молча.

— Гарри, — произнесла она, остановив машину рядом с откопанным из-под сугроба Голубым Жучком. — Тебе никогда не кажется, что мы так и состаримся одинокими? Что

мы... ну, не знаю... обречены не иметь никого? В смысле, надолго?

Я сжал и разжал пальцы обожженной левой руки, потом пальцы правой, которые все еще покалывало немного.

— Меня гораздо больше беспокоят вещи, от которых я никогда не избавлюсь, — я внимательно посмотрел на нее. — Что это навело тебя на такую жизнерадостную тему?

Она слабо улыбнулась мне.

— Просто... Как-то все разваливается, Гарри. Я не вижу этого, и я не могу доказать этого, но я *знаю* это, — она тряхнула головой. — Может, это у меня просто крыша едет.

Я продолжал смотреть на нее, нахмурившись.

— Нет, Мёрф. Не едет.

— Какие-то пакости происходят, — сказала она.

— Угу. И мне тоже не удастся собрать все части мозаики. Пока не удастся. Но вчера ночью мы обломали кое-кого из нехороших парней. Они пытались дорваться до Архива, используя для этого динарианцев.

— Чего они добивались?

— Не знаю, — признался я. — Но наверняка чего-то очень и очень плохого.

— Я хочу биться в этой войне, Гарри.

— О'кей.

— До самого конца. Обещай мне.

— Заметано, — я протянул ей руку.

Она пожала ее.

* * *

Отец Фортхилл уже спал, когда я заглянул к нему в церковь, но мне отворил дверь Саня. Вид он имел усталый и помятый, но улыбался.

— Майкл очнулся и говорил.

— Вот это здорово, — с облегчением улыбнулся я. — Что он сказал?

— Хотел знать, удалось ли вам благополучно выбраться. Потом снова уснул.

Я рассмеялся, и мы с Саней обнялись — по-мужски, хлопая друг друга по спине. Правда, он немного испортил это дурацкой русской привычкой лобызать в обе щеки.

— Заходите, заходите, — сказал он. — Извините, что тормозил вас раньше. Мы просто хотели побыстрее собрать монеты обратно и сложить их в безопасное место.

— У меня их нет, — выдохнул я.

Улыбка исчезла с его лица.

— Как?

Я рассказал ему про Шипастого Намшиила.

Саня выругался по-русски и почесал щетину.

— Идем, — махнул он рукой.

Через залы и прочие помещения для прихожан мы прошли в служебную часть огромной церкви и оказались на кухне. Саня подошел к холодильнику, открыл его и достал бутылку бурбона. Он налил немного в кофейную чашку, выпил и налил еще. Потом протянул мне бутылку.

— Нет, спасибо. А разве вам не положено пить водку?

— А разве вам не положено носить остроконечный колпак и летать на метле?

— Туше, — хмыкнул я.

Саня тряхнул головой и принялся загибать пальцы.

— Одиннадцать. Плюс шесть. Семнадцать. Могло быть и хуже.

— Но мы пришили Намшиила Колючего, — возразил я. — И Старший Бебека разделал Магога под орех. Завтра принесу его монету.

В глазах у Сани зажглось мстительное удовлетворение — вспыхнуло и тут же погасло.

— Магог? Славно. Но не Намшиил. Нет.

— Что значит «нет»? Я своими глазами видел, как Майкл отрубил ему руку и сунул к себе в сумку.

— Да, — кивнул Саня. — И монета находилась под кожей его правой руки. Но ее не оказалось в сумке, когда его привезли в больницу.

— Чего?

Саня кивнул.

— Мы еще в вертолете сняли его доспехи и прочее, чтобы остановить кровотечение. Возможно, она упала в озеро.

Я фыркнул.

Он поморщился и кивнул.

— Да, я понимаю. Такое не случается само собой.

Я вздохнул.

— Марконе. Я разберусь.

— Вы уверены?

— Угу. Я знаю эту братию. Поеду, пообщаюсь с ними прямо сейчас. Хотя давно уже не терпится добраться домой, — я с трудом оторвался от тумбы, на которую опирался. — Что ж, всего одно дело осталось, да?

— Два, — сказал Саня. Он вышел и через минуту вернулся.

Он нес «Амораккиус» в ножнах. Он протянул его мне.

Я заломил бровь.

— Инструкции, — сказал Саня. — Я должен отдать его вам, и вы бу...

— Буду знать, кому его вручить, — буркнул я и задрал голову к потолку. — То-то сейчас кое-кто смеется надо мной, — я немного повысил голос. — Я не *обязан* этого делать! Слышишь? Я вольный человек! Вот бы Ты сам прыгал в озеро — я бы на Тебя посмотрел!

Саня молча протягивал мне меч.

Я вырвал меч из его рук и, чертыхаясь себе под нос, поковылял обратно к моему «Фольксвагену». Я швырнул меч на задний диван.

— Можно подумать, у меня своих проблем не хватает, — буркнул я, захлопывая пассажирскую дверь и обходя машину к водительской. — Нет, теперь мне еще и этот гребаный Экскалбур с собой таскать. Неизвестно, до каких пор, — я захлопнул дверь, и потрепанный томик «Двух Твердынь», который оставил мне Уриил, и который я сунул в карман ветровки, впился мне в бок.

Я нахмурился и вытащил его из кармана. Он раскрылся на титульном листе, на котором ровным почерком было написано:

Награда за работу, хорошо выполненную — еще больше работы.

— Вот уж верно так верно, — буркнул я, сунул книгу обратно в карман и вырулил на улицу.

* * *

Потребовались телефонный разговор и час на подготовку, но Марконе встретил меня в своем офисе этажом выше «Превыше Всего». Держа в руках меч, я вошел и обнаружил в кабинете Марконе и Хендрикса. Обстановку его я бы назвал спартанской. Марконе явно въехал в него совсем недавно, и напоминал он, скорее, кабинет институтского профессора, чем криминального гения.

Я с ходу взял быка за рога.

— Кто-то подставляет людей, которые спасли вам жизнь, и я этого не потерплю.

Марконе удивленно приподнял брови.

— Объясните, пожалуйста.

Я рассказал ему про Намшиила Колючего и монету.

— У меня ее нет, — заявил Марконе.

— А у кого-нибудь из ваших людей? — спросил я.

Он нахмурился. Потом откинулся на спинку кресла и положил руки на подлокотники, сцепив пальцы перед собой.

— Где Гард? — спросил я.

— Отчитывается перед своим начальством, — пробормотал он. — Я наведу справки.

Интересно, подумал я, лжет ли мне Марконе. Вообще-то это не в его привычках, но из этого следует, что если уж он лжет, то делает это предельно эффективно. Интересно также, говорит ли он правду. Если так, значит, «Монок Секьюритиз», возможно, только что заполучила собственного Падшего ангела и эксперта по теории и практике магии.

— Девочка, — произнес Марконе. — С ней все в порядке?

— Она в безопасности, — ответил я. — Она с людьми, которые о ней заботятся.

Он кивнул.

— Хорошо. У вас больше ничего ко мне?

— Нет, — сказал я.

— Тогда вам стоило бы отдохнуть, — посоветовал Марконе. — Вид у вас, — уголки его рта чуть вздернулись вверх, — как у енота. Перееханного локомотивом.

— Следующий раз оставлю вас с вашей хитрозадостью на острове, — хмуро буркнул я и вышел.

Я совсем было собрался выходить на улицу, но решил нанести еще один визит.

Мадам Деметра сидела у себя в кабинете, одетая по обыкновению стильно.

— Здравствуйте, мистер Дрезден, — произнесла она, отодвигая от себя аккуратную стопку папок. — Я довольно занята. Надеюсь, это не отнимет много времени.

— Нет, — заверил ее я. — Я только хотел поделиться с вами одной теорией.

— Теорией?

— Угу. Видите ли, во всей этой свистопляске с возбуждением, и взрывами, и прочей демонической кутерьмой все забыли одну маленькую деталь.

Пальцы ее замерли.

— Кто-то выдал динарианцам местонахождение тайного убежища Марконе. Кто-то из близких к нему людей. Кто-то, знающий многие из его секретов. Кто-то, обладающий серьезным поводом желать ему зла.

Деметра повернула голову в мою сторону и прищурилась.

— Многие мужчины разговорчивы с женщинами, с которыми они спят, — сообщил я. — Это давняя истина. И это давало бы вам отличный повод сблизиться с ним.

— Он мало отличается от большинства мужчин, — тихо произнесла Деметра.

— Я знаю, что у вас в ящике стола лежит пистолет, — сказал я ей. — Не пытайтесь взять его.

— Почему? — удивилась она.

— Потому, что я не собираюсь выдавать вас Марконе.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Я могу обращаться к вам время от времени за информацией. Если вы смогли бы помогать мне, не ставя при этом под угрозу себя, я принял бы эту помощь с благодарностью. Так или иначе, это не повлияет на то, скажу я Марконе о вас или нет.

Взгляд ее сощурился еще сильнее.

— Почему нет?

— Может, мне хотелось бы увидеть когда-нибудь его падение, — ответил я. — Но прежде всего потому, что это не мое чертово дело. Я просто хочу, чтобы вы знали, что мне известно об этих ваших штучках. На этот раз он, возможно, и не догадается. В его организации у него и без вас подозреваемых хватает — и я, право же, удивлюсь, если вы еще не сообразили, что задумал толстяк Торелли.

Деметра одарила меня ледяной улыбкой.

— Только не будьте слишком уж самоуверенны. Еще один такой же очевидный ход, и он все поймет. И тогда вы исчезнете.

Деметра чуть хрипло рассмеялась и закрыла шкаф.

— Я исчезла много лет назад, — она спокойно посмотрела на меня. — Так вы пришли по делу, мистер Дрезден?

Ну да, в этом доме всегда полно очень... очень спортивных девиц, которые с радостью, скажем так, возьмутся поднять мне тонус. И мой тонус давал понять, что он не против, чтобы его поднимали. Остальная часть тела, однако, утверждала, что хороший обед и двухнедельный сон гораздо приятнее. И, подумав хорошенько, остальная часть меня решила, что с каждым моим визитом это место становится все более красивым и более зловещим.

— У меня все, — ответил я и ушел.

* * *

Приехав домой, я не смог уснуть.

Наконец-то у меня образовалось достаточно свободного времени, чтобы задуматься, что же, черт подери, не так с моей правой рукой.

Я спустился в лабораторию и, покачивая висевший над столом пакет выдохшейся кошачьей мяты, посвятил Боба в события нескольких последних дней.

— Ух ты, — сказал Боб. — Огонь Души. Ты уверен, что он так и сказал, «Огонь Души»?

— Угу, — устало подтвердил я. — А что?

— Ну, — ответил череп. — Огонь Души — это... собственно, это почти Адский Огонь. Только из другого места.

— Райский Огонь?

— Ну, — задумался Боб. — Да. И нет. Адский Огонь — это такая штука, которой ты пользуешься, чтобы уничтожить. Огонь Души используется противоположным образом — для созидания. Понимаешь, в основе своей то, что ты делаешь, сводится к тому, что ты берешь частицу своей души и используешь ее в качестве матрицы для своей магии.

Я зажмурился.

— Чего?

— Это вроде как арматура в железобетоне, — пояснил Боб. — Ты берешь матрицу или арматуру, заливаешь все бетоном, и прочность их вместе взятых на порядок больше, чем они были бы по отдельности. Ты способен делать такие вещи, которых ни за что не смог бы сделать только с арматурой или только с бетоном.

— И я делаю это со своей *душой*? — спросил я.

— Да ладно тебе, Гарри. Что вы, смертные, так кипятитесь из-за ваших бесценных душ? Ты ведь никогда не видел своей души, не щупал ее, никогда не делал ничего с ней. Тогда из-за чего такой шум?

— То есть, ты хочешь сказать, что эта ручища была сделана из моей души?

— Из сплава твоей души и твоей магии, ага, — подтвердил Боб. — Твоя душа преобразовалась в энергию. В Огонь Души. В этом конкретном случае в энергию, почерпнутую из твоей ауры... из ауры твоей правой руки. Твое стандартное силовое заклятие формировалось на основе матрицы Огня Души, и то, что обычно выделялось в виде разового выброса энергии, превратилось в более долговременное образование, способное подчиняться твоим командам. Не мощнее обычного силового заклятия, но сложнее.

Я пошевелил зудящими пальцами.

— Ясно. Но душа-то моя восстановится, правда?

— Само собой, — заверил меня Боб. — Через несколько дней... неделю, максимум две. Все зарастет. Ступай и развлекайся, получай удовольствие, делай что-нибудь такое, что полезно для души — и все восстановится еще быстрее.

Я хмыкнул.

— Выходит, ты говоришь, этот Огонь Души не открывает у меня никаких новых способностей? Он просто делает меня более тем, кто я уже есть.

— Гораздо более, — жизнерадостно кивнул Боб со своей полки. — Именно так делают все свои штуки ангелы. Хотя надо признать, ресурсы у их душ побольше, чем у тебя.

— Я думал, у ангелов нет душ, — заметил я.

— Я же сказал, люди почему-то слишком возбуждаются при использовании этого слова, — ответил Боб. — У ангелов, скажем так, кроме души вообще *ничего* больше нет.

— Ого. А что случится, если, гм... ну, ты понимаешь. Если они используют слишком много ее?

— Сколько будет пять минус пять, Гарри?

— Ноль.

— Верно. Подумай над этим немного. Уверен, ты придешь к правильному выводу.

— Это плохо?

— Видишь? Ты не безнадёжен, — заявил Боб. — И кстати, ба! У тебя же новый магический меч на хранении? Мерлин сдох бы от зависти: ему-то только за одним пришлось следить! И работать на деле вместе с Уриилом! Ты растешь как профессионал, Гарри!

— Я мало чего слышал про Уриила, — признался я. — То есть, я знаю, конечно, что он архангел, но...

— Он... он из ветхозаветных, — сообщил Боб. — Помнишь парня, который перебил перворожденных детей Египта? Это он. Насчет остального... ну, все больше подозрения, догадки. И он не из тех, кто любит похвалиться. Он не мастер много говорить, понимаешь?

— Райский призрак, — сказал я. — И Мэб в восторге от его стиля.

— И он оказал *тебе* услугу! — радостно добавил Боб. — Это наверняка к лучшему!

Я опустил голову на стол и вздохнул.

Однако после этого я все-таки сумел подняться в спальню и выспаться по-настоящему.

* * *

Я всегда люблю эти вулканически-луковые штуки, которые готовят в японских ресторанах. И я, и другие семилетки за столом. Еще я умею ловить ртом креветок, которых повар подбрасывает в воздух кончиком ножа. Я проделал это так здорово, что он метнул в меня еще две креветки разом, обеими руками, и я поймал их обеих, заслужив аплодисменты сидевших за столом и искренний, от души смех Анастасии.

Мы замечательно пообедали и задержались за столом, когда все остальные уже ушли.

— Могу я спросить вашего совета по одному вопросу? — спросил я у нее.

— Разумеется.

Я рассказал ей про свои приключения на острове и про неестественное ощущение того, что все там мне знакомо.

— Ах, это? — сказала Анастасия. — Это у вас Видение созревает. Только и всего.

Я зажмурился.

— Э... Чего?

— Видение, — спокойно повторила она. У каждого чародея по мере взросления развиваются способности к ясновидению. Мне кажется, это как раз они проклюнулись у вас, вот вы и узнали место, которое может в будущем сыграть в вашей жизни более или менее важную роль.

— Это что, происходит со всеми? — недоверчиво спросил я.

— Со всеми чародеями, — с улыбкой ответила она. — Да.

— Тогда почему я о таком даже *не слышал*?

— Потому что молодые чародеи в ожидании открытия своего Видения имеют неприятную привычку игнорировать неудобные для них факты, наклеивая на них этикетку «Видение». У них в пророчество превращается практически все. Это безумно раздражает, и лучший способ избежать этого — держать это свойство в тайне, пока они сами его не откроют.

Я обдумал эту информацию.

— Значит, говорите, важную роль в моей будущей жизни?

— Вполне вероятно, — кивнула она. — Конечно, к информации, полученной в результате ясновидения, надо относиться с исключительной осторожностью — однако в этом случае ясно, что с этим островом связано больше, чем видно простым глазом. На вашем месте я бы присматривала за ним — осторожно.

— Спасибо, — серьезно произнес я. — Я имею в виду, за совет.

— Он мне недорого обошелся, — с улыбкой сказала она. — Можно мне в свою очередь спросить вас кое о чем?

— Ответ за ответ, все по справедливости.

— Вы меня удивили, Гарри. Мне всегда казалось, что вы интересуетесь Кэррин.

Я пожал плечами.

— С расчетом времени не задалось. Вечно у нас графики не совпадали.

— Но вы за нее переживаете.

— Конечно, — ответил я. — Хотя бы потому, что мы с ней вместе пережили не одну и не две переделки.

— Что ж, — кивнула Анастасия, глядя на меня в упор. — Это можно понять.

Я склонил голову набок и вгляделся в ее лицо.

— Но почему вы спрашиваете меня про другую женщину.

Она улыбнулась.

— Я хотела понять, зачем вы здесь.

Я пригнулся к ней, осторожно приподнял ее подбородок пальцами правой руки и мягко поцеловал в губы. Она отозвалась на поцелуй, медленно прижавшись своим ртом к моему.

Я оторвался от ее губ через несколько секунд после того, как поцелуй сделался неподобающе долгим для общественного заведения.

— Потому, что это полезно для души.

— Отличный ответ, — прошептала она, широко раскрыв глаза. — Ответ, который, возможно, достоин дальнейшего исследования.

Я встал, придержал ее стул за спинку и помог ей надеть пальто.

Оставшаяся часть ночи на поверку тоже оказалась полезна для души.